

Ж.Т. Тощенко

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНИ

УДК 316.3/.62
ББК 60.524
Т64

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-14026г*

*Рекомендовано к изданию Научно-исследовательским институтом
образования и науки в качестве монографии*

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Тощенко, Жан Терентьевич.

Т64 Социология жизни: монография / Ж.Т. Тощенко.

Обосновывается возможность анализа общественных явлений и процессов с позиций новой теоретической концепции — социологии жизни. В ее основе лежит представление о жизненном мире, образуемом триединством таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей, которые реализуются в условиях макро-, мезо- и микромира.

Анализируются генезис идей социологии жизни, ее объект и предмет, понятийный аппарат, структура и уровни социологического знания. Особое внимание уделяется ранее практически не используемому в социологии понятию «смысл жизни», которое позволяет глубже проникнуть в жизненный мир людей, точнее описать и интерпретировать анализируемые социальные проблемы для получения надежной достоверной и ориентированной на практику информации. На этой основе дается описание многообразия жизненного мира, его позитивных и негативных характеристик.

Для исследователей социально-экономических, социально-политических и социально-духовных проблем, преподавателей общественных дисциплин, аспирантов и студентов, для всех интересующихся социальными проблемами развития общества.

ББК 60.524

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава 1. Парадигмы как методологические стратегии социологии

- 1.1. Общая характеристика парадигм в социологии
- 1.2. Социологический реализм
- 1.3. Социологический номинализм
- 1.4. Конструктивистская парадигма как новаторская методологическая стратегия

Литература

Глава 2. Эволюция идей социологии жизни

- 2.1. Исторический экскурс: возникновение социологии как науки
- 2.2. Философия жизни как предтеча идей социологии жизни
- 2.3. Роль феноменологической социологии в обосновании человеческого измерения жизни
- 2.4. Отечественные (русские) предшественники социологии жизни

Литература

Глава 3. Гражданское общество как объект социологии жизни

- 3.1. Генезис идей об обществе
- 3.2. Основные характеристики гражданского общества как объекта социологии

Литература

Глава 4. Предмет социологии: жизненный мир, его структура и основные индикаторы

- 4.1. Генезис интерпретаций предмета социологии жизни

- 4.2. Жизненный мир как синергетическая характеристика предмета социологии жизни
- 4.2.1. Реально сознание как сущностная характеристика жизненного мира
- 4.2.2. Поведение и деятельность как реализация форм и видов общественного сознания
- 4.2.3. Социальная среда как условие реализации сознания, поведения и деятельности

Литература

Глава 5. Основные категории и понятия социологии жизни

- 5.1. Общая характеристика роли понятийного аппарата социологии
- 5.2. Категории социальных наук и социологии жизни
- 5.3. Понятия социологии (логическая структура)
- 5.4. Понятия социологии жизни (структура содержания)
- 5.4.1. Содержание и основные характеристики (структурные индикаторы) жизненного мира
- 5.4.2. Основные характеристики эмпирических показателей жизненного мира
- 5.4.3. Обобщающие (синтезирующие), структурообразующие и специфические понятия
- 5.4.4. Понятия, отражающие особые виды сознания и поведения

Литература

Глава 6. Смыслы как ключевая, качественная и сущностная характеристика жизненного мира

- 6.1. Эволюция идей
- 6.2. Социологическая трактовка смысла
- 6.3. Основные характеристики смысла жизни
- 6.4. К вопросу о классификации смыслов жизни
- 6.5. Главные смыслы современного жизненного мира россиян
- 6.6. Смыслы сознания и поведения экономического человека
- 6.7. Смыслы жизненного мира политического человека
- 6.8. Смыслы жизненного мира социального человека
- 6.9. Смыслы жизни человека в духовно-культурной сфере

Литература

Глава 7. Структура социологического знания

- 7.1. Базовые принципы структуризации социологического знания
- 7.2. Теоретическая и эмпирическая социология

7.3. Фундаментальная и прикладная социология

7.4. Макро- и микросоциология

Литература

Глава 8. Уровни социологического знания

8.1. Общая характеристика

8.2. Общесоциологические теории

8.2.1. Теории, базирующиеся на принципах социологического реализма

8.2.2. Теории социологического номинализма

8.2.3. Теории конструктивизма

8.3. Системные (отраслевые) социологические теории с позиций социологии жизни

8.3.1. Экономическая социология

8.3.2. Социология социальной сферы общества

8.3.3. Политическая социология

8.3.4. Социология духовной сферы

8.4. Специальные социологические теории

8.5. Вспомогательные социологические концепции

Литература

Глава 9. Жизненный мир и его деформации

9.1. Парадоксальный человек: феномен современности

9.1.1. Что такое парадоксы?

9.1.2. Причины парадоксального сознания и поведения

9.2. Кентавр-проблема в познании и преобразующей деятельности человека

9.2.1. Сущностные характеристики кентавризма

9.2.2. О типологии социальных кентавр-проблем

9.3. Фантомы: лица и процессы

9.3.1. Что такое фантом?

9.3.2. Типы (формы) фантомов

9.3.3. Основные черты фантомных типов личности

Литература

Глава 10. Эволюция функций в современной социологии

10.1. Особенности теоретико-познавательной функции социологии жизни

10.2. Социальная проблема суть управленческой функции социологии жизни

10.3. Публичная социология как функция социологии жизни

10.4. Прогностическая функция социологии жизни

Литература

Глава 11. Социология жизни в структуре социального знания

11.1. О статусе социологического знания

11.2. Социология и философское знание

11.3. Социологическое и историческое (по)знание

11.4. Взаимодействие социологического и экономического знания

11.5. Социология жизни и взаимосвязь с политическим знанием

11.6. Социологическое и правовое знание: истоки взаимовлияния и продолжение традиций

11.7. Социологическое и социально-психологическое знание: /взаимодополнение

11.8. Социология жизни и культурология: точки соприкосновения

Литература

Вместо заключения

Именной указатель (будет составлен на основе верстки)

ВВЕДЕНИЕ

В 1991 г. мною была опубликована статья «Возможна ли новая парадигма социологического знания?» (Социологические исследования, 1991, № 6). Эта статья, по сути, была попыткой переосмыслить накопленный опыт в отечественной и мировой теоретической социологии с ее многочисленными вариантами, дать определение социологической науке, ее объекту и предмету, структуре и уровням социологического знания и другим основополагающим проблемам, составившим основу и базу социологии как науки.

В формировании нового взгляда на сущность и содержание социологической науки немалое значение имел личный, к тому времени четвертьвековой, профессиональный опыт реализации эмпирических исследований, осмысление результатов которых потребовало как различных теоретических трактовок роли и значения социологии, так и остро стоящих задач анализа полученных результатов с позиций прикладных, управленческих решений в тесной увязке с научным багажом социологии. Особую роль на этом пути сыграли проведенные в 1980-е гг. общесоюзные репрезентативные исследования общественного (экономического, политического, нравственного, исторического) сознания, которые позволили вычленить ключевые позиции в трактовке теоретико-методологических позиций, составившие основу будущей теоретической концепции — социологии жизни. Именно эти годы характеризуются появлением новых идей, обсуждаемых в мировой и отечественной социологии, новой (и что особенно важно — мониторинговой) информации, а также результатов научных дискуссий, полемики, прошедших в конце XX в. За это время социология столкнулась как с феноменами, не укладывающимися в ранее признанную картину социальной реальности, что потребовало их осмысления, интерпретации и использования в теории и практике, так и с неадекватностью научно-познавательных средств, а скорее с тем и другим одновременно.

Если обобщить то главное, основное, что связано с принципиальной позицией автора, которая прошла длительную апробацию, — это утверждение *трактовки социологии как социологии жизни*. Утвер-

ждение основано на том, что *предметом практически всех исследований в современной социологии было, есть и, уверен, будет изучение состояния и тенденций изменения жизненного мира, воплощенного в реально функционирующем общественном сознании, в реальном деятельностном поведении в условиях определенной социальной среды.* Изучение этих феноменов — *общественного сознания, поведения и среды* — является той реальностью, из которой состоит социальная жизнь общества, жизненный мир всех его субъектов — людей и образуемых ими классов, социальных групп и общностей, социальных сетей, организаций, институтов — во всей сложности их взаимодействия и взаимосвязи. Без человека, без его социальной сущности, опосредованных объективными условиями существования, нет общества. Именно этот подход составляет базу и основу социологии как социологии жизни.

В настоящей монографии рассматриваются и другие подходы, существующие в мировой и отечественной социологии. Но если разобраться по существу, человековедческая направленность в тесной увязке с объективной действительностью все больше и больше пробиравает себе дорогу среди многих течений социологической мысли. Это усиление интереса к человеку как ключевому элементу предмета социологии, как предпосылке исследования социальной реальности во всем ее многообразии проявилось в трудах ведущих социологов современного мира — Дж. Александера, П. Бурдьё, З. Баумана, Э. Гидденса, А. Турена, П. Штомпки и др. Следует отметить, что в истории русской социологической мысли (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Е.В. Де Роберти, Я.А. Новиков, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев и др.), а затем и в российской (советской) (Ю.В. Арутюнян, М.К. Горшков, Л.Н. Коган, Н.Н. Козлова, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада и др.) всегда ярко проявлялось внимание к человеку, личности, индивиду, чье поведение вполне и оправданно считалось воплощением социальности, реальной жизни. Автор исходит из того, что развитие социологии в мире и в России сущностно идет аналогичным путем.

Принципиальной особенностью концепции социологии жизни является трактовка объекта современной социологии как гражданского общества и предмета социологии как жизненного мира, содержание которого определяют общественное сознание и поведение (деятельности) в конкретно-исторических условиях. Социальная жизнь человека начинается с осознания окружающих его реалий (через знания, потребности, мотивы, ценностные ориентации, интересы), выработки определенных установок и претворения их на практике с уче-

том объективных условий глобального и конкретного характера. Нами предлагается взгляд — анализ общественного развития через призму реальной жизни и реальных практик с учетом прошлого, исторического опыта. Еще раз подчеркнем — социология в своей значительной части сущностно обращена к человеку, к взаимодействию с себе подобными, к его общественной природе, к его жизненному миру во всем его социальном и индивидуальном многообразии.

Монография открывается кратким анализом существующих в социологии парадигм как основы методологических стратегий по исследованию социальной реальности, социального мира. Особое внимание уделяется генезису идей социологии жизни, обоснованию объекта и предмета социологии жизни и связанной с ними характеристикой категориального и понятийного аппарата.

Автор счел необходимым продолжить разговор о так и незавершенной дискуссии о структуре социологического знания, в связи с чем он предлагает подойти к ее анализу с позиций, предполагающих несколько исходных базовых основ для классификации — как теоретической и эмпирической, фундаментальной и прикладной, макро- и микросоциологии, а так же такого явления, как социология социологий (метасоциология).

При рассмотрении уровней социологического знания важным является *анализ социальных проблем основных сфер общественной жизни — экономической, социальной, политической и духовной*. И хотя отнесение отдельных проблем к той или иной сфере несколько условно, автор исходит из того, **что** является преобладающим при их рассмотрении. Поэтому все исследования соотнесены с экономическими (*экономическая социология*), социальными (*социология социальной жизни*), политическими (*политическая социология*) и духовно-культурными процессами (*социология духовной жизни*). Отдельно анализируется *социология управления*, описан *механизм регулирования*, которая имеет самостоятельное значение и в то же время может быть рассмотрена в контексте каждой из сфер общественной жизни.

Данная концепция — социологии жизни — именно в такой интерпретации была впервые заявлена в упоминавшейся выше статье 1991 г., затем в учебнике «Социология», первое издание которого состоялось в 1994 г., и окончательно оформилась в статье «Социология жизни как концепция исследований социальной реальности» (Социологические исследования, 2000, № 2). Эти идеи неоднократно обсуждались автором на российских и международных научных встречах (конгрессах, конференциях, симпозиумах и семинарах). В ходе дис-

куссий, обсуждений, рецензий и писем автор учитывал предложения, замечания и пожелания коллег, вносил уточнения, связанные с новейшей информацией, новым этапом жизни российского и мирового общества, сопоставляя их с накапливающейся эмпирической информацией. Некоторые проблемы этой новой постановки вопроса остались за пределами монографии, хотя наиболее важные из них изложены в виде краткой характеристики или тезисов. В значительной мере формированию социологии жизни как теории способствовали ежегодные Харчевские чтения (в память первого редактора журнала СОЦИС), которые проводятся с 1999 г. и посвящены различным аспектам теоретической социологии.

Настоящая монография характеризуется нацеленностью на решение поставленных в ней следующих задач. *Во-первых*, она подводит итоги поисков различными теоретическими концепциями интерпретации сущности и содержания социологии как науки. При этом содержание социологии жизни акцентирует внимание не на критике положений других концепций, а наоборот, на том, что, несмотря на различие в подходах, объединяет различные трактовки социологии в связи с использованием в теоретических и эмпирических исследованиях того или иного набора показателей, которые характеризуют сознание и поведение людей в условиях определенной общественной среды. *Во-вторых*, предлагаемая концепция социологии жизни, как образно выразился Н.В. Романовский, выполняет функцию арочной концепции, объединяющей многочисленные теоретические поиски и позволяющей наиболее адекватно отразить состояние, тенденции и турбулентность современного мира. *В-третьих*, автор обосновывает совокупность показателей при исследовании социальной реальности, которые, на его взгляд, находят отражение в понятийном аппарате практически каждого эмпирического исследования, что создает базу для обоснованных выводов и заключений.

Эта монография, на взгляд автора, представит интерес для исследователей, в том числе и начинающих, для развития теоретико-методологического и методического мышления, позволяя в эффективном ключе соединить теорию и реальную жизнь.

В заключение хотелось бы еще раз особо подчеркнуть, что основная цель состояла не столько в том, чтобы предложить новую теоретическую концепцию, сколько в стремлении найти те общие характеристики (показатели, индикаторы), которые присущи практически всем социологическим теориям. Иначе говоря, найти те общие черты, которые бы, несмотря на разнообразие имеющихся концепций, под-

ходов к трактовке сущности и содержания социологии, объединяли нас под эгидой этой науки, позволяли говорить на присущем всем нам теоретико-методологическом языке. И главное, именно при таком подходе наиболее рационально и эффективно исследовать окружающую нас социальную реальность, жизненный мир людей, который является благодатным и плодотворным полем получения нового социологического знания.

Автор благодарит своих коллег в Российском государственном гуманитарном университете и журнале «Социологические исследования», а также Ю.Г. Волкова, А.В. Дмитриева, Г.Е. Зборовского, В.Н. Иванова, С.А. Кравченко, Н.И. Лапина, В.К. Левашова, Н.Е. Покровского за участие в обсуждении проблем, возникших при написании этого труда, и полезные рекомендации. Особую благодарность за творческую дискуссию выражаю профессору Н.В. Романовскому.

В организационном плане большую помощь оказал Ю. Тошенко.

ГЛАВА 1

ПАРАДИГМЫ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В СОЦИОЛОГИИ

1.1. Общая характеристика парадигм в социологии

Определенность каждой науки обуславливается тем, какие парадигмы и соответственно методологические стратегии ею используются.

В науке идет постоянный процесс уточнения или смены парадигм. В этой связи нередко возникает ситуация, при которой совокупность накопленных научных данных не может быть объяснена с точки зрения существующих принципов осмысления изучаемой реальности (парадигм). Тогда старая парадигма угасает, и на смену ей приходит новая (или новые), которая претендует на более точную и глубокую интерпретацию происходящих процессов и явлений (подробнее см.: [Кун, 1998]). Так как специфика научного познания в социологии очень значительна по сравнению с другими социальными науками, представляется обоснованным уделить внимание методологическим стратегиям как базовым, направляющим началам в познании социальной реальности.

История социологии свидетельствует о сложном пути становления, развития и обогащения методологии и методов изучения общества и его отдельных компонентов, их оформления в научно-обоснованную стратегию.

На первых порах становления социологии ее приемы и способы познания действительности мало отличались от тех, которые использовались уже существующими науками — философией, историей, экономикой, правом. Об этом свидетельствует творческий поиск О. Конта (1798—1857), который в своем шеститомном труде «Курс позитивной философии» (1830—1842) оперировал данными всех этих наук, включая и естественные, и только в четвертом томе употребил

понятие «социология», которое отразило сформулированные им методологию и методы познания, получившие наименование — позитивизм. Согласно исповедуемым Контом и другими основоположниками социологии, новая наука ориентировалась на изучение «осязаемой» информации, которая, как и в точных науках, могла получить как качественную, так и количественную интерпретацию. А так как эта наука была вычленена из социальной философии, она все же во многом носила характер социально-философского анализа исторического процесса (подробнее см.: [Лапин, 2004: 31]).

В дальнейшем практически весь XIX и в начале XX века социология шла по линии формирования отдельных школ, течений, так как в ней торжествовал позитивизм, который можно трактовать как поддерживаемую большинством парадигму в развитии науки. Однако постепенно начали появляться сомнения в его исключительной плодотворности и неоспоримой ценности. Были предприняты различные попытки по-иному подойти к трактовке сущностных, исходных основ социологии. Одной из первых попыток обосновать иной подход стали идеи неокантианства, а затем поворот внимания к эмпирической социологии, которая в центр своего внимания ставила анализ поведения людей. Именно на этой основе возникли концепции бихевиоризма, затем этнометодология, символический интеракционизм, теории обмена [Snizek, 1976; Staats, 1976; Eckberg and Hill, 1979; Friedheim, 1979]. В XX веке важное место заняла методология, связанная с понимающей социологией, восходящая к идеям М. Вебера [Вебер, 1990: 394]. Получила значительное распространение концепция социологического воображения в конце XX — начале XXI веков [Миллс, 2001; Штомпка, 2005; Шавель, 2015]. В XX веке сформировался модернизм, затем меж(поли)парадигмальный подход [Chiss, 1996; Ядов, 2000]. К концу XX века появился постмодернизм [Milovanovic, 1995], который, по мнению Дж. Ритцера, анализировавшего его радикальную версию в интерпретации Ж. Бодрийяра, представляет собой «как минимум вызов социологической теории, а как максимум выступает отрицанием значительной части, если не всей социологической теории» [Ритцер, 2002: 561].

Постепенно созрело убеждение, что, признавая существование различных методологий и право каждого исследователя заявлять о принадлежности к той или иной из них, необходимо осмыслить и классифицировать это многообразие. *Возникла острая потребность найти такие основополагающие принципы*, которые могли бы упорядочить видение социологического знания, такие идеи, которые были

присущи совокупности теорий, несмотря на кажущиеся различия между ними. Этот поиск привел к необходимости ввести в социологическое знание такое понятие, как парадигмы, которые бы отражали эти потребности развития новой науки.

Охарактеризуем некоторые из этих поисков. Прежде всего, хотелось бы назвать предложение Дж. Ритцера признать существование трех господствующих в социологии парадигм — социальных фактов, социального определения и социального поведения [Ritzer, 1980; Ритцер, 2002: 571]. Но эта классификация была подвергнута сомнению, так как многие ее индикаторы были одновременно присущи этим трем парадигмам и недостаточно методологически обоснованы.

В истории социологии есть обоснование Е. Полома, который считает, что существуют три социологические парадигмы: натуралистическая, интерпретирующая и оценивающая (цит. по: [Культегин, 2000: 468]). Однако и эта попытка была подвергнута критике, так в ее основе лежат объяснительные процедуры познания, а не анализ содержания. На наш взгляд, о парадигмах говорил и Р. Коллинс, когда утверждал, что в социологии сложились четыре традиции [Collins, 1994].

Наряду с этими предложениями и суждениями были высказаны отдельные соображения о своих концепциях, которые были названы парадигмами. Так, М. Кастельс говорит об информационной парадигме [Кастельс, 2000]. Дж. Александер осуществляет рассмотрение социологических теорий с точки зрения применения ими четырех основных уровней анализа: макрообъективное и макросубъективное в их взаимодействии с микрообъективным и микросубъективным [Alexander, 1985]

В отечественной социологии были также предприняты попытка упорядочить представление о парадигмах в социологии. С.А. Кравченко выделяет пять (мета) парадигм, применяя своеобразный поколенческий подход, основанный на реконструкции исторической эволюции социологического знания: позитивистскую, интерпретативную, интегральную, рефлексивную, постмодернистскую [Кравченко, 2015]. К этим парадигмам относится все многообразие самых различных школ, существующих в социологии, что, несомненно, оправдано, когда дается характеристика всех предложений и попыток социологического анализа, но не дает в полной мере четких оснований для классификации этого многоцветья подходов при анализе опыта осмысления социальной реальности. Такой подход, на наш взгляд, скорее относится к классификации методологии и методам анализа.

В поисках ответа на вопрос о парадигмах применяется историко-временной поход: классическая, неоклассическая, постклассическая, неклассическая, постнеклассическая парадигмы [Зборовский, 2007]. Некоторые похожие предложения содержатся в работах С.И. Григорьева [Григорьев, 2001]. Свою трактовку теоретического анализа дают Ю.П. Аверин, В.И. Добреньков, А.И. Кравченко [Аверин, 2014; Добреньков, Кравченко, 2014]. Суть этих предложений — построение социологического знания по отношению к классической социологии как отправной точке анализа, что только подтверждает ответ: каждое время рождает свое знание, основанное на потребностях этого времени, но не отвечает на вопрос, а почему так произошло.

На наш взгляд, если брать во внимание принципы и содержание всех существовавших и существующих теоретико-методологических поисков, то следует выводить парадигмы социологических теорий не из деклараций, попыток доказать оригинальность и уникальность применяемых методологии и методов познания, а из тех принципов познания, которые, несмотря на их своеобразие и даже разное толкование, имеют общую основу, корректирующую трактовку исходных и ключевых категорий и понятий, однозначно трактуемых допущений. Поэтому стоит больше внимание обратить на «точки роста» современной социологической мысли, которые проходят определенное испытание с позиций как их теоретической значимости, так и эмпирической их проверки (подробнее см.: [Романовский, 2015]).

Длительное время в социологической науке доминировали *две основные парадигмы* — *социологический реализм* (объект — общество) и *социологический номинализм* (объект — человек, личность) и производные от них многочисленные теории (подробнее см.: [Голосенко, 1979; Давыдов, 1997]). В конце XX века стала интенсивно развиваться еще *одна социологическая парадигма* — *конструктивистская* (объект — социальная жизнь во всем многообразии его объективных и субъективных факторов с применением макро- и микроанализа и признания созидательной роли человека как творца истории) [Бергер, Лукман, 1996]. Некоторые идеи конструктивизма принадлежат А. Шюцу [2004]. Идеи конструктивизма высказали и другие исследователи [Raskin, 2004; Келли, 2000; Chiari, Nuzzo, 1996]. Появление этого понятия в отечественной литературе нередко связывается с идеями Л. Выготского.

В каждой из трех основных социологических парадигм структура, уровни и понятийный аппарат социологии зависят от той методологической стратегии, которая ориентируется на свое особенное толкова-

ние объекта и предмета социологии как науки. Именно с этого и начинается логика построения понятийного аппарата в зависимости от того, какой аспект социальной реальности, социальной жизни выступает предметом анализа, основополагающим исходным понятием в этих парадигмах.

Эти стратегии можно представить в следующей таблице.

Парадигмы (методологические стратегии) социологии

<i>Парадигмы</i>	<i>Время возникновения</i>	<i>Предмет науки (анализа)</i>	<i>Логика анализа</i>
Социологический реализм	Середина XIX в.	Человечество, цивилизации, общество, его структура, социальные системы, социальные институты	От общества — к человеку
Социологический номинализм	Начало XX в.	Человек, личность, индивид	От человека — к обществу
Социологический конструктивизм	Конец XX в.	Жизненный мир (общественное сознание и поведение в условиях социальной среды)	Социальная реальность во всем многообразии объективных условий и субъективных факторов

Остановимся на этом подробнее.

1.2. Социологический реализм

Становление социологического реализма как методологической установки относится к истокам возникновения социологии как науки, когда ее ориентация на анализ общества была доминирующей. Эта традиция восходит не только непосредственно к О. Контю и Г. Спенсеру — почти все труды социологов XIX века следовали этой ориентации как основной при анализе проблем общественного развития.

Специфической особенностью такого периода стал тот факт, что социологическая мысль «существовала и развивалась в форме высоких абстракций, в отрыве от повседневности. «Общественные

науки не имели методов для проникновения в социальную реальность и в этом существенно отставали от «наук о природе», успешно осваивающих экспериментальную технику познания» [Шавель, 2010: 18—19]. В этой связи обратим внимание на тот факт, что социальная закономерность трактуется реалистами метафизически, характеризуется ими как некая автономная сила, царящая вне социальных действий и активности личности. Сам же индивид рассматривался крайне механистически как абсолютно детерминированный извне носитель общественных отношений. Приведем некоторые определения социологов-реалистов. «Общество — социальное тело, индивиды, клетки» (Р. Вормс, П. Лилиенфельд); «Мы считаем отдельными реальными элементами в социальном процессе не отдельных лиц, а социальные группы... Разве мыслит, чувствует ... индивид? Нет! Не индивид, а социальная группа» (Л. Гумплович); «Устранение личности из социологии — частный случай стремления к научному познанию» (П. Струве); «Общество есть первичное, исконное, а не производное или сложившееся единство; индивид в подлинном и самом глубоком смысле слов произведен от общества как целого» (цит. по: [Голосенко, 1979: 39]).

Нужно отметить, что и в российской социологии долгое время следовали установкам социологического реализма, который исповедовали не только исследователи второй половины XIX — начала XX века М.М. Ковалевский, Л.И. Мечников, Н.И. Кареев и другие (здесь я не касаюсь специфики и особенностей их толкования сущности и содержания социологии), но многие ее представители более позднего времени (подробнее см.: [Кукушкина, 2004]). Во всех этих классических теориях социологического реализма высоко ценились логика анализа, личные наблюдения, иногда привлекалась статистика, широко использовались публикации опытных аналитиков, построенных на гносеологических и онтологических рассуждениях. Потребовалось время, чтобы последователи этой парадигмы обратили внимание на эмпирические данные и методы их получения. Поэтому в дальнейшем социологический реализм претерпел ряд модификаций, когда изучаемое общество предстало в виде социальных структур, социальных систем, социальных институтов и других формализованных его элементов. В XX веке социологический реализм нашел свое воплощение в нескольких концепциях.

Во-первых, это структурный функционализм Т. Парсонса (1902—1979), опирающийся в своих поисках на идеи Спенсера. Базовой является идея «социального порядка», который олицетворяет стремле-

ние поддержать равновесие системы, координировать ее структурные элементы, добиться согласованности действия между ними [Парсонс, 1998]. Наиболее наглядно и отчетливо суть современного социологического реализма выражена в совместных работах Т. Парсонса и Е. Шилза, когда они во главу своего анализа ставили общество, а затем посредством анализа его сущности, функций и компонентов «спускались» до человека. В своих работах [Parsons, Shils, 1951; 1953] они доказывали, что все действующие системы сталкиваются с четырьмя важными проблемами. Во-первых, они должны обеспечить получение ресурсов из окружающей среды и распределение их внутри системы. Этот процесс был назван адаптацией. Во-вторых, системы должны быть способными мобилизовать ресурсы для достижения определенных целей и установить приоритет между ними (целями). Это — процесс целедостижения. В-третьих, отношения внутри системы должны координироваться, регулироваться и, следовательно, иметь налаженный механизм интеграции. Наконец, должны существовать пути выработки в составляющих эти системы индивидах такой мотивации, которая обеспечивала бы соответствие их деятельности целям системы, равно как и пути снятия прежних эмоциональных напряжений у членов общества [Parsons, Shills, 1953].

Данная теория вскоре была подвергнута критике, которую впоследствии частично признал и сам ее создатель — Т. Парсонс. Дело в том, что структурный функционализм фактически отвергал идею развития, призывая к поддержанию равновесия внутри существующей системы, согласованию интересов различных структур и подсистем. Такой вывод был сделан на основе анализа общественного и государственного устройства США, которое Парсонс считал эталоном и стабильность которого расценивал как большое достижение [Парсонс, 1998].

Совершенствовать структурный функционализм был призван *неоэволюционизм*. Парсонс в совместной с Э. Шилзом в работе «К общей теории действия» осуществил заметный сдвиг от анализа структур к анализу функций. Кроме того, он обратился к проблеме человека и пытался объяснить процесс усложнения социальных систем через все возрастающую дифференциацию функций, выполняемых индивидами. Однако попытки улучшить структурный функционализм идеей эволюции свелись к использованию идей системного анализа и приданию культуре роли независимой переменной [Parsons, Shils, 1953].

Во-вторых, к социологическому реализму следует отнести созданную Р. Мертонем (1910—2003) концепцию социальных изменений, когда он, пытаясь преодолеть метафизичность структурно-функционального подхода, ввел понятие «дисфункция», т.е. заявил о возможности отклонения системы от принятой нормативной модели. Этим он пытался ввести в структурный функционализм идею развития (изменения), но он ограничил ее «средним» уровнем — уровнем конкретного социального процесса [Мертон, 2006].

Идея социальных изменений вызвала к жизни необходимость поиска причинно-следственных связей. Поэтому были предприняты попытки найти их, что реализовалось в разработке и применении в анализе нескольких видов детерминизма — от биологического и технологического до экономического (например, [Rostow, 1960]).

В-третьих, традицию рассматривать общество, с иных позиций, с позиций критики функционализма продолжили несколько направлений в развитии социологической мысли. Особое место в этой критике заняла франкфуртская школа в Германии, что нашло отражение в ряде трудов ее представителей [Хайдеггер, 2001].

В определенной мере эту критику представлял и структурализм во Франции, который развивали М. Фуко (1926—1984), К. Леви-Стросс (1908—2009) и др. Основной подход этой теории состоит в определении частей общества, выявлении их функций в таком объединении, которое складывается в картину общества как органического целого. Эту идею особенно последовательно отстаивал М. Фуко, который стал одной из наиболее значительных фигур в этой концепции социальной мысли. Главные категории его концепции связаны с выявлением содержания господствующей идеологии и причин радикализации поведения, а также условий формирования социальных движений и акций протеста. При этом для него было важно не выявление системных детерминантов в их последовательности, а понимание того, что все трансформации сконцентрированы в господствующих общественных отношениях, по его мнению, в основном властных [Фуко, 1994].

В-четвертых, с конца 1980-х гг. в мировой социологии начала созревать новая ситуация, которая ознаменовалась тем, что были выдвинуты концепции, претендующие на более широкое и глубокое осмысление и характеристику происходящих изменений не только в обществе, но и в мире. Особый вес (влияние) приобрели глобалисты, претендующие на то, чтобы объяснить всё происходящее в мире с геоэкономических, геополитических, транскультурных позиций. Эта идея

наиболее предметно и наглядно выражена в мир-системной концепции *И. Валлерстайна* (р. 1930). По его мнению, единицей анализа социальной реальности являются «исторические системы», связи между ними, их функционирование и изменение. Он оперирует понятиями «геокультура», «модерн», «всеобщая история человечества», «равновесие систем» [Валлерстайн, 2001]. Опираясь на эти идеи, Э. Гидденс предлагает сосредоточить основное внимание на глобальных социальных системах, представляя их в виде «сетей, системность которых предполагает их полную внутреннюю взаимосвязь» [Гидденс, 1993: 68]. Эти идеи в специфической форме нашли отражение в космополитической социологии [Веск, 2010].

В-пятых, социологический реализм нашел специфическое воплощение в отечественной социологии в концепции исторического материализма. Несмотря на попытки подойти принципиально по-новому к объяснению и использованию социологии в новой ситуации в советской России, суть методологической установки — социологический реализм — мало изменилась в трактовке социологии как науки об обществе, что нашло наиболее яркое отражение в трудах Н.И. Бухарина. Выступая с позиций исторического материализма, он не мог мыслить иначе, так как такой подход означал реализацию марксистского тезиса: назначением социологии является исследование общества [Бухарин, 2008].

Этому подходу и объяснению следовали и официальные руководители общественной науки в СССР, когда социология вступила на путь своего возрождения. В статьях и выступлениях П.Н. Федосеева, Ф.В. Константинова, Д.И. Чеснокова постоянно воспроизводилась мысль, что именно исторический материализм является теоретической и методологической основой социологии, а конкретные эмпирические исследования — лишь поставщик некоторых данных для обоснования и подкрепления выводов о закономерностях общественного развития. Кстати, надо отметить, что в этот период (1960—1970-е г.) получила официальное одобрение и поддержку точка зрения Парсонса — Мертона — Лазарсельда, которые трактовали социологию как состоящую из трех уровней: общая теория, так называемый средний уровень, конкретные исследования. Такой подход устраивал ревнителей исторического материализма и давал возможность объяснить соединение теории (исторического материализма) с эмпирическими исследованиями [Руткевич, 1995, 2001].

Определенной модификацией этого подхода стала ориентация советских (российских) исследователей на концепцию социальной

структуры. Методология социологического реализма до известных пределов была отражена в трудах П.А. Сорокина (1880—1968), в разработанной им *теории социальной стратификации и социально-культурной динамики*, в основе которых лежат экономический, политический и профессиональный статусы. В своей работе «Социальная мобильность» он обратил внимание на перемещение людей в обществе как в горизонтальном (миграция, смена профессии), так и в вертикальном (изменение социального статуса) направлениях. Эти перемещения по-разному осуществляются в различных типах общества, но они составляют суть жизни такого живого социального организма, как общество. П.А. Сорокиным были также проанализированы социально-культурные факторы в развитии человечества, высказаны идеи о теории кризисов, направлениях духовной интеграции и множество других оригинальных интерпретаций социальной реальности (войн, голода) [Сорокин, 1992].

Эта приверженность анализу общества с позиций социальной структуры нашла развитие в трудах М.Н. Руткевича [2001], З.Т. Голенковой [2003], Л.А. Беляевой [1997], Н.Е. Тихоновой [2007] и др.

Следовательно, если рассмотреть все теории и концепции, причастные к методологии социологического реализма, то можно утверждать, что они изучали(ют) общество посредством его исследования как единого целого, а также социальные системы, социальные структуры в основном с точки зрения их организации и функционирования, и нередко вне процессов их эволюции. Но уже на грани XIX—XX веков было установлено, что ориентация на исследование преимущественно структур (систем) не эвристична, ибо она, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность объяснить его развитие и эволюцию. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии. Кроме того, рассуждения о социальных системах (а под ними стали пониматься не только взаимоотношения и взаимодействия людей, обусловленные существованием объективного мира (в данном случае, общества), но и более широкая совокупность общественных процессов — вплоть до человечества в целом) породили философские концепции социологии, оживили никогда не исчезавшую тенденцию к поглощению социологии социальной философией. При таком подходе реальность перестает существовать. Вместо нее появляются некие логические конструкторы, которые или не имеют отношения к реальной, повседневной действительности или слишком абстрагируются от нее.

Как показало время, трактовка социологии только на уровне категории «общество» и его систем не отвечает на многие вопросы: понятийный аппарат «плывет», включает в себя слишком разные сущности, а многие из них размываются временем, серьезно видоизменяются, а иногда и теряют первоначальный смысл. Это, на наш взгляд, особенно ярко проявилось при анализе социальной структуры общества, особенно в виде представлений о ней как определяющей предмет социологии, когда она в советском варианте в одночасье рухнула в своей ранее существовавшей интерпретации, что наглядно продемонстрировала коренное ее изменение как после Октябрьской революции, так и после распада Советского Союза. Ведь это классическое понятие — социальная структура — в настоящее время мало что выражает, ибо: а) многие ее элементы в современной ситуации исчезли; б) ряд других элементов серьезным образом видоизменился; в) появились новые, ранее неизвестные феномены. Такие, казалось бы, классические понятия, как рабочий, крестьянин, приобрели неустойчивость, аморфность, ибо в зависимости от изменившейся жизни, от разного социально-экономического положения, от перемещения из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) потеряли свою сущностную основу настолько, что говорить о каких-то содержательных однородных признаках весьма затруднительно. А если посмотреть на некоторые внешние признаки, то об этих группах можно говорить с большой долей приблизительности. Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX и XX веков было бы неполным, опрометчивым и поспешным. Как показали социологические исследования еще в 1970-е г. (а тем более в 1990-е г.), многие черты сознания и поведения людей из различных страт могут быть ближе друг к другу, чем эти же черты внутри одной и той же социальной группы. Например, мировоззрение и образ жизни многих социально-профессиональных групп стали настолько различными, что теряет смысл объединить их в какое-то заранее зафиксированное, формализованное понятие: ведь в составе этих групп могут быть (и есть) огромные различия по материальному состоянию, месту в структуре разделения труда, по целям, ценностям, потребностям и интересам, что делает их (по существу) не сводимым к одним и тем же однородным показателям (подробнее см.: [Руткевич, Филиппов, 1970]). В этой ситуации возникает вопрос: что будет выступать реальной социальной силой — профессиональные группы или носители одного (сходного) мировоззрения, но представляющие разные социальные сообщества? Ответ очевиден: объединяющей характеристикой

окажутся идеи, ценности, взгляды, мироощущение и стремление их реализовать.

Социологический реализм как методологическая стратегия никак не объясняет тот социальный факт, как человек, люди «попадают» в эти социальные системы, социальные структуры, социальные институты и другие социальные образования. Ведь явившись в мир, человек проходит ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться со своим социальным положением в обществе. А это положение в большинстве случаев заранее не предопределено: оно зависит как от объективных обстоятельств, так и от воли, действий и других целенаправленных акций самого человека. Надо изменить единичное, чтоб изменить общее, причем желательно путем постепенных преобразований, утверждал К. Поппер [Поппер, 1992: 200].

То, что социальные структуры, социальные сети трактуются как предмет социологии, уязвимо. Об этом говорит и другой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями в обществах переходного периода, когда эти структуры и общности «плывут», не имеют четкой определенности и поэтому не могут быть базой достоверной информации. В этой связи хотелось бы обратить внимание на позицию французского социолога А. Турена, который подверг резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и новых возможностей для развития общества [Турен, 1998].

Следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство — социальные системы и общности — очень «нехороший» объект для сравнительных кросс-культурных (международных, межстрановых) исследований, так как они настолько различны в своем содержательном (смысловом) обличье, что при их сравнении сразу же возникает вопрос о достоверности получаемой и сравниваемой информации.

И, наконец, не следует игнорировать и саму практику социологии, которая не перестает всегда обращаться к такому источнику информации — к человеку, что предполагает анализ не столько каких-то систем или структур, а того, что делает его участником общественной и повседневной жизни. Впрочем, и сами системщики, работающие на эмпирическом уровне, именно так и поступают, обращаясь главным образом к информации, характеризующей сознание и поведение людей.

Таким образом, *центральное понятие социологического реализма — общество и его производные — социальная структура, социальные системы, социальные институты — являются важной, но серьезно*

ограниченной областью получения социологического знания. К настоящему времени уже достаточно отчетливо выявилось, что «за концептуальным фасадом социоцентрических теорий обнаружилась пустота и оторванность от реальной жизни: ведь если «единицы» считать «нулями», то теория никогда не сойдется с практикой» [Волков, 1995: 17]. Иначе говоря, сначала нужно разобраться с этими логическими конструктами, а затем подойти к тому, как в них функционируют составляющие и определяющие их сущность субъекты — люди, человек. Эти данные могут и, в известной мере, должны учитываться, но они не могут ответить на злободневные проблемы современности, так как оперируют сущностями второго и третьего порядка, которые надстраиваются над сущностями первого порядка, на что пыталась и пытается дать ответ другая методологическая стратегия.

1.3. Социологический номинализм

Практически одновременно с социологическим реализмом возникла противостоящая ему парадигма — *социологический номинализм*, предтечи которого были заложены философскими поисками французских просветителей. Особенно ярко и наглядно это прозвучало у Гельвеция (1715—1771), когда в своем произведении «Об уме» он сформулировал идею, что только правильно понятый личный интерес составляет основу общественной жизни. Являясь сторонником учения о решающей роли среды в формировании личности, считал сознание (в нем страсти) человека главной движущей силой общественного развития [Гельвеций, 2007].

Однако конкретное воплощение идеи — человек, его сознание и жизнь, как точка отсчета в познании мира — сначала была реализована в трудах собственно не тех, кто называл себя социологом, а у коллег по социальным наукам — статистиков, которые предметно воплотили идею — говорить об обществе и его структурных составляющих можно только на базе сбора и анализа информации о людях, составляющих это общество.

Основы этого подхода заложил А. Кетле (1796—1874), который в своем труде «Социальная система и законы, ею управляющие» предложил исходить из того, что *анализ общества нужно начинать не с его рассмотрения как некоей целостности, а с анализа человека, людей, его составляющих, их жизнедеятельности, их действий (результатов их поведения)*. Он обосновал концепцию, центральной идеей которой является статистически «средний человек». По-видимому, не

зная о концепции О. Конта, он утверждал, что *«при увеличении числа подвергающихся наблюдению индивидуумов исчезают физические и нравственные индивидуальные особенности и на первый план выдвигаются те главные факты, в силу которых общество существует и сохраняется»* (курсив Кетле) (цит. по: [Лапин, 2004: 35; см также Яхот, 1964]). Иначе говоря, по его мнению, именно люди создают общество и именно изучение их действий дает ответ на то, что собой представляет то или иное общество, тот или иной изучаемый процесс.

Этот принцип в познании общества разделял и другой статистик Ф. Ле Пле (1806—1882). Но если Кетле оперировал данными по народонаселению, то Ле Пле занимался исследованиями семьи. Он, изучая семью по 20 показателям, предложил метод восхождения от простого к сложному — от человека, семьи к характеристике всей социальной реальности, всего общества. Его основными способами получения информации были личные наблюдения и свободные интервью. На основе изучения семей он сделал общетеоретические выводы, доказывая, что семье принадлежит решающая роль в формировании облика общества (цит. по: [Лапин, 2004: 38]).

Однако ростки социологического номинализма в XIX веке значительно уступали по своему влиянию и воздействию социологическому реализму, тем более, что прикладные, эмпирические, статистические методы в основном развивались не теми, кто называл себя социологами, а их коллегами из других социальных наук. Хотя справедливости ради следует отметить, что и сторонники социалистического реализма подходили к изучению конкретных проблем общества, доходя до признания роли и значимости эмпирических исследований. Так, известна «Анкета для рабочих» К. Маркса, которую он планировал запустить среди рабочих ряда предприятий Англии [Маркс, т. 19].

Эта методология — социологический номинализм — была в полной мере востребована социологами только в XX веке. Это был первый большой общетеоретический кризис социологии, связанный с целой серией разнообразных попыток интерпретировать общество и происходящие в нем процессы, отправляясь от человека, индивида [Давыдов, 2003: 86]. Развитые и обоснованные в трудах М. Вебера [1965] рассуждения составили, по мнению Н. Тимашева, манифест крайнего социологического номинализма, полностью противопоставивших себя социологическому реализму [Timasheff, 1965]. Среди первых представителей этой новой парадигмы, полностью разделивших исходные принципы номинализма, можно назвать Г. Зиммеля [1896], Л. Фон Визе, а также П. Новгородцева [1902], Б. Кистья-

ковского и особенно Л. Петражицкого [1908], представителей русской социально-психологической (органической) школы конца XIX — начала XX века. Эта концепция обращалась к человеку, *ориентируясь на то, что решающая роль в реальной жизни принадлежит сознанию людей, процессам их действий и взаимодействий, их интеграции и дифференциации*. Странники этой парадигмы в центр своего анализа ставят человека, личность, считая его основным понятием социологии. В этой ситуации мы сталкиваемся с восхождением от абстрактного к конкретному с последующей корректировкой представлений об абстрактном. Именно анализ такого феномена — «человек в обществе» — позволяет с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе. Интересно отметить, что такой подход был присущ и некоторым русским философам. Так, Н.А. Бердяев (1874—1948) утверждал, что «общество — часть личности», что «личность есть ценность более высокая, чем общность, нация, государство» [Бердяев, 2006: 78].

Основы этого подхода были наглядно и обоснованно продемонстрированы в концепциях *бихевиоризма*, начала которого были разработаны Э.Л. Торндайком (1874—1949), обосновавшим закон эффекта (1911): вознаграждаемое поведение имеет тенденцию повторяемости, а не вознаграждаемое — к прекращению. Эти идеи в дальнейшем существуют в основном в двух версиях — теории социального обмена и символического интеракционизма (цит. по: [Культыгин, 2000]).

Олицетворяя социологический номинализм, такие яркие последователи *теории социального обмена* Дж. Хоманс (1910—1989) и П. Блау (1918—2002) исходили из примата человека, а не системы. Они провозгласили огромную значимость социально-психических качеств человека, ибо для того, чтобы объяснить поведение людей, необходимо знать их душевные состояния. В своей знаменитой статье «Возвращая людей» (1964) Хоманс утверждал, что все социальные явления необходимо объяснять с точки зрения характеристики индивидов, а не социальных структур. Главное в этой теории, по Блау, заключается в следующем: так как люди постоянно желают иметь вознаграждение (одобрение, уважение, статус, практическую помощь) за свои действия, они могут их получить, только вступая во взаимодействие с другими людьми, хотя оно не всегда будет удовлетворять стремления и установки его участников (цит. по: [Культыгин, 2000]).

В поиске выхода из противоречий бихевиористского подхода представители *символического интеракционизма* стали интерпретировать поведение людей с точки зрения того значения, которое личность

или группа придает тем или иным аспектам ситуации. *Дж.Г. Мид* (1863—1931) как основатель теории символического интеракционизма, называя себя «социальным бихевиористом», сосредоточил внимание на исследовании процессов «внутри» поведения как целого. Если в последовательном бихевиоризме человек находился под управлением окружающей среды, то в центре внимания Мида — активный, разумный, деятельный субъект. Мид ввел понятие индивидуальной перспективы, предпосылкой которой является социальная свобода (подробнее см.: [Кравченко, 2012]).

Сторонники этого подхода (*Г. Блумер* (1900—1987), *С. Лаймон* (1933—2003) и другие) огромное значение придавали языковой символической. Для них характерно представление о деятельности как совокупности социальных ролей, которая олицетворяется в виде языковых и других символов, что послужило основанием для наименования этого направления как «ролевая теория».

Впоследствии символический интеракционизм подвергся критике из-за того, что центральной его идеей является субъективизм. В то же время эта теория, отвергая психоанализ, пренебрегает исследованием биологических, генетических факторов, мало уделяет внимания проблемам бессознательного, в результате чего затрудняется познание «движущих сил» человеческого поведения (мотивов, ценностей, установок). В качестве продолжения и развития этой концепции предстает выдвинутая Р. Коллинзом «теория интерактивных и ритуальных целей» [Коллинз, 2009].

Особенность *феноменологической социологии как последовательного выразителя идей социологического номинализма* заключается в том, что она свое начало берет от философской концепции *Э. Гуссерля* (1859—1938), на основе которой возникла «социология повседневности», обоснованная в трудах австрийского философа *А. Шюца* (1899—1959).

В центре внимания сторонников феноменологического подхода оказывается не мир в целом, как у сторонников социологического реализма, а человек в его специфическом измерении. Социальная реальность, по их мнению, не есть некоторая объективная данность, которая находится вне субъекта и только потом посредством социализации, воспитания и образования становится его составляющей. У феноменологов социальная реальность представлена и выражена в коммуникации посредством образов и понятий. Социальные события, по их мнению, лишь кажутся объективными, тогда как в действительности они предстают как мнения индивидов об этих событиях. Посколь-

ку мнения образуют социальный мир, постольку понятие «значение» оказывается в центре внимания феноменологически ориентированных социологов. Но если в объективно ориентированной социологии *значение* отражает некие определенные связи реального мира, то в феноменологической трактовке значение выводится целиком из сознания субъекта [Карнап, 1959].

Социальная реальность, возникающая в процессе коммуникации, по мнению феноменологов, состоит из объяснения и приписывания мотивов поведения участникам коммуникативного акта, т.е. то или иное представление, понимание социальной реальности зависит в первую очередь от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия.

Но от чего зависит различие одного и того же поступка, действия у разных людей? Почему они понимают действия одних и не понимают действия других? Почему люди вообще нередко не всегда понимают друг друга? Феноменология не дает ответа на этот вопрос, она лишь констатирует, что существуют некоторые параметры, лингвистические и нелингвистические, которые способствуют или препятствуют успешной коммуникации.

В рамках феноменологической концепции сложились две крупные школы, отражающие установки социологического номинализма — *социология знания* и *этнометодология* (последний термин сконструирован по аналогии с этнографическим термином «этнонаука» — зачаточные знания в примитивных обществах).

Социологии знания представлена *К. Маннгеймом* (1893—1947), обращавшем внимание на изучение тех структур, в которых так или иначе присутствуют взаимосвязи мышления и общества. Именно с этих позиций он подходил к трактовке идеологии, истины, роли интеллектуальной жизни [Маннгейм, 2000]. Эти идеи были развиты *П. Бергером* (р. 1929), который стремился обосновать необходимость «узаконения» символических универсалий общества, ибо внутренняя нестабильность человеческого организма требует «создания самим человеком устойчивой жизненной среды» [Бергер, 1996].

Г. Гарфинкель (1917—2011), будучи одним из самых ярких и последовательных представителей этнометодологии, сформулировал ее программное положение: «Черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении». В соответствии с этим основная задача социологии — выявление рациональности обыденной жизни, которая противопоставляется научной рациональности. По его мнению, нужно сконцентрировать внимание на исследовании единичных

актов социального взаимодействия, отождествляя его с речевой коммуникацией [Гарфинкель, 2007].

Конечно, этими концепциями и именами не ограничивается круг мыслителей, которые исповедовали принципы социологического номинализма. Среди других социологов, которых можно отнести к приверженцам этой методологии, можно назвать *Л. фон Визе* (1876—1969), автора книги «Система общей социологии» (1933), посвященной исследованию всеобщих форм социальных явлений. Подвергнув критике понятие «общество» как фикцию, он сосредоточил внимание на познании «социального», или «межчеловеческого», в рамках форм отношений типа «Я — Ты» и «Я — Мы», к которым относятся взаимоотношения людей.

Отмечая сдвиг современной социологии «к субъективно-понимаемому», шведский социолог *П. Монсон* в этой связи поясняет: «Субъективность присутствует здесь двояким образом, частично в самом исследователе, частично — в объектах, в людях, которые он изучает. Вопрос о том, каким образом можно состыковать эти две субъективности, является важной методологической проблемой» [Монсон, 1995].

Значительное место в поисках истины заняли труды *З. Баумана* (р. 1925). Он обогатил социологию анализом малоисследованных факторов жизни человека, латентных модернистских и постмодернистских процессов, которые касались проблем индивидуализации, трудовых отношений, гендера [Бауман, 2002].

Следует отметить, что *Э. Гидденс* пытался преодолеть противопоставление этих двух парадигм: с одной стороны, он поддерживал идеи И. Валлерстайна об необходимости исследования мир-систем и социальных сетей, с другой стороны, он настаивал на ориентации на человека в совокупности всех его взаимосвязей как основной предмет исследований социологии, назвав ее «ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ» [Гидденс, 2003: 12].

Причем эта ориентация на человека в течение XX века все больше и больше усиливалась. Показательно, что такой известный политический деятель, как *З. Бжезинский*, убежден, что человечество все больше сталкивается с необходимостью «личностного измерения человеческой жизни» и что в связи с этим мы стоим перед «новой эрой в отношениях между людьми» [Brzezinski, 1988].

Но номиналистическая парадигма, которую в наиболее развернутом виде олицетворяет феноменология, так и не сумела и не могла в

принципе дать полную и всестороннюю характеристику социальной реальности в силу известной ограниченности собственного подхода и понимания предмета социологии. Отмечая важные познавательные возможности номинализма, можно сказать, что он не в состоянии в полном объеме познать социальную реальность. Феноменология «может плодотворно применяться только в рамках более широкого понимания общества. Иначе неизбежна субъективизация общественных отношений и подмена социологии психологией» [Бутенко, 1987: 140].

Таким образом, на наш взгляд, вопрос состоит в том, чтобы не абсолютизировать субъективное восприятие человеком явлений и процессов окружающего его и объективно существующего мира.

1.4. Конструктивистская парадигма как новаторская методологическая стратегия

Эта методология, окончательно оформившаяся в конце XX века, была связана со вторым большим кризисом в теоретической социологии, когда была предпринята попытка примирить, учесть особенности и ограничения социологического реализма и номинализма. Осознавая эту потребность, в научный оборот сначала были введены такие понятия, как «понимающая социология», «социетальное общество», «гражданское общество, взятое вне рынка и государства», но которые не получили убедительного научного подтверждения или по крайней мере равнозначных доказательств по сравнению с предшествующими парадигмами и теориями [Давыдов, т. 4, 2003: 69]. Неудовлетворенность ранее осуществленными поисками иных концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии, проявилось в возникновении таких теорий, как, например, драматургическая социология, школа ультрадетальных эмпирических исследований и др.

Вместе с тем, на наш взгляд, в стремлении преодолеть крайности этих двух ранее существовавших парадигм постепенно сформировалась новая методологическая стратегия, которая органически учитывает все многообразие социальной реальности, социальной жизни людей.

Идеи социологического конструктивизма созревали постепенно как результат анализа предшествующих парадигм и различных предложений найти выход из этого второго кризиса. Они совершенствовались и уточнялись в процессе усложнения методов теоретического анализа и накопления опыта эмпирических исследований. Нужно от-

метить, что сомнения в обосновании своих методологий волновали сторонников как социологического реализма, так и социологического номинализма. Многие из них стремились преодолеть противоречивость методологической базы названных методологий, осуществляли попытки устранить противопоставление общества и человека.

Сторонники социологического реализма, для которых исходным понятием (категорией) было общество или его производные (системы, структуры, институты и др.), в той или мере все же отдавали предпочтение объективным показателям, подчиняя жизнь людей таким независимым переменным, как экономический и политический строй общества. Человек рассматривался как производное от этих реалий.

Последователи же социологического номинализма преувеличивали значение субъективного фактора, абсолютизировали его возможности по воздействию на общество, окружающую действительность.

Нужно особо отметить, что по ряду позиций идеи социологического конструктивизма разделяют и теоретики институционализма и неоинституционализма. Напомним, что наряду с тремя основными разновидностями классического институционализма — социально-психологическим (Т. Веблен), социально-правовым (Дж. Коммонс), конъюнктурно-статистическим (У. Митчелл) — постепенно сформировался в достаточно определенную концепцию социологический институционализм. С позиций социологии жизни нас привлекает те выводы, когда они утверждают активную созидательную роль субъективного фактора в тесной увязке с объективными условиями функционирования общества [Кирдина, 2014].

Как отмечает Н. Флигстин [Флигстин, 2013], теории социологического институционализма исходят из пластичности институтов и носят социально-конструктивистский характер, т.е. институты в рамках этого направления предстают и исследуются как результат взаимодействия социальных субъектов, или акторов.

Следует также отметить, что информационная революция, компьютер и Интернет придали импульс сетевым идеям, появившимся в социологии в ходе развития теории социального обмена (Р. Эмерсон, Б. Уэлман). Сетевые социальные теории (Х. Уайт, Б. Латур, М. Каллон) интегрировали (включили в себя) и человеческий «фактор», в частности в форме концепции «актор-сеть» (подробнее см.: [Култыгин, 2000; Кравченко, 2015]).

В отечественной литературе есть различные определения конструктивизма. Одна из позиций гласит, что конструктивизм включает в себя следующие показатели: цель, определение проблемы, факторы,

создающие проблему, теоретическое решение проблемы, модель ее решение, получение результатов [Осипов, 2010: 81—82]. В отечественной социологии эти идеи, на наш взгляд, представлены в трудах Ю.Г. Волкова [2014]; Л.А. Гуцаленко [2003]; А.М. Улановского [2010]. Можно отметить поиски в уточнении и иной интерпретации идей конструктивизма И.Г. Ясавеева [2004].

На наш взгляд, суть социологического конструктивизма состоит в том, что он анализирует и интерпретирует социальную реальность, социальную жизнь и соответственно жизненный мир во всем их многообразии. При конструктивистском подходе существенным оказываются *модусы времени — прошлое, связанное с категорией «значение», настоящее, представленное в ценности, будущее, выраженное в цели*. Такой подход реализует единство и взаимосвязь объективного и субъективного, макро-, мезо- и микроанализ социальной реальности, объективно-предметный и субъективно-ценностный подход, между познанием и анализом действий и взаимодействий самих акторов исторического и повседневного процесса. *Именно такой подход реализуется посредством использования такого понятия, как жизненный мир*.

Что касается *прошлого* при анализе социальной реальности и его жизненного мира (социального мира, социальной жизни), их специфики, то для конструктивистов *историчность* является исходным принципом, который отражает феномен *значение*. Они доказывают, что социальный мир (жизненный мир) конструируется, исходя из прошлых пред-конструкций. «Люди делают свою историю, но делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые они не сами выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли из прошлого» (К. Маркс). «Необходимо учесть «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение людей, «каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства (или его собственные, личные или общесоциальные...» [Маркс, т. 37: 396].

Оценку значения прошлого, роли преемственности и ее учета в конструировании реальности все больше и больше социологов XX века стали постепенно признавать необходимой составляющей такого анализа. Более того, именно на учете прошлого и его тесной увязке с настоящим возникло целое направление в социологии — *историческая социология*, суть которой сводилась к установлению единства прошлого и настоящего и на этой основе точнее и обоснованнее

ваннее прогнозировать будущее и выявлять тенденции его развития (подробнее см.: [Smith, 1991; Kent, 1992, Романовский, 2009]). В своих исследованиях разработчики исторической социологии рассматривали совокупность субъективных факторов и объективных условий как единство, отражающее традиции и новаторство в их органической взаимосвязи. «Идеи и культуры не меняют ход истории — по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании — в системе ценностей и моральном обосновании — толкает людей к изменениям их социальных отношений и институтов» [Белл, 2009: 41].

На наш взгляд, в подготовке методологии социологического конструктивизма определенную роль сыграла *теория социального конфликта*, которая создавалась в ходе критики структурного функционализма и которая во многом ориентировалась на то, чтобы понять причины конфликтов, т.е. максимально точно разобраться с прошлым. В основе развития, утверждал *Ч.Р. Миллс* (1916—1962), лежит конфликт, а не конформизм, согласие или интеграция. Общество всегда находится в состоянии нестабильности, потому что в нем идет постоянная борьба между различными социальными группами, преследующими те или иные интересы. Более того, опираясь на идеи К. Маркса, М. Вебера, В. Парето и Г. Моски, Миллс утверждал, что прошлое, наследие должны рассматриваться, как условие и предпосылка того, к чему стремятся люди. Другой конфликтолог, *Р. Дарендорф* (1929—2009), считал, что в основе конфликтов лежат как экономические, так и политические причины. Ранжируя конфликты (конфликты противников одного ранга, конфликт противников, находящихся в отношении подчинения, конфликт целого и части), он получил 15 типов и подробно рассмотрел возможность их «канализации» и регулирования.

Американский социолог *Л. Козер* (1913—2003) определял социальный конфликт, как явление, отражающее устремления и чувства социальных групп или индивидов в борьбе за власть, за изменение социального статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т.п., т.е. попытался соединить анализ субъективных факторов и объективных условий.

Большинство представителей этого направления — *Р. Коллинз* (р. 1941) и *Л. Крисберг* (р.1926) и другие — подчеркивают ценность конфликтов, которые предотвращают окостенение общества, открывают дорогу инновациям, становятся источником развития и совершенствования. Вместе с тем, эта позиция отвергает стихийность кон-

фликтов и ратует за возможность и необходимость их регулирования (Цит. по: [Соколова, Титаренко, 2008]).

Анализ прошлого в жизненном мире привел к обогащению понятийного аппарата, добавив такие новые термины, как *жизненный цикл*, *жизненный стиль*, которые позволили видеть развитие человечества в динамике, в последовательном изменении и переходе одного состояния в другое.

Что касается модуса — *настоящее* — то его роль в конструктивистском подходе при анализе жизненного мира сводится к ориентации на ценности, ценностные установки, на учете предпочтений и ценностных суждений. Так, получила распространение концепция французского социолога П. Бурдьё (1930—2002), настаивавшего на важности изучения *социального поля*, *социального пространства*, *социального капитала* и *логики их развития*. По его мнению, социолог различает: а) свое видение пространства, б) его социальное значение. Бурдьё полагал, что основа основ в социологии — связь габитуса с полями (габитус трактуется им как система долговременных индивидуальных и групповых установок, ориентаций, функционирующих как матрицы восприятия, постановки социальных целей, действий и поведения) [Бурдьё, 1994].

В настоящее время наиболее наглядно оценка настоящего выражена во Всемирном исследовании ценностей (World Value Survey), охватившем 97 стран (подробнее см.: [Инглхарт, 2011]).

Говоря о модусе *будущее*, социологический конструктивизм ориентируется на творческий, креативный потенциал, на созидательные силы, которые имеются в каждом обществе, присутствуют в любых модификациях жизненного мира. Особенно привлекательными для становления концепции социологического конструктивизма становятся *идеи человека как активного социального субъекта (актора)*, под воздействием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в мезо- и микросоциальном плане [Белл, 2004; Капица, Курдюмов, Малинецкий, 2003; Тоффлер, 2008; Кастельс, 2000]. Эти идеи в той или иной мере рассматривались в трудах Э. Гидденса и Дж. Ритцера, которые стремились в трактовке проблем общественного развития «данное», «естественное», «необходимое» соединить воедино с анализом перспектив развития при органическом учете как объективных условий, так и субъективных факторов. Ряд идей, которые были обоснованы школами активизма, достаточно тщательно разрабатывали проблемы поведения людей в условиях определенной окружающей среды. По мнению французского социолога А. Турена

(р. 1925), главная проблема состоит в изменении предмета исследования и исследовательских ориентаций. Он считал, что, если в 1960-е гг. вся проблематика сосредоточивалась вокруг понятия социальной системы, то теперь она сосредоточивается вокруг понятий: деятель (актор) и его действия [Турен, 1995]. В российской социологии также появились обоснование перспективности идей активизма, что выразилось в анализе деятельностного подхода, креативности и нелинейности [Ядов, 2006; Волков, 2014; Кравченко, 2006]. Что касается прогнозов будущего в широком плане, то эта традиция, присущая отечественной социологии и нашедшая отражение в трудах Э.А. Араб-Оглы (1973), А.М. Гендина (1970), В.Г. Виноградова и С.И. Гончарука (1972), В.В. Косолапова и В.А. Лисичкина (1978) была прервана (подробнее см.: [Тощенко, 2005]), но постепенно стала возрождаться в 2000-е гг. [Барский, 2006; Бондаренко, 2008; Лесков, 2009; Лукьянчиков, 2010; Малинецкий, 2009; Сафронова, 2005].

Но особую роль в обосновании будущего сыграли разработчики проблем управления. Именно те, кто стоял у истоков теорий научного управления и производных от них концепций (Ф. Тейлор, Г. Форд и др.). Не употребляя понятие «конструирование», по сути, они говорили о том, как сознательно воздействовать на окружающую реальность, чтобы добиться реализации поставленных целей, что было возможно только при тщательном и продуманном учете объективных условий и субъективных факторов (подробнее см.: [Тощенко, 2005]). О том, как конструировать настоящую и будущую реальность, особенно настойчиво стали говорить в 1930—1940-е гг. (Myrdal, 1944: 1022—1023). Что касается современных концепций управления, то в них обращают пристальное внимание на роль индивида в рамках происходящей глобализации, модернизации и на поиск (иначе говоря, стратегических и тактических целей) выхода из специфических обстоятельств современного финансово-экономического и политического кризиса.

Таким образом, анализ модусов прошлого, настоящего и будущего в социологическом конструктивизме позволяет сделать вывод, что в историческом плане Вебер одержал победу над Дюркгеймом. Классический подход, в рамках которого социология понимается как наука о социальных системах, социальных структурах, почти исчез. Влияние наиболее видных представителей этой традиции — Парсонса и Мертона — ослабло. Соответственно изменился и категориальный аппарат: понятия «социальные системы», «социальные институты», «социальная структура», «интеграция» не являются больше центральными социологическими понятиями.

Ослабло влияние и номинализма, сущность которого более всего была выражена в феноменологической социологии. Сторонники социологического конструктивизма не могут согласиться, например, с его выводами, которые абсолютизировали только одну сторону жизни — ее субъективность, что давало возможность справедливо упрекать ее в односторонности, в психологизации реальности, в игнорировании объективных условий развития.

Модусы времени — прошлое, настоящее и будущее — позволяют установить органические взаимосвязи между макро- и микросоциологией; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтологической концепциями. Такой подход с точки зрения конструктивистской парадигмы снимает ограниченность объективизма-социоцентризма (реализм) и субъективизма-антропоцентризма (разновидность номинализма) (подробнее см.: [Гуцаленко, 2003, 10: 5]).

Постепенно приобретают все большее значение такие понятия, как *социальная жизнь, социальная реальность, жизненный мир* и производные от них — *кризис* и близкие к нему категории — *турбулентность, риск, дезорганизация, насилие, хаос*. В условиях, когда в центр внимания ставится задача охарактеризовать социальную реальность, социальный мир, теоретическую и эмпирическую значимость приобретают такие понятия, как *сознание и поведение* человека, его отношение и реакция на изменения своего статуса, своего места не просто как отдельного индивида, а как члена определенной социальной группы (сообщества, класса), представителя определенного общества, а также одновременный анализ *общественной среды* (макро-, мезо- и микроусловий) социальной жизни человека. Актуальным и неотложным как в теоретическом, так и эмпирическом плане становится анализ такого многозначного понятия, как *смысл*.

Все это позволяет сделать вывод, что предлагаемый нами подход образует с позиций конструктивизма новую теоретическую концепцию — *социологию жизни*, органически воплощающую в себе реально функционирующее сочетание взаимоотношений общества и человека. В XX веке все больше социологов «стали разделять направленность на интеграцию объективного и субъективного компонентов» в исследовании социальной реальности [Тощенко, 2007: 9].

Во второй половине XX века были подвергнуты всестороннему анализу прежние теории как социологического реализма, так и социологического номинализма. Одновременно осуществлялись по-

пытки преодолеть крайности — соединить макро- и микроанализ, объективистский и субъективистский подходы. Многие исследователи признавали, что необходимо возрождение стиля мышления, который был у классиков социологии, создавших гранд-теории [Гидденс, 2007].

Но особая роль в обосновании идей конструктивизма принадлежит методологии Бергера и Лукмана, суть которой выражена в знаменательной формуле «человек в обществе, общество в человеке» [Бергер, Лукман, 1995]. Такой подход означает, что необходим учет многообразия сторон существующей реальности, требуется серьезное изменение, обогащение и усложнение методического аппарата, что, например, нашло отражение в значимости такого метода анализа, как «большие данные» (big data).

Социология (как и любая другая наука) призвана предлагать свои модели, изучая фрагменты, части объективной реальности. В настоящее время в реальной жизни социолог встречается не со структурами, системами, институтами, а с сознанием и поведением людей, смыслом их жизни, анализ которых приводит к познанию различных форм организации общественной жизни — институциональной, стратификационной, управленческой и др. Все это позволяет сделать вывод, что *конструктивистская стратегия, выраженная в концепции социологии жизни, преодолевает крайности в трактовках сути социологии, оперируя понятиями социальной реальности, ее универсальностью, уникальностью и надындивидуальностью, измеряемой посредством анализа жизненного мира с позиций сознания, поведения и окружающей среды, концентрированное выражение которых находит в смысле жизни.*

Особо следует отметить, что, имея в основе социологии жизни такой теоретический и эмпирический конструкт, как жизненный мир, конструктивистская парадигма преодолевает разрыв между объективными и субъективными ее измерениями, между макро- и микромиром, между холистическим и индивидуалистическим подходом. Иначе говоря, «мы приходим к заключению, что социология находится на очередном повороте» [Ядов, 2012: 4].

Именно исходя из концепции социологии жизни как воплощения методологии социологического конструктивизма, следующие главы будут посвящены генезису идей (истории возникновения) этой теории, ее понятийному аппарату, уровням и структуре социологического знания.

Литература

- Аверин Ю.П.* Теоретические построения когнитивного социологического исследования. М., 2014.
- Барский Л.А.* Оглядываясь на будущее: прогноз на XXI век. М., 2006.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999; 2004.
- Беляева Л.А.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М., 2004.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бергер П.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
- Бердяев Н.А.* Письмо четвертое «О нации» // Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2006.
- Бондаренко В.М.* Прогнозирование будущего: новая парадигма. М., 2008.
- Бурдьё П.* Начала /Пер. с фр. А.В. Шматко. М., 1994.
- Бутенко И.А.* Социальные познания и мир повседневности. М., 1987.
- Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М., 2008.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Вебер М.* Избранные произведения. М, 1990.
- Волков Ю.Г.* Социология. М., 1995.
- Волков Ю.Г.* Креативное общество. М., 2014.
- Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.
- Гельвеций К.* Об уме. М., 2007.
- Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // Thesis. 1993. Т.1. № 81.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерки теории структуризации. М., 2003.
- Гидденс Э.* К социологическому сообществу // Социол. исслед. 2007. № 9.
- Голенкова З.Т. (ред.)* Социальная стратификация российского общества. М., 2003.
- Голосенко И.А.* Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии // Социол. исслед. 1979. № 4.

- Григорьев С.И.* Виталистская социология: Парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 2001.
- Гуцаленко Л.А.* Нужна ли социологии жизни живая личность? // Социол. исслед. 2003. № 10. *Давыдов Ю.Н. (ред.)*. История Теоретической социологии: В 4 т. М., 1997—2000.
- Давыдов Ю.Н.* Теоретическая социология. Т. 4. М., 2003.
- Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Современная социология: Теоретико-методологические основания и перспективы. М., 2014.
- Зборовский Г.Е.* Теоретическая социология XIX — начала XX века. Екатеринбург, 2007.
- Зиммель Г.* Избранное. М., 1996.
- Иванов Д.В.* Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 2. С. 21—51.
- Инглхарт Р.Ф.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М. 2011.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М., 2003.
- Карнап Р.* Значение и необходимость; (пер. с англ). М., 1959.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- Келли Дж.* Теория личности. Психология личных конструктов. СПб., 2000.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2014.
- Коллинз Р.* Четыре социологических традиции / Пер. В. Россмана. М., 2009.
- Кравченко С.А.* Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М., 2012.
- Кравченко С.А.* Нелинейная социокультурная динамика: организационный подход. М., 2006.
- Кравченко С.А.* Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М., 2015.
- Кукушкина Е.И. (ред.)* Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века). М., 2004.
- Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1998.
- Латин Н.И.* Эмпирическая социология в Западной Европе. М., 2004.
- Лесков Л.В.* Присмет ли нас XXI век? Предвидение в диалогах. М., 2009.

- Лукьянчиков Н.Н. О будущем мира и России. М., 2010.
- Малинецкий Г.Г. (ред.) Будущее России. Вызовы и проекты: История, демография, наука, оборона. М., 2009.
- Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000.
- Маркс К. Анкета для рабочего // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М., 1979.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. М., 1979.
- Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.
- Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- Мид Дж.Г. Избранное. М., 2009.
- Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 2001.
- Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М., 1995.
- Новгородцев П. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902.
- Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
- Парсонс Т., Шилз Е. К общей теории действия (*Parsons T, Shils E.A. Toward a General Theory of Action Cambridge, 1951*).
- Петражицкий Л. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908.
- Подвойский Д.Г. Знания и «создание мифов»: Фрагменты интеллектуальной истории конструктивизма // Вторые Давыдовские чтения. Сб. науч. докладов. М., 2014.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. М., 1992.
- Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Романовский Н.В. Историческая социология. М., 2009.
- Романовский Н.В. О «точках роста» современной теоретической социологии // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2015. Т.40. С. 89—113.
- Романовский Н.В. Мультипарадигмальная социология — auf Wiedersehen? // Социол. исслед. 2005. № 12. С. 23—32.
- Руткевич М.Н. Макросоциология. Методологические очерки. М., 1995.
- Руткевич М.Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб., 2001.
- Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М., 1970.
- Сафронова В.М. Общество будущего: горизонты предсказуемости. М., 2005.
- Small A. Between eras: from capitalism to democracy. Chicago, 1913).
- Соколова Г.Н., Титаренко Л.Г. Современная западная социология: хрестоматия. Минск, 2008.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

- Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.
- Тоффлер Э.* Шок будущего, М., 2008.
- Тощенко Ж.Т.* Социология труда: опыт нового прочтения. М., 2005.
- Тощенко Ж.Т.* Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социол. исслед. 2007. № 9.
- Тощенко Ж.Т.* Социальное предвидение // Ж.Т. Тощенко. Социология. М., 2009. С. 493—502.
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии: пер. с фр. М., 1998.
- Улановский А.М.* «Новая парадигма» социальных наук: линия развития современного конструктивизма / Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М., 2010.
- Флигстин Н.* Архитектура рынков. Экономическая социология капиталистических обществ XXI века. М., 2013.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
- Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
- Шавель С.А.* Общественная миссия социологии. Минск, 2010.
- Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социол. исслед. 2005. № 10. С. 64—72.
- Шюц А.* Избранное: мир, священный смыслом / сост. и пер. Н.М. Смирновой. М., 2004.
- Ядов В.А.* Каким мне видится будущее социологии // Социол. исслед. 2012. № 4.
- Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
- Ясавеев И.Г.* Социальные проблемы: конструкционистское прочтение (сост.). Хрестоматия. Казань, 2007.
- Яхот О.А.* Кетле и некоторые вопросы детерминизма // Уч. зап. по статистике. Т. 8. М., 1964.
- Alexander J.* The Individualistic Dilemma in Phenomenology and Interactionism // Macro-Sociological Theory. L.: Sage, Vol. 1. 1985.
- Beck U.* Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The emergence or Cosmopolitan Risk Communities. Gothenburg, 2010.
- Bell D.* The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in Fifties. N.Y., 1962.
- Brzezinski Z.* Between Two Ages. N.Y., 1988.
- Chia G., Nuzzo M.L.,* Psychological constructivisms: A metatheoretical differentiation. Journal of Constructivist Psychology. 1996. N-9, P. 163—184.

- Chiss J.* Toward an Interparadigmatic Dialogue on Goffman // *Sociological Perspectives*. 1996. № 39. P. 333—339.
- Collins R.* *Four Sociological Traditions*. N.Y.: Oxford University Press, 1994.
- Eckberg D.L., Hill L.* The Paradigm Concept and Sociology: A Critical Review // *American Sociological Review*. 1979. N-44. P. 925—937.
- Kent S.* *Historical Sociology* // *Encyclopedia of Sociology* / Ed. by Borgatta. Vol. 2. N.Y., 1992.
- Lock A., Strong T.* *Social Constuctionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice*. Cambridge; N.Y., 2010.
- Milovanovic D.* Dueling Paradigms: Modernist versus Postmodernist Thought // *Humanity and Society*. 1995. N19. 19—44.
- Myrdal G.* *An American Dilemma. The Negro Problem and Modern Democracy*. New York. — London. Harper and Brothers Publishers, 1944.
- Parsons T., Shils E.A.* *Working Papers in the Theory of Action*. N.Y., 1953.
- Raskin J.D.* Constructivist theories // *Comprehensive handbook of personality and psychopathology*. P. 212—229 / J.C. Thomas and D.L. Segal (eds.). Vol. 1: Personality and everyday functioning / N.Y.: John Wiley. 2006.
- Ritzer G.* *Sociology: A Multiple Paradigm Science*. Rev. ed. Boston: Allyn and Dacon, 1980.
- Rostow W.W.* *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. 1960.
- Smith D.* *The Rise of Historical Sociology*. Cambridge. 1991.
- Snizek W.E.* An Empirical Assessment of «Sociology: A Multiple Paradigm Science» // *American Sociologist*. 1976. N 11. P. 217—219.
- Staats A.W.* Skinnerian Behaviorism or Radicel Behaviorism // *American Sociologist*. 1976. N 11. P. 59—60.
- Timasheff N.* *Sociological Theory*. N.Y., 1965.
- Weber M.* *The Theory of Social and Economic Organization*. N.Y., 1965.

ГЛАВА 2

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ

2.1. Исторический экскурс

История каждой науки свидетельствует, что вначале зарождаются, формируются и развиваются лишь отдельные элементы науки, а затем уточняется и закрепляется наименование, объясняющее и трактующее ее сущность и содержание. Иначе говоря, сначала формулируется не термин, а выявляются обстоятельства его породившие, так как *каждая наука возникает как ответ на потребности познания естественного-природного и общественного развития*.

Рождение социологии как науки было подготовлено самой жизнью, процессом развития человечества. К XVIII веку окончательно сформировался такой *принципиально новый социальный феномен — общество*, которое стало противостоять (оппонировать) государству. Этот новый феномен воплотился в деятельности политических партий, корпоративно-профессиональных объединений, различных добровольных движений, профсоюзов, научных и культурно-просветительских организаций. Эти образования стали олицетворять новые — общественные — силы.

Не менее важный фактор, породивший социологию, был связан с великими буржуазными революциями, в основном, французской (в конце XVIII в.), которая провозгласила свободу, равенство, братство всех людей. Эта революция знаменовала *превращение каждого человека в субъект исторического процесса, независимо от социального происхождения, социального положения, вероисповедания, национальной принадлежности*. Именно с этого периода начинается *новое осмысление — в широком смысле созидательной — роли человека, всех без исключения людей посредством изучения их сознания и деятельности (поведения) во всех ипостасях как активных участников экономических, социальных, политических и духовно-культурных*

процессов и их изменений. В ряде исследований подчеркивается тот факт, что для появления такого феномена — автономного человека, у которого возникает способность самостоятельно решать вопросы общественной и личной жизни, многое сделали предшественники французской революции, олицетворяющие Век Просвещения — К.А. Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах (подробнее см.: [Длугач, 2015]).

Важным фактором, послужившим причиной возникновения социологии как науки, стали кардинальные *успехи естественных наук* — физики, математики, астрономии, биологии, продемонстрировавших возможности получения принципиально нового знания при помощи экспериментальных методов исследования природы и Вселенной. Именно эти достижения подвигли исследователей общества на поиск таких инструментов познания, которые бы обеспечили более строгое и последовательное объяснение и интерпретацию происходящих в первую очередь экономических и политических процессов и их изменений.

Способствовала возникновению социологии и такая ситуация — в конце XVIII — начале XIX веков *научное знание отмежевалося от теологии*, от религиозных догм в трактовке мира и общества. В этой связи хотел бы напомнить разговор П. Лапласа и Наполеона Бонапарта, который пригласил ученого для рассказа об его открытиях. Когда тот закончил свой рассказ о движении небесных тел, Наполеон спросил: «А где же место Бога в вашем открытии?». На что Лаплас гордо отметил: «Я в этой гипотезе не нуждался». Окружение властителя замерло — это было неслыханной дерзостью, чреватой серьезными последствиями, крамолой, которая вела к неизбежным до сего времени наказаниям. К чести Наполеона он не стал настаивать на божественном промысле, отпустив ученого со словами, предоставляющими Лапласу продолжать свою работу согласно его убеждениям. Этот случай многие ученые склонны рассматривать как манифест, который провозгласил уже признанное разделение науки и религии.

Нельзя сказать, что общественные науки в этот период времени никаких реальных усилий по познанию природы и общества не делали. В трудах английских экономистов, французских просветителей, немецких философов и историков по осмыслению новых явлений в жизни общества был осуществлен глубокий анализ реальной социально-экономической ситуации, изложены основы функционирования исторических, социальных и экономических процессов, различных общественных явлений.

В этот исторический период стремительное развитие капитализма, нарастающая волна социальных конфликтов, противоречия в функционировании буржуазной демократии настоятельно требовали не столько абстрактного, дидактического, сколько конкретного, позитивного изучения и объяснения социальных процессов и явлений. Происходящее одновременно развитие других общественных наук — истории, экономики, права, психологии — лишь высветило новый комплекс проблем, которые лежали на грани этих наук и требовали самостоятельного рассмотрения. Таким образом, *возникновение социологии как науки отражает качественный этап в истории общества и науки, когда она предстала в человеческом измерении — каждый человек мог (хотя бы в потенции) проявить свой активный, творческий, созидательный характер.*

В ответ на поставленные жизнью вопросы в XIX в. родилась социология, стремящаяся объяснить существующую реальность. Важнейшими особенностями новой науки стали: *отказ от хронологического описания событий, опора на выводы естественных наук, анализ реальных фактов и событий, а не только философских постулатов и мировоззренческих идей.*

Вместе с тем стоит отметить, что развитие социологии как науки шло по нескольким направлениям. Рождались различные варианты трактовки проблем общественного развития, в которых предлагались разные методы изучения общества. (Подробнее см.: [Кравченко, 2002; Култыгин, 2000; Кукушкина, 2009 и др.].) Мы же остановимся на кратком обзоре тех теорий и концепций, а также некоторых идей, которые можно отнести к человековедению, когда особое внимание уделялось человеку, его действиям с учетом его развития и функционирования в условиях определенной социальной среды.

Нужно отметить, что в творчестве социологов XIX века преобладала методология социологического реализма, в основе которого рассматривались в первую очередь проблемы общества и лишь затем проблемы личности. Но и в недрах этой парадигмы — общество как основная цель исследований социологов — постепенно созревали идеи о *роли народных масс как активных участников исторического процесса, размышления о месте и участии человека в общественной жизни.*

2.2. Философии жизни как предтеча идей социологии жизни

Многие социологические концепции родились в недрах философской мысли. Социология жизни не является исключением.

В ходе многотысячелетнего развития философии был накоплен уникальный опыт интерпретаций общественных изменений, в каждой из которых предпринималась попытка ответить на вопрос: что собой представляет общество во всех своих появлениях, в том числе в человеческом измерении. Объяснения содержания происходящих общественных процессов и явлений предпринимались и в Древнем мире, и в Средневековье, и в Новое время. Отдельные соображения о сущности и содержании жизни, в том числе в ее общественном воплощении, восходят к таким олицетворителям мудрости античности, как *Сократ* (ок. 470—399 до н.э.), *Сенека* (ок. 4 до н.э. — 65 н.э.) и *Марк Аврелий* (121—180), к мыслителям Средневековья и эпохи Возрождения, таким как *Августин Блаженный* (354—450), *Н. Макиавелли* (1469—1527), *М. Монтень* (1533—1592), *Б. Паскаль* (1623—1662), к французским просветителям, и в первую очередь к *Ж.-Ж. Руссо* (1712—1778).

Однако начнем со времени, когда, стремясь отразить многообразие и сложность общественного развития, появилось понятие «философия жизни». По мнению некоторых исследователей, этот термин впервые был употреблен в анонимно появившемся трактате «О моральной красоте и философии жизни» (автор Г. Ширах) во второй половине XVIII в. (Подробнее см.: [Михайлов, 2004: 210—211]).

Следующие шаги по обоснованию философии жизни были сделаны *В. Дильтейем* (1833—1911) и *А. Бергсоном* (1859—1941), которых объединила критика рационализма. В своих трудах Дильтей трактовал «жизнь как поток», который богат многими как предвиденными, предсказуемыми, закономерными, так и случайными (особенными) формами ее проявления. Объясняя происходящее в жизни, он развил учение о понимании как о специфическом методе наук о духе, особо подчеркивая интуитивное постижение духовной целостности личности и культуры [Дильтей, 2000; см. также: Плотников, 2000]. Бергсон трактовал жизнь как подлинную и первоначальную реальность, как космический процесс, «жизненный прорыв», как творческую эволюцию. Он определял структуру жизни как деятельность, которая, на его

взгляд, строится из сознания, духа, памяти, и особенно интуиции, что стало в его учении базой отвержения рациональности [Бергсон, 1914].

Принципиально новый импульс развитию и обоснованию концепций философии жизни придали *М. Шелер* (1874—1928), *О. Шпенглер* (1880—1936) и *Г. Зиммель* (1858—1918). М. Шелер противопоставил формальной этике Канта так называемую материальную этику ценностей, в основе которой лежало учение о деятельности человека как интенциональном (направленном) акте постижения ценности. Он считал, что жизнь есть «изначальный феномен», который не может быть растворен ни в феноменах сознания, ни в телесных механизмах. О. Шпенглер сосредоточился на проблемах развития культуры как определяющем моменте жизни общества. Он считал, что в культуре и ее «замкнутых организмах» (египетская, индийская, китайская и другие культуры) выражается коллективная «душа» народа, которая и определяет жизненный цикл. Подчеркнем — его идеи носили характер ярко выраженного иррационализма. Он также утверждал, что жизнь — «спектакль множественности культур», каждая из которых имеет «собственную форму, собственную идею, собственную жизнь, собственную смерть» (Цит. по: [Михайлов, 2004: 210—211]).

Г. Зиммель в попытке приблизить философию жизни к социологическим реалиям, выдвинул тезис, что основной проблемой жизни является противоречие между ее творческой пульсацией и объективизацией в застывших формах культуры [Зиммель, 1996]. Он также предпринял попытку своеобразного соединения философии жизни и феноменологии, полагая, что жизнь следует не рациональной, а «витальной» логике.

Что же явилось причиной появления философии жизни? На наш взгляд, в наступившей эре буржуазных революций и набиравших силу капиталистических общественных отношений огромные массы народа были вовлечены в социально-экономические и политические процессы функционирования общества и государства. Ломая привычный образ жизни, большие слои населения сталкивались с необходимостью приспособить свою жизнь к новым реалиям, и это приспособление шло не по логике линейного развития, а очень часто непредсказуемым путем. Именно эта противоречивость жизненного процесса нашла наиболее развернутое рассмотрение в творчестве *Ф. Ницше* (1844—1900). Будучи представителем философии жизни, он обратил особое внимание на иррационалистическое ее понимание. Он противопоставил два начала бытия — дионисийское (жизненно-органистическое) и «апполоновское» (созерцательно-упорядочивающее).

По его мнению, о том, что жизнь иррациональна, говорили революции, массовые, нередко кровопролитные, эксцессы (бунты, забастовки, вооруженные стычки), которые отвергали последовательность и разумность происходящего [Ницше, 2013; см. также: Бугера, 2010; Гергилов, 2006].

Но главное достижение первых шагов философии жизни заключалось в том, что в ее рамках был сделан вывод: народ во все большей мере становится субъектом исторического процесса, а его жизнь во всех ее проявлениях приобретает значимость не только для социальной практики, но и как предмет научного поиска.

Этот этап в обосновании основных положений философии жизни характерен тем, что его общей чертой стало выступление против классического идеала рациональности, кантовской трактовки разума. Центром поиска стало обращение не к формальному, к логическому доказательству, а к жизненному опыту, к реальной жизни во всем ее многообразии. Важной особенностью этого этапа в развитии и обосновании концепций философии жизни стала все большая концентрация внимания на проблеме человека, попытке рассмотреть его в целостности и во всем многообразии душевных сил.

Вместе с тем преувеличение значения иррациональных аспектов философии жизни привело к тому, что некоторых ее разработчиков (например, Ницше) стали обвинять в том, что своими трудами они подготовили почву (уже в реальной жизни) для оправдания различных проявлений человеческой деятельности, в том числе и деформированных, таких как нацизм, тоталитаризм и даже фашизм. Кроме того, эти умозаключения оставались долгое время скорее пожеланием, некоторым логическим конструктом, чем реальным поиском средств и методов конкретного знания.

В целом же философия жизни повлияла на социологию с точки зрения обращения внимания на исследование общества в его человеческом облике, что постепенно привело к становлению социологии жизни. Этот поиск идей о человеческом измерении жизни общества привел к возникновению уже в XIX веке *новой научной концепции* — *социологии жизни, которая была именно в такой формулировке предложена и обоснована французским социологом Жан Мари Гюйо (1854—1888)*. Он заявил о необходимости и важности подойти к изучению реальности с позиций анализа многообразия жизненных ситуаций, констатировал возможность как научного, так и практического познания жизни людей в ее целостности и завершенности («жизнь является первым и последним звеном в цепочке бытия») с попыткой

опереться на нравственные (этические) и эстетические ориентиры в развитии общества для более углубленного ее изучения и использования результатов в социальной практике. По своей сути концепция Гьюйо исходила из идей философии жизни, но по-новому их осмысливала и интерпретировала с позиций социальной реальности во всем ее противоречивом развитии [Гьюйо, 1923].

Однако концепция социологии жизни долгое время не получала дальнейшего развития, обстоятельного научного обоснования, хотя уже в конце XIX — начале XX века социологами был сделан вывод: народ во все большей мере становится субъектом исторического процесса, а его жизнь во всех ее формах включает в себя многообразие как общественно-значимой деятельности, так и ситуативные действия, обусловленные и зависящие от индивидуального сознания и взаимоотношений людей с окружающим миром.

Поэтому вполне логично, что на грани XIX—XX веков исследования жизни людей эволюционировали к постепенному признанию и пониманию того, что ее можно изучить через вполне приемлемые и измеряемые показатели. Именно в этот период времени начались интенсивные исследования различных аспектов жизни — труда, культуры, образования, отдельных социально-классовых и демографических групп — рабочих, молодежи, крестьян, учащихся и др., т.е. тех отдельных субъектов реальной жизни, исследование которых подготовило многие будущие основания социологии жизни.

Среди тех, кто объективно приблизился к интерпретации социологии жизни, хотелось бы назвать исследование *Э. Дюркгейма* «Некоторые формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии» а также труд в соавторстве с М. Моссом «О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений», в которых были описаны все аспекты реальной повседневной жизни туземного населения [Дюркгейм, 1998; Дюркгейм, Мосс, 1996].

Этим же путем пошел, не употребляя этого термина, М. Вебер, применив его к исследованию жизни протестантов при написании труда «Протестантская этика и дух капитализма». Именно протестантская этика была тем основным ключевым смыслом, который определял практически все аспекты сознания и поведения людей, их жизненного мира в процессе возникновения и возмужания капиталистического производства [Вебер, 1990: 61—107].

Однако на становление социологии жизни наиболее действенное воздействие оказали феноменологическая социология и социология повседневности.

2.3. Роль феноменологической социологии в обосновании человеческого измерения жизни

Особенность *феноменологической социологии* заключается в том, что она свое начало берет в философской концепции *Э. Гуссерля* (1859—1938), на основе которой возникла «социология обыденного сознания», в дальнейшем наиболее полно выраженная в трудах австрийского философа *А. Шюца* (1899—1959). В центре внимания сторонников феноменологического подхода оказывается не мир в целом, как у позитивистов, а человек в его специфическом измерении [Подробнее см.: Дивисенко, 2010]. Социальная реальность, по их мнению, не есть некоторая объективная данность, которая находится вначале вне субъекта и только потом посредством социализации, воспитания и образования становится его составляющей. У феноменологов социальная реальность возникает посредством образов и понятий, выражаемых в коммуникации. Социальные события, по их мнению, лишь кажутся объективными, тогда как в действительности они предстают как мнения индивидов об этих событиях. «Только понимая моего ближнего как предполагающего меня в качестве социального человека, я действительно становлюсь Я в моем отношении к Другим и создаю, таким образом, конститутивную возможность для Мы, для сообщества всех людей, которое включает и меня» [Шютц, 2003: 116].

Нужно особо отметить такой аспект в трактовке жизненного мира: поскольку мнения образуют социальную реальность, постольку понятие «значение» оказывается в центре внимания феноменологически ориентированных социологов. В объективно ориентированной социологии *значение* стало отражать некие определенные связи реального мира. В феноменологической трактовке значение выводится целиком из сознания субъекта. По их мнению, социальная реальность, возникающая в процессе коммуникации, состоит из объяснения и приписывания мотивов поведения участникам коммуникативного акта, т.е. то или иное представление, понимание социальной реальности зависит в первую очередь от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия.

Но от чего зависит «разнотение» одного и того же поступка, действия у разных людей? Почему они понимают действия одних и не понимают действия других? Почему люди вообще нередко не понимают друг друга? Феноменология не дает ответа на этот вопрос, она лишь констатирует, что существуют некоторые параметры, лингвис-

тические и психологические, которые способствуют или препятствуют успешной коммуникации.

Значительным шагом в развитии представлений об обществе в его человеческом измерении стали *концепции повседневности*, возникшие в рамках феноменологической социологии. «Мир повседневной жизни не есть частный мир, он общий для меня и моих спутников; другие люди, которых в опыте переживаю в этом мире, предстают передо мной в различных аспектах, и мои отношения с ними имеют различные степени близости и анонимности» [Шютц, 2003: 116].

И хотя Зиммель и Хайдеггер давали прямо или косвенно негативные оценки концепциям повседневности, в работах большинства ее разработчиков повседневность трактуется как посредник между природой и культурой. По их мнению, в повседневности происходит реализация насущных потребностей человека, которые при этом приобретают культурную форму и значение [см. подробнее об этом: Ионин, 2004: 200]. Так, Л. Хеллер и А. Лефевр считали необходимым «новое обретение мира повседневности, в котором человеческие взгляды и действия ориентировались бы не на абстрактные и анонимные институты, а обрели бы прямо ощутимый человеческий смысл» [Ионин, 2011: 29]. При таком подходе концепция повседневности в методологическом измерении является воплощением жизненных ориентаций и установок, позволяя говорить о том, что она (повседневность) в определенном смысле конструируется, что «это процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» [Ионин, 2004: 200]. На этой основе осуществлялось осмысление единообразия восприятия ситуаций взаимодействия с участниками текущих жизненных процессов. В таком случае повседневность противопоставляется в формах: будни — празднику, действительность — идеалу, жизненная рутинa — мгновениям острого напряжения и озарения, общедоступные формы деятельности — ее специализированным формам.

В этой связи интересно отметить, что Шюц, один из творцов феноменологии, уже как социолог предложил шесть методологически обоснованных элементов, характеризующих когнитивный смысл повседневности: а) трудовая деятельность по преобразованию внешнего мира; б) убежденность в том, что окружающий мир не только существует, но может соответствовать реальным представлениям человека о нем; в) отражение специфического восприятия времени в виде определенных ритмов поведения; г) личная определенность индивида; д) проблемные ситуации в жизненном цикле (по Шюцу, «наряженное

отношение к жизни»); е) полноценное участие в повседневной жизни, реализуемое в деятельности. Стоит особо подчеркнуть, что Шюц именует и трактует повседневность как «верховную реальность», поскольку иные частные реальности отражают только отдельные стороны жизни людей и поэтому не могут быть полноценными и значимыми для познания общества и места в нем человека [Шюц, 2004].

Важный вклад в познание повседневности внесли П. Бергер и Т. Лукман, предложив рассматривать повседневность как определенным образом сконструированную реальность, состоящую из множества специфических проявлений действий и взаимодействий, но олицетворяющую четко фиксируемую определенность. По их мнению, мир повседневной жизни представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира; этот мир создается в их мыслях и действиях [Бергер, Лукман, 1995: 38]. Свое представление о повседневности, имеющее важное методологическое значение, дала *этнометодология*, в которой конструирование мира повседневности представлено как процесс, состоящий из деятельности (вернее, ее интерпретации) самих участников повседневных взаимодействий [Гарфинкель, 2007; Кравченко, 2002].

Признавая важность поворота к человековедению, П. Бурдьё посредством теоретического и эмпирического анализа показал, что культура потребления и вкус играют ключевую роль в воспроизводстве классовых границ, т.е., что повседневность означает не ограниченный индивидуальный мир, а мир, имеющий мощный социальный смысл [Bourdieu, 1984]. Значителен вклад и тех ученых, которые занимались проблемами экзистенциализма и социальных действий [Alexander and oth., 2006; Douglas, Johnson, 1977].

В современной социологии в познание и трактовку повседневности особый вклад внесли П. Штомпка, трактовавший этот поворот как экзистенциальный [Sztompka, 2008; Штомпка, 2009] и З. Бауман, который рассмотрел ее как текучую современность, полную не только смыслообразующих компонентов, но и коллизий, вносящих много неопределенностей и неожиданностей в жизненный мир человека [Бауман, 2008].

В отечественной социологии начальные шаги в изучении повседневности ассоциируются с именем *Н.Н. Козловой* (1946—2002). В ее работах с большой обстоятельностью и основательностью анализировались жизненные практики простых советских людей во всей их сложности, противоречивости и неоднозначности [Козлова, 1992,

1996]. Вместе с тем, на наш взгляд, одним из первых приближений к анализу повседневного бытия людей в отечественной традиции стал труд *Л. Гордона* (1930—2001) и *Э. Клопова* (1930—2010) «Человек после работы». По духу этот анализ всех сторон жизни людей во вне-рабочее время олицетворял концепцию повседневности. Вместе с тем эта работа не только затрагивала текущие проблемы окружающего мира людей, но и выходила на освещение таких аспектов их жизни, которые имели социально значимый характер и, по сути, приближались к социологической концепции социологии жизни и ее методолого-методической интерпретации — жизненного мира [Гордон, Клопов, 1972].

В современной российской социологии продолжают традиции исследования повседневности [Ильин, 2007], который предлагает рассматривать их в рамках экзистенциальной социологии.

Таким образом, анализ трудов современных зарубежных и отечественных ученых позволяет сделать вывод, что в центре их внимания оказалось человековедение, анализ самоочевидностей сознания и поведения, схем типизации форм социальной практики [Подробнее см.: Романовский, 2013]. Однако именно такой подход к повседневности как к объекту научного анализа принес несколько неожиданных поворотов при его применении к изучению многообразия жизненного мира. Что касается объектов изучения реальности, то наряду с социально значимыми формами повседневности стали выдвигаться в качестве ее проявлений специфические и, я бы сказал, тривиальные социальные практики, которые не имеют никакого отношения ни к науке, ни к реальной действительности. Преувеличение таких эпизодов или событий в жизни человека обернулось постмодернистскими зигзагами — изучались любители мороженого, сравнивались левши и правши, частота купаний в море. На театральные подмостки, в изобразительное искусство, в художественную литературу — якобы из необходимости осмыслить повседневные реальности — шагнули сцены отправления естественных потребностей человека, демонстрация половых актов и публичное обнажение человеческого тела [Мнацаканян, 2015].

Анализ идей становления и развитие идей повседневности как предтечи социологии жизни позволяет сделать вывод, что изучение жизни людей через обыденные практики, с одной стороны, открыло новые горизонты познания сущности социальной жизни, с другой — достаточно быстро выявило ограничения, показав, что их применение и использование имеет пределы.

Вместе с тем становилось очевидным, что среди современных концепций социологии все более и более привлекательными становятся *идеи человека как активного социального субъекта (актора)*, под влиянием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в микросоциальном плане. «Общество представляет собой ансамбль совместно мыслящих, действующих и чувствующих личностей» [Хальбвакс, 2015, 9: 111]. Эти идеи в той или иной мере нашли отражение не только в проанализированных выше трудах ведущих социологов мира и России, но и в творчестве других представителей социологического знания. В этой связи приведем некоторые новые определения социологии: «Социология — это научное изучение человеческого поведения и социального окружения человека, которое влияет на это поведение» (К. Дуб); «Социология — это наука о методах исследования человеческого поведения» (С. Мур, Б. Хендри); «Социология — это систематическое изучение общества и социальной активности человеческого бытия. В качестве специфической дисциплины ее дополнительно рассматривают в виде знания о том, как реальный человек думает и действует в облике социального творца» [Масионис, 2004]. Этому же придерживается и датская исследовательница М. Бертильссон [Бертильссон, 2002]. *Этот поворот в социологии позволяет утверждать, что ее лицо в конце XX — начале XXI века во все большей мере определяют теории, которые восходят к человеку, его роли и активности в современном мире. Иначе говоря, они направили свое внимание на исследование всех без исключения аспектов общества с позиций антропоцентричности, все чаще и чаще апеллируя к его человеческому измерению. Именно этот поворот подготовил почву для возрождения социологии жизни на современном этапе развития социологической науки.*

2.4. Отечественные (советские и российские) предшественники социологии жизни

Что касается отечественной социологии, то в ней постепенно накапливался опыт эмпирического изучения жизненного мира людей. Стоит отметить, что в этот период многим представителям русской социологии (психологической, этико-социологической, органистической школам) была присуща характерная черта: они, несмотря на значительные различия, были ориентированы на изучение человека в его специфическом социальном измерении, разделяли идеи о соци-

альной сущности человека, роли сознания и поведения в решении общественных проблем.

Иначе говоря, ряд социологов России в XIX — начале XX в. прямо или косвенно выходили на проблемы человека, индивида как социального существа, считая сознание и поведение основным критерием общественного прогресса, а в ряде случаев рассматривая этот феномен в качестве основного объекта социологического изучения. Именно гуманистическая направленность, человеческое измерение общественной жизни являются важнейшей характеристикой состояния и развития отечественной социологии в этот период времени (Подробнее см.: [Бороноев, Козловский, 1997; Голосенко, Козловский, 1995; Кукушкина, 2009]). Эти размышления и утверждения использует автор в своей концепции социологии жизни, которая в развернутом виде учитывает состояние и тенденции развития общественного сознания и поведения в тесной связи с объективными условиями существования людей.

Эту традицию в определенной мере продолжили исследователи преобразований после Октябрьской революции 1917 г. В 1928 г. в свет вышла книга А.М. Большакова «Деревня (1917—1927)», в которой дан всесторонний анализ жизни сельских жителей одной из волостей Тверской губернии. В этом уникальном (неоправданно забытом) произведении обстоятельно рассматривались все аспекты жизни людей, начиная от прошлого сельских поселений до частушек, которые пели крестьяне в то время. Ни одна сторона жизни сельских тружеников не осталась без внимания — ни социально-экономическое положение жителей, ни работа партийной (большевиков) и комсомольской организаций, ни кампания по ликвидации неграмотности, ни взаимоотношения с церковью, ни даже перечень частушек, которые пела в эти годы сельская молодежь. Иначе говоря, не было такого аспекта в жизни крестьян, который бы остался вне поля зрения исследователя. В результате мы имеем красочную и объемную картину крестьянской жизни во всем многообразии, почти физически позволяющую ощутить ее реальное и наглядное наполнение (подробнее см.: [Большаков, 1928]). К подобным всеохватывающим трудам можно отнести и исследование жизни жителей села Копанка (Молдавия), повторенное в 1960-е гг., где также была предпринята попытка анализа всех аспектов жизни населения этого села [см.: Копакка, 1966].

Этим требованиям — всестороннее исследование жизни — в известной мере отвечала начатая в 1930-е гг. по инициативе М. Горького серия историко-художественных изданий «История фаб-

рик и заводов», в которых осуществлялись попытки охарактеризовать все аспекты возникновения, развития и функционирования хозяйственных объектов в тесной связи с описанием реальной жизни людей на всех этапах существования данных предприятий [Горький..., 1959].

Возвращение к этой традиции — изучению социальной жизни в ее человеческом измерении в совокупности всех составляющих ее элементов — было непростым, противоречивым и неоднозначным, но в то же время знаменательным, так как новые потребности в развитии советского (российского) общества диктовали необходимость комплексного анализа всех сторон жизни людей. Однако в отечественной социологии исследований в 1950—2010 гг., которые бы предприняли анализ всех аспектов жизни людей в их целостности и неразрывности, не так уж много. Поэтому наряду с начавшимся потоком отдельных социологических исследований социально-экономических и социально-культурных проблем в начале 1960-х гг. [Романовский, Тощенко, 2008] возникло и сформировалось уникальное, специфическое явление — *социальное планирование*, выразившееся в разработке и внедрении планов социального развития сначала трудовых коллективов, затем и территорий. Начало этой научной и практической деятельности положила инициатива ленинградских ученых и руководителей предприятий города. Одним из первых таких научно-прикладных документов стал план социального развития научно-производственного объединения «Светлана». Уникальность этого документа состояла в охвате всех проблем социальной жизни людей, выходящих за пределы производственных забот — в нем были отражены потребности повседневной жизни людей, жилищные условия, организация свободного времени, здоровье, физическая культура и спорт и т.д. Не было ни одной социально значимой ниши, которую бы не затрагивали в своем поиске исследователи и которую бы игнорировали руководство и общественные организации объединения [см.: Ельмеев, 1974; Полозов, 1987]. Уже в 1970-х гг. были опубликованы работы, обобщающие результаты этого научного поиска и практического почину, анализировавшие все стороны трудовой, социально-политической и культурной жизни людей в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве. Были сформулированы рекомендации по использованию этих принципов на других уровнях социальной организации общества [см.: Аитов, 1987; Лапин и др., 1976; Лузан, 1972; Олесневич, 1977; Тощенко, 1981; Фролов, 1970].

В летописи отечественной социологии запечатлен вклад так называемой заводской социологии, представители которой (В.И. Герчиков, А.К. Зайцев, Б.И. Максимов, А.В. Тихонов, В.В. Щербина и др.) осуществили поиск социальных резервов, касающихся практически всех сторон жизни работников предприятий [см., например: Герчиков, 1984; Щербина, 2010]. Именно их усилиями планы социального развития стали руководством в реальной практике управления социальной жизнью производственных коллективов, эффективным средством решения перспективных и текущих социальных проблем.

Отмечая огромную роль планов социального развития в анализе и регулировании социальной жизни людей, можно сделать заключение, что они все же в первую очередь рассматривали проблемы трудовой деятельности, ее социальные ресурсы. И это не могло быть иначе, так как перед производственными единицами — заводами, фабриками, стройками и т.д. — конкретно и объемно стояла цель решать экономические задачи, а социальные аспекты жизни рассматривались как мощный резерв их успешного решения. Вполне естественно, научную мысль не могло не волновать и не интересовать социальное содержание жизни людей как таковых вне зависимости от одной из ее сторон, даже такой важной как трудовая деятельность. И вот в недрах социологической мысли уже в 1970-х гг. сначала в теоретическом плане, а затем в прикладном стали крепнуть идеи о необходимости исследовать социальную жизнь посредством понятия «*образ жизни*». Шагнув из недр литературной и журналистской лексики, это понятие стало постепенно обретать все более отчетливые показатели социологической интерпретации, измерения и использования в процессе управления. Что касается теоретического осмысления этого феномена, было уделено внимание соотношению «образа жизни» с понятиями «уровень жизни», «стиль жизни», а несколько позже «качество жизни» [Толстых, 1975; Руткевич, 1983].

Одновременно перед социологами возникла проблема операционализации понятия «образ жизни», которую одними из первых во второй половине 1970 гг. попытались осуществить исследовательские коллективы под руководством *И.В. Бестужева-Лады* (1927—2015), *Л.Н. Когана* (1923—1997), *И.Т. Левыкина* (1923—1994) [Бестужев-Лада, 1980; Коган, 1979; Левыкин, 1981]. В их концепциях образ жизни первоначально конструировался по четырем сферам: труд, быт, общественно-политическая и культурно-образовательная деятельность. Затем представление о нем было доведено до 14 блоков, включая быт, показатели брака и семьи, образование, национальные отно-

шения и антиобщественные явления. Были расширены и уточнены показатели условий жизни (материальное благосостояние, социальное обеспечение, транспортное обслуживание, состояние окружающей среды), введен дополнительно блок показателей стиля жизни (жизненная ориентация). По сути дела, это означало попытку в комплексе охватить все жизненные реалии и ответить на вызовы времени, решить не только отдельные, пусть значительные проблемы, но и особые, даже специфические аспекты жизни людей [См.: Бестужев-Лада, 1983: 93—96; Левыкин, Возьмитель, 1984].

Изучение образа жизни быстро развивалось в 1970—1980 гг. От общесоюзных исследований они шагнули на предприятия, в сельские поселения, регионы. Одним из уникальных и особенно удачных, методологически выверенных трудов стала монография В.В. Чичилимова, построенная на данных жизни работниц Тираспольской швейной фабрики [см.: Соколова, Кашина, Чичилимов, 1980]. В книге красочно, наглядно и убедительно описывались все без исключения заботы, тревоги и проблемы женского коллектива предприятия — от характеристики трудовых будней до работы детского сада. Это тем более знаменательно, что продукция фабрики потреблялась не только на внутреннем рынке — она импортировалась по заказам французских бизнесменов.

Глубокое и обстоятельное исследование образа жизни одной из важнейших социальных групп — крестьянства — осуществил коллектив под руководством *Т.И. Заславской* (1927—2013) и *И.В. Рывкиной* (р. 1926): анализ состояния и изменений жизненных путей сельских жителей ряда районов Западной Сибири [Заславская, Рывкина, 1980]. Последним из крупномасштабных, близких по логике к исследованию образа жизни явился опрос ВЦИОМ по репрезентативной общесоюзной выборке в ноябре 1989 г., результаты которого легли в основу известной монографии «Советский простой человек» [Левада, 1993].

Комплексное изучение социальной жизни людей в условиях постсоветской России нашло отражение в крупномасштабных исследованиях Института социологии и Института социально-политических исследований РАН. В Институте социологии ряд исследований подводил итог развития страны в его человеческом измерении с начала перестройки (1985) и в сравнении с началом 1990-х гг. В них были выявлены черты жизненного мира людей, их проблемы, как текущие, так и в ретроспективе, показаны изменения в установках и ценностных ориентациях россиян (подробнее см.: [Горшков, 2011]). В ИСПИ РАН почти четверть века под руководством В.К. Левашова осуществ-

ляется мониторинг многих сторон жизненного мира людей с акцентом на социально значимые его компоненты [Левашов, 2013]. Уникальное, на наш взгляд, исследование всех аспектов жизни сельских жителей Угорского района Костромской области осуществляет Н.Е. Покровский: идет плодотворный поиск ответа на злободневный вопрос — что собой представляет жизнь современной российской деревни в специфических условиях российского Севера с учетом особенностей данных поселений [Покровский, Нефедова, 2014].

Что же объединяет эти многосторонние, комплексные исследования жизни россиян? Есть ли у них какие-либо общие черты и характеристики с другими социологическими исследованиями, посвященными отдельным компонентам жизненного мира людей — труду, политике, социальной структуре, культуре, религии и т.д.? На наш взгляд, *интегрирующим моментом, пронизывающим все без исключения исследования социологов, который осознанно или в известной мере стихийно применяется в поиске истины, является изучение жизненного мира людей в единстве общественного сознания во всех его формах и проявлениях с поведением (деятельностью) людей и окружающей их среды.*

Если рассмотреть все без исключения социологические исследования, нацеленные на познание тех или иных сторон жизни людей или затрагивающие их, они имманентно включали в себя изучение основополагающих характеристик жизни человека — сознание, поведение (деятельность) и среду. В этой связи хотелось бы напомнить характеристику социологии, данную П.А. Сорокиным (1928) как «науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных» [Сорокин, 1992: 534].

Таким образом, постепенно, шаг за шагом становился очевидным факт, что интерес социологии заметно смещается в направлении человековедения, к признанию того, что анализ проблем жизни людей все больше и больше становится объектом ее внимания. Справедливым становилось, во-первых, утверждение, что прошло время, когда в социологии общество объявлялось первостепенным объектом анализа. Во-вторых, выдвижение на первое место проблем человека не означает, что социология претендует на его познание, как это делает биология или психология. Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по предназначению. Социология сосредотачивает на анализе социальных проблем, которые являются «вечными», проявляющими себя в любых обществах, в любых условиях, на всех этапах человеческой истории, но с учетом национальной, региональной или иной специфики.

Потребовалось время и длительный и настойчивый поиск, чтобы выразить эти теоретические утверждения и методологические подходы через понятия и показатели, которые могли бы охарактеризовать сущность и содержание социологии жизни, а также сформулировать предложения, как и при помощи каких методов отразить (выразить) все многообразие жизни не только общества, но всех людей, олицетворяющих это общество (подробнее см.: [Тощенко, 2015]).

Этот теоретико-методологический поиск и его обоснование позволили сформулировать принципиально новую стратегию изучения общества и человека, что будет рассмотрено в следующей главе, и прежде всего таких важных теоретико-методологических проблем, как объект и предмет социологии жизни, ее понятийный аппарат.

Литература

- Аитов Н.А.* НТР и социальное планирование. М., 1987.
- Бауман З.* Текучая современность. М., 2008.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
- Бергсон А.* Творческая эволюция. СПб., 1914.
- Бертильссон М.* Второе рождение природы: последствия для категории социальное. // Социол. исслед. 2002. № 9.
- Бестужев-Лада И.В.* Советский образ жизни: Формы и методы его пропаганды. М., 1980.
- Бестужев-Лада И.В.* Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социального общества и всестороннее развитие личности. М., 1983.
- Большаков А.М.* Деревня (1917—1927). М., 1928.
- Бороноев А.О., Козловский В.В.* (отв. ред.) Российская социология: Историко-социологические очерки. М., 1997.
- Бугера В.Е.* Социальная сущность и роль философии Ницше. М., 2010.
- Вебер А.* Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произв. М., 1990.
- Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.
- Гергилов Р.Е.* Влияние Ницше на немецкую социологию // Социол. журнал. 2006. № 1.
- Герчиков В.И.* Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Новосибирск, 1984.
- Голосенко И.А., В.В. Козловский.* История русской социологии XIX—XX вв. М., 1995.

- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы, Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972.
- Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
- А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов. Сб. документов и материалов. М., 1959.
- Гюйо Ж.-М.* Нравственность без обязательств и без санкции. М., 1923.
- Дивисенко К.С.* Концепция жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля: горизонты социологического исследования // Петербургская социология сегодня. Сб. научных трудов. СПб., 2010.
- Другач Т.Б.* Здравый смысл как философская идея французских просветителей // Философские науки. 2015. № 9. С. 127—140.
- Дюркгейм Э.* Некоторые формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Личность. Религия. Наука. М., 1998.
- Дюркгейм Э., Мосс М.* О некоторых первобытных формах классификации // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б. Гофман. М., 1996.
- Ельмеев В.Я.* Методологические основы планирования социального развития. М., 1974.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. (ред.)* Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.
- Зиммель Г.* Избранное. М., 1996.
- Ильин В.И.* Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. Социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб., 2007.
- Ионин Л.Г.* Методология социально-гуманитарного знания // История философии наук. М., 2011.
- Ионин Л.Г.* Повседневность // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 2004. С. 200.
- Коган Л.Н. (ред.)* Социалистический образ жизни (опыт социологического исследования). М.; Свердловск, 1979.
- Козлова Н.Н.* Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3.
- Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996.
- Копанка: 25 лет спустя / под ред. Г.В. Осипова. М., 1965.
- Кравченко С.А.* Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. — М., 2002.
- Кукушкина Е.И.* История социологии: Учебник. М., 2009.
- Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.

- Латин Н.И., Коржева З.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. М., 1976.
- Левашов В.К.* Российское государство и общество в период либеральных реформ. М., 2013.
- Левыкин И.Т., Возьмитель А.А. (ред.)* Советский образ жизни: Состояние, мнения и оценки советских людей. М., 1984.
- Левыкин И.Т.* Образ жизни как объект междисциплинарного изучения // Социол. исслед. 1981. N-1.
- Лузан П.П.* Планирование социального развития производственного коллектива. М., 1972.
- Михайлов И.А.* Философия жизни // Философская энциклопедия: В 4 т. М., 2004. Т. 4. С. 210—211.
- Мнацаканян М.О.* Постмодернизм. Происхождение, природа и место в современной социологии. М., 2015.
- Ницше Ф.* Несвоевременные размышления // Полн. собр. соч. Т. 1. Ч. 2. М., 2013.
- Олесневич Л.А.* Социальное планирование на промышленном предприятии. Киев, 1977.
- Плотников Н.С.* Жизнь и история: Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.)* Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. М., 2014.
- Полозов В.Р.* Социальное планирование производственных коллективов и его роль в ускорении социально-экономического развития страны. Л., 1987.
- Романовский Н.В.* Эволюция теоретической мысли в социологии. Комментарий к проблеме // Социол. исслед. 2013. № 8. С. 3—13.
- Руткевич М.Н. (ред.)* Социалистический образ жизни М., 1983.
- Соколова В.* Все о нас и нашем коллективе: Концепция, методы и результаты диагностики образа жизни коллектива тираспольских швейников / В. Соколова, М. Кашина, В. Чичилимов Кишинев, 1980.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Толстых В.И.* Образ жизни: Понятия. Реальность. Проблемы. М., 1975.
- Тощенко Ж.Т.* Социальное планирование в СССР. М., 1981.
- Тощенко Ж.Т.* От философии жизни к социологии жизни // Философские науки. 2015. № 5.
- Фролов С.Ф.* Социальное планирование на промышленном предприятии. Горький, 1969.
- Хальбвакс М.* Индивидуальное сознание и коллективный разум // Философские науки. 2015. № 9.

Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социол. исслед. 2009. № 8.

Щербина В.В. Развитие заводской социологии: история, опыт наследие // Вехи российской социологии: 1950-е — 2000-е годы. СПб., 2010.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.

Шюц А. Избранное: мир, освященный смыслом / Сост. и пер. Н.М. Смирновой. М., 2004.

Alexander J., Giesen B., Mast J. Social Performance. Cambridge, 2006.

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. Cambridge, 1984.

Douglas J.D., Johnson J.M. Existential Sociology. Cambridge. 1977.

Sztompka P. Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16. No. 1. P. 23—37.

ГЛАВА 3

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ

3.1. Генезис идей об обществе

Объектом социологии, как и других социальных наук, является общество. Однако каждая из социальных наук имеет свой аспект его изучения: история исследует общество в его поступательном развитии, экономические науки — развитие национального хозяйства во всем многообразии его модификаций, философия — общие закономерности развития природы и общества, психология — развитие и функционирование индивида и образуемых им групп, общностей и т.д. Необходимость уточнения объекта встала и перед социологией — а какое общество или какой компонент (сферу, аспект) его развития следует ей изучать.

Само понятие «общество» стало достоянием научного знания только в XVIII в. До этого времени оперировали понятием «государство» в его конкретном преломлении: «царство», «княжество», «империя», «ханство», «полис» и пр. Однако к этому времени стало очевидно, что в жизни народов, особенно в Европе, наряду с государством и его олицетворением в виде определенной политической власти *возникают оппонирующие силы в лице общественных организаций и движений, самостоятельных, независимых от государства экономических и социальных образований.* Иначе говоря, в жизни человечества как предшественник и как состоявшийся результат великих буржуазных революций появилась новая социальная реальность — общество, базирующееся на принципиально новой экономической и политической основе. Именно в этот период начала рождаться и осмысливаться *идея не просто об обществе, а о гражданском обществе* как наиболее соответствующая утверждающимся реалиям сущность. Потребности в их осмыслении породили новые концепции и новые выводы,

ибо ключевой проблемой гражданского общества стал человек как субъект исторического процесса.

Одну из первых идей о гражданском обществе как научно обоснованном понятии высказал Г.В. Гегель, а затем и К. Маркс, которые, анализируя процесс развития человечества, пришли к выводу, что данный феномен — гражданское общество — рожден только на определенной стадии исторического процесса, а именно — как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от буржуазных — английской и французской — революций. По мнению К. Маркса, гражданское общество — это такая грань и ступень в развитии человеческого общества, которая охватывает «определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов... Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» [Маркс, Энгельс, 27: 402].

Это понятие — общество — стало объектом и предметом анализа, начиная с первых социологических концепций. И в самом деле, весь XIX век, все социологи, несмотря на различные трактовки социологии, мыслили примерно в одном и том же теоретико-методологическом ключе — они изучали (исследовали) общество. Это было присуще не только тем из них, кто начинал закладывать основы новой науки (О. Конт, Г. Спенсер и др.), но и всем их последователям, обращающим внимание на различные объяснения анализируемых ими общественных устройств.

Но постепенно многие исследователи все больше и больше задавались вопросом: а какая часть, какой аспект, какая сфера общества становятся объектом и предметом социологической науки? В начале XX века произошел качественный поворот в уточнении объекта социологии, который обычно связывается с именем Э. Дюркгейма (1858—1917). Он одним из первых выдвинул тезис, что социология изучает не все общество, а только одну из его сторон — социальную реальность, которую олицетворяет социальный факт [Дюркгейм, 1995]. Эта точка зрения достаточно быстро нашла поддержку, хотя спор об объекте социологии продолжается до сих пор. По-прежнему высказывается много соображений, и это многообразие отражает наличие значительного числа школ в мировой социологии, различных взглядов, что характерно и для отечественной социологии.

Необходимо отметить, что наряду с осмыслением понятия «общество» шла активная разработка другого, смежного и уточняющего его смысл — «гражданское общество». На наш взгляд, его обоснование,

уточнение и обогащение прошло несколько этапов и выразилось в многообразии высказанных идей.

Первым шагом в разработке идей гражданского общества стала концепция социального государства, которая была выдвинута в середине XIX века и обоснована немецким государственным и экономистом Л. Фон Штейном (1815—1890), чьи идеи сохранили свою актуальность вплоть до настоящего времени. Он исходил из того, что функции государства заключаются в постоянном поддержании равенства и свободы низших обездоленных классов по сравнению с богатыми и сильными, что государство должно заботиться об общественном прогрессе во имя всех членов общества (цит. по: [Милецкий, 1997: 82, 97]). Государство, согласно Штейну, обязано способствовать общественному прогрессу в интересах всех своих граждан, так как в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого (подробнее см.: [Евстратов, 2014; Кочеткова, 2008]).

Идеи Штейна нашли некоторое воплощение в жизни промышленно развитых стран Европы, когда в условиях постоянного давления рабочего движения и признания растущего влияния социалистических идей правящие слои пошли на социальные уступки. При Бисмарке, а затем при кайзере Вильгельме II была начата разработка нормативных правовых актов об обязательном социальном страховании основных профессиональных групп работников, самоуправляющихся товариществах. Были выделены финансовые ресурсы для гарантированной медицинской помощи. Эта конструкция, получившая название «модель Бисмарка» («прусский социализм») была впоследствии дополнена социальным страхованием от несчастных случаев (с 1871 г.), финансированием медицинской помощи (с 1880 г.), пособиями по болезни (с 1883 г.).

Такая политика была постепенно распространена и в других странах: социальное страхование было введено в Австрии с 1887 г., во Франции — с 1898 г., в Норвегии — с 1894 г., в Швеции — с 1901 г. (Подробнее см.: [Евстратов, 2014]).

Концепция социального государства сохранила свое влияние до настоящего времени. Однако она приобретала новые акценты в своей трактовке, эволюционировав в новую теорию, которую стала олицетворять концепция *общества благосостояния (благоденствия)*. Наиболее полно эти идеи о возможности существования такого общества были высказаны и, на наш взгляд, наиболее наглядно и доказательно выражены Д.М. Кейнсом (1883—1946) [Кейнс, 2002]. Однако на практике в реальной государственной жизни эти идеи стали использовать-

ся значительно позже — лишь начиная с 40-х гг. XX века. Многие исследователи такой исходной точкой считают «план Бевериджа», представленного его автором британскому парламенту в 1942 г. И несмотря на то, что в это время правительство возглавлялось консерваторами, были сделаны первые шаги по осуществлению этого плана, началась разработка законодательной его основы. Уже в 1944 г. в Белой книге было записано, что первоочередной экономической задачей правительства является обеспечение полной занятости, а также введение всеобщего среднего образования. Однако в полной мере этот план стал реализовываться лейбористами, когда они пришли к власти в 1945 г. *Его суть заключалась в том, чтобы не только обеспечить социальное страхование всех граждан страны*, но и гарантировать единый средний доход, которого бы хватило на скромное, но достойное поддержание жизни каждому человеку, живущему в Великобритании. Важной составной частью этой концепции стало обеспечение социальных гарантий (жилье, медицинская помощь, образование), но и обеспечение занятости. Все эти нововведения вытекали из новой концепции отношений между государством и человеком в обществе рыночной экономики. Эта концепция базировалась на признании необходимости расширенного государственного вмешательства для смягчения наиболее пагубных последствий, причины которых крылись скорее в самой капиталистической системе, чем в деятельности отдельных исполнителей.

После Второй мировой войны эта концепция приобрела статус конституционного принципа и стала воплощаться во Франции, Швеции, Италии, ФРГ, и несколько позднее в Испании, Португалии, Японии (подробнее см.: [Социальное государство... 1997]). Однако в своей сущности она по-разному воплощалась в жизни конкретного государства, в результате чего, как утверждает Дж. Эспинг-Андерсен, сложились три модели ее существования. Консервативная модель, которую олицетворяет Германия, отражает высокий уровень благосостояния и иерархически-упорядоченное общественное устройство. Швеция близка к модели эгалитарного социал-демократического режима. Что касается либеральной модели, то она реализована в Великобритании, в которой меры по улучшению благосостояния ставились в более тесную зависимость от требований рыночной экономики [Anderson, 2012; Boadway, Bruce, 1984; Graham, 1985; Miles, 1998].

В Конституции РФ записано, что Россия характеризуется как социальное государство. Однако его реализация вызывает много противоречивых суждений, так как, с одной стороны, воплощается ква-

зилиберальный принцип свободы, а с другой стороны, еще далеко от того, чтобы государство реально обеспечивало материальными ресурсами право человека на достойную жизнь [Калашников, 2013; Кара-Мурза, 2013].

Особый этап в разработке идей гражданского общества олицетворяет концепция *общества потребления*, которая родилась в 60—70 гг. XX века в ходе научно-технической революции, борьбы профсоюзов за права работников. К этому времени в реальной жизни в обществе благоденствия получил распространение стандартный семейный бюджет, гарантирующий благополучие и достойное потребление не только работнику, но и членам его семьи. Социальное положение связывалось с такими изменениями в жизни людей, как рост доходов, существенно повлиявший на структуру потребления (все больше средств тратится на товары длительного пользования, а не товары повседневного спроса), со снижением продолжительности рабочего дня и ростом свободного времени. Особую роль играло то, что формирование социально-классовой идентичности смещается со сферы труда к сфере досуга, к индивидуализации потребления. В этот период сложилась «экономика потребителя» (а не производителя), в которой не предложения формируют спрос, а, напротив, спрос формирует предложение. Вместе с тем, эти теория и соответствующая политическая практика повлияли на рост культуры производства, уровень и качество потребления, использование в личной жизни товаров длительного пользования. Особенно это важно было для молодых семей, которые в результате развитого потребительского и ипотечного кредита получили возможность для организации нормальной личной (частной) жизни с первых лет своего существования. Несомненно, что это тоже отражало социальные гарантии, которые входили в представление о гражданском обществе [Бодрийяр, 1997; Маркузе, 1994; Baudrillard, 1998]. Однако эта концепция способствовала фетишизации потребления, сначала стандартных бытовых товаров и услуг, а затем и престижных их аналогов, что привело к господству «власти» и «тирании вещей», к искажению представлений о реальных ценностях человеческой жизни. Индивидуальное потребление отражало уже не только социальное положение, но и социальный статус, социальные (а не только индивидуальные) особенности образа жизни [Ильин, 2008].

Нужно отметить, что идеи социального государства, общества благоденствия и общества потребления, получившие свое наиболее яркое и наглядное воплощение в 1950—1970-е гг., стали постепенно

не только подвергаться научной критике, но и в той или иной мере ставиться под сомнение и даже отвергаться политическими силами этих стран. Наиболее яркое опровержение и даже отказ от этих постулатов произошел в политике тэтчеризма и рейганомики в 1980-е годы, когда произошло резкое сокращение расходов государства на социальные нужды, социальную защиту и были в той или иной мере возрождены принципы социального дарвинизма. С точки зрения научного опровержения идей социального государства заслуживают внимание рассуждения Ф. Хайека, отвергавшего социал-демократические принципы построения общества благоденствия для всех без исключения и ратовавшего за побуждение ответственности каждого человека за организацию своей жизни и допускавшего существование с позиций либеральной теории социального неравенства [Хайек, 2006].

Необходимо также отметить, что абсолютизация принципов общества потребления вызвала критику и со стороны некоторых мыслителей в западно-европейских странах, которые указывали на издержки и даже пороки этого общества: человек становится зависимым от внешних сил, снижается его ответственность, общество начинает усиленными темпами «пожирать» невозможные природные ресурсы. Более того, некоторые из них сравнивали пропаганду потребления с пропагандой существования свиней, которые, де, озабочены только тем, будут ли они иметь пищу. Поэтому, по их мнению, люди общества потребления не обременяют себя никакими, в том числе и нравственными, заботами, сосредоточившись на том, чтобы как можно больше, по выражению Э. Фромма, иметь, а не быть [Фромм, 1990].

Однако поиск и обоснование идей гражданского общества шли и по другим каналам научного осмысления. Немалая заслуга в их обосновании принадлежит *концепции постиндустриального общества*, основоположником которой считается Д. Белл (1919—2011). В своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» он обосновал тезис, что после *первого этапа* в историческом развитии человечества, когда в основе развития лежал аграрный сектор, и после *второго этапа*, отличительной особенностью которого было доминирование промышленного сектора, наступил *третий этап*, ознаменовавший выдвигание на первый план сферы услуг. Причем, Белл понимал сферу услуг шире, чем идеологи общества благосостояния — в нее он включал не только потребление товаров, но и услуги в сфере знания, качественные изменения в образе и стиле жизни. В соответствии с этим он ставил под сомнение существование прежней социально-классовой

структуры, доказывая, что исчезновение классов коррелирует с доступом большинства людей не только к материальным, но и культурным благам. Кроме того, автор концепции постиндустриального общества настаивает на том, что наступила эра плюралистической демократии с одновременным повышением эффективности работы государственных институтов и структур. Это в свою очередь приводит к тому, что социальные и классовые конфликты замещаются другим основным конфликтом — между знанием и некомпетентностью, эффективностью и неэффективностью [Белл, 1999].

Теория постиндустриального общества была своеобразным ответом на концепцию Арона об индустриальном обществе. Д. Беллом, а затем Э. Тоффлером (1928—2016) было замечено, что с конца 1950-х гг. стали очевидны существенные изменения в развитии современного мира: происходило быстрое технологическое развитие, наука превратилась в непосредственную производительную силу, расширился диапазон участия людей в решении проблем общественного и в первую очередь экономического развития. Решающую роль стали играть профессионалы. Привлекало в этой концепции и то, что она не акцентировала внимание на политических аспектах развития (подробнее см.: [Иноземцев, 1999; 2000]).

Вместе с тем, достаточно быстро выявились и уязвимые места в теории и практике постиндустриализма [Семенов, 2001]. Это появилось в том, что не университеты, за которые ратовал Белл, а корпорации продолжали решать судьбы стран и мира. Профессионализм стал появляться своеобразно и односторонне: решающую роль приобретало не столько производство товара, сколько его образ, в результате влияние на развитие экономики и всей общественной жизни в первую очередь приобретали представители маркетинга и рекламного бизнеса, и не ученые, инженеры, работники высокой профессиональной подготовки. Доход стал приносить бренд, а не сам товар как таковой, что, например, было убедительно продемонстрировано К. Омаэ (Япония) при анализе производства и продажи сельскохозяйственной продукции, когда выигрывали рынки сбыта крупные фирмы посредством рекламы и создания узнаваемых брендов по сравнению мелкими производителями [Омаэ, 2007].

Преодолеть некоторые ограничения теории и практики постиндустриального общества была призвана *концепция информационного общества*, принципиальные идеи которой появились как реакция на ограниченность теорий общества благоденствия, общества потребления и постиндустриального общества. Этот термин, впервые пред-

ложенный в 1940-е гг. японским теоретиком К. Коямой и развитый в 1960-е гг. его коллегами К. Куросавой и Т. Умесао стал достоянием не только научного знания. Эти идеи были воплощены в принятой в Японии в 1972 г. программе «План информационного общества: национальная цель к 2000 г.» (подробнее см.: [Karvalics, 2007]). Практически одновременно с ними эти идеи обосновывались Ф. Махлупом, Й. Масудой Т. Стоунером, Р. Катцем и др. [Machlup, 1962; Dordick, Wang, 1993; Porat, Rubin, 1978; Masuda, 1981; Stonier, 1983; Katz, 1988].

В дальнейшем эти идеи развивались Э. Тоффлером, Дж. Нейсбитом, М. Кастельсом и др. [Кастельс, 2000; Тоффлер, 2002]. Эволюционировал в своих воззрениях и Д. Белл, утверждая, что «в наступающем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретает становление нового уклада, основывающегося на телекоммуникациях. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, развертывается одновременно со становлением постиндустриального общества». При этом, считал Белл, для понимания этой идеи надо иметь в виду определяющее значение кодифицированного научного знания для реализации технологических нововведений и превращение новой «интеллектуальной технологии» в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решения [Белл, 1999].

Суть новой концепции заключалась в том, что обосновывалась роль и значение еще одного сектора — информационного (наряду с аграрным, промышленным и сферой услуг), в котором признавалась ключевая роль информации, как фактора, превосходящего по значимости все виды производства и потребления. Интеллектуальные ресурсы информационного общества открывают невероятные возможности пополнения и использования знаний, а также интерактивных коммуникаций, которым приписывается роль основных агентов социальных и политических изменений в современном обществе [Абдеев, 1994; Буряк, 2011; Соловьев, 2010].

Если свести основные идеи информационного общества воедино как отражающие потребности современного общества, то их можно охарактеризовать по следующим критериям: а) технологическому, ключевой фактор которого — информационные технологии, широко применяемые в производстве, учреждениях, образовании и в быту; б) социальному: информация выступает в качестве важного стиму-

лителя изменения качества жизни, формируется и утверждается «информационное сознание» при широком доступе к информации; в) экономическому: информация составляет ключевой фактор в экономике в качестве ресурса, услуг, товара, источника добавленной стоимости и занятости; г) политическому: свобода информации, ведущая к демократическому процессу, который характеризуется растущим участием и консенсусом между различными классами и социальными слоями населения; д) культурному: признание культурной ценности информации посредством содействия утверждению информационных предпочтений в интересах развития отдельного индивида и общества в целом. При этом особо подчеркивается мысль о том, что коммуникация представляет собой «ключевой элемент информационного общества» [Варакин, 2001; Воронина, 1995].

Некоторые исследователи (У.Дж. Мартин) отмечают, что, говоря об информационном обществе, его следует принимать не в буквальном смысле, а рассматривать как ориентир, тенденцию изменений в современном западном обществе. По его словам, в целом эта модель ориентирована на будущее, но в развитых странах уже сейчас можно назвать целый ряд вызванных информационными технологиями изменений, которые подтверждают концепцию информационного общества [Мартин, 1990].

Что касается практики внедрения идей информационного общества, то на этот путь впервые стала, как уже отмечалось, Япония — еще в начале 1970-х годов. Начиная с 1992 г., эту политику стали проводить и западные страны. Например, понятие «национальная глобальная информационная инфраструктура» ввели в США после известной конференции Национального научного фонда и доклада Б. Клинтона и А. Гора. Понятие «информационное общество» появилось в работах Экспертной группы Европейской комиссии по программам информационного общества под руководством М. Бангеманна. Что касается России, то в 2002 г. Правительством РФ была принята ФЦП «Электронная Россия 2002—2010 гг.», которая положило начало развитию информационного общества в российских регионах. Затем в 2008 г. была принята Стратегия развития информационного общества до 2020 г. [Коротков, Кристальный, Курносов, 2007].

В конце XX в. термины «информационное общество» и «информатизация» в большинстве случаев ассоциировались с развитием информационных технологий и средств телекоммуникации, позволяющих на платформе гражданского общества (или, по крайней мере, декларированных его принципов) осуществить новый эволюци-

онный скачок. Именно эти понятия дали возможность появиться таким *новым теориям и концепциям, как общество знаний, информационная теория, теория игр, теория принятия решений.*

Значителен вклад в развитие идей гражданского общества *теории конвергенции*, обоснованной в 40—60-е гг. XX века, которая возникла как альтернатива угрозе третьей мировой войне, историческому абсурду дальнейшей дивергенции. *Конвергенция* (от *лат.* *convergere* — сближаться, сходиться) — теоретическая концепция, согласно которой социализм и олицетворяющие его страны постепенно становятся более либеральными, а капиталистические страны — более социалистическими, в результате чего должна возникнуть усредненная социально-экономическая система, сочетающая принципы социализма и капитализма (например, плановую экономику и политическую демократию соответственно). В более широком смысле эта концепция доказывала увеличение сходства между различными обществами, находящимися на одной стадии исторического развития, попыток устранения внеэкономического неравенства, сглаживания социальных конфликтов, осуществления демократических преобразований [Gaitonde, 1974; Kelley, 1973; Lauterbach, 1976].

За идею сближения двух систем ратовал П.А. Сорокин, которую он обосновал в книге «Россия и Соединенные Штаты» [Sorokin, 1960]. К разработчикам этой теории можно отнести У. Росту, Ф. Перру, Я. Тинбергена и др. Согласно их воззрениям, обе социально-экономические системы не являются совершенными с точки зрения цивилизационного подхода и гуманистических идеалов и их дальнейшее противостояние чревато острым классовым конфликтом на международной арене, который может привести к гибели цивилизации. Учитывая эти опасности, сохранить мир и устойчивое развитие можно путем их сближения, создавая новые формы социально-экономической и культурной жизни, в которых бы в концентрированном виде могло найти свое выражение то лучшее, что имеется в обеих системах. Сходные взгляды выражали Дж. Бёрнхем (*The Managerial Revolution*) и Дж. К. Гэлбрейт (*The New Industrial State*). Оригинальные взгляды на эту проблему высказал академик А.Д. Сахаров в своем труде «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968), в котором он соединил не только теоретические идеи, но и рекомендации, как это возможно и какими средствами осуществить в Советском Союзе [Сахаров, 1991].

Таким образом, характерной чертой этой концепции являлось признание общих черт капитализма и социализма, позитивного опыта социализма в области решения социальных проблем. Эта теория исходила из того, что сближение двух систем возможно на основе встречного движения, которое выражалось в том, что они оказывали влияние друг на друга и усваивали некоторые идеи и практику друг у друга: капитализм — идеи планирования, развития науки и образования, гарантии социальных прав, а социализм — идеи большего внимания к нуждам конкретного человека, обеспечение его свобод и прав, особенно в области личной жизни (Huntington, 1996).

Наконец, развитию идей гражданского общества способствовала *теория и практика социального партнерства*, под которыми подразумевалась возможность согласования интересов всех основных субъектов исторического процесса — общества в лице социальных групп и общностей, личности (индивида), государства и бизнеса. Некоторые идеи этой концепции восходят к разработкам Э. Бернштейна, Л. Блана, П. Прудона. На первых этапах социальное партнерство рассматривалось как тип социального взаимодействия, который характеризуется способом регулирования общественных, прежде всего трудовых, отношений между большими группами и слоями населения, в частности между предпринимателями (работодателями), наемными работниками и государством. Социальное партнерство ориентирует их на равноправное сотрудничество, на согласованное решение всех проблемных и важных для каждой из сторон вопросов, поиска согласия и достижения консенсуса. В экономическом отношении социальное партнерство предполагает материальное и моральное стимулирование заинтересованности наемных работников в росте темпов производства, производительности труда во имя обеспечения условий, необходимых для роста прибыли работодателей и валового продукта для государства, повышения уровня и качества жизни людей. Социальное партнерство, будучи многомерным процессом, предполагает поиск оптимизации отношений между этими действующими силами.

Зачатки идей социального партнерства стали активно формироваться после Первой мировой войны и свершения Октябрьской революции как противовес учению и практике классовой борьбы, притягавших на интенсификацию социальных конфликтов. Основатели идеологии социального партнерства, опираясь на этику Л. Фейербаха, идеи Л. Блана, П. Прудона, Ф. Лассаля и Э. Бернштейна, концепции либерального реформизма (М. Вирт, О. Михаэлис и др.), усматривали в солидарности классов решающую форму социального взаимодейст-

вия и реформирования индустриального общества. Концепции социального партнерства обращают внимание на существование в современном обществе принципов регулирования общественной жизни: 1) контроль за экономическим, политическим и социальным развитием со стороны государственных институтов; 2) аккумуляцию позитивных для гражданского общества изменений и упрочение социальных структур, призванных обеспечить формирование «государства всеобщего благоденствия». Идеология социального партнерства отрицает классовый характер социальных конфликтов, что постепенно получило кодифицированную юридическую форму, главным образом в нормах трудового права. Уже в конце XIX века в противовес идеологии классовой борьбы создаются организационные формы (например, рабочие клубы) и идейные программы социального мира. Так, в энциклике «Рерум Новарум» (1891) папы Льва XIII прозвучали призывы к рабочим не применять насилие, не стремиться к свержению существующего социального порядка, направлять свою энергию на эволюцию, на улучшение, а не на революционный взрыв общества (подробнее см.: [Семигин, 1996]).

Мощный импульс для утверждения идеологии социального партнерства дала научно-техническая революция, которая создала новые возможности для удовлетворения жизненных потребностей различных слоев населения и вместе с тем выдвинула исключительно высокие требования к качеству рабочей силы, ее профессионализму. В новых условиях важное значение приобрели социально-психологический контекст отношений между участниками производственного процесса, гуманизация труда и социальных отношений, размывание границ между классами и социальными группами, возникновение общих стандартов в образе жизни. Все это создало дополнительные возможности для достижения социального мира и сотрудничества между группами. В современных условиях политика социального партнерства позволяет решать спорные вопросы не забастовками и тем более не вооруженными выступлениями на баррикадах, а за столом переговоров, путем взаимного согласия, поиска баланса интересов разных социальных групп. Социальное партнерство ориентирует участников на достижение разумного компромисса вместо разжигания конфронтации, на поиск согласия и взаимной терпимости вместо радикализма, на эволюционные реформы вместо революции. Идеология и политика социального партнерства в индустриально развитых странах играет стабилизирующую роль, способствуя экономической и политической устойчивости социальных отношений. Существуют различные модели

социального партнерства, которые выражают национальную специфику различных стран, принявших идеологию партнерства (Австрия, Германия, Швеция и др.). В современной России, когда осуществляется выбор пути развития, поиск ответов на вопросы о характере власти и собственности, переход от идеологии социально-политического и классового конфликта к идеологии социального партнерства являются одной из стратегических целей проводимых реформ.

Помимо общей согласованной цели, в основе партнерства лежат основные принципы, позволяющие поддерживать взаимодействие. Эти принципы разрабатываются на этапе построения партнерского взаимодействия и принимаются всеми сторонами. Они создают фундамент партнерства, и последующие события с ходом времени могут укреплять или ставить под сомнение такое сотрудничество. Это сотрудничество прежде всего проявляется в соблюдении принципов равноправия. Что означает «равенство» в ситуации сотрудничества сторон с большим различием в ресурсах, власти и влиянии. Равноправие не означает равенства. Равноправие подразумевает равное право голоса за столом переговоров и признание того вклада, который невозможно оценить в простых денежных величинах или общественной значимости.

Другой принцип — прозрачность означает открытость и честность в партнерских отношениях, что является залогом доверия, которое многие рассматривают как важное условие успеха в партнерстве. Благодаря этому методу работы партнерство может полностью отчитываться перед основными участниками и другими заинтересованными сторонами. И наконец, к принципу социального партнерства следует отнести взаимную выгоду. Если все партнеры вносят вклад в совместную деятельность, то они имеют право разделить получаемые выгоды. Здоровое партнерство направлено на достижение конкретных результатов для каждого партнера помимо общих преимуществ для всех. Только таким образом партнерство может обеспечить долгосрочный интерес партнеров и устойчивость сотрудничества.

Все концепции социального партнерства в той или иной мере построены на следующих правилах регулирования общественной жизни: 1) контроль за развитием в сфере экономики, политики и культуры со стороны государства; 2) упрочение и усиление автономных и независимых от государства общественных движений и политических организаций, выступающих равноправными силами при обсуждении актуальных проблем развития страны; 3) выполнение бизнесом требований социальной ответственности перед обществом и государством. Но комбинации этих принципов происходят в различных вариантах.

Несмотря на то что существует много весомых доводов в пользу создания партнерства для решения актуальных и неотложных проблем общественного развития, этот способ не всегда является для всех очевидным и наилучшим. Партнерское взаимодействие может так же осложняться в условиях определенной политической, экономической или культурной среды. Препятствия на пути к партнерству могут принимать различные формы: общественное мнение; отрицательные характеристики каждого участника (реальные и мнимые); ограниченные возможности партнерских организаций; внешние сдерживающие факторы. Особое место занимают проявления ведомственного эгоизма, особенно со стороны бизнеса, стремящегося перенести издержки на плечи непосредственных работников производства

Подводя итог анализу различных концепций, так или иначе восходящих в становлению и развитию гражданского общества, можно сказать, что именно это многообразие подходов и характеристик к проблемам организации общественной (публичной) и личной (частной) жизни, их определенная нацеленность на решение назревших социальных проблем привели к тому, что постепенно сформировалось целостное представление о гражданском обществе, что позволяет в более завершенном виде осмыслить все многообразие происходящих изменений.

3.2. Основные характеристики гражданского общества как объекта социологии жизни

Подчеркнем еще раз, что гражданское общество смогло возникнуть лишь на определенном этапе развития человечества. Именно в XVIII веке произошло размежевание понятий «государство» и «общество» сначала в реальной жизни, что затем было осмыслено и нашло отражение в научных теориях. Хотя на предшествующих ступенях развития европейских стран существовали отдельные элементы, незрелые формы будущего гражданского общества, но как самостоятельное, самодовлеющее это явление сформировалось на том рубеже, когда человек стал демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни. Это было вызвано процессом становления и развития буржуазного общества, когда люди и созданные ими объединения и организации получили возможность действовать как самостоятельная социальная сила, влияние которой в значительной степени зависело от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. В отличие от ситуации в

Средневековье в период становления капиталистических общественных отношений человек постепенно в массовом порядке наряду с личной жизнью становился ответственным за судьбу социально-экономических преобразований, за социальное и политическое устройство своей страны. О том, что появление человека как гражданина связано лишь с определенным этапом развития общества, свидетельствует и замечание К. Маркса, что «быть рабом или быть гражданином — это... отношения человека А к человеку Б», которые устанавливаются посредством и при помощи общества» [Маркс, Энгельс: 46, 214].

Именно с появлением капитализма на исторической арене люди на качественно новой основе стали воздействовать на ход общественной жизни. Постепенно существенно возрастало участие отдельного человека в решении различных жизненных проблем. Люди все чаще начали действовать сообща — не как одиночки и межличностные общности в древние эпохи или средние века, а как классы, социальные группы и слои, включаясь при определенных условиях в деятельность политических и других объединений и организаций.

Если раскрыть сущность сказанному, то можно прийти к заключению, что гражданское общество обладает следующими характеристиками.

Гражданское общество — это реализация социальных идей о взаимноответственном и равноправном сотрудничестве государства и оппонирующих ему сил в лице общественных организаций, движений и объединений. Конечно, этот процесс происходил не однозначно и не одновременно, по-разному складываясь в различных странах. Особенно наглядно об этом говорит история возникновения и развития профсоюзного движения. Именно этот феномен стал результатом превращения в первую очередь рабочего класса из «класса в себе» в «класс для себя». Начиная от мелких объединений для защиты своих интересов в рамках конкретных предприятий, а затем отдельных территорий, он постепенно превратился в силу, с которой стали считаться руководители государств и бизнеса.

Не менее показательна и история появления и превращения в реальную общественную силу политических партий. Так, если политические партии во Франции стали реальностью практически в период Просвещения, то в Германии они получили права гражданства лишь во второй половине XIX века, как и в Италии, чему способствовало (как и в ряде других европейских стран) формирование самостоятельных национальных государств. Несомненно, что их возникновение,

появление и укрепление особенно выпукло проявлялось как результат революционных преобразований (США, Франция). На этот вопрос отвечает и история появления политических партий в России в период созревания революционной ситуации накануне первой русской революции 1905—1907 гг. [Зевелев, 1994].

В современный период нельзя представить, чтобы судьба какой угодно страны решалась без участия политических партий, профессиональных организаций, многочисленных добровольных объединений, выражающих свои специфические интересы в экономике, культуре, спорте и т.д. Однако эта черта гражданского общества далеко не всегда отражает реальность, не всегда соответствует этому принципу. Так, исследователи современного российского общества по-разному интерпретируют степень зрелости гражданственности этого общества. В качестве измерителя нередко берется количество людей (населения), которых можно отнести к так называемому среднему классу. По данным различных исследователей эта цифра колеблется от 7—10% до 40—45%. Однако несмотря на такой разброс, все сходятся в том, что говорить о полностью реализованном требовании о взаимном учете интересов государства и общества еще не приходится (подробнее см. [Беляева, 1997; Голенкова, 2003; Горшков, 2011; Радаев, Шкарата, 2003; Тихонова, 2007]).

В гражданском обществе *общественная (публичная) и личная (частная) жизнь имеют автономный статус*, который построен на взаимном учете социальных интересов. Более того, частная жизнь выводится из-под контроля государства и все больше регулируется социально-нравственными установлениями, одобренными обществом ценностями, ориентированными на человека. Но эта черта гражданского общества реализуется достаточно противоречиво. Текущая политическая и социальная жизнь практически в каждой стране встречается с различными коллизиями, которые, на наш взгляд, сталкиваются с разным пониманием и применением граней нравственного и правового поведения. Именно степень согласованности моральных и правовых принципов в организации общественной и личной жизни выступает тем мериллом, когда люди признают (не признают) автономность своего существования. В условиях России, где сильны традиции патернализма, люди больше, чем в других европейских странах, склонны трактовать свою автономность скорее в социально-культурном, чем социально-экономическом ключе. Поэтому россияне считают ответственным государство за отсутствие гарантий занятости, слабую социальную защиту, низкий жизненный уровень многих социальных

групп. Особенно эта оценка обостряется в период кризисов. Так, только за 2014 и 2015 гг. произошло увеличение численности находящихся за чертой бедности с 12 до 22 млн. Поэтому не удивительно, что именно боязнь потерять работу, стать безработным беспокоит россиян в первую очередь наряду с ростом цен [Левашов, 2015].

В реализации этой черты многое зависит от оценки нравственного климата в стране, в организации, в которой работает человек, а также по месту его жительства. Пока, как показывают исследования, оценка моральной атмосферы достаточно пессимистична. Так, по данным всероссийского исследования (октябрь 2014 г., 1750 человек, 9 регионов страны), неудовлетворительным считают состояние нравственности: 62,4% — очень тревожит, а 31,5% тревожит в средней степени, что говорит об абсолютной низкой оценке этой стороны общественной жизни в России. А если к этому добавить и то, что 90,2% (в том числе 50% в большой степени) беспокоит отсутствие личной безопасности (на улице, в общественных местах), то можно говорить, что люди считают, что у них нет никаких гарантий нормальной, достойной человеческого существования своей как общественной, так и личной жизни (подробнее см.: [Тощенко, 2016]).

Гражданское общество — это общество, в котором *неотъемлемым приоритетом пользуются права и свободы личности*, что позволяет дистанцироваться от националистических, теократических и охлократических тенденций. Иначе говоря, актуальной ценностью продолжает оставаться лозунг, провозглашенный еще в период французской революции конца XVIII века — «свобода, равенство, братство». Однако в реализации этой черты гражданского общества не все так однозначно. Возьмем такой показатель, как женское избирательное право, право на участие в голосовании. Оказалось, что путь к реализации этого права был достаточно тернистым. Даже во Франции это право было реализовано только в 1944 г. (если не считать решение Парижской коммуны в 1871 г. о предоставлении равных прав женщинам наряду с мужчинами). В настоящее время это право введено в большинстве стран мира. Только отметим, что одними из первых женское избирательное право ввели Новая Зеландия (1893), Австралия (1902). В Германии это было осуществлено в 1918 г. В Великобритании такое право после долгих лет борьбы было представлено окончательно только в 1928 г. В России в 1906 г. избирательное право было представлено женщинам Великого княжества Финляндского, но окончательно в 1917 г. Последней страной была прославленная своим демократическим устройством Швейцария, которая только в 1971 г. (!)

признала за женщинами это право. Но даже не все ее кантоны сразу признали требование закона: такой кантон, как Аппенцель-Иннерроден уравнил женщин в правах с мужчинами лишь в 1991 г. Что касается других стран мира, одними из последних, признавших за женщинами право голоса, стали Кувейт (2005), Объединённые Арабские Эмираты (2006) и Саудовская Аравия (2011). (Подробнее см.: [Ruiz, Marín, 2012.; Mill, 1997; Rappaport, 2001; Юкина, 2007].)

Что касается других аспектов соблюдения прав и свобод человека, то, как показывает практика функционирования многих государств, их соблюдение и отношение к ним граждан не так однозначно, как может показаться, исходя только из теоретических постулатов. Так, в постсоветской России в начале 1990-х гг. ценность свободы была одним из основных предпочитаемых ориентаций взрослого населения. Но прошли годы. И в условиях ухудшающегося социально-экономического положения, потери твердой уверенности в своем будущем все большее количество людей выражали убежденность в том, что ради порядка в стране, ради стабильности как общественной, так и личной жизни можно и поступиться некоторыми свободами (подробнее см.: [Федоров, 2010; Шереги, 2003; Шестопал, 2008]).

Гражданское общество — это общество, в котором постоянно *расширяются возможности самоуправления* во всех его видах и проявлениях, что создает максимум условий и возможностей для соучастия людей в делах общества и государства.

Что касается местного сообщества как субъекта управления, то оно только начинает институционально формироваться. Подтверждением этому служат данные многочисленных социологических опросов. Срезы всероссийского исследования «Демократия и местное самоуправление», проведенные в 1995, 1999 и 2005 гг., при определении уровня ответственности жителей как хозяев населенных пунктов вызвали большие дискуссии. Ибо среди основных субъектов власти (государственные и муниципальные органы власти, общественные и политические организации, население) в решении локальных проблем жителям отводилась последняя роль. Они лишь условно включаются в процесс реального исполнения функций местного самоуправления, считая в большинстве случаев ответственными за их исполнение государственные органы власти. Практически получалось, что за населением, точнее под его официальным прикрытием как основного субъекта власти постоянно шла борьба не столько за формирование и развитие различных форм участия жителей в решении местных про-

блем, сколько за автономность органов власти различных уровней на территории городов (районов, сел).

Отсюда социальные противоречия, присутствующие на протяжении последней четверти века во взаимоотношениях общества и власти, выражающиеся в целом ряде нерешенных вопросов (разграничение полномочий, финансовые, кадровые вопросы и пр.), которые негативно отражались и отражаются на жизни россиян. Этот вывод подтверждают и участники общероссийского совещания Советов муниципальных образований субъектов Федерации (Москва, 2015), заявившие, что «местное самоуправление наиболее успешно развивается в тех регионах, руководители которых имеют собственный опыт работы в муниципалитетах. Нужна разработка такой организации органов местного самоуправления, которая не зависела бы от личных качеств губернаторов» (цит. по: [Цветкова, 2015]). Несоответствие образа местной власти в представлениях чиновников и населения, которые видят не столько власть муниципальную, сколько власть вообще, власть, по существу, государственную, очевидно.

Гражданское общество — это *постоянное согласование социальных интересов всех участников* исторического процесса, его основных сил, достижение и реализация принципов конвенционализма. Особенно это проявляется в феномене доверия. По данным исследования жизненного мира россиян в 2014 г., среди их ценностных приоритетов очень важными в жизни являются семья (95%), работа (69,4%), друзья (60,1%). При этом, если круг близких знакомых пользуется значительным доверием, то противоположная тенденция наблюдается в отношении представителей местных органов власти, политических партий, церкви, профсоюзов. Лишь небольшая доля респондентов (2,1—5,9%) готова обратиться к данным адресатам, оказавшись в трудном положении. Россияне не рассчитывают на обезличенную помощь представителей политических институтов, церкви, профессиональных союзов. Столкнувшись с проблемами, люди пытаются решить их в одиночку или ищут помощи в пределах малых групп, у друзей и близких знакомых. Тем самым социальные связи и сети, являющиеся основой развития социального капитала, остаются недостаточно развитыми в российском обществе. В то же время высокий уровень доверия близким в сочетании с традиционно высокой ориентацией россиян на государственный патернализм отражает наличие по отношению к обществу и государству запроса на поддержку, который не удовлетворяется и приводит к разочарованию в деятельности государственных институтов, формированию убежденности,

что в трудной ситуации можно рассчитывать только на себя и узкий круг знакомых [Кученкова, 2016: 35].

Наряду с доверием другим важным компонентом социального капитала является гражданская активность, вовлеченность в различную общественную деятельность, в том числе благотворительную, политическую, связанную с проведением досуга. По данным вышеназванного исследования, население проявляет крайне низкую гражданскую и социальную активность: подавляющее большинство (80%) не состоит ни в каких общественных организациях. Среди остальных 11,6% состоят в профсоюзе и незначительное количество (по 0,5—2%) в культурных (музыкальных, театральных) спортивных, молодежных, волонтерских, правозащитных и других, организациях. Незначительная доля россиян принимает участие в каких-либо культурных мероприятиях (2,8% — в кружках художественной самодеятельности; 2,5% — в работе церковных приходов, религиозных общин; 2,3% — в организации встреч с деятелями науки, литературы и искусства; 2% — в мероприятиях по охране природы, 1,9% — в конкурсах танцевальных, музыкальных коллективов). Наряду с этим распространено мнение о невозможности или сложности самоорганизации для решения проблем по месту жительства (связанных с ЖКХ и благоустройством), объединения усилий с окружающими для влияния на принятие решений городской (районной) власти; отсутствует уверенность в возможности участвовать в решении проблем по месту работы [Воробьева, 2016: 23—25].

При этом надо учесть, что установлению гражданского общества как общества, олицетворяющего согласование намерений и устремлений социальных групп и общностей, способствуют и ресурсы информационного общества, которые могут обеспечить учет интересов населения и тем самым сблизить (установить) непосредственные контакты между ним и государством [См.: Петров, Сименко, 2012].

И наконец, *гражданское общество — это общество, которое обеспечивает социальную защиту, гарантирует соблюдение прав и свобод человека*. Причем, не просто некоего абстрактного человека, а всех без исключения людей и в первую очередь тех, кто составляет большинство народа [Степаненко, 2006]. Но как показывают социологические исследования, для соблюдения социальной справедливости еще очень далеко, хотя она понимается людьми по-разному, в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в сознании людей существует много представлений — и самых разных — о спра-

ведливости. Общим является то, *как* человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, *какое мироощущение* формируется у него при взаимодействии с той организацией, в которой он работает, учится или периодически контактирует, а также, с кем он непосредственно общается в повседневной жизни.

На наш взгляд, таким индикатором справедливости является мнение о том, какое будущее люди желают России в первую очередь. В исследовании жизненного мира, осуществленного в РГГУ в 2014 г., 63,2% россиян связывают ее с соблюдением государством справедливости, равных прав для всех. Это желание превышает все другие ориентации, даже такие важные, как «обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций» (55%) и «возвращение России статуса великой державы» (47,2%) [Жизненный мир, 2016: 38]. Нужно отметить, что представления о справедливости как первостепенной задаче государства фиксируют и другие исследователи (Институт социологии РАН, ИСПИ РАН, Левада-Центр, ВЦИОМ). На наш взгляд, это субъективная нацеленность людей, ведущая в структуре их ориентаций, могла бы стать той национальной идеей, частью государственной идеологии, которая понятна, желаемая и убедительна для большинства, и полностью бы совпадала как в официальном, так и в сугубо личном плане. В этой связи интересны данные Левада-Центра о социальном настроении, которое колебалось в незначительном объеме за все годы наблюдений с начала 1990-х гг., несмотря на кризисные и другие перипетии в жизни государства [см.: Общественное мнение — 2014, 2014: 13].

Таким образом, возникновение гражданского общества означало принципиально новый тип общественных отношений, при которых *каждый человек* независимо от сословной и национальной принадлежности, вероисповедания, материального положения мог претендовать на полноправное участие в решении всех без исключения общественных проблем. И хотя это положение не сразу и не во всех странах полностью реализовано до сих пор, но именно оно служит ориентиром для становления и развития демократии, отстаивания прав и свобод человека. Именно гражданское общество породило (сделало востребованной) социологию, когда стало очевидным, что в его строительстве призваны участвовать не только цари, ханы, короли, военная, религиозная и светская знать, но и все люди, чей голос должен быть услышан при осуществлении любых изменений в государственной и общественной жизни. Именно ориентация правящих слоев на знание того, к чему стремятся большинство людей, чего они же-

лают, видят ли они перспективу в своей жизни, является одним из важнейших условий существования гражданского общества.

Все это позволяет сделать вывод, что *гражданское общество* — это совокупность организованных, исторически сложившихся форм совместной социальной жизнедеятельности (наряду с официальной государственной деятельностью), определенных общечеловеческих ценностей, которыми руководствуются люди и каждый человек в своей общественной (публичной) и личной (частной) жизни.

Именно это гражданское общество и становится объектом социологии как науки. Его возникновение и функционирование тесно связано с демократическим устройством государственных отношений. В связи с этим важно отметить, что общество в современном мире существует во всех странах, но не во всех обществах оно выступает как гражданское общество (подробнее см.: [Зборовский, 2014: 324—340]). Это коррелирует с тем важным признаком, что *только при существовании гражданского общества востребована социология*, она играет роль в познании этого общества, участвует в той или иной мере в регулировании общественных отношений.

Литература

- Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994.
- Белл Дж. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
- Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 1998.
- Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции. Симферополь, 2011.
- Варакин Л.Е. Глобальное информационное общество: Критерии развития и социально-экономические аспекты. М., 2001.
- Воробьева И.В. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян // Социол. исслед. 2016. № 1.
- Воронина Т.П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. М., 1995.
- Голенкова З.Т. (ред.). Социальная стратификация российского общества. М., 2003.
- Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
- Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М., 1995.

- Евстратов А.Э.* Социальное государство и политический режим // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2014. Вып. № 4 (41).
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980 — середина 2010-х годов) / отв. ред. *Ж.Т. Тощенко* М., 2016.
- Зборовский Г.Е.* Отечественная социология на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург, 2014.
- Зевелев А.И. (ред.)* История политических партий России. М., 1994.
- Ильин В.И.* Потребление как дискурс. СПб, 2008.
- Иноземцев В.Л. (ред.)*. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
- Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
- Калашиников С.В.* Становление социального государства в России. М., 2003.
- Кара-Мурза С.Г.* Спасти Россию. Как нам выйти из кризиса. М., 2013.
- Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.
- Коротков А.В., Кристальный Б.В., Курносков И.Н.* Государственная политика Российской Федерации в области развития информационного общества. М., 2007.
- Кочеткова Л.Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. Вып. № 3(51).
- Кученкова А.В.* Межличностное доверие в российском обществе // Социол. исслед. 2016. № 1. С. 26—36.
- Левашов В.К.* Реформы и кризисы: тридцать лет спустя // Социол. исслед. 2015. № 10.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1.
- Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.
- Мартин У. Дж.* Информационное общество: Реферат // Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартальник. М., 1990. № 3.
- Милецкий В.П.* Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении. СПб., 1997.
- Общественное мнение-2014. М., 2014.
- Омаэ К.* Мышление стратега. Искусство бизнеса по-японски = The Wind of the Strategist. The Art of Japanese Business. McGraw-Hill. М., 2007.
- Петров Р.В., Сименко И.А.* Информация как ключевой ресурс // Реконизм. Как информационные технологии делают репутацию сильнее власти, а открытость — безопаснее приватности. Одесса, 2012,

- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 2003.
- Сахаров А.Д.* Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Тревога и надежда. М., 1991.
- Семенов Ю.И.* Возникновение и упадок концепций постиндустриального общества // Философия истории. М., 2001.
- Семигин Г.Ю.* Социальное партнерство в современном мире. М., 1996.
- Соловьёв Э.Г.* Информационное общество // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Социальное государство: Эволюция идеи, сущность, перспективы становления в современной России // Политический процесс в России в сравнительном измерении. СПб. 1997.
- Степаненко В.* Гражданское общество как дискурс и нормативный социальный порядок в социологии Джеффри Александера // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 2.
- Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.
- Федоров В.В.* Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян. М., 2010.
- Фромм Э.* Иметь или быть. М., 1990.
- Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и свободы. М., 2006.
- Цветкова Г.А.* Открылась ли новая страница в истории взаимоотношений власти и общества // Управление в XXI веке. Белгород, 2015.
- Шереги Ф.Э.* Социология политики: прикладные исследования. М., 2003.
- Шестопал Е.Б.* Политическая социализация российских граждан в период трансформации. М., 2008.
- Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.
- Anderson Ch.* Makers: The New Industrial Revolution. N.Y., 2012.
- Baudrillard J.* The Consumer Society. Myths & structures. L., N.Y., Delhi. 1998.
- Burnham J.* The Managerial Revolution: What is Happening in the World. N.Y., 1941.
- Brzezinski Z.* Between Two Ages. N.Y., 1988.
- Boadway R., Bruce N.* Welfare Economics. N.Y., 1984;
- Graham H.* Health of welfare. L., 1985;
- Law, Rights and Welfare State. L., 1986/
- Dordick H.S., Wang G.* The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park. L., 1993.

- Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996.
- Gaitonde V.A.* An Answer to the Theory of Convergence // *Social Scientist*. 1974. 3(5). P. 38—51.
- Galbraith J.* The New Industrial State. Princeton, 2007.
- Karvalics L.* Information Society — what is it exactly? (The Meaning, History and Conceptual Framework of an Expression). Budapest, 2007.
- Katz R.L.* The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.
- Kelley D.R.* The Soviet Debate on the Convergence of the American & Soviet Systems // *Polity*. 1973. 6(2). P. 174—196.
- Lauterbach A.* The «Convergence» Controversy Revisited // *Kyklos*. 1976. 29(4). P. 733—754.
- Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, 1962.
- Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
- Miles S.* Consumerism as a Way of Life. L.: Sage Publications, 1998.
- Mill J.S.* The Subjection of Women. Cambridge, 1997.
- Ohmae K.* The Mind of the Strategist. The Art of Japanese Business.
- Омаэ К.* Мышление стратега. Искусство бизнеса по-японски. М., 2007).
- Porat M., Rubin M.* The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.
- Rappaport H.* Encyclopedia of Women Social Reformers. Santa Barbara: ABC-CLTO, 2001.
- Rasmussen F.A.* Fra Socialstat Til Minimalstat. En Liberal Strategie. Viborg, Denmark. 1993.
- Ruiz B., Rubio-Marín R. (ed.)* The Struggle for Female Suffrage in Europe: Voting to Become Citizens. Leiden: Brill, 2012.
- Stonier T.* The Wealth of Information. L., 1983.
- Sorokin P.A.* Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type // *International Journal of Comparative Sociology*. 1960. Vol. 1(2). P. 143—176.

ГЛАВА 4

ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ: ЖИЗНЕННЫЙ МИР, ЕГО СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ

4.1. Генезис интерпретаций предмета социологии жизни

Каждая наука имеет свой предмет. Впервые разделение предмета и объекта науки предложил в 1904 г. австрийский философ Г. Амезедер, который трактовал предмет как акт данности объекта в процессе познания. В дальнейшем трактовка предмета науки неоднократно уточнялась, в результате чего существует несколько его интерпретаций. 1. Это — грань, аспект объекта, которая определяет содержательную, сущностную ее сторону (П.А. Сорокин). 2. Это — «археология знаний» (М. Фуко), когда перечисляются все возможные компоненты социальной реальности, на изучение которых направлены усилия исследователей (В.А. Ядов). 3. Часть (фрагмент) объекта, когда исследуются только определенные сегменты (факты, действия) объекта (М. Вебер, Э. Дюркгейм); 4. При определенных обстоятельствах объектом науки становится ее предмет и наоборот (Т. Парсонс, А.Г. Харчев). «Категория «предмет науки» связана с фиксацией двуединства: объективно существующих закономерных связей и понятий, эти связи отображающих» [Вавилин, Фофанов, 1983: 41].

Что касается социологии, то при определении ее предмета использовались различные подходы, оформленные в соответствующие концепции и направления.

Во-первых, в качестве предмета социологии рассматривалось общество в целом (в этом случае объект и предмет науки отождествлялись). Этой точки зрения придерживался основоположник социологии О. Конт. Ему вторили Г. Спенсер и другие мыслители XIX века, хотя в то же время каждый из них по своему трактовал общество, уделяя внимание тем или иным аспектам его развития. В русской со-

циологии ее наиболее последовательно придерживался Н.И. Кареев [Кареев, 1995]. В 1920-е г. эта позиция нашла отражение в трудах Н.И. Бухарина [Бухарин, 2008]. Эта точка зрения сохраняет свое звучание и до настоящего времени как в зарубежной, так и в отечественной литературе. «Социологию я понимаю не как частную, а как *интегральную* науку об обществе, рассмотренном в его целостности, всеобщности и исторических типах существования» [Момджян, 2016, 1: 21]. Такой подход делает социологию не рядоположенной с другими социальными науками (экономикой, политологией, правом, антропологией и социальной психологией), а некоей обобщающей наукой, на которую в свое время претендовал исторический материализм. Напомним, что одним из первых, кто отождествлял социологию и исторический материализм, был Э. Бернштейн [Бернштейн, 1921: 14].

Во-вторых, достаточно широко распространена точка зрения, когда социологию нацеливают на исследование *общих и специфических закономерностей развития и функционирования общества, путей и форм его изменения или совершенствования*. Такая постановка вопроса, что «социология есть наука о законах и движущих силах развития общества» [Федосеев, Францов, 1966: 13, 20], мало чего проясняла, потому что с таким же успехом можно утверждать, что физика изучает физические законы, химия — химические и т.д. Эту точку зрения в той или иной степени разделяли многие советские (российские) исследователи [Давидюк, 1979: 14; Ельмеев 1986: 93; Плеханов, 1956; Немчинов, 1967: 374]. На наш взгляд, при таком подходе реальность во всем ее многообразии перестает существовать. Вместо нее появляются некие логические конструкты, которые или не имеют отношения к повседневной действительности или слишком абстрагируются от нее. И если эта трактовка вполне приемлема для социальной философии, то для социологии важно представить не схему, а реальную жизнь в самых различных специфических и особенных аспектах ее развития (цит. по: [Чагин, 1971; Бороноев, Козловский, 1997]).

В-третьих, в начале XX века научная мысль подошла к необходимости сузить предмет социологии до более конкретных формулировок. Этот поиск привел к тому, что социологи начали рассматривать в качестве объекта изучения не все общество, а лишь отдельные его фрагменты, связанные с социальной жизнью и такими феноменами, как «*социальный факт*» (Э. Дюркгейм), «*социальное действие*» (М. Вебер), «*взаимодействие*» (Э. Гидденс), «*социальная стратификация*» (П.А. Сорокин).

В-четвертых, в начале XX века ряд социологов начал рассматривать в качестве предмета изучения не все общество, а его социаль-

ность, социальную жизнь, а также такие ее феномены, как «социальная сфера», «социальные отношения», «социальные формы», «социальные процессы» (Ф. Тённис, Г. Зиммель, Н. Смелзер, А.Г. Здравомыслов, Г.В. Осипов, Ю.Е. Волков). В своих трудах эти социологи выделяли сферу социальной жизни как самостоятельную наряду с экономической, политической, духовной. Согласно этому подходу, понятия социального, социальных связей и отношений и способа их организации являются исходными для понимания отличительных особенностей предмета социологического знания, а социального развития — для характеристики его направленности [Добренев, Кравченко, 2003; Иванов, 1984; Новикова, 2000; Осипов, 1966].

В-пятых, получил широкое распространение подход, согласно которому целью социологии объявляется изучение общественных (социальных) систем, социальных институтов, социальных сетей, упорядоченных совокупностей людей [Левада, 1969: 5; Парсонс, 1998; Кастельс, 2000; Зборовский, 2003; Дмитриев, 2001; Эфендиев, 2000]. Причем, в рамках этого подхода имеются свои нюансы и особенности, согласно которым важнейшей задачей социологии становится типологизация социальных отношений, исследование взаимосвязей каждого социального объекта, получение научного знания о механизмах и формах функционирования социальной реальности. Однако ориентация на исследование преимущественно структур (систем) не эвристична, ибо она, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность объяснить его изменение. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии [Монсон, 1992; Ядов, 1998].

В-шестых, достаточно широко распространена концепция, которая основное содержание социологии видит в исследовании социальной структуры во всех ее проявлениях. Согласно этой позиции, социология — это наука о становлении, развитии, изменениях и преобразованиях, о функционировании классов, социальных групп, общностей и форм их самоорганизации. Тогда это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта; наука о социальных общностях, о взаимоотношениях между ними и личностью [Голенкова, 2003; Руткевич, 2001; Харчев, 1981]. Однако изучение социальной структуры нередко осуществляется с точки зрения ее организации и функционирования, и недостаточно уделяется внимание ее эволюции. Кроме того, следует обратить внимание на то, что ни один человек заранее не соотносится ни с социальной структурой, ни с социальными организациями — он включается в них в процессе

реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды.

В-седьмых, получил распространение мир-системный анализ общественной жизни, который наиболее яркое воплощение получил в трудах И. Валлерстайна. Этот анализ не ограничивается рассмотрением взаимоотношений и взаимодействий людей, он претендует на изучение более широкой совокупности общественных процессов — вплоть до человечества в целом, что породило глобалистские концепции социологии [Валлерстайн, 2001]. В отечественной социологии эта точка зрения тесно связана с анализом проблем устойчивого развития общества [Левашов, 2007].

И наконец, получает все большее распространение точка зрения, что социология — это наука о движущих силах поведения (деятельности) людей как членов гражданского общества. Его разделяют многие социологи [Турен, 1998; Волков, 1995; Кравченко, 2006; Григорьев, 1999; Тихонов, 2010]. Этот подход близок позиции автора, считающего, что *социология изучает совокупность социальных явлений и процессов, характеризующих жизненный мир человека, воплощающего в себе неразрывное единство реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей, а также условия (окружающая среда), которые влияют на их развитие и функционирование социально-экономической, социально-политической и духовной сфер жизни общества.* Таким образом, основным характерным признаком социологии конца XX века становится антропоориентированный подход, олицетворяющий непреходящую и все возрастающую ценность человека и его деятельности. *В этих рамках человек предстает как ресурс общественного развития (прогностический аспект) и как носитель социального капитала (прагматический аспект), который является огромным резервом и импульсом общественного развития.* Гражданская, нравственная и творческая значимость личности подтверждается как объективно формирующимся заказом на гуманистическую составляющую исторического процесса, так и соображениями практической целесообразности. Именно такой подход является наиболее эффективным, чтобы понять происходящие эпохальные перемены в конце второго — начале третьего тысячелетия.

В настоящем анализе далеко не полностью названы и рассмотрены другие трактовки предмета социологии, как, например, предложение о нацеленности социологии на исследование практики [Качанов, 2012, 12: 19]. Но и в этом случае выясняется, что структура практики инте-

гральна — она охватывает не только цели, но и потребности, мотивы, интересы, поведение, деятельность и ее результаты.

Анализ сложившейся ситуации в мировой социологии приводит к выводу: «...Микроуровень, уровень социального взаимодействия рядовых граждан становится ареной большой истории. А каждый из участников взаимодействия способен повлиять на его ход и тем самым изменить направление социального процесса. Социология в этих условиях из науки, изучающей макроструктуры общества, становится областью исследования механизма складывания социального процесса в переплетении бесчисленных линий взаимодействия конкретных индивидов» [Кравченко, Мнацаканян, Покровский, 1987].

Все это позволяет утверждать, что современные подходы, определяющие предмет социологии, заметно смещаются в направлении человековедения, к признанию того, что анализ жизни людей все больше и больше становится объектом внимания социологии. При этом уместно сделать два замечания. *Первое.* Справедливо утверждение, что прошло то время, когда в социальных науках, в том числе и в социологии, общество объявлялось первостепенным объектом анализа. К настоящему времени уже достаточно отчетливо выявилось, что «за концептуальным фасадом социоцентрических теорий обнаружилась пустота и оторванность от реальной жизни: ведь если «единицы» считать «нулями», то теория никогда не сойдется с практикой» [Волков, 1995]. *Второе.* Выдвижение на первое место проблем человека не означает, что социология претендует на его познание в том смысле, как это делает биология или психология. Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по своему предназначению (поэтому социология употребляет понятие «личность»). Социология претендует на анализ наиндивидуальных социальных проблем, которые являются «вечными», проявляющими себя в любых обществах, в любых условиях, на всех этапах человеческой истории.

4.2. Жизненный мир как синергетическая характеристика предмета социологии жизни

Понятие «жизненный мир» впервые употребил в 1910 г. Э. Гуссерль (1859—1938). Однако это понятие вплоть до 1930-х гг. было скорее описательным, собирательным понятием, чем обоснованным научным определением, не говоря уже об его эмпирической проверке. Вместе с тем, трактовка этого понятия им и его последова-

телями дала возможность высказать ряд принципиально новых и новаторских соображений: жизненный мир — это действительный, окружающий мир, основа («почва и горизонт», по выражению Гуссерля) общественной и повседневной практики. Это не просто конкретный мир, а мир, имеющий общую структуру, это единство научного и обыденного, это осознание жизненного опыта, учет исторически сложившихся социальных форм существования людей. Но как феноменолог он утверждает, что это не просто мир, а «духовное образование в нас и в нашей исторической жизни». Но в то же время он пытается преодолеть узость феноменологического подхода за счет обращения внимания к обусловленности сознания людей [Гуссерль, 2000; 2004].

Ю. Хабермас, будучи в известной мере последователем Гуссерля, считал, что с точки зрения социальной теории жизненный мир выступает в качестве интегрирующего фактора объективного и субъективного измерения реальности, который он трактовал как единство условий и результата коммуникативного воздействия [Habermas, 1981]. Немалое внимание он уделил понятию «повседневная жизнь», рассматривая ее в ракурсе современности как «незавершенный проект», который вечно пульсирует под воздействием постоянно изменяющихся субъективных факторов и объективных условий [Habermas, 1991: 255—256]. Большое значение имел вывод, что жизненный мир — это конкретно-историческая основа взаимосогласованного опыта [Современная..., 1991: 103].

В интерпретацию идей жизненного мира значительный вклад внес А. Шюц. По его мнению, «этот мир является воплощением *жизнепрактических* (подчеркнуто мною. — Ж.Т.) смыслов, обладающих непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм взаимосогласованного человеческого опыта» (цит. по: [Смирнова, 2004: 29]).

Анализ идей первопроходцев, представленных в основном феноменологической социологией, показал, что они сводили жизненный мир исключительно или в основном к духовной сфере, к представлению о нем только как о «духовном образовании», к тому, что при всем его разнообразии он понимается как один-единственный мир, имеющий одну всеобщую структуру. Поэтому вызывают сомнения рассуждения Э. Гуссерля о проблемах познания жизненного мира как возврат к «изначальному жизненному опыту», преувеличение роли предшествующих этапов в развитии человечества, а также сведение понятий и методов, норм науки к очевидностям жизненной практики человечества. Стоит также отметить (особенно у А. Шюца) стремление абсолютизировать значение субъективных компонентов жизни, дать ана-

лиз возможности искажения изучаемого мира в силу погруженности социального теоретика в структуры этой жизни [см. также: Дивисенко, 2014; Мотрошилова, 2004: 29; Румянцева, 2003: 351—352].

Вместе с тем основная идея феноменологов — представить жизненный мир в целостности и непротиворечивости — получила развитие в трудах других течений в социологии, хотя они не всегда употребляли данное понятие (об этом подробнее см. гл. 1 и 2).

Взлет интереса к понятию «жизненный мир» произошел в последней трети XX века, что нашло отражение в многочисленных попытках философов и социологов отразить его содержание и многообразие. Исследователи по-разному стали применять понятие «жизненный мир»: К. Грунвальд и Х. Триш — к социальной работе и социальной опеке; М. Келли и его коллеги — к проблемам общественного и индивидуального здоровья; К. Дальберг — к социальной медицине; Б. Вик — к сфере образования; С. Мурес и М. Метикова — к проблемам окружающей среды и культуры; Г. Эдвардс — к анализу социальных движений; Э. Уоллес — к исследованию религии (ислама) (подробнее см.: [Дивисенко, 2014: 6—11]).

Что касается российских исследователей, то осмысление этого феномена и его философское обоснование предпринял Ю.М. Резник [Резник, 2001], социологическую трактовку — К.С. Дивисенко [Дивисенко, 2014]. Частично этого вопроса коснулись В. Волков и О. Хархордин [Волков, Хархордин, 2008]. Специфическая интерпретация жизненного мира в зависимости от объекта исследования была предпринята И.Б. Пржилинской (в применении к культуре и духовной жизни), В.И. Ильиным (в связи с методологией и методикой качественного полевого исследования), Ф.Е. Василюком (в основном в связи с психологическим анализом внутреннего мира человека) (цит. по: [Дивисенко, 2014: 13—14]. Здесь уместно процитировать и белорусского социолога С.А. Шавеля, который трактовал социологию, как «науку о жизнеспособности общества» [Шавель, 2010: 22].

Таким образом, возникновение и становление понятия «жизненный мир» прошли длительный и непростой путь, ознаменовавшийся во второй половине XX века взлетом интереса к его интерпретации и главное к его эмпирической проверке. Что касается отечественной социологии, первые попытки оперировать теоретической и эмпирической интерпретацией понятия «жизненный мир» были предприняты уже на грани XX—XXI веков. Анализ трудов отечественных и зарубежных предшественников позволяет обобщить накопленный опыт выяснения сути этого понятия и предложить современную трактовку

жизненного мира. Тем более, что все предшествующие попытки охарактеризовать его многообразие страдали одним недостатком: использовалось огромное количество показателей и индикаторов, которые не могли охватить все аспекты жизни людей. И поэтому в этих концепциях и теоретических конструкциях нередко все же отражались (описывались, анализировались, интерпретировались) только та или несколько сторон жизни, без должной попытки выявить главное, основное, ведущее.

И все же долгое время — от первого упоминания до полноправного его применения прошло значительное время. Это понятие — жизненный мир — много лет было скорее теоретическим конструктом. И хотя многие признавали необходимость реализации такого подхода, большинство социологов продолжало «работать» в конкретной сфере — в социологии труда, политики, образования, молодежи и т.д. Во многом это объяснялось колоссальной трудностью охватить в едином понятии огромное количество индикаторов, при помощи которых можно было бы полно и эффективно описать все аспекты жизни людей. Поэтому много лет открытым оставался вопрос, как эмпирически интерпретировать это понятие — охватить жизненный мир во всем его многообразии, какие методологию и методы использовать, чтобы ответить на вопрос о его сущности и содержании. Поиск этих возможностей осуществлялся по разным направлениям, хотя не всегда использовалось понятие «жизненный мир».

Обобщая генезис идей о жизненном мире, можно сделать вывод, что он олицетворяет единство объективного и субъективного, воплощая *синтез реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии, деятельности, действительного поведения людей, условий, в которых они реализуются* [Тощенко, 2015]. Именно на этих теоретико-методологических основаниях жизненного мира — общественном сознании, поведении (деятельности), среде мы остановимся более подробно. (Об эмпирическом измерении жизненного мира см. гл. 5.)

4.2.1. Реальное сознание как сущностная характеристика жизненного мира

Исходя из трактовки жизненного мира как воплощения реальности существования человечества и каждого человека, *первой базовой характеристикой предмета социологии жизни является реально функционирующее общественное сознание во всем его многообразии, противоречивости и многозначности.*

Общественное сознание представляет собой специфическую форму идеального отражения и духовного освоения действительности, целостное духовное явление, обладающее внутренней структурой (уровни, формы, виды). Сразу подчеркну свою позицию: общественное сознание не исключает, а предполагает, имманентно включает в себя не только существование группового, коллективного сознания, но и индивидуальное сознание, когда человек «осмысляет себя и остальной мир, прежде всего социальное пространство общности, к которой принадлежит своим духовным потенциалом, обогащенным в общении с себя подобными» [Гуцаленко, 2003, 10: 7].

Социологическое же видение общественного сознания начало оформляться на грани XIX—XX вв., исподволь накапливая разрозненную информацию. Оно в значительной степени исходило из того, что общественное сознание возникает, функционирует и развивается как компонент практической деятельности общественного человека. Оно включено в эту деятельность и является моментом взаимодействия человека с предметом, которое существует в практической деятельности. Активность сознания находит свое выражение в избирательности, в целенаправленности, в специфических его характеристиках (акты сознания, их содержание, познавательные средства и др.). Исследуя общественное сознание во всем его многообразии, социологическая мысль сосредоточила внимание на осмыслении феномена субъектов этого сознания, что привело к выводу о том, *что его можно рассматривать и в социальном аспекте: как общественное, как групповое (классовое) и как индивидуальное (личностное) в его социальном выражении.* Для социологии важное значение имеет тот факт, что процесс усвоения личностью содержания общественного сознания детерминирован объективными и субъективными обстоятельствами. К объективным относятся условия общественного и личного бытия. Субъективные детерминанты освоения личностью содержания общественного сознания обусловлены той социальной атмосферой, которая создается в данном обществе и выражается в господствующих морали, традициях, национальных обычаях и других проявлениях духовности. Они также выражаются в ее социально-психологических особенностях, а также в таких социальных характеристиках, как мировоззрение, убеждения, интересы и т.д.

Современная социологическая интерпретация общественного сознания использует несколько вариантов его исследования. Основой для всех из них является признание того, что оно (*общественное сознание*) *представляет собой реальное, практически функционирующее созна-*

ние, в котором в самых различных комбинациях, в самых разных сочетаниях органически переплетаются теоретические (научные) и обыденные его компоненты. Варианты этого сочетания весьма разнообразны, и социологи в большинстве случаев стремятся выявить уровень и степень присутствия того или другого, а также возможные их сочетания в практическом, реально функционирующем сознании. Иначе говоря, в жизненном мире (а не в теории познания) *мы имеем дело с реальным (реально функционирующим, практическим) сознанием*, котором в самой причудливой форме, в самых разнообразных пропорциях переплетены научные взгляды и обыденные представления, мифологизированные суждения и заблуждения, политизированные установки и примитивные ориентации, существенно варьируемые и видоизменяемые у разных социальных групп и слоев. Можно только предположить, что по мере социального развития общества обыденное (повседневное) все больше будет замещаться научным, теоретическим знанием, но полного вытеснения обыденности никогда не произойдет.

Признавая реальность функционирующего общественного сознания, социология жизни, *во-первых*, исходит из того, что *оно вырастает из непосредственно практической деятельности, не отделено от общественного бытия*. Более того, оно отражает (и мы думаем — вполне обоснованно) не только случайные, стихийные связи и отношения, но и устойчивые закономерности и тенденции развития общества (пусть и в несовершенном виде). Человек развивается как родовое, общественное существо и, прежде всего, при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни (Ф. Энгельс).

Во-вторых, реальное сознание по своему содержанию представляет собой сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих элементов, устоявшихся традиционных связей и привычек. И если эмоциональный компонент реального сознания больше связан с непосредственным впечатлением, сиюминутным воздействием, то его рациональная часть может интегрировать (синтезировать) и прошлый опыт, и уроки не только личной, но и общественной жизни, улавливать социальное звучание происходящих событий. В этом и проявляется то, что роднит отдельные элементы практического восприятия действительности с научным, теоретическим сознанием. Преобладание стихийного, эмоционального в реальном сознании и поведении ни в коей мере не снимает значимости рационального, возможности, что оно в конечном счете будет определять направленность и зрелость общественного сознания и общественной деятельности.

В-третьих, реальное общественное сознание присуще не отдельной личности или случайным группам людей. Оно — продукт коллективного творчества, характерного как для всего общества, так и для социальных групп, слоев и общностей. Возникая как реакция на непосредственное восприятие действительности, как отражение сложившихся условий существования, реальное сознание приобретает самостоятельную роль, выражаясь в мировоззрении, мировосприятии, общественном мнении, умонастроениях людей.

В-четвертых, реальное сознание включает в себя здравый смысл, который не отрицает возможности познания глубинных сущностных процессов — он предполагает его постоянное обогащение и использование в практической жизни. Реальное сознание не является результатом какой-то специализированной деятельности (в отличие от конкретных ее видов — политической, эстетической, нравственной и т.д.) и воспроизводится всеми видами жизнедеятельности человека. Так как деятельность человека несет в себе принципиальные, сущностные моменты общественной деятельности, то можно сказать, что сознание, порождаемое этой деятельностью, способно фиксировать общую линию развития. То, что это сознание оперирует «первичными мыслительными формами», ни в коей мере не означает, что сфера реального, практического сознания ограничивается только «мелкими» вопросами бытия. Именно это противоречие — личностное отражение непосредственно окружающей действительности и возможность глубинного, а не поверхностного ее восприятия — и характеризует состояние реального сознания и соответствующее поведение людей.

Хотя реальное сознание формируется под влиянием непосредственного опыта, в общественном воплощении оно образует своеобразное явление, творцом которого выступают класс, нация, социальная группа или социальный слой. *Реальное сознание не есть собрание или механическое обобщение идей и взглядов индивидов — оно образует новую специфическую сущность, в которой проявляются устойчивые тенденции, объективно отражающие как состояние сознания, так и глубину осмысления им общественного бытия.*

И наконец, реально функционирующее сознание отражает социальные противоречия, широкую гамму повседневных коллизий и иллюзий, нередко очень близких по своей сути к обыденному сознанию. «...Взятое ... как совокупность обыденных переживаний, то есть всех тех горестей и радостей, надежд и разочарований, из которых складывается повседневная жизнь, это обыденное сознание оказывается сплошным беспокойством, по сравнению с которым научное и фило-

софское сознание представляется чем-то вроде атараксии мыслителей эпохи эллинизма» [Ойзерман, 1967, 4: 127]. Оно также включает в себя расходящиеся, парадоксальные и даже противостоящие друг другу мнения, суждения, действия, которые существуют, сочетаются и функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей, одновременно и искренне исповедующих взаимоисключающие установки и ориентации. Иначе говоря, живое, *практически функционирующее сознание — это и есть сознание деятельного человека.*

Реальное сознание в социологии может рассматриваться по уровням: индивидуальное, групповое, общественное, которые в свою очередь могут анализироваться по-особому, исходя из того, что все они представляют определенную социальную реальность. Так, *индивидуальное сознание* интересует социологию только в связи с проявлением повторяемости неких социальных характеристик, которые присущи определенной совокупности людей. *Групповое сознание* проявляет себя в самых разнообразных ипостасях — как профессиональное, национальное, классовое, территориальное, поселенческое и т.д. и т.п. В *общественном сознании* выявляются тенденции и направления развития его основных модификаций. Так как общественное сознание никогда не бывает однородным, то оно представляет интерес для определения основных показателей его состояния и главных изменений в течение определенного отрезка времени. Все эти уровни сознания имеют как общие, так и специфические характеристики. В этой цепи рассуждений общественное сознание выступает в качестве высшей формы, охватывая восприятие всех сторон общественного бытия, всю совокупность общественных проблем.

В жизненном мире реальное сознание предстает и как его виды (*политическое, экономическое, правовое, эстетическое, этическое и т.д.*), в которых воплощаются устремления людей, социальных групп и общностей, нацеленные на достижение намеченных целей.

Реальное сознание представлено также превращенными его формами (парадоксальное, катастрофическое, патологическое, демагогическое, сумеречное, протестное, утопическое, иллюзорное и т.д.) Интерес к ним также значительно вырос в конце XX — начале XXI века. Им посвящены многочисленные исследования, которые дали весьма интересные результаты и по которым можно судить о ценностном мире людей, об аномии, фрустрации, эксклюзии, о таких новых явлениях, как парадоксальность, кентавризм, фантомность.

Говоря о реальном сознании уместно сделать еще два замечания. *Во-первых, его нельзя отождествлять с массовым сознанием. По-*

следнее олицетворяет такое общественное явление, которое оперирует понятиями «массовые индивиды», «массы индивидов», «массовые общности». Осмысление этого понятия произошло и было обосновано А.К. Уледовым [Уледов, 1968], затем Г.Г. Дилигенским [Дилигенский, 1969], впоследствии Б.А. Грушиным [Грушин, 1987], а потом И.Ф. Девятко, [2016]. Но такой подход ограничивает анализ общественного сознания, ибо ставит вопрос: а куда отнести сознание немассовое, отражающее позиции небольших, незначительных групп и слоев, отдельных личностей? Понятие «массовое сознание» пренебрегает этими формами сознания. Его применение ведет к игнорированию и отвержению (особенно в политической жизни) того сознания, которое в самом деле не отражает мнения массы, но способно предвидеть и определять будущее состояние общественной жизни. Не об этом ли говорит жизнь академика А.Д. Сахарова, гражданские позиции которого долгое время не разделялись официальными органами, не были поняты широкими кругами общественности, ибо его сознание не подпадало под понятие «массовое»? В понятие «массовое сознание» никогда не будет включено сознание новатора-художника, писателя, композитора, хотя по ряду показателей оно мало чем отличается от жизненных установок большинства людей. Под массовое сознание не подпадают и взгляды, мнения тех групп людей, которые в силу исторических причин не вошли в полный контакт с мировой цивилизацией и сохраняют приверженность особому, например патриархальному, укладу жизни. Преувеличение роли массового сознания в недавнем прошлом являлось основанием для игнорирования и даже преследования тех, кто не вписывался в его рамки, выпадал из привычного, санкционированного, официально одобренного.

Несовпадение массового сознания с реальным, практическим проявляется и в случае его функционирования в негативном плане, когда ценности, установки, взгляды характеризуют деформированную позицию, ущербный уклад жизни и специфическое восприятие действительности. Справедливо и замечание, что необходимо исходить из того, насколько массовое сознание «нагружено» смыслом [Дилигенский, 1969].

Поэтому, признавая большое значение такого явления, как массовое сознание, целесообразнее рассматривать реальное, практически функционирующее общественное сознание во всей его сложности, противоречивости, конфликтности, без изъятия из него сознания не только отдельных социальных общностей, но и каждой личности.

Во-вторых, исследования общественного сознания не следует сводить к общественному мнению. Исследование последнего, как

правило, нацелено на изучение реакции населения на актуальные, злободневные проблемы, волнующие людей на данном этапе развития общества. Эти исследования дают оперативную информацию, но обычно затрагивают поверхностный слой общественного сознания и поэтому о нем можно судить с известной степенью условности.

При выявлении сущности общественного сознания приобретает особую *актуальность социологическое объяснение*, когда используются его различные типы и виды, что позволяет более полно и всесторонне рассмотреть данный социальный феномен [Иванов, 2014: 3—9].

Логика исторического развития свидетельствует, что общественное сознание приобретает все более значимую роль в решении социальных проблем, растут масштабы его влияния на процессы, происходящие как в мире в целом, так и в любом обществе (государстве), в экономических, социальных, политических и других организациях, в жизнедеятельности всех социальных групп, слоев, общностей. Этот процесс соответствует общей тенденции возрастания роли субъективного фактора, субъектности, значимости и влияния таких характеристик общественного сознания, как достоинство, самоутверждение, самоуважение, что служит возвышению человека в условиях непрестанных попыток подчинить его ум и разум то ли политическим, то ли экономическим, то ли техническим новациям, которые сами по себе не могут (и не должны) быть самодовлеющими факторами.

Таким образом, *реальное, практическое сознание — это функционирующая духовная жизнь во всем сложном переплетении как ее закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений*. Именно такой подход к общественному сознанию как реально функционирующему феномену, как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению образует исходную первоначальную характеристику жизненного мира в его социологической интерпретации.

4.2.2. Поведение и деятельность как реализация форм и видов общественного сознания

Первые попытки научно объяснить поведение возникли в *биологии* на основе механистического детерминизма, который трактовал поведение как взаимодействие физических тел. В дальнейшем этот подход был усовершенствован эволюционистским учением

Ч. Дарвина (1809—1882), который трактовал поведение как целесообразное взаимодействие живых существ. В дальнейшем посредством биологического детерминизма *И.П. Павлов* (1849—1936) сформировал свое учение о высшей нервной деятельности как исходной характеристикой поведения. Таким образом, в естествознании термин «поведение» применялся к анализу жизни любого живого организма, которое трактовалось как взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью. Затем к поведению обратились *психологи*, которые сосредоточили свое внимание не только на биологических, но и социально обусловленных компонентах (подробнее см.: [Ананьев, 1968]). В XX веке понятие «поведение» стало употребляться и в точных науках в применении к некоторым физическим явлениям, например, поведение электрона.

В социологии понятие «поведение» появилось в 1920-х гг. в рамках концепций бихевиоризма, который провозгласил поведение главным предметом анализа через систему «стимул-реакция». В дальнейшем этот подход был признан ограниченным, но не отвергнутым — это понятие развивалось, уточнялось, обогащалось, особенно с точки зрения концепций операционализма, на который опирались необихевиористы (они придавали значение мотивационным и познавательным компонентам как базе поведения). *В теории социального обмена* (Дж. Хоманс) был преодолен бихевиористский отрыв сознания от поведения, введено понятие «элементарное социальное поведение». Оно стало трактоваться как уравнивание вознаграждений и затрат. *Символический интеракционизм* трактовал поведение как непрерывный диалог, когда люди «смотрят друг на друга, как в зеркало и соответственно строят свои поступки и действия. *В концепции социально-культурного развития* П.А. Сорокин (1928) трактовал социологию как «науку, изучающую поведение людей, живущих в среде себе подобных». В этой связи он уделял большое внимание структуре взаимных ожиданий [Сорокин, 1993]. В рамках прагматизма и ряда позитивистских концепций поведение трактуется как детализация деятельности.

В настоящее время *поведение* рассматривается через последовательность сменяющих друг друга привычных действий, которые реализуются в повседневной и общественной жизни. Оно включает в себя три уровня: 1) *поведенческие акты* — *актуальная реакция на окружающую среду, особенно если это касается нестандартных си-*

туацій; 2) привычные действия — поступки как реакция на стандартные ситуации; 3) совокупность поступков — целенаправленная последовательность по осуществлению действий, направленных на реализацию жизненных целей. В самом общем виде поведение трактуется как такие поступки и действия человека (людей, социальных групп и слоев), которые выражаются во внешних актах активности, в то время как деятельность рассматривается как органическое единство объективных условий и субъективных факторов.

Что касается *актов поведения*, то они по своей сути означают такие социально-психологические реакции, которые связаны с реагированием на отдельные раздражители окружающей среды, когда приходится принимать оперативное решение. Особенно ярко специфика актов проявляется при реакции на нестандартные, неожиданные единичные ситуации, когда поведение людей ориентируется на неотложное принятие решения, продиктованное обычно нестандартной или нетипичной ситуацией. В этом случае акты могут быть стихийны, не всегда продуманы и всесторонне оценены для адекватной реакции на происходящие изменения. В этой системе координат акт имеет своим следствием такие варианты как: а) человек делает; б) человек не делает; в) человек воздерживается или уклоняется от действия. В этом ярко проявляется индивидуальность поведенческих актов.

Следующий уровень — *поступок* — означает реакцию на стандартную ситуацию, когда человек (группа, общность) знает, как поступать в данной ситуации. Этот уровень в значительной степени связан с установками и стереотипами, ориентирующими людей на схематизм в решении повторяющихся в их и окружающих их людей событий и процессов. При оценке поступка значительное влияние оказывает убеждение. В процессе реализации поступка осознанно реализуются такие характеристики, как «дозволено — не дозволено», «рекомендовано — не рекомендовано», «разрешено — запрещено».

Третий уровень — *действия* — означает совокупность поступков, которые дополняются новым качеством, проистекающим из их единства и системности. На этом уровне происходит оценка результата поведения, его истинности и соответствия ранее сформулированной цели. Этот уровень поведения личности имеет для социологии первостепенное значение, так как связан с процессом реализации жизненно важной для индивида цели — превращения идеального в реальное» [см.: Немировский, 2003: 71]. На этом уровне происходит уточнение цели, вносятся, если необходимо, коррективы, уточняются средства ее достижения.

При характеристике поведения важно определение его качества, которое может рассматриваться как: а) нормативное (предписываемое соответствующими законами и традицией); б) одобряемое (поддерживаемое существующим правом и моралью); в) рекомендуемое (предлагаемое обществу как ориентир, эталон, который не всегда записан в законе, но что особенно важно для конкретных профессиональных, этнических и других групп); г) деструктивное (вред себе); д) асоциальное (вред другим); е) противоправное (вред обществу, государству) (см. также: [Кудрявцев, 1978]).

Следовательно, говоря о поведении и его месте в жизненном мире, социология жизни имеет в виду: 1) акты, поступки и действия по поддержанию своего существования; 2) их нацеленность на реализацию той или иной функции (что особенно важно в социологии, когда, как правило, исследуется один из аспектов жизненного мира людей); 3) общие характеристики, присущие явлениям физического и биологического мира (говорят о поведении электрона, поведении животных, но не об их деятельности); 4) стереотипы и архетипы, которые опосредуются опытом, накопленным на предшествующих стадиях развития; 5) поведение имеет определенное ограничение — оно употребляется при анализе действий человека, групп людей (общностей, слоев и т.д.), но не по отношению к обществу, а тем более к миру. Следует иметь в виду, что поведение нередко тождественно имитации, подражанию, выполняет роль элемента (компонента) в социальных играх (теория играизации) [Кравченко, 2006].

Поведение может выступать как характеристика поступков и действий людей при анализе основных сфер общества и быть соответственно — экономическим, социальным, политическим, духовным [Боровик, 2003: 197—199].

Таким образом, поведение — это внешне выраженное взаимодействие с окружающей средой, которое конкретизируется как в субъект-субъектных, так и субъект-объектных отношениях. Иначе говоря, реальное, практическое поведение — это функционирующий жизненный мир во всем сложном переплетении как закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному поведению как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему на практическом уровне, в условиях непосредственно жизненного опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) все возможные формы проявления, позволяет объяснить на языке социологии

жизни многие процессы, выявить общее, присущее им не только во всех сферах общественной жизни, но и в условиях различных социально-экономических систем.

Иначе говоря, *реально функционирующее, живое поведение* — самое «богатое» по своим проявлениям в жизненном мире. Фактически оно вместе с сознанием отражает как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они (сознание и поведение) выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования жизненного мира, всей общественной жизни. Поэтому их исследование представляет важный инструмент для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни — от экономической до духовной.

Поведение людей выступает ступенью реализации как всех, так и отдельных компонентов реально функционирующего общественного сознания. Сознание и поведение неразрывно связаны между собой, обуславливают друг друга, постоянно взаимодействуют, обогащают друг друга и конфликтуют между собой. Поэтому их нужно анализировать в неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности [Наумова, 1988].

Таким образом, поведение человека как этап реализации общественного сознания в жизненном мире в условиях конкретной социально-исторической обстановки обуславливает появление и функционирование различных социально-демографических, национальных, социально-профессиональных структур. *Изучение сознания и поведения людей в определенных социально-исторических условиях переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человечества.*

В этой связи уместно напомнить, что *поведение (как и общественное сознание) становится предметом научного изучения только в условиях гражданского общества* — общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса, как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных революций, от того времени, когда общество отделилось от государства. Такое утверждение отвечает на вопрос, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнений людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни, когда он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. О том, что творцом и движущей силой развития этого общества является сознание и поведение людей, образующих жизненный мир людей, говорит и такое образное выражение, автором которого является английский историк и философ *Т. Карлейль* (1795—1881): «Революции происходят не на баррикадах — они происходят в умах и сердцах людей».

Что касается *деятельности*, то это понятие, тесно связанное с трактовкой поведения, имеет свою специфику и особенности. Поясним нашу позицию.

Жизнь человека есть его деятельность, ибо человек по своей природе деятельное существо. При изучении социальной реальности нельзя ограничиться только анализом состояния общественного сознания. Оно (сознание) становится только тогда реальной силой, когда оно воплощается в поведении, деятельности, что в конечном счете находит выражение в социальных действиях людей. Не секрет, что общественные намерения, желания, ориентации по тем или иным причинам не всегда реализуются в поступках, в акциях, в реальных делах. Что мешает их претворить в жизнь выяснить это — одна из важнейших задач социологического исследования.

Социология жизни исследует не только компоненты общественного сознания, но и их реализацию как в *поведении*, так и *деятельности*, которые выступают формой превращения сознания в реальный феномен общественной жизни. Дело в том, что сознание во всем его многокомпонентном богатстве — знании, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и т.д. — не всегда прямо коррелирует с практической стороной их воплощения в жизнь. В силу объективных и субъективных причин компоненты сознания не всегда приобретают объективированную форму своего выражения — деятельность. Поэтому вполне правомерна постановка вопроса в рамках концепции социологии жизни — что должно восполнить (дополнить) сознание как изначальный элемент жизненного мира людей для его логического завершения. Логика развития любого общества показывает, что в теоретической и эмпирической социологии найден ответ на этот вопрос — это поведение и деятельность, которые находят воплощение в действиях людей, в механизме и ре-

зультатах (социальных фактах), которые не только постулируются, но и могут быть измерены при помощи уже апробированных исследовательских процедур.

Однако несмотря на близость понятий поведение и деятельность, они имеют серьезные различия по содержанию и смыслу.

Анализируя этот компонент жизненного мира, следует отметить, что для его характеристики *чаще используется понятие «поведение», чем «деятельность»*, несмотря на их близость по содержанию и смыслу.

Деятельность олицетворяют не только отношение к окружающему миру и взаимосвязи с ним, а преобразование мира, подчинение его человеческим целям. По мнению одних исследователей [Леонтьев, 1977], деятельность — это специфическая форма человеческой активности по отношению к окружающей среде (природе), другим людям, обществу, посредством которой человек целесообразно преобразует их в своих интересах. По мнению других исследователей, деятельность — это преобразование человеком природных и общественных условий существования [Турен, 1998]. По мнению еще одной группы ученых, деятельность — это не только преобразование природа и общество, но и создание новых социальных свойств и способностей человека, новое качество жизни [Ельмеев, 1988].

Главное в деятельности — труд, в процессе которого решается вопрос о производстве материальных и духовных благ, в результате чего происходит общение, изменение и развитие человека [Иванов, 2003: 277—278].

Структура деятельности состоит из четырех подсистем: 1) объективных предпосылок (потребностей и интересов); 2) субъективно-регулятивной (установок и ценностных ориентаций); 3) исполнительской (совокупности поступков, совершаемых во имя реализации поставленной цели); 4) объективно-результатирующей (результатов деятельности), в которой важно предвидеть, а затем оценить последствия деятельности [Каган, 1974].

Деятельность рассматривается: 1) как форма активного отношения к окружающему миру с целью его изменения и преобразования; 2) как включающая в себя цель, средства, результат, хотя цель является только основанием для деятельности, но лежит вне ее; 3) как главное (основное) условие существования человека и общества; 4) несет на себе печать мировоззрения, мировосприятия.

Для деятельности важны такие характеристики как *внутренние ее побудители* — цели, стремление к совершенству (качеству), участие в

управлении, в воспитании, в обучении, в подготовке и обеспечении эффективного функционирования социальных отношений [Осипов, 2010: 155].

Сущностные силы деятельности выражаются в: а) создании; б) усвоении; в) сохранении; г) распространении эталонов и образцов поведения; д) созидании, творчестве, проявлении активности. Деятельность предполагает учет и таких глубинных (латентных) характеристик, как национальный характер и менталитет народа [Абульханова-Славская, 1980].

Все многообразие деятельности можно свести к следующим функциям: а) изменению данной социальной ситуации или условий деятельности; б) стабилизации; в) адаптации; г) интеграции, направленной на включение личности, группы в более крупную социальную общность; д) прогностической функции, к определению перспективы.

Поэтому для социологии важно познать процесс «превращения общественного сознания в общественную силу» (К. Маркс). Реализация прогностической функции сознания — гораздо более богатое по содержанию специфическое явление общественной жизни, в котором *переплетаются как научные, обоснованные знания, суждения и умозаключения, так и стихийное, продиктованное практическим опытом, непосредственное восприятие действительности и соответствующей им деятельности.*

4.2.3. Социальная среда как условие реализации сознания, поведения и деятельности

Третьим индикатором жизненного мира выступает среда.

Среда — понятие, которое широко используется во многих науках. Среда в биологии — совокупность условий, в которых существуют организмы. В экологии — это совокупность внешних факторов обитания организмов или сообществ, особенно антропогенных, которые изменяются деятельностью людей. В социологии под средой понимается совокупность социальных условий жизнедеятельности человека и общества.

Среда как важнейшее условие жизнедеятельности человека изучалась в течение всей истории развития человеческого общества. В известных трудах «отца истории» *Геродота* (484/480—425 до н.э.), великого географа *Страбона* (64/63 до н.э. — 23/24 н.э.), письменных источниках древнейших цивилизаций достаточно убедительно доказывается положение о важности влияния среды обитания человека на его образ жизни.

В философских концепциях Древнего Китая, Древней Индии, включая даосизм, конфуцианство, а в последующем в буддистских социальных теориях среда рассматривалась как одно из решающих условий формирования и развития личности и общества.

В работах древних греков, преимущественно у *Сократа* (470—399 до н.э.), *Платона* (427—347 до н.э.) и *Аристотеля* (394—322 до н.э.), под «средой» понимается комплекс факторов, которые оказывают существенное влияние на процесс становления и развития человеческих взаимоотношений. Древние римляне в содержание данного понятия вкладывали преимущественно социально-правовые отношения, которые определяют устойчивость функционирования государственного строя и политического управления.

Средневековое понятие «среды» имело свои особенности: все социальные институты рассматривались в контексте религиозной детерминации.

Современное понимание понятия «среда» начинает складываться в эпоху Возрождения. Наибольшее распространение оно получило среди философов, педагогов и психологов, изучавших процесс определения места человека в социуме, и наоборот, влияния социума на становление и развитие личности.

В Новое и Новейшее время происходит гносеологическая дифференциация родового понятия «среда». В научный оборот вводятся новые (родственные) понятия, такие как «географическая среда», «среда обитания», «воздушная среда» и другие, применяемые как в естествознании, так и в обществоведении. Первоначально социальные процессы рассматривались в контексте развития географической среды, под которой понималась часть земного природного пространства, в той или иной степени измененного (и изменяемого) человеческой деятельностью. Однако в последующем понятие «социальная среда» выделилось в самостоятельное социологическое понятие и получило логически современную интерпретацию (см. подробнее: [История философии, 1941: 71—86, 417—432]).

С точки зрения генезиса и развития понятие «*социальная среда*» рассматривается преимущественно в контексте следующих концепций.

1) ортодоксально-материалистических, где влияние социальной среды на развитие человека и общества определяется как доминантное. Наиболее ярко такое направление представлено французскими материалистами XVIII века (Ламетри, Гельвеций, Дидро, Гольбах и др.). Французские материалисты пришли к выводу, что человек со

всеми своими чувствами, мыслями и стремлениями представляет исключительно продукт окружающей его общественной среды;

2) идеалистических, где влияние нематериальной сущности, идей, сознания человека является исходным условием возникновения, становления и развития всей среды обитания человека. В философии первоначально такое направление определено Платоном, который считал, что идеи являются исходным и решающим фактором существования среды обитания человека. В религиозно-идеалистических концепциях теологическая обусловленность среды является абсолютной;

3) диалектико-материалистических, где социальная среда рассматривается как продукт взаимодействия объективных и субъективных процессов в развитии общественных отношений [Плеханов, 1956]. Содержание объективного составляют закономерности развития природы, а субъективного — сознательную деятельность человека и общества. Диалектика объективного и субъективного — источник развития и трансформации социальной среды. *К. Маркс* (1818—1883) и *Ф. Энгельс* (1820—1895) неоднократно подчеркивали, что в качестве важнейших предпосылок человеческой истории необходимо рассматривать не только самих действительных индивидов и их деятельность, но «и материальные условия их жизни», которые являются важнейшим элементом социальной среды [Маркс, Энгельс, 1978: 18].

Названные концепции функционирования социальной среды являются основными. Однако имеются их модификации и авторские интерпретации в различных социологических школах. В наибольшей степени категория «социальная среда» используется в современных концепциях марксизма и позитивизма. Социолог призван учитывать «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение людей, «каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)...» [Маркс, Энгельс. 37: 396].

По мнению большинства исследователей, социальная среда оказывает на формирование и развитие личности решающее воздействие. В то же время под влиянием творческой деятельности человека она видоизменяется, преобразуется. В процессе таких преобразований изменяются и сами люди. В социологической науке объем понятия «социальная среда» включает макросреду, мезосреду и микросреду.

Макросреда (от *греч.* *makros* — длинный, большой) — совокупность институтов и отношений, охватывающих существующую в об-

ществе социально-экономические отношения с соответствующей политической надстройкой (политическим режимом). К институтам макросреды относятся: материальное производство, производительные силы, производственные и общественные отношения, политический строй, институты культуры и др. В социологии она изучается как влияние государства, общественных и политических институтов на жизненный мир людей. В данном контексте человек рассматривается как гражданин, член макросообщества или государства. Макросреда в социологической науке является объектом изучения преимущественно общесоциологических теорий.

Мезосреда (от греч. *mesos* — средний, срединный, промежуточный) — совокупность институтов и отношений, составляющих основу социально-антропологической структуры общества. К мезосреде относятся институты, образующие и представляющие взаимоотношения человека с обществом, как горожанина, сельского жителя, члена определенной социальной группы, партии или организации. Мезосреда в социологической науке является объектом изучения преимущественно специальных социологических теорий.

Микросреда (от греч. *mikros* — малый) — совокупность институтов и отношений, составляющих непосредственное социальное окружение человека и оказывающих решающее влияние на формирование и развитие личности. К институтам микросреды относятся: семья, первичные трудовые коллективы, малые социальные группы и общности. Микросреда в социологической науке является объектом изучения преимущественно прикладной социологии, социометрии.

Социальная среда с точки зрения содержания — это совокупность экономических, политических, социальных, духовных условий, являющихся основой существования и функционирования жизненного мира человека.

Среди *экономических условий* наиболее существенными являются те, которые определяют совокупность производственных отношений, а именно: отношения между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ.

Политические условия определяются спецификой развития властных отношений общества. Экономические и политические условия развития общества находятся в диалектической взаимообусловленности и порождают соответствующую специфику *социальных отношений* [Сидорина, 2004].

Важнейшей составляющей социальной среды являются условия для осуществления жизнедеятельности социума и человека в *духовно-*

культурной сфере, которые выполняют одну из важнейших его регулятивных ролей.

Экономические, политические, социальные и духовные отношения органически взаимообусловлены и составляют фундаментальную основу содержания понятия «социальная среда» как одного из важнейших в социологической науке.

В современном научном знании понятие «социальная среда» используется в большинстве социологических теорий и коррелирует с таким фундаментальным понятием, как социальная инфраструктура, означающая совокупность материально-вещественных элементов, создающих общие условия для обеспечения рациональной организации трудовой и повседневной жизни людей [Денисов, 1988; Кураков, 1999; Тощенко, 1980].

В заключение особо необходимо подчеркнуть, что среда в совокупности и в органической связи с общественным сознанием и поведением людей образует жизненный мир как предмет социологии жизни.

Таким образом, *изучение сознания и поведения людей в определенных социально-исторических условиях переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человечества.*

В этой связи уместно еще раз напомнить, что *общественное сознание и поведение становится предметом изучения только в условиях гражданского общества* — общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса, как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных революций, от того времени, когда общество отделилось от государства. Такое утверждение отвечает на вопрос, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнений людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может продемонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни, когда он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса.

Обобщая сказанное, *предмет социологии жизни — это жизненный мир, включающий реальное общественное сознание во всем*

его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей; условия, в которых реализуются реальное сознание и соответствующее ему поведение людей. В такой постановке вопроса предмет социологии жизни оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных проблем, происходящих в обществе и мире, в которых они работают и живут.

Литература

- Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.
- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. М., 1968.
- Асмус В.Ф.* Метафизика Аристотеля // Аристотель. Соч. Т. 1. М., 1976.
- Бернштейн Э.* Спорные вопросы социализма. Берлин, 1921.
- Боровик В.С.* Поведение социальное // Социол. энциклопедия. Т. 2. 2003. С. 197—199.
- Бороноев А.О., Козловский В.В.* (ред.). Российская социология: Историко-социологические очерки. М., 1997.
- Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М., 2008.
- Вавилин Е.А., Фофанов В.П.* Исторический материализм и категория культуры. Новосибирск, 1983.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Волков В., Хархордин О.* Теория практик. СПб., 2008.
- Волков Ю.Г.* Социология / Ю.Г. Волков [и др.]. М., 1995.
- Голенкова З.Т.* (ред.) Социальная стратификация российского общества. М., 2003.
- Григорьев С.И.* (ред.) Социология на пороге XXI века. Основные направления исследований. М., 1999.
- Грушин Б.А.* Массовое сознание. М., 1987.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.
- Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Минск; М., 2000.
- Гуцаленко Л.А.* Нужна ли социологии жизни живая личность? // Социол. исслед. 2003. № 10. С. 3—12.
- Давидюк Г.П.* Прикладная социология. Минск, 1979.
- Деятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Катерный И.В.* (ред.). Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияние и реконфигурация. М., 2016.

- Денисов Н.А.* Социальная инфраструктура России: состояние, проблемы, пути развития. М., 1988.
- Дивисенко К.С.* Социальные исследования жизненного мира // Социол. журнал. 2014. № 1.
- Дилигенский Г.Г.* Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969.
- Дмитриев А.В.* Общая социология. М., 2001.
- Добренчиков В.И., Кравченко А.И.* Фундаментальная социология. Т. 1. Теория и методология. М., 2003.
- Ельмеев В.Я.* Воспроизводство общества и человека. М., 1988.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- Иванов В.Н.* Деятельность социальная // Социол. энциклопедия. Т.1. М., 2003.
- Иванов О.И.* Социологическое объяснение: к характеристике современных практик // Социол. исслед. 2014. № 3.
- История философии. Т.11. М., 1941. С. 71—86, 417—432.
- Каган М.С.* Человеческая деятельность. М., 1974.
- Кареев Н.И.* Основы русской социологии // Социол. исслед. 1995. № 8.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
- Качанов Ю.Л.* О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. 2012. № 12.
- Кравченко С.А.* Нелинейная социальная динамика играйзационный подход. М., 2006.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е.* Социология: Парадигмы и темы / С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканян, Н.Е. Покровский. М., 1987.
- Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М., 1978.
- Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.
- Кураков В.Л.* Ресурсное обеспечение социальной сферы. М., 1999.
- Левада Ю.А.* Лекции по социологии. Ч.1. М., 1969.
- Левашов В.К.* Социополитическая динамика российского общества. 2000—2006. М., 2007.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., М., 1978. Т.3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. М., 1989.
- Момджян К.Х.* О дисциплинарном соотношении социальной философии и социологии // Вопросы философии. 2016. № 1.
- Монсон П.* Современная западная социология: теории, традиции,

- перспективы. СПб., 1992.
- Мотрошилова Н.В.* Жизненный мир //Философская энциклопедия. Т. 2. М., 2004.
- Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988.
- Немировский В.Г.* Современная теоретическая социология: учеб. пособие. Красноярск, 2003.
- Немчинов В.С.* Избр. произв. Т.1. М., 1967.
- Новикова С.С.* Социология: история, основы, институализация в России. М.; Воронеж, 2000.
- Ойзерман Т.И.* Философия и обыденное сознание //Вопросы философии. 1967. № 4.
- Осипов Г.В.* Основные черты и особенности марксистской социологии // Социология в СССР. Т.1. М., 1966.
- Осипов Г.В.* Введение в социологическую науку. М., 2010.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998.
- Плеханов Г.В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю //Избранные философские произведения: В 5 т. Т.1. М., 1956.
- Резник Ю.М.* Социальное измерение жизненного мира. М., 2001.
- Румянцева Т.Г.* Жизненный мир //Всемирная энциклопедия. Философия. Минск, 2003.
- Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. СПб., 2001.
- Сидорина Т.Ю.* Социальная политика. М., 2004.
- Смирнова Н.М.* Жизненный мир //Философская энциклопедия. Т. 2. М., 2004.
- Современная западная философия: словарь. М., 1991.
- Сорокин П.А.* Общество. Культура. Личность. М., 1993.
- Тихонов А.В.* Социология управления: Теоретико-методологические основы. М., 2010.
- Тощенко Ж.Т.* От философии жизни к социологии жизни // Философские науки. 2015. № 5.
- Тощенко Ж.Т.* Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980.
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии: пер. с франц. М., 1998.
- Уледов А.К.* Структура общественного сознания. М., 1968.
- Федосеев П.Н., Францов Г.П.* Социология и история //Социология в СССР. Ч. 1. М., 1966.
- Харчев А.Г.* Предмет и структура социологической науки // Социологические исследования. 1981. № 2.

Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917—1969). Л., 1971.

Шавель С.А. Общественная миссия социологии. Минск, 2010.

Эфендиев А.Г. (ред.) Общая социология. М., 2000.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования (описание, объяснение, понимание социальной реальности). М., 1998.

Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. (Bd. 1: Handlungs-rationalität und Gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der Funktionalistischen Vernunft.). Frankfurt am Main, 1981.

Habermas J. Autonomy and Solidarity. Interviews with Jürgen Habermas. L.: Verso, 1991.

ГЛАВА 5

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ И ПОНЯТИЯ СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ

5.1. Общая характеристика понятийного аппарата социологии

Социология обладает соответствующими *категориями и понятиями*, которые характеризуют степень и глубину познания социальной реальности. Они воплощают основные смыслы и сущностные особенности, которые присущи социологии, и в то же время отражают то, что их связывает с другими науками. Без понятийного аппарата социология, как и любая другая наука, не имела бы качественной определенности, целостности, логической завершенности. Именно поэтому, приступая к изучению социологии, прежде всего надо овладеть ее категориально-понятийным аппаратом во всей его сложности, многоуровневости и многоаспектности.

Проблема категориально-понятийного аппарата — это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки. Мы являемся свидетелями того, как изменяется понятийный аппарат всех наук, в том числе и социологии, как он совершенствуется, обогащается, как существующие понятия наполняются новым содержанием, как появляются новые, которые существенно корректируют и уточняют наши представления об изучаемой действительности. На грани XX и XXI веков мир, многие страны, в том числе и Россия, находятся в состоянии поиска самих себя. Не осталась в стороне от этих исканий и наука вообще, и социология в частности. Жизнь поставила перед социологией задачу откликнуться на новые реальности, адекватнее выразить требования времени, внимательнее посмотреть на накопленный багаж.

К анализу понятий обращались многие социологи. Назовем некоторых из них. М. Вебер посвятил специальную работу этому вопросу

[Вебер, 1990]. Интересны суждения Я. Щепаньского, предложившего рассмотреть только элементарные понятия социологии [Щепаньский, 1969]. Среди отечественных исследователей отметим анализ понятий в рамках исторической социологии [Бибков, 2014], а также попытку представить понятия социологии в структуре понятий всех наук [Кравченко, 2008]. Вместе с тем, нельзя не отметить попыток свести понятийный аппарат социологии к изданию энциклопедий и справочников, в которых дается характеристика и описание все без исключения понятий, терминов и слов, так или иначе используемых социологами в теоретической работе и особенно в процессе эмпирических исследований. Кроме того, в этих изданиях даются понятия и термины, используемые в других социальных науках, которые расширяют кругозор социолога, но не могут быть использованы для проверки гипотез и задач в силу их неоперационализируемости. Поэтому не удивительно, что многие учебники по социологии даже не рассматривают этот вопрос, считая энциклопедии и справочники ответом на это научное и обучающее требование.

На наш взгляд, все же надо не просто перечислить хотя бы основные категории и понятия, но и попытаться упорядочить их, классифицировать по определенным основаниям, представить в виде определенной системы, а не бесконечного перечисления слов, которые относятся к социальной реальности по принципу построения от А до Я. Поэтому в рамках социологии жизни попытаемся решить эту задачу и предложить последовательную и непротиворечивую картину ее основных категорий и понятий.

Анализируя данную проблему, следует отметить, что *категории и понятия социологии, несмотря на их близость и неразрывное единство, — это разные сущности, и необходимо четко видеть их различие.* К этому следует добавить, что они уточняются *под влиянием постоянно изменяющейся социальной реальности и в связи с модификацией самой науки, отражающей эту реальность.* Проблема категорий и понятий тесно связана с поиском ответа на вопрос: существует ли единая социологическая теория или их много? Если их много, то как используются одни и те же понятия?

Остановимся прежде всего на трактовке категорий.

5.2. Категории социальных наук и социологии жизни

Впервые наиболее полное учение о категориях было изложено в трактатах Платона и Аристотеля. Если в ранней греческой философии

фии, когда бытие и мышление еще различались слабо, категории выступали в виде основных элементов материи в ее непосредственной данности (земля, вода, воздух, огонь, эфир). В связи с возникшим интересом к проблеме сознания и познания, разума и науки категории приобретают логичный вид и формулируются как обобщенные, отвлеченные понятия. У Платона их было пять — *сущее, движение, покой, тождество и различие*, а у Аристотеля — десять, которые он затем свел к трем основным — *сущности, состоянию и отношению*. В их интерпретации категории — это схемы суждений и умозаключений: то, что высказывается о сущем, подпадает под ту или иную категорию (цит. по: [Огурцов, 2001: 229—233]).

Принципиально новый этап в развитии учения о категориях связан с именем *И. Канта* (1724—1804). Категории для него — условие возможности синтеза, то, что формирует, конституирует опыт. Категории существуют априори, предшествуют всякому опыту, выражают логические функции всех возможных суждений. В соответствии с видами суждений Кант строит классификацию *четырех видов категорий*: *категории количества* (единство, множество, всеобщность); *категории качества* (реальность, отрицание, ограничение); *категории отношения* (принадлежность, причинность, общение); *категории модальности* (возможность, существование, необходимость) [Кант, 2007].

В послекантовской философии произошел существенный сдвиг в анализе категорий — предметом исследования стали идеи разума, формы умозаключений, взаимоотношение которых выражается принципами тождества, противоречия и снятия его в синтезе. При этом категории трактовались вне связи со структурой языка, как нечто сущее само по себе и реализующееся в природе и человеческом духе.

Для социологической науки особое значение приобрели идеи *Ф. Шеллинга* (1775—1854), который, исходя из тождества субъекта и объекта, рассматривал *два вида категорий* — *категории объективности*, разворачиваемые в натурфилософии, и *категории субъективности*, связанные с актами сознания и самосознания [Шеллинг, 2014]. *Такой подход положил начало тому, что в XIX, а затем в XX веках отчетливо стала складываться и формироваться дифференциация категорий в соответствии с различными областями научного знания*. Иначе говоря, каждая наука стала претендовать на то, что ей присуща своя система категорий, которая может частично совпадать с всеобщими категориями и которая в то же время претендует на свое понимание и свою трактовку как предельно широких

универсалий. Так, Э. Дюркгейм констатирует, что время, подобно «пространству», «субстанции», «личности», «количеству» и др., относится к категориям, которые заложены в основах наших суждений и составляют основу нашей интеллектуальной жизни [Дюркгейм, 1996: 266]. В этой ситуации при трактовке категорий происходило смешение или абсолютизация то онтологического, то гносеологического, то психологического их понимания, хотя в рамках философско-методологической рефлексии они неразрывно связаны между собой, дополняют друг друга (Кун, 1998).

В изменившихся условиях социальные науки объектом своих исследований окончательно избрали социальную реальность — общественную жизнь. В соответствии с этим *центральной категорией становится общество, понимаемое как многозначная система отношений и процессов, основополагающие характеристики которой становятся всеобщими категориями*. Исходя из этого подхода, наряду с категориями рассудка, стали использоваться такие категории, как переживание [Дильтей, 2000], интуиция [Бергсон, 1998], понимание [Вебер, 1990; Зиммель, 1996].

Для характеристики общества, жизненного мира существенным оказываются *модусы времени: настоящее, представленное в ценности, будущее, выраженное в цели, и прошлое, связанное с категорией «значение»* (подробнее см. п. 1.4). Тем самым категории историзируются, лишаются своей вневременной формы и локализируются в конкретно-исторических формах жизни и соответственно выражаются в смыслах жизненного мира. Подобная трактовка категорий существенно подорвала их абсолютную значимость и универсальность, усилила тенденцию к их «регионализации» (что находит выражение в вычлениении в науке различных отраслей и областей знания), а соответственно, к выделению тех из них, которые присущи только одной науке или группе однородных наук.

Процесс научной регионализации категорий не обошел стороной и социологию, которая, учитывая необходимость изучения прошлого и будущего и даже оперируя в известной степени их характеристиками и показателями, тем не менее сосредоточивает основное внимание на *настоящем*, на ощущаемом и воспринимаемом времени и пространстве, на том, что является предметом заинтересованности людей, их сопричастности ко всему происходящему и окружающему их. Обращение внимания на существующую социальную реальность все больше и больше превращает социологию в социологию жизни и со-

ответственно требует уточнения совокупности (системы) категорий, которыми она пользуется.

Таким образом, *категории* — это основные и наиболее общие понятия наук. Это «не просто высказывание о предмете, но и какое-то важное о нем решение, как бы привлечение его к ответственности, высказывание о нем чего-то важного, внутреннего, существенного» [Лосев, 1977].

Все это позволяет сделать вывод, что категории социологии с точки зрения их *структуры* представляют собой: 1) всеобщие категории, присущие всем наукам (сущность, состояние, отношение, закономерности); 2) категории общественных (социальных) наук (вселенная, общество, цивилизация, культура и т.д.); 3) категории социологии.

Исходя из этого, категории социологии с точки зрения *содержания* можно представить (классифицировать) в виде определенной структуры (табл. 5.1).

Таблица 5.1. Логическая структура категорий

<i>Категория</i>	<i>Структура категории</i>
<i>Всеобщности</i>	Вселенная Ноосфера Мир Человечество
<i>Качества</i>	Цивилизация Формация Устойчивое развитие
<i>Объективности</i>	Общественные отношения Социальное развитие Социальные процессы и явления
<i>Субъектности</i>	Народ Классы Страты Общности Социальные группы
<i>Изменений</i>	Управление Регулирование Модернизация Революция Эволюция Конфликт Травма

Поясним эти выводы.

Что касается *категорий всеобщности*, то без них не может обойтись ни один представитель социальных наук (в том числе и социологии), когда он задается вопросом — а какие универсальные и фундаментальные представления о мире могут быть использованы при осмыслении социального бытия. Такая направленность (и необходимость) изысканий породила букет различных социальных теорий, которые претендуют на предельно широкие обобщения явлений окружающего мира. Такая тенденция не обошла стороной и социологию. Наиболее наглядно оно проявилось в мир-системных моделях И. Валлерстайна [Валлерстайн, 2006], в творчестве и в трудах глобалистов, геополитиков, теоретиков устойчивого и безопасного мира. Говоря о социальной составляющей устойчивости развития, следует отметить, что ориентирована она на человека и направлена на сохранение стабильности социально-культурных отношений, в том числе, на сокращение числа разрушительных конфликтов между людьми. Важным аспектом этого подхода является справедливое распределение благ, сохранение культурного капитала и многообразия в глобальных масштабах. Для достижения устойчивости развития, современному обществу придется создать более эффективные методы принятия решений, учитывающую исторический опыт и поощряющую плюрализм развития. Важно достижение не только внутри — но и межпоколенной справедливости [Левашов, 2013; Бобылев, Гирусов, Перелет, 2004].

Категории качества характеризуют степень и уровень освоения мира, эффективность функционирования и обеспечения рациональной организации общественной, групповой и индивидуальной жизни. Это совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность. Без их использования невозможно осуществить сравнение в рамках «прошлое — настоящее», сопоставлений типа «у них — у нас», понять, что и каким образом характеризует степень оптимальности развития тех или иных социальных групп, институтов, организаций. Особое значение эта категория приобретает при характеристике качества жизни. Оно является более широким, чем материальная обеспеченность (уровень жизни), и включает также такие объективные и субъективные факторы, как состояние здоровья, ожидаемая продолжительность жизни, условия окружающей среды, питание, бытовой комфорт, социальное окружение, удовлетворение культурных и

духовных потребностей, психологический комфорт и т.п. [Каменская, 2001, Анисимов, 2013]

Категории объективности конкретизируют сущность и содержание той исторической эпохи, в которой живет и творит человек. В них находят отражение основные особенности и специфика, которые характерны для всего мира, но в его конкретно историческом обличье. Именно при помощи этой категории возможно описание, анализ таких процессов, как преобладание тех или иных форм общественной жизни, видов политической власти, исторически сложившихся типов поселенческих структур и т.п. Кроме того, объективность — это способность видеть вещи такими, какие они есть или какими представляются, по возможности независимо от нашей субъективности или по меньшей мере независимо от того частного и особенного, что включает в себя наша субъективность. На практике объективность означает умение видеть вещи глазами добросовестного наблюдателя — нейтрального и беспристрастного. Очевидно, что объективность никогда не бывает абсолютной (познание всегда субъективно), однако это не значит, что она вообще невозможна — в этом случае не было бы ни справедливости, ни науки [Конт-Слонвиль, 2012; Подопригора, 2013].

Категории субъектности характеризуют активное, творческое (или потенциально творческое), заинтересованное начало в деятельности людей. Они содержат самые общие ориентиры, требующие их применения в исследовательской практике, ибо их использование в самом общем виде дает только (и то в лучшем случае) ориентировочный эффект для тех, кто творит те или иные изменения или кто олицетворяет лицо той или иной эпохи. Подчеркнем — субъектность является основанием всех характеристик человека как субъекта жизнедеятельности. Человек не рождается субъектом, а становится им, становится личностью, когда включается в систему общественных отношений [Баталов, 2006; Бауман, 2002; Журавлев, 2009; Смирнова, 2015].

И наконец, *категории изменений* характеризуют механизм, направленность, способы и методы осуществления преобразований. Эти категории претендуют на процессы преобразования окружающего мира, что находит выражение в применении таких универсалий, как управление, эволюция, революция, устойчивое развитие. Они в известной степени выражают модальность, связанную с представлениями о необходимости, возможности реализации целевых установок [Поппер, 1983; Тулмин, 1984; Огурцов, 2001].

Значение этих категорий для социологии жизни велико, потому что, во-первых, они позволяют в обобщенном виде, исходя из спе-

цифики социологического знания, трактовать универсальные процессы и изменения, происходящие в социуме с позиций социологии науки. Во-вторых, эти категории выполняют интегрирующую роль для самых различных потоков информации, концентрируют ее, объединяют их вокруг принципиальных вопросов социальной жизни. В-третьих, категории выполняют коммуникативную роль, без которой невозможно совместное и сопоставимое творчество, дальнейшее развитие научного знания, его дополнение, обогащение, совершенствование, углубление. И наконец, эти категории роднят социологию с другими социальными науками, образуя единое смысловое поле, без которого невозможно представить эволюцию и прогресс в развитии социальной мысли.

Вместе с тем необходимо видеть ограничения, которые накладывает использование в социологии этих универсалий — категорий. Во-первых, эти категории в своем большинстве априорны, декларативны, и могут выражать свою сущность в самом общем, предельно обобщенном виде. Во-вторых, они нередко многозначны, по-разному трактуются не только среди других социальных наук, но внутри самой социологии различными школами и концепциями. Так, по утверждению ряда исследователей, только определений культуры насчитывается свыше 160, а личности — более 200. В-третьих, и это особенно важно, большинство из них не операционализируемы. В таком случае социология часто переходит на позиции социальной философии, чтобы иметь возможность обобщения и оперирования некими универсалиями, определенными логическими конструктами.

В настоящее время проблема категорий в социологии (как и в других науках) актуализировалась, что связано с возрождением интереса к ним как неким универсальным характеристикам социального бытия, которые в то же время выступают константами логики. Она (проблема) возникла как движение контрпостмодерна, отразив реакцию и намерение возродить критерии научности. По-новому встает проблема статуса (гносеологического и онтологического) этих универсалий: существуют ли они реально или они продукты аналитической работы мысли.

Таким образом, *категории социологии жизни — это предельно универсальные, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Они выступают характеристиками уровня осмысления и обобщения основных представлений об общественной*

жизни, о социальной реальности, которые имеют априорное значение и помогают систематизации и организации опытного знания. Будучи формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме. В то же время они претендуют на отражение в обобщенном виде содержания (и специфики) в пределах (в рамках) социологического знания, несмотря на то что многие из них являются одновременно и категориями других социальных наук.

5.3. Понятия социологии (логическая структура)

Термин «понятие» (от *греч.* — представление) введен древнегреческими мыслителями — стоиками. Один из основоположников этой школы *Зенон* (ок. 490 — ок. 430 до н.э.) разумел под понятием постигнутое представление, т.е. представление, в котором сознается его согласование с объектом. Понятие — узловая форма движения мысли, обобщенно отражающая предметы и явления социальной жизни посредством фиксации их существенных свойств.

Понятие — одна из основных форм отражения мира на рациональной, логической ступени познания. По своей сути, понятие — это зафиксированная мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в класс (обобщает) объекты посредством указания на их общий и отличительный признак. Понятия представляют собой идеальные сущности, продукты мыслительной деятельности человека. *Каждое понятие имеет две основные логические характеристики — экстенциональную (объем) и интенциональную (содержание).* Понятия, используемые в социальных науках, чрезвычайно многообразны по своей структуре, типам обобщаемых объектов и другим характеристикам. Классификация, т.е. выделение и систематизация понятий, проводится по разным основаниям. Во-первых, их делят на *виды*, исходя из особенностей содержания, во-вторых, учитывают *объемы и специфику* их элементов, в-третьих, исходят из *предназначения научного знания* [Войшвилло, 1967].

Если рассматривать объем и содержательные *основы понятий*, употребляемых в социологии, то следует обратить внимание, как на общенаучные суждения и на прошедшие апробацию в смежных науках, так и на те, которые рождены в процессе развития, обогащения и обновления социологического знания. Остановимся на этом подробнее (табл. 5.2).

Таблица 5.2. **Логическая структура понятий**

<i>Классификация понятий</i>	<i>Структура понятий</i>
По объему	Универсальные (тождественны категориям) Неуниверсальные (стимул)
По природе	Абстрактные (социальная среда) Конкретные (родитель)
По содержанию	Безотносительные (установка) Относительные (квалифицированный рабочий)
По объему и содержанию	Сложные (город, организация) Простые (поступок, ориентация)
По логике или механизму познания	Методологическая роль (построение программы исследования) Методическая роль (выборка, инструменты сбора информации)
По структуре элементов объема	Собирательные (диаспора, партия) Несобирательные (человек, родившийся в 1950 г.)
По предназначению	Обобщающие (социальный институт) Констатирующие (забастовка)

На основании соотношения *объемов* выделяют *универсальные* и *неуниверсальные понятия*. В этом случае универсальные понятия (например, *вселенная, общество, человечество*) совпадают с категориями. Это совпадение категорий и понятий вводит в заблуждение некоторых исследователей, приводя к тому, что они не видят различий между ними или игнорируют данную проблему, называя одну сущность разными определениями, что не допустимо в принципе с точки зрения научного познания. Но именно разделение понятий на универсальные и неуниверсальные ставит четкую грань между категориями и понятиями. В связи с этим необходимо отметить одну принципиальную особенность этой взаимосвязи — *каждая категория является одновременно и понятием, но не каждое понятие может быть категорией, выступить ею*. В силу того, что понятия производны от категорий, являющихся всеобщими, универсальными, фундаментальными формами связи, типами связи субъекта и объекта в суждении.

По *природе обобщаемых объектов* понятия делятся на *конкретные* и *абстрактные*. В конкретных понятиях обобщается то или иное свойство, признак, характеристика (например, мотив) или их множество (например, образ жизни).

С точки зрения *содержания* понятия могут рассматриваться как *безотносительные* (объект характеризуется сам по себе, например, установка) и *относительные* (объект характеризуется через отноше-

ние к другим объектам, например, «квалифицированный рабочий», чье мастерство соотносится с профессиональной подготовкой другого работника, не имеющего такой квалификации).

В зависимости от *объема и содержания* признаков они делятся на *простые* (их содержание указывает на наличие одного отдельного свойства (например, «социальная ориентация» или «численность родившихся») и *сложные* (их содержание фиксирует связь между свойствами или его элементами, например, понятие «город» или «организация» как сложные экономические, социальные и организационные образования), которые опосредованы многими свойствами и значительным количеством как простых, так и сложных компонентов.

С точки зрения *логики (механизма)* социологического познания понятия могут быть разделены на выполняющие методологическую роль (принципы построения программы исследования, гипотезы и т.д.) и методическую (инструментальную) роль (выборка, анкета, интервью, контент-анализ и т.д.).

По *структуре* различают *несобирательные* понятия, элементами объемов которых являются отдельно взятые объекты (например, человек, родившийся в 1950 г.), и *собирательные* понятия, элементами объема которых являются совокупность объектов, мыслимая как одно целое (например, когорта, политическая партия).

И наконец, они могут рассматриваться как *обобщающие* (потребности, мигранты) и *констатирующие* (забастовка) (суждение о конкретном событии) понятия, в которых находит отражение их предназначение и которые включают в себя признаки модальности (возможность, необходимость, достижимость, эффективность) [Бочаров, Маркин, 1994; Маркин, 2001: 285—287].

Таким образом, *основное назначение данной классификации понятий* — *фиксировать существенные свойства изучаемой социальной реальности, связи и отношения между ними, реальные социальные процессы, а также изменение этих свойств и отношений*. Нужно только отметить, что границы категорий (как важный атрибут науки) и понятий (как одна из форм рационального познания) подвижны, могут «переливаться» друг в друга в зависимости от конкретной исследовательской ситуации, особенно когда речь идет о многообразии жизненного мира людей.

5.4. Понятия социологии жизни (структура содержания)

Наряду с логической структурой для понимания смысла и всего богатства социологического знания определяющим является *содержательный анализ понятийного аппарата*.

С точки зрения содержания понятийный аппарат социологии зависит от того, что считается объектом и предметом социологии как науки. Именно от этого и начинается отсчет, структура построения понятийного аппарата.

Специфика и качественная определенность подхода к предмету социологии с позиций социологии жизни состоит в том, что исходным понятием является жизненный мир, который состоит из общественного сознания, поведения (деятельности) и среды обитания человека, ибо жизнь общества начинается с человека, с его сознания и поведения, над которыми «выстраивается» вся окружающая их среда. Завершается представление о понятийном аппарате характеристикой смысла жизни — действий и их результатов.

Концепция социологии жизни позволяет преодолеть крайности в трактовках предмета социологии, оперируя понятиями социальной реальности в обличье жизненного мира, ее универсальностью, уникальностью и наиндивидуальностью. Она начинается с того, что мы, прежде всего, начинаем оперировать понятиями, отражающими восприятие, отношение и оценку человеком окружающей его среды, взаимодействие с другими субъектами, с другими социальными институтами и организациями.

Начнем характеристику понятийного аппарата с уточнения представлений о жизненном мире.

5.4.1. Содержание и основные характеристики жизненного мира

Итак, жизненный мир — относительно новое понятие в современной социологической теории. Его истоки по своей сути восходят к тому периоду развития философской мысли, когда в центр научного анализа вселенной, космоса и природы были поставлены проблемы жизни человека, с одной стороны, и социальные (а не природно-биологические) проблемы развития общества, с другой.

Жизненный мир — это не механический и всеохватывающий перечень возможных повседневных ситуаций, включение в себя всех событий обыденной жизни человека, как это делается в социологии повседневности. Но жизненный мир не может быть сведен к обыденности — на его всегда влияют в той или иной мере события и процес-

сы, происходящие в глобальном, мировом масштабе и в национальной экономике, политике и культуре.

Особо подчеркнем, что основы жизненного мира людей отражают реальное содержание, и в то же время предназначение, стремление ориентироваться на достижение приемлемых и одобряемых ими перспективных целей, в которых органически соединяется общее, особенное и специфическое в его сопоставлении с требованиями окружающей действительности во всем ее многообразии [Habermas, 1981].

Жизненный мир базируется, как доказывал еще А. Шюц, на взаимодействиях людей в процессе решения реальных проблем и их отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут [Шюц, 2004].

Жизненный мир предполагает учет накопленного не только практического, но и предшествующего исторического опыта, что позволяет людям оперировать не только пониманием и приятием окружающей его действительности, но информацией о предшествующем функционировании человеческих общностей в различных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях.

Жизненный мир — это мир не только рациональности, это мир и чувственных и эмоциональных оценок, выраженных в вербальном и (или) поведенческом отношении к происходящей действительности. Это мир отражает всю гамму субъективной характеристики наблюдаемых человеком происходящих общественных процессов и природных явлений.

По мнению Э. Гуссерля, жизненный мир состоит из суммы непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения. Такие очевидности выступают первичным в логическом плане слоем любого сознания, являясь базисом, условием возможности сознательного принятия индивидом тех или иных установок. Данные условия и возможности совпадают с областью общеизвестных представлений, которые обладают характером «автоматических» неосознаваемых регуляторов смыслополагания [Гуссерль, 2004].

Жизненный мир предполагает осуществление самореализации, отражающую стремление к претворению в жизнь творческих потенций людей, активную их деятельность по проявлению своих способностей и дарований.

Кроме того, жизненный мир реализует выполнение функции координации действий и взаимодействий людей и (или) социальных групп, определению первоочередных из них для воплощения желаемых целей и достижения реального результата. «Жизненный мир, не обмен благами, а то, что решает проблемы и координирует действия» [Habermas, 1991].

В характеристике жизненного мира значительное место занимает определение средств достижения поставленных целей, которые можно в их комплексном выражении определить как *жизнеустройство*. Жизнеустройство — это не просто механический набор или перечень всех возможных встречающихся в жизненной практике инструментов для обеспечения и организации общественной и личной жизни. Это алгоритм, определенная последовательность достижения социальных и индивидуальных целей (необязательно научно обоснованных). Иначе говоря, жизнеустройство предполагает существование осознанного или стихийного управленческого механизма, обеспечивающего координацию и последовательность действий людей по достижению желаемых целей [см. Стрыгин, 2005].

Осмысление жизненного мира предполагает анализ препятствий и ограничений на пути реализации основных целей, к которым стремятся люди, социальные группы и общности, к которым они принадлежат.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что *жизненный мир — это мир Человека, мир людей, мир человеческого измерения, существования и функционирования человеческого потенциала, мир возможностей людей и их восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены и отсюда готовность понять, принять/не принять, воздействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым обществом и государством преобразованиям.*

Жизненный мир различен, существует в многообразии, проявляющемся как специфика индивидуального, особенного и всеобщего. Именно на всеобщности характеристик жизненного мира мы остановимся, ибо этот мир, несмотря на обилие и разнообразие, все же (и здесь мы солидарны с Гуссерлем) имеет одну всеобщую структуру, состоящую, как говорилось в гл. 4, из *общественного сознания, поведения, социальной среды, которые являются не только теоретическими конструктами, но и эмпирически измеряемыми величинами.*

Таблица 5.3. Содержательная структура основных понятий жизненного мира

<i>Элементарные понятия</i>	<i>Синтезирующие (обобщающие) понятия</i>	<i>Структурообразующие понятия</i>
<p>Общественное сознание Знание Мнение Потребности Мотивы Ценностные ориентации Установки Интересы</p>	Социальное развитие Социальные отношения Социальное пространство Социальные процессы Социальные явления Социальные изменения Социальная структура Социальные институты	<p>Экономическая сфера Рынок Труд Демографические процессы Город Село Экология</p> <p>Социальная сфера Стратификация Этноструктура Профессиональная структура Половозрастная структура Семья Девиация</p>
<p>Поведение, деятельность Акт Поступок Действие Виды поведения (деятельности) Нормативное Адаптивное Инновационное Дивергентное</p>	Социальные организации Социальные движения	<p>Политическая сфера Государство Политические и общественные организации Правовые организации Армия Международные отношения</p>
<p>Среда Макросреда Мезосреда Микросреда Социальная инфраструктура</p>		<p>Духовная сфера Образование Культура Наука СМИ Религия Литература и искусство</p>
<p>Инструментальные понятия</p>	Программа социологического исследования (проблема, цель, объект и предмет исследования, гипотезы, выборка, методы и т.д.)	

5.4.2. Основные понятия эмпирического исследования жизненного мира

Анализ данной структуры показывает, что понятийный аппарат предстает следующими основными индикаторами.

Элементарные понятия. Элементарные понятия, с которыми всегда оперирует социолог в латентном или открытом (явном) виде, характеризуют составные элементы таких ключевых компонентов жизненного мира, из которых состоят общественное *сознание*, *поведение* (*деятельность*) и *среда*. Без использования (применения) этих компонентов *не может быть проведено ни одно социологическое исследование*, которое бы (в идеале) учитывало все это многообразие или частично ориентировалось бы на определенную его часть, не лишаясь целостности и завершенности.

Согласно концепции социологии жизни и ее базовому понятию — жизненному миру, исходным понятием является *сознание* (общественное, групповое, индивидуальное), ибо как только человек появляется в мире, он начинает функционировать с помощью и посредством сознания, осваивая, осмысляя и стремясь подчинить окружающую его действительность в процессе *поведения*, *деятельности*. И в этом стремлении войти в *окружающую среду* люди вырабатывают некоторые объединяющие их характеристики, черты и признаки, которые делают это общее *надындивидуальным*, имеющем уже обобщающие социальные характеристики [Тоффлер, 2002].

С точки зрения социологии жизни нужно ответить на вопрос: а с чего надо начинать изучать общественное сознание? Ответ достаточно прост, ибо все, кто занимался этим явлением, всегда анализировали его начальное звено — *знания (со-знание)*. Несмотря на особенности его трактовки представителями различных социальных и гуманитарных наук, обычно оно рассматривалось как научное (основанное на анализе, эксперименте), фиктивное (теология, каббалистика), образное (литература, искусство), повседневное, практическое [Махлуп, 1992; Плахов, 2007]. С точки зрения социологии знание исследуется как продукт (познания, общения) и фактор жизненного мира людей (активности, стратификации, производительной силы, власти) [Белл, 1999; Бурдье, 1996; Москвичев, 2003; Росляков, 2009; Тоффлер, 2001]. Именно на этой основе сформировались специальные социологические теории: социология знания, социология науки, социометрия, социальная информатика [Бергер, Лукман, 1995; Тоффлер, 2002, Соркин, 2000].

Знание неразрывно связано с необходимостью анализа *информации*. *Весь окружающий нас мир, как доступный, так и не доступный, имеет информационную структуру*. Обмен сведениями происходит не только между людьми, но и между человеком и автоматом, автоматом и автоматом, а также в процессе обмена сигналами в животном и растительном мире. В результате современная трактовка информации отражает в основном сведения о трех классах систем: а) искусственных (технических) — от простейших регуляторов до глобальных компьютерных комплексов; б) естественных (живых) — от генов до социальных сообществ, в) смешанных (человек-машина) [Афанасьев, 1994; Кастельс, 2000]. Что касается социального смысла информации, то «*информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств*» [Винер, 1968]. *Социологическая информация* является подвидом социальной, полученной в результате целенаправленной познавательной деятельности, применения методологии, методов и процедур, которые продуцированы и включают в себя «сведение», «сообщение», «известие», «уведомление» [Анисимов, 2009; Паниотто, 1986; Саганенко, 1979; Соколова, 1999]. Таким образом, социологическую информацию можно определить как *форму связи между объектом (передатчиком) и познающим субъектом (приемником)*, которая включает данные исследований, во-первых, об осознанных и неосознанных действиях жизнедеятельности людей, во-вторых, о социальном и личном опыте, в-третьих, о целенаправленной и организованной рационально-эмоциональной деятельности каждого человека, каждой социальной группы и общности, всего общества.

Несомненно, что знания, информация — изначальный, но не единственный компонент сознания. И не пассивный. Люди постоянно примеряют багаж имеющихся знаний для своей трудовой и повседневной жизни, оценивая их полезность, значимость, необходимость, что осуществляется посредством *общественного мнения* [Горшков, 1988; Ноэль-Нойман, 1996; Титаренко, 2013]. Оно обычно предстает в виде индивидуального, группового и общественного мнения. Иногда говорят о мировом общественном мнении. В зависимости от содержания суждений, сформированных общественностью, мнение может быть оценочным, аналитическим, конструктивным и регулятивным. *Оценочное* мнение выражает отношение к тем или иным проблемам или фактам. В нем больше эмоций, чем аналитических выводов, умозаключений. *Аналитическое и конструктив-*

ное общественное мнение тесно связаны между собой: принятие какого-либо решения требует глубокого и всестороннего анализа, для чего необходимы элементы теоретического мышления, а порой и напряженной работы мысли. Но по своему содержанию аналитическое и конструктивное мнения не совпадают. Смысл *регулятивного* общественного мнения состоит в том, что оно вырабатывает и внедряет определенные нормы общественных отношений и оперирует сводом неписанных законом норм, принципов, традиций, обычаев, нравов и т.д. Обычно оно реализует тот кодекс правил, который закреплен в нравственном сознании людей, групп, коллективов. Общественное мнение также может выступать в форме *позитивных* и *негативных суждений* [Грушин, 1967; Докторов, 2005; Липпман, 2004; Цаллер, 2004, Шампань, 1997].

Если говорить о следующем шаге в исследовании общественного сознания, то следует обратить внимание прежде всего на *потребности*. Основными реперными точками в их изучении являются, во-первых, вклад *А. Смита* (1723—1790), который рассматривал потребность как need (нужда), как побудитель к трудовой деятельности, присущий индивидам, группам населения и обществу в целом [Смит, 2007]. Во-вторых, вклад *А. Маслоу*, создавшего самую популярную классификацию потребностей. Согласно основной идеи классификации Маслоу, сначала начинают удовлетворяться потребности низшего уровня — физиологические. В соответствии с иерархией потребностей далее следуют удовлетворение потребности в безопасности и потребности в социальных связях (общении), затем потребности в самоуважении и, наконец, в самоактуализации, находящей воплощение в творческом самовыражении, реализации собственных возможностей и способностей. Они могут активизироваться и определять поведение индивида только тогда, когда удовлетворены остальные потребности. В случае конфликта между потребностями, принадлежащими различным иерархическим уровням, побеждает потребность более низкого уровня [Маслоу, 1999].

Кроме того, получила распространение модель *потребностей Уильяма Тэлли*, воплощенная в круге с четырьмя секторами: индивидуальность, ближний круг, социальные связи и общение, когнитивная сфера. Эта модель сохраняет иерархию, признается существование любой потребности. Вектор удовлетворения каждой из них начинается в любой точке. Эта модель предусматривает взаимозаменяемость, замещение, вытеснение, а также возможность регрессии потребностей (подробнее см.: [Баранова, Левин, 1888; Здравомыслов, 1986; Самсин, 1987]).

Еще один подход связан с классификацией потребностей по трем признакам-критериям: а) потребности для себя; б) потребности для других; в) потребности вместе с другими [См. Ершов, 1990; Леонтьев, 1971]. В современной социологии существуют несколько классификаций потребностей: личные, групповые и характерные для всего общества; первичные и вторичные; реальные и идеальные; постоянные и эпизодические; высшие (сложные) и низшие (элементарные); материальные и духовные, традиционные и новые [Ильин, 2000; Юдин, 2001].

Следующее понятие в иерархии трактовки содержания общественного сознания принадлежит *мотивам*. Прежде всего, отметим, что потребность предшествует мотиву, которая сама по себе часто еще не является побуждением к деятельности. Для того чтобы потребность выполнила роль движущей силы поведения, необходимо наличие особого пускового механизма, называемого мотивом. Другими словами, для инициации деятельности необходимо соотнесение устремлений человека с предметом, который способен данную потребность удовлетворить. Мотив опредмечивает потребность, находит для нее объект, пригодный для употребления. Мотив — это то, ради чего совершается деятельность.

Однако нет прямолинейной зависимости между потребностью и мотивом. Мотив может характеризоваться устойчивым стремлением к достижению цели, сопровождаться волевыми усилиями, обладать непреодолимостью.

Если потребность — это объективная характеристика, то мотив это скорее субъективная пружина деятельности человека. И наконец, мотив является понятием, в большей степени выражающим индивидуальные особенности его носителя, его социальные характеристики, в то время как потребность имеет некоторые обобщающие показатели, в них велика доля биологических компонентов, несмотря на их социальную окраску. В мотиве происходит опредмечивание потребности, связанное с направленностью на побуждение к конкретному действию. Причем если в потребности отражаются личные, то в мотивах — общественные устремления к потребности. Следует особо отметить *изменчивость мотивов* (тесная зависимость от жизненных ситуаций), выражающуюся, в частности, в том, что если цель не достигается, то мотив исчезает [Ковалев, 1988; Соколова, Дементьева, 2005].

Таким образом, мотив — это: 1) побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением определенных потребностей субъекта; совокупность внешних или внутренних условий, вызывающих актив-

ность субъекта и определяющих ее направленность; 2) определяющий выбор направленности деятельности, ради которого она осуществляется; 3) осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности. Мотив также характеризуется как образ успешно завершённого действия по реализации потребности, чувственно окрашенное, обязательно притягательное представление будущей процедуры достижения и обладания. Это предвкушение достигнутого и становится той внутренней силой, которая побуждает действовать [Ильин, 2002; Леонтьев, 1971, 1975].

Основными характеристиками мотива является устойчивость и интенсивность, а также направленность на удовлетворение избранных потребностей. В ряде исследований при характеристике мотивов в качестве особых их видов рассматриваются мотивы выгоды, мотивы достижения и моральные мотивы [Сосновский, 1993; Хекхаузен, 1986].

На основе мотивов в жизненном мире россиян начинают формироваться *ценности* и *ценностные ориентации*. Истоки этой концепции усматривают в работах У. Томаса и Ф. Знанецкого, впервые категориально употребивших сам термин, переинтерпретировав понятие attitude (отношение) в переживание личностью значимости какого-либо явления [Tomas, Znaniecki, 1958]. Кроме того, в качестве теоретического основания этой концепции называют учение М. Вебера о ценностно-рациональном действии [Вебер, 1990]. Современная трактовка заключается в том, что ценности придают *жизненный смысл* устремлениям людей, групп, общностей и т.д., способствуют интеграции общества, указывает на предпочтение тех или иных альтернатив при решении актуальных общественных проблем [Рокич, 1973]. Если обобщить все имеющиеся определения ценности, то их можно свести к следующим чертам: через цели-принципы они являются *смыслом жизни*; образуют *ядро культуры* [Лапин, 2001]; связаны с *целеполагающей деятельностью* людей и общества; имеют *внеличностный, надличностный*, а иногда *внеисторический характер*; позволяют *разделить мир сущего и мир должного*; задают *одну из возможных предельных рамок социальной деятельности* [Лебедева, 2000]; являются *важным фактором социальной регуляции* [Мангейм, 1991].

Таким образом, *ценности образуют фокус общественных социальных устремлений*, имеющих, согласно А. Шюцу, *важные жизнепрактические смыслы*. Необходимо подчеркнуть тот факт, что ценностные отношения не возникают до тех пор, пока субъект не обнаружил для себя проблематичность удовлетворения актуальной для

него цели, связанной со значимыми жизненными ориентациями [Шюц, 2004].

Среди современных исследователей можно отметить работы В. Франкла (1905—1997), который сгруппировал ценности как *ценности творчества, ценности переживаний, ценности отношений* [Франкл, 2000]. Среди отечественных исследователей, которые рассматривали этот феномен на основе данных социологических исследований можно назвать работы Н. Лапина [2001]; Ю. Левады [1993]; Н. Наумовой [2006], Е. Шестопаля [2008]. Назначение понятия «ценностные ориентации» заключается в том, что ценности, являясь общепризнанными ориентирами общественного сознания и поведения, приобретают различную степень актуальности, значимости, проблематичности для разных людей, социальных групп и общностей, тех или иных социальных слоев, зависят от пола, возраста, профессии, места жительства, тех или иных мировоззренческих установок, *превращаясь тем самым в ценностные ориентации*, в которых отражена субъективная их интерпретация личностью, группой, слоем, общностью и т.д.

С философской и социологической трактовкой ценностных ориентаций тесно коррелирует понятие «*установка*», которое было введено Л. Ланге в 1888 г. в экспериментальной психологии в рамках исследования особенностей восприятия и понималось как «*целостная модификация состояния субъекта, направляющая его реакции и взаимодействие*» (цит. по: [Булышко, 1990: 990; McGuire, 1985]).

Представления об установке, которые приобрели социальный смысл, вошли в научный оборот социологии в 20-е гг. XX века вместе с именами У. Томаса и Ф. Знанецкого [Tomas, Znaniecki, 1958]. Они трактовали ценностные ориентации как высшую форму проявления установки, в которой проявляются смыслы, отражающиеся в относительно устойчивом и социально обусловленном избирательном отношении к совокупности идеалов, к материальным и духовным благам, к их достижению и к ориентирам в жизни, в сознании и поведении людей.

В современной науке наиболее распространена трехмерная модель установок, состоящая из трех уровней: когнитивного, или познавательного (убеждения и мнения относительно объекта: «это должно быть так...»), эмоционального, или аффективного (чувства в отношении объекта: симпатия или антипатия) и поведенческого (деятельностные намерения или тенденции поступков). Три этих компонента существуют автономно друг от друга, однако в то же время и тесно

связаны. В рамках этого подхода установка в общем определяется как *«тенденция оценивать некоторую сущность в какой-то мере положительно либо отрицательно, выражаемая обычно в познавательных, эмоциональных и поведенческих реакциях»* [Айзенк: 341; Майерс, 2002; Цапко, 2003: 688—689].

В отечественной социологии разработке проблем установки уделял большое внимание В.А. Ядов, которую он трактовал как реакцию на потребность и ситуацию. Совместив уровни потребностей и ситуаций (в семье, в малой группе, в сфере деятельности и в обществе), получаем четыре уровня диспозиций. На *уровне I* формируются элементарнейшие *установки человека*, которые отчасти могут выступать как бессознательное, нечто *привычное*. Здесь установки понимаются так, как их трактовал Узнадзе [Узнадзе, 1966]. На *уровне II* выступают уже более сложные диспозиции, которые представляют собой представляют собой аттитюды. На этом уровне вырабатываются некоторые отношения, поэтому и выделяются предложенные Рокичем *«аттитюд на объект»* и *«аттитюд на ситуацию»*, которые имеют при этом трехкомпонентную структуру (аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты) [Rokeach, 1973]. На *уровне III* установки связаны со сферой деятельности человека: они выступают уже как базовые социологические характеристики, определяющие направление *интересов человека*. Также как и установки предыдущего уровня, эти имеют трехкомпонентную структуру и определяют отношение, но уже не к объекту, а к общественной сфере. *Уровень IV* составляют *ценностные ориентации личности*. Этот уровень имеет такую же структуру, как и три предыдущих, но с тем отличием, что когнитивный компонент проявляет себя сильнее других, поскольку такие ситуации, которые складываются в обществе, требуют размышлений «не горячим сердцем, а трезвым умом» [Ядов, 1979].

Таким образом, социальную установку следует рассматривать как детерминированную социальным опытом модель восприятия и отражения идеальных или материальных объектов действительности, рациональное и чувственное представление о возможности осуществления тех или иных действий для достижения поставленных целей. Подчеркнем и тот факт, что в современной социологии прослеживается тенденция отказа от определения установки как *готовности* к конкретному способу реагирования в пользу *предрасположенности личности* к данной реакции [McDougall, 2003].

Среди основных понятий, характеризующих состояние общественного сознания, важное место занимают *интересы*. По мнению

И. Канта (1724—1804) и Г. Гегеля (1770—1831), интерес — реальная причина деятельности социальных субъектов, лежащая в основе непосредственных побуждений, идей, действий, определяющаяся положением и ролью этих субъектов (индивидов, социальных групп) в системе общественных отношений. Интерес — это направленность субъекта на значимые для него объекты. «Интерес — это рационально-ценностная позиция социального субъекта относительно обеспечения условий и способов своей жизнедеятельности и поведения в обществе [Александров, 2014: 65]. В отличие от потребностей, которые сосредоточены, прежде всего, на предмете их удовлетворения, интерес направлен на социальные институты, нормы взаимодействия в обществе, от которых зависит перераспределение ценностей и благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей [Здравомыслов, 1964; 1986]. Интересы выступают важнейшей детерминантой деятельности. Они как бы «переводят» действия социальных тенденций (закономерностей) в цели людей, побуждают их с объективной необходимостью следовать в своем поведении логике этих законов. Интересы редко выступают в чистом виде — они часто облекались в те или иные мировоззренческие (идеология) или нравственно-этические (мораль) одежды, с помощью которых частный (личный, групповой) интерес приобретает вид общественного [Хьелл, Зиглер, 1997; Шибутани, 1969].

Таким образом, интерес лежит в основе любых форм взаимодействия между социальными субъектами — от содружества, согласования до подчинения прямого или косвенного, до их экспансии, что нередко лежит в основе конфликта. Каждая социально-экономическая и социально-политическая трансформация общества сопровождается резким изменением баланса интересов, что нередко порождает борьбу, конфликт классовых, национальных, государственных интересов, лежащих в основе революций и социальных потрясений [Ольшанский, 2001].

Поведение. Деятельность. *Социология исследует не только компоненты общественного сознания, но и их реализацию в поведении, деятельности, которые выступают формой превращения сознания в реальный феномен. Дело в том, что сознание во всем его многокомпонентном богатстве не всегда прямо коррелирует с практической стороной их воплощения в жизнь. В силу объективных и субъективных причин компоненты сознания не всегда приобретают объективированную форму своего выражения — поведение, деятельность. Поэтому вполне правомерна постановка вопроса в рамках концепции со-*

циологии жизни — что должно восполнить (дополнить) сознание как изначальный элемент жизни людей для его логического завершения. Логика развития любого общества показывает, что в теоретической и эмпирической социологии найден ответ на этот вопрос — это поведение, выражающееся в действиях людей, в механизме и результатах (социальных фактах), которые не только постулируются, но и могут быть измерены при помощи уже апробированных исследовательских процедур [Ананьев, 1968; Наумова, 1988; Саморегуляция... 1979; Соколин, 1993].

Анализируя этот компонент жизненного мира, следует отметить, что *чаще используется понятие «поведение», чем «деятельность»*, несмотря на их близость по содержанию и смыслу. Что касается *деятельности*, то она рассматривается: 1) как форма *активного* отношения к окружающему миру с целью его изменения и преобразования (в этой связи напомним слова В.А. Лекторского о том, что «деятельностный подход нуждается в новом осмыслении», суть которого видится в ее активности [Лекторский, 2015: 25—26]; 2) как включающая в себя цель, средства, результат (целесообразность), хотя цель является только основанием для деятельности, но лежит вне ее; 3) как главное (основное) условие существования человека и общества; 4) как несущая на себе печать мировоззрения, мировосприятия [Абульханова-Славская, 1980; Каган, 1974; Леонтьев, 1975].

Говоря о *поведении*, в социологии жизни имеют в виду: 1) действия по поддержанию своего существования; 2) нацеленность на реализацию той или иной функции (что особенно важно, когда исследуется один из аспектов жизни людей); 3) общие характеристики с некоторыми явлениями физического и биологического мира (говорят о поведении электрона, поведении животных, но не об их деятельности); 4) огромное значение имеют стереотипы и архетипы в поведении человека, что опосредуется опытом, накопленным на предшествующих стадиях развития; 5) поведение имеет определенное ограничение — оно употребляется к человеку, группам людей (общностям, слоям и т.д.), но не к обществу, а тем более к миру. И как итог всему сказанному — поведение людей направляется фундаментальными жизненными смыслами [Чешев, 2016: 23].

В социологии понятие «поведение» появилось в 1920-х гг. в рамках концепций бихевиоризма, который провозгласил поведение главным предметом анализа через систему «стимул — реакция». В дальнейшем этот подход был признанным ограниченным, но не отвергнутым; понятие развивалось, уточнялось, обогащалось. В настоящее

время поведение рассматривается через последовательность сменяющихся друг друга привычных действий, которые реализуются в повседневной и общественной жизни. Они имеют следующие уровни: 1) *акт* как единичное действие; 2) *поступок*, который выступает как совокупность актов по выбору целей и средств поведения; 3) *действие* как высшая форма активности человека, выступающая в четырех ипостасях: а) *нормативное*; б) *адаптивное*; в) *инновационное*; г) *девиантное* [Боровик, 2003; Девятко, 2003; Иванов, 2003; Кудрявцев, 1978].

В самом общем виде, поведение трактуется как такие акты, поступки и действия человека (людей, социальных групп и слоев), которые выражаются во внешних актах активности, в то время как деятельность рассматривается как органическое единство объективных условий и субъективных факторов.

В поведении (деятельности) в конечном счете проявляются как *смысл жизни, так и смыслы отдельных актов, поступков и действий*, которые могут раскрыть истинные устремления человека, через анализ и реализацию им целей-принципов (подробнее см. гл. 6).

Среда. Окончательное формирование смыслов жизни человека происходит и под влиянием еще одного компонента жизненного мира человека — окружающей его *социальной среды, тех внешних, объективных обстоятельств, в рамках которых протекает его жизнь.* «Мы, — писал Г.В. Плеханов, — не только говорим, что человек со всеми своими мыслями и чувствами есть продукт общественной среды; мы стараемся понять генезис этой среды» [цит. по: Предвечный, Шерковин, 1975]. Поэтому предмет социологии жизни непременно ориентирован также на изучение окружающей среды во всем ее многообразии — *макро-, мезо- и микросреды.* Такое расчленение объективных обстоятельств имеет свое логическое объяснение: если на уровне макросреды обеспечиваются условия развития и функционирования человека как *гражданина*, то на уровне мезосреды выявляются условия и факторы, влияющие на жизнь людей как *жителей* определенной пространственной организации (региона, города, села). Что касается уровня микросреды, то речь идет о тех объективных внешних обстоятельствах, которые окружают человека как *члена конкретной социальной группы, слоя, когорты или иного социального образования*, в рамках которых осуществляется *непосредственное* взаимодействие между ее членами или участниками [Задорин и др., 2012]. Огромную роль в исследовании среды играет *социальная инфраструктура*, которая рассчитывается как обеспеченность социальной

реальности материально-вещественными элементами [Джи, 2013; Задорин и др., 2012; Попок, 2008; Тимченко, 2013; Гощенко, 1980; Федорова, 2013].

Таким образом, в совокупность элементарных понятий, трактующих и объясняющих жизненный мир как предмет социологии жизни, *во-первых*, входят те, которые связаны с характеристикой сознания (индивидуальное, групповое, общественное), с его видами (политическое, экономическое, нравственное, религиозное и т.д.), с его структурой (знание, убеждение, ценности, мотивы, установки и т.д.), с его специфическими характеристиками (общественное мнение, массовое сознание). *Во-вторых*, это понятия, характеризующие реальное поведение (деятельность) людей, что предполагает его дифференциацию и интерпретацию как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Это относится к видам поведения (деятельности) людей, их взаимосвязям с сознанием и между собой. Такой подход предполагает анализ как позитивных, так и негативных видов деятельности. *В-третьих*, в понятийном аппарате нуждается и заключительный компонент предмета социологии: условия, в которых реализуются (или не реализуются) сознание и поведение людей. Поэтому понятия макро-, мезо- и микросреды, социальной инфраструктуры — это такой их набор, без которого трудно понять всю сложность жизненного мира, объективность его существования.

5.4.3. Обобщающие (синтезирующие), структурообразующие и специфические понятия

Эти группы понятий отражают иерархию понятий, которые «высшаются» над элементарными, базовыми понятиями. *Во-первых*, синтез сознания, поведения и среды образует *скорее такие обобщающие (синтезирующие) понятия, как социальное пространство, социальное развитие, социальные явления и процессы, социальные отношения, социальные институты и организации и т.д.* Эти понятия могут быть социологически познаны через определенную комбинацию элементарных индикаторов, присущих сознанию, поведению и окружающей среде. Познание этой группы понятий является более сложным и трудным процессом, так как предполагает использование самых различных методов и подходов. Они — элементы этого уровня — не конструируются произвольно, сами по себе: они отражают реально сложившуюся ситуацию, ибо ни один человек заранее не соотносится ни с социальной структурой, ни с социальными организациями — он включается в них в процессе реализации своего сознания, своей дея-

тельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды (подробнее см.: [Тощенко, 2009: 201—256]).

Во-вторых, что касается структурообразующих понятий, то они *отражают социологические особенности основных сфер жизни общества — экономической, социальной, политической и духовной*, в рамках каждой из которых существуют отраслевые и специальные социологические теории. Но их познание предполагает разные методы и подходы, различные комбинации при исследовании предыдущих групп понятий. Эта группа понятий непременно предполагает анализ как элементарных (сознание, поведение, среда), так и обобщающих (социальное развитие, социальные явления, социальные отношения и т.д.) понятий.

Рассмотренная структура сознания и поведения является типовой, что не исключает, а предполагает существование таких специфических их видов, как *идеология* [Волков, 2004; Капустин, 1999; Манхейм, 1994; Маркс, Энгельс, 1966; Москвичев, 2003, Тощенко, 1984, 1987; Bell, 1960; Habermas, 1964; Lipset, 1960], *социальное настроение* [Левада, 1996; Ольшанский, 1999; Парыгин, 1965; Тощенко, Харченко, 1996], и таких феноменов, как *архетип* [Аверинцев, 1972; Петренко, 2001; Самуэлс, 1997; Юнг, 1991; 1998; Мелетинский, 1994], *стереотип* [Ванина, 1998; Васильева, 1988; Меренков, 2001; Шихирев, 1986; Allport, 1958, Lippman, 1966; Taifel, 1981], *интуиция* [Асмус, 1963; Батай, 1997; Новиков, 2001; Тоффлер, 2002; Фейнберг, 1992; Фукуяма, 1992; Шудря, 1992], *символика* [Лич, 2001; Мид, 1994; Свасьян, 1980; Уорнер, 2000].

5.4.4. Понятия, отражающие особые виды сознания и поведения.

Первая группа включает понятия, предназначенные для анализа и характеристики связей (взаимосвязей) социологии с общенаучными представлениями о мире. Поэтому социологу предстоит знать точки зрения других наук на общество, государство (компетенция общенаучной теории) и на гражданское общество и его структуру (компетенция теоретико-методологических основ науки). Особо следует сказать о тех понятиях, которые одновременно служат и социологии, и другим социальным наукам. Так, у социологии имеется много общих понятий с демографией (миграция, продолжительность жизни, здоровье и т.д.), с социальной психологией (общение, эмоции, самочувствие и т.д.), с политологией (власть, электоральное поведение и т.д.).

Вторая группа отражает сущность и специфику субъектов жизненного мира, реального сознания и поведения: индивида, социальной группы, социальной общности, социального слоя, класса. Значительное место занимают особые группы субъективного действия — народностей, народов, этносов. Многие понятия связаны с семьей. Сюда относятся также группы отклоняющегося поведения.

Третья группа характеризует методы социологического познания, тем более что они весьма специфичны по сравнению с другими социальными науками. Здесь важна как совокупность методологических понятий (программа, гипотезы, сценарий и т.д.), так и методов (наблюдение, опрос, контент-анализ, интервью, эксперимент и т.д.). Специфичными являются проблемы обработки социологической информации, ее анализ, интерпретация полученных результатов.

И наконец — это понятия, углубляющие наши представления о функциях социологии. Но если первая группа — теоретико-познавательная — коррелирует с аналогичным аппаратом других групп, то управленческая функция ставит необходимость познания и использования предвидения, прогнозирования, проектирования, планирования, программирования, социальных технологий и т.д. Стоит обратить внимание на такую формирующуюся функцию, как публичная социология.

Таким образом, понятийный аппарат социологии жизни позволяет четко представить: а) логику его построения; б) иерархичность; в) ступени обобщения теоретического и эмпирического уровня познания социальной реальности; г) общее и особенное в понятиях, используемых в фундаментальных и прикладных исследованиях. Особо надо отметить, что при конструировании понятийного аппарата социологии жизни следует учесть и преемственность тех традиций, которые сложились в национальной социологии в процессе применения рациональных методов познания. Именно история российской социологии еще с XIX века богата традициями изучения самых различных компонентов сознания (убеждений, ориентаций, потребностей и др.), поведения (готовности к действию, предпочтения тех или иных форм гражданской активности и пр.) при тщательном изучении жизненных обстоятельств, которые сопровождали людей самых различных слоев, социальных групп и общностей (подробнее см.: [Кукушкина, 2009]). «Использование аппарата категорий западной социологии» не означает беспрекословного его использования: «ведь эта социология сформировалась в индивидуалистическом обществе, состоящем из независимых индивидов, защищенных своей собственностью как продолжением своей личности» [Седов, 2013: 132—133].

И традиционный и современный анализ жизненных миров показывает, что понятия социологии жизни, их составные элементы не конструируются произвольно, сами по себе: они отражают логику и опыт осмысления социальной реальности. Содержательный анализ начинается с того, что составляет основу социологии жизни — жизненного мира человека, представленного реально функционирующим сознанием, ибо ни один человек заранее не соотносится ни со структурой, ни с социальными организациями или институтами — он включается в них в процессе реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды. Но остается открытым вопрос — а в полной ли мере теоретические и эмпирические представления об общественном сознании, поведении (деятельности) и социальной среде раскрывают сущность жизненного мира, его материально-экономические, социальные и духовно-культурные основы? Ведь измерение этих компонентов жизненного мира далеко не всегда открывает его глубинные основы, которые можно познать, если мы прибегаем к использованию понятия «*смысл*». Об этом в следующей главе.

Литература

- Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.
- Аверинцев С.С.* Архетипы// Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 110—111;
- Айзенк М.* Психология: комплексный подход / М. Айзенк [и др.]. Минск, 2002.
- Александров Д.В.* Понятие интереса в современной западной социологии //Социол. исслед, 2014. № 8.
- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. М., 1968.
- Анисимов Р.И.* Информация социальная // Тезаурус социологии: темат. словарь-справочник. М., 2009.
- Асмус В.Ф.* Проблема интуиции в философии и математике. М., 1963.
- Афанасьев В.Г.* Социальная информация. М., 1994.
- Баранова Л.А., Левин А.И.* Потребности. Доходы. Потребление. М., 1988.
- Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб., 1997.
- Баталов А.А.* Человек как бесконечномерный субъект-объект // Человек. 2006. № 6.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 1998.
- Бибков А.Т.* Грамматика порядка: Историческая социологии понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.
- Бобылев С.Н., Гирусов Э.В., Перелет Р.А.* Экономика устойчивого развития. М., 2004.
- Боровик В.С.* Поведение социальное // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 197—199.
- Булышко Д.М.* Социальная установка // Всемирная энциклопедия: Философия. Минск, 1990.
- Бочаров В.А., Маркин В.И.* Основы логики. М., 1994.
- Бурдье П.* За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма». М., 1996.
- Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.
- Ванина О.Н.* Стереотип экономического сознания россиян / Социол. исслед. 1998. № 5.
- Васильева Т.Е.* Стереотипы в общественном сознании (социально-философские аспекты). М., 1988.
- Вебер М.* Основные социологические понятия // Избр. произв. М., 1990.
- Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М., 1968.
- Войцивилло Е.К.* Понятие М., 1967.
- Волков Ю.Г.* Идеология и гуманистическое будущее. СПб. — Ростов-н/Д, 2004.
- Горшков М.К.* Общественное мнение: История и современность. М., 1988.
- Грушин Б.А.* Мир мнений и мнения о мире. М., 1975.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб, 2004.
- Десятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.
- Джи Дж.П.* Деятельность человека и социальные группы как естественная среда оценивания размышления об обучении и оценке в XXI в. // Вопросы образования. 2013. Вып. № 1.
- Дильтей В.* Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М., 2000.
- Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М., 2005.
- Дюркгейм Э.* Метод социологии // Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996.

- Ершов П.М.* Потребности человека. М., 1990.
- Журавлев А.Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. № 5.
- Задорин И.В., Мальцева Д.В., Полукеев О.В.* Деятельные сообщества в социальной среде для совместной профессиональной деятельности: предпосылки возникновения и практический опыт создания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. Вып. № 6 (112).
- Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
- Здравомыслов А.Г.* Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964.
- Зиммель Г.* Избранное. М., 1996.
- Иванов В.Н.* Деятельность социальная // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 277—278.
- Ильин В.И.* Социальное неравенство. М., 2000.
- Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2002.
- Каган М.С.* Человеческая деятельность. М., 1974.
- Каменская Г.В.* Качество жизни // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001.
- Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М., 2007.
- Капустин Б.Г.* Идеология и политика в посткоммунистической России. М., 1999.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.
- Ковалев В.И.* Мотивы поведения и деятельности. М., 1988.
- Коллинз Р.* Четыре социологических традиции. М., 2009.
- Конт-Спонвиль А.* Философский словарь. М., 2012.
- Кравченко А.И.* Социология. М., 2008.
- Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М., 1978.
- Кукушкина Е.И.* История социологии. М., 2009.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1998.
- Латин Н.И. (ред.)* Динамика ценностей в России. М., 2001.
- Лебедева Н.М.* Базовые ценности русских на рубеже XXI века. М., 2000.
- Левада Ю.А. (ред.)* Простой советский человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. М., 1993.
- Левада Ю.А.* Советский человек. М., 1996.
- Левашов В.К.* Глобализация и устойчивое развитие. М., 2002.
- Лекторский В.А.* Беседа с Л. Гараи // Вопросы философии. 2015. № 2.
- Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.

- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Лич Э.* Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. М., 2001.
- Липпман У.* Общественное мнение. М.; 2004.
- Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2002.
- Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
- Манхейм К.* Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000.
- Манхейм К.* Человек и общество в век преобразований. М., 1991.
- Маркин В.И.* Понятие //Новая философская энциклопедия. Т.3. М., 2001.
- Маркс К. и Энгельс. Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966.
- Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 1999.
- Махлун Ф.* Производство и распространение знаний в США. М., 1992.
- Мегрелидзе Р.* Основы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
- Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. М., 1994.
- Меренков А.В.* Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001.
- Мид Дж.* От места к символу //Американская социологическая мысль. М., 1994.
- Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М., 2001.
- Москвичев Л.Н.* Идеология // Социол. энциклопедия. Т. 1. М., 2003.
- Москвичев Л.Н.* Социология знания // Социол. энциклопедия. Т. 2. М., 2003.
- Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988.
- Наумова Н.Ф.* Философия и социология личности. М., 2006.
- Новиков А.А.* Интуиция //Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001.
- Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали умолчания. М., 1996.
- Огурцов А.П.* Изменения //Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001.
- Огурцов А.П.* Категории //Новая философская энциклопедия. Т.2. М., 2001.
- Ольшанский Д.В.* Основы политической социологии. М., 2001.
- Ольшанский Д.В.* Социальное настроение. М., 1999.

- Паниотто В.И.* Качество социологической информации. Киев, 1986.
- Парыгин Б.Д.* Общественное настроение. М., 1965.
- Петренко Е.Л.* Архетип // Социол. энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 65.
- Плахов В.Д.* Социология: эпистемы и эпистемология // Социол. исслед. 2007. № 11.
- Подопригора С.Я., Подопригора А.С. (авт.-состав.)* Философский словарь. Ростов н/Д, 2013.
- Попок Р.П.* Взаимодействие «индивид — социальная среда» посредством развертывания идентификационных процессов // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена 2008. Вып. № 55.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Предвечный Г.П., Шерковин Ю.А. (ред.)* Социальная психология. Краткий очерк. М., 1975.
- Росляков А.Б.* Знание // Тезаурус социологии: Темат. словарь-справочник. М., 2009.
- Саганенко Г.Н.* Социологическая информация. Л.: ЛГУ, 1977.
- Саморегуляция и прогнозирование поведения личности. Л., 1979.
- Самсин А.М.* Социально-философские проблемы исследования потребностей. М., 1987.
- Самуэлс Э.* Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. М., 1997.
- Свасьян К.А.* Проблема символа в современной философии. Ереван, 1980.
- Седов Л.А.* Социология для России // Общественные науки и современность. 2013. № 3.
- Смирнова Н.М., Алексеев А.Ю. (ред.)*. Философия творчества: Материалы Всеросс. конф. М., 2015.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
- Соколова И.В.* Социальная информатика (социологические аспекты). М., 1999.
- Соколова М.И., Дементьева А.Г.* Управление человеческими ресурсами. М., 2005.
- Сорокин П.А.* Общество. Культура. Личность. М., 1993.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.
- Сосновский Б.А.* Мотив и смысл. М., 1993.
- Стрыгин И.Ю.* Жизнеустройство или Как нам жить вместе. URL: <http://www.kob-inform.ru> (Дата обращения 23.07.2015).

- Тимченко А.А.* Консолидация социальных групп в условиях глобализации информационной среды //Общество и право. 2013. № 2 (44).
- Титаренко Л.Г.* Социология общественного мнения. Минск, 2013.
- Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2010.
- Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2002.
- Тощенко Ж.Т.* Идеологические отношения (опыт социологического анализа). М., 1987.
- Тощенко Ж.Т.* Идеология и жизнь. М., 1984.
- Тощенко Ж.Т.* Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980
- Тощенко Ж.Т. (ред.)* Тезаурус социологии: Темат. словарь-справочник. М., 2009.
- Тощенко Ж..Т., Харченко С.В.* Социальное настроение. М., 1996.
- Тулмин С.* Человеческое познание. М., 1984.
- Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966.
- Уорнер У.* Живые и мертвые. М., СПб., 2000.
- Федорова А.В.* Власть социальных мифов и внешняя среда современных организаций //Власть. 2013. Вып. № 4.
- Фейнберг Е.Л.* Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. М., 1992.
- Фукуяма Ф.* Конец истории. М., 1992.
- Формирование новой российской идеологии // Свободная мысль. 2000. № 3.
- Франкл В.* Воля к смыслу. М., 2000.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. М., 1986.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб.; М.; Харьков; Минск, 1997.
- Цаллер Д.* Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004.
- Цапко М.С.* Установка социальная // Социол. Энциклопедия. Т. 2. М., 2003.
- Чешев В.В.* Антропологический смысл деятельности //Вопросы философии. 2016. № 2.
- Шампань П.* Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.
- Шелер М.* Избранные произведения. М., 1994.
- Шеллинг Ф.* Изложение моей системы философии. СПб., 2014.
- Шестопал Е.Б.* (ред.) Политическая социализация российских граждан в период трансформации. М., 2008.
- Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.
- Шихирев П.Н.* Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1986

- Шудря Е.П.* Художественное предвосхищение будущего. Киев, 1978.
- Шюц А.* Избранное: мир, освященный смыслом. М., 2004.
- Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969.
- Юдин Э.Г.* Потребность //Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001.
- Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
- Юнг К.Г.* Человек и его символы. М., 1998.
- Ядов В.А.* Диспозиционная концепция личности // Социальная психология. М., 1979.
- Allport G.W.* The Nature of Prejudice. N.Y., 1958.
- Bell D.* The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe, 1960.
- Habermas J.* Technik und Wissenschaft als Ideologie. Frankfurt am Main, 1964.
- Habermas J.* Autonomy and Solidarity: Interviews Press Dews (ed.) L.: Verso, 1986 (1991).
- Habermas J.* Theorie des Kommunikativen Handelns. (Bd. 1: Handlungs-rationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft). Frankfurt am Main, 1988.
- Lippman W.* Public Opinion. N.Y., 1966.
- Lipset S.M.* Political Man. The Social Bases of Politics. N.Y., 1960.
- McGuire W.J.* The Nature of Attitude and Attitude Change //Lindsey G., Aronson E. (ed.) Handbook of Social Psychology. Vol.2. N.Y.: Random House. 1985. P. 233—346.
- McDougall W.* An Introduction to Social Psychology. Mineola. N.Y.: Dover Publications, Inc. 2003.
- Rokeach M.* The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press, 1973.
- Schutz F.* Phenomenology of the Social World. L., 1972.
- Schutz A., Luckman T.* The Structure of the Life-World. L., 1974.
- Taifel H.* Intergroup Behavior. Oxford, 1981.
- Thomas W., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 2. N.Y., 1958.

ГЛАВА 6

СМЫСЛЫ КАК КЛЮЧЕВАЯ, КАЧЕСТВЕННАЯ И СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНЕННОГО МИРА

Рассматривая жизненный мир через призму его основных компонентов — сознания, поведения, среды, которые охватывают все его многообразие, возникает вопрос: все ли его сущностные характеристики, общественной (публичной) и личной (приватной) жизни людей отражены при таком подходе? На наш взгляд, *показатели сознания, поведения и среды, образуя синтезирующее понятие — жизненный мир, все же требуют еще одного индикатора, характеризующего, выражающего и венчающего его ключевое, истинное, глубинное и качественное содержание.*

Таковыми индикатором являются **смыслы жизни**, которые отражают главное, сущностное, что содержится в общественном сознании, поведении (деятельности) в условиях определенной социальной среды. При всем многообразии характеристик жизни человека смыслы выступают понятиями и соответственно показателями, которые выражают целостное видение, главные (основные, определяющие) ценности-принципы, связанные с целевыми установками. Справедливо замечание Дж. Александра, что на протяжении большей части своего развития социология характеризовалась определенной нечувствительностью к проблемам смысла [Александр, 2013: 65].

Введение в концепцию социологии жизни, в описание и трактовку многообразия жизненного мира, в инструментарий его исследования понятия «смысл» предполагает выявление таких характеристик, которые бы определяли качественную определенность общественного сознания, поведения и социальной среды. Смысл в этом случае обозначает некую итоговую, ключевую сущность происходящих изменений социальной реальности, глубинное содержание бытия, что предполагает выявление главного, определяющего в жизни человека на основе интерпретации полученных в процессе социологического исследования данных.

Прежде чем приступить к социологической объяснительной модели понятия «смысл жизни», обратим внимание на его распространение и использование в научной литературе, в политике, экономике, сфере литературы и искусства, в повседневной жизни. Так, мы встречаем выражения: «университет как смысл жизни» [Галажинский, 2015], «смыслы триединой русско-российской революции» [Лапин, 2016], смыслы в культуре и образовании [Константиновский, 2015; Маршак, 2014], роль академической экспертизы в придании смысла политическому режиму [Бибков, 2014], «художественная литература помогает понять смысл», «подарок со смыслом» («смысловые прорехи в сериалах») [Тароцина, 2015]. Широкое применение термина «смысл» и его использование породили различные трактовки, которые имеют разное звучание и понимание. Одно дело, когда говорят о смысле жизни, другое — о смысле политики, третье — о смысле конкретного действия и т.д. Поэтому для начала совершим краткий исторический экскурс.

6.1. Эволюция идей

Прежде всего напомним, что трактовки смысла шли по двум основным направлениям: во-первых, в теории смысла, логической семантике, которые на формально-логической основе помогают понять, почему знак, обладающий смыслом, можно использовать в акте обозначения как «этикетку», целесообразно соотносящую обозначаемое с общим порядком вещей. Во-вторых, в философии и психологии смысл стал соотноситься и применяться в трактовке, понимании и объяснении социальной реальности во всем ее многообразии и в первую очередь с таким коренным и ключевым понятием, как смысл жизни.

Что касается первого направления, то представление о смысле имеет давнюю философскую традицию. Впервые суждения о нем в неявной интерпретации появляются у Аристотеля (384—322 до н.э.) как господствующие во всей его метафизике при рассуждении о «целесообразности природы и всего мирового процесса» (цит. по: [Асмус, 1976: 32]).

На современном этапе развития науки анализу содержания понятия смысл уделили внимание многие ученые. Б. Рассел (1872—1970) определил смысл как «сущность любого феномена, которая не совпадает с ним самим и связывает его с более широким контекстом» [Рассел, 1999]. Большое значение трактовке смысла уделял С.Л. Франк, утверждая, что познание общества лежит на путях внутреннего ду-

ховного освоения смысловых, идеальных оснований социальных явлений [Франк, 1991: 317]. Ж. Делез определял смысл как «бестелесную, сложную и не редуцируемую ни к чему сущность на поверхности вещей», в результате чего он предстает пред нами как маргинальное явление [Делез, 1998: 38].

Современные российские философы и психологи также уделяют большое внимание уточнению понятия «смысл» (подробнее см.: [Никольский, 2015]). Одни из них обращают внимание на то, что только в процессе поведения складываются смысловые коннотации [Лекторский, 2015: 25]. На основе анализа произведения О. Памука А.В. Смирнов обращает внимание на то, что смысл раскрывается в соотношении «явное — скрытое» или «внешнее — внутреннее», что смысл и форма неразрывны, что затрудняет решение эпистемологических задач [Смирнов, 2016: 29].

Но основное внимание мы сосредоточим на том, *что относится к смыслу жизни и производным от него социальным характеристикам.*

Еще древнегреческие мыслители обратили внимание не на анализ смысла вообще, а на трактовку смысла жизни. Многие сделали в этом направлении пантеисты, а затем и материалисты, утверждая, что смысл жизни в ней самой. Тогда сохранение жизни и рост жизненной активности оказываются высшими ценностями. Подчеркнем, уже эти первые интерпретации сводились к тому, что поиск смысла жизни направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия, его сущности и содержания [Шрейдер, 2001: 576—577].

В Новое и Новейшее время продолжился поиск ответа на вопрос, в чем же смысл жизни. Эволюционная этика Г. Спенсера (1820—1903) и его идейных продолжателей исходила из того, что высшие духовные способности и стремления человека — это эволюционно возникшие приспособления в борьбе за существование, овладение жизненными ресурсами. Смысл жизни сводится к ее сохранению, воспроизводству и освобождению от страданий.

Трактовке смысла жизни много внимания уделил И. Кант (1724—1804). В основе его этики лежит рассуждение о самодостаточном индивидуе. Согласно его суждению, само существование человека «имеет в себе самом высшую цель, которой, насколько это в его силах, он может подчинить всю природу» [Кант, 2000].

При анализе смысла жизни обратимся к суждениям австрийского психолога В. Франкла (1905—1997), который пришел к выводу, что его сущность определяет совесть — «смысловый орган», «высший судья», что именно она помогает человеку найти смысл, даже проти-

воречащий сложившимся ценностям, когда это требуется для сохранения своего достоинства и своих жизненных принципов. Человек свободен, если в своей жизни и в своих поступках руководствуется тем смыслом и теми ценностями, которые не поддаются давлению ни жизненных обстоятельств, ни окружения. Найти смысл — полдела; необходимо жить в соответствии с уникальным смыслом своей жизни. Человек несет за это ответственность [Frankl, 1985; Франкл, 1990].

Интерес к этому понятию постепенно все возрастал. К его пониманию и трактовке обращались все больше и больше исследователей, которые пытались найти новые или особенные объяснения смыслу. Так, *К. Ясперс* (1883—1969) рассмотрел такой важный феномен, как смыслы исторического развития [Ясперс, 1994]. Уделили внимание его использованию и *П. Бергер* (р. 1929.) и *Т. Лукман* (1927—2016) [1995].

Обобщая соображения и размышления своих предшественников, трудившихся в конце XIX — начале XX веков, *Дж. Александер* (р. 1947) обосновал возможность применения смысла к исследованию социальной жизни и особенно культуры. Он объявил о радикальном методологическом повороте — от рассмотрения смыслов как переменных, зависимых от внешних социальных институтов к рассмотрению их в качестве причин формирования «объективных структур» и событий «реального социального мира» [Александер, 2013: 92—93].

Что касается отечественных философов, то впервые обстоятельный анализ смысла жизни дан в труде *Е.Н. Трубецкого* (1863—1920), который так и назывался — «Смысл жизни». Он трактовался им как «смысл-истина», составляющая содержание индивидуального сознания [Трубецкой, 1995]. Эту точку зрения в определенной степени разделял и *Н.А. Бердяев* (1974—1948), когда говорил об «осмысленном существовании», ориентации на определяющие истину ценности (временные, преходящие ценности, по его мнению, исчезают) [Бердяев, 1916, 1923].

В.М. Межуев подчеркивает, что смыслы принадлежат только человеку, что «смыслы творятся, создаются живыми людьми». Сравнивая смыслы с ценностями, он заключает: «У ценностей нет конкретного автора, они передаются из поколения к поколению часто в неизменном виде, в то время как каждое поколение по-новому переосмысливает свою жизнь» [Межуев, 2015: 804].

Что касается российских психологов, то они многое сделали для разработки проблем смысла жизни, как в плане личного восприятия, ее предназначения, так и поиска смыслов в окружающей среде [Зеленкова, 1988; Капранов, 1975; Попов, 1986; Чудновский,

1998; 2015]. Среди них важен подход Д.А. Леонтьева. В нем для наших целей важно то, что смысл: 1) определяется местом объекта в жизни субъекта; 2) воплощается в личностных структурах; 3) в конечном счете обуславливает поведение субъекта по отношению к объекту [Леонтьев, 1999: 165]. Более того, смысл, по его мнению, задается социальной общностью [там же: 51], а это уже прямая проекция на социологию.

Особо следует отметить, что у разных народов и их культур представления о смысле жизни могут существенно варьироваться и соответственно могут приобретать разное звучание. Так, например, в мусульманско-арабском мире и в его философии сущность выражена другими словами, которые отражают специфику смысла жизни под влиянием ислама и традиций народов Востока [Смирнов, 2001: 577—578]. На соотношение «внешнего» и «внутреннего» в понимании смысла обращает внимание и В.Э. Чудновский, считая, что проблема активности внутреннего не является лишь «преломлением» внешних воздействий, а имеет свой непосредственный источник, свою особенную логику и направленность развития [Чудновский, 2015: 6].

Иногда для объяснения его сущности смысл связывается с понятием «значение» как указание на осознаваемую и высоко оцениваемую направленность деятельности [Бабайцев, 2001: 954—955]. На наш взгляд, *все же смысл и значение — это разные, хотя и взаимосвязанные категории*. Если «значение» исходит из того, что опирается на оценку опыта и образует базу для критического или позитивного к нему отношения, на основе чего возможна (или невозможна) предполагаемая жизнедеятельность, то смысл всегда связан не столько с прошлым, сколько с настоящим и будущим, в которых отражается синергетическая сущность жизни. Следует подчеркнуть, что «значение» имеет всегда характер некоей обобщающей данности, важной для группы, организации, общества, в то время как «смысл» касается прежде всего конкретного человека, личности, а также социальной группы, а при определенных обстоятельствах — и всего поколения. Иначе говоря, есть не только общий, социальный смысл, но и смысл индивидуальной жизни. Но в любом случае смысл человеческой жизни, по мнению антропологов, выступает базовой ценностью, являясь более высоким уровнем регуляции поведения [Чешев, 2016: 23, 28], что, на наш взгляд, коррелирует с концепцией социологии жизни, предполагающей как обязательную процедуру исследование общественного сознания и поведения.

Таким образом, в рамках философской и психологической интерпретации поиск смысла жизни направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия. Этот поиск оказывается необходимым, когда рушатся все опоры и человек попадает в состояние аномии и особенно фрустрации. Жизнь без смысла означает, что человек лишен глубокой внутренней мотивации, внутреннего стержня и мощного «мотора», которые позволили бы ему взять собственную судьбу в свои руки и ощутить себя участником реальных социальных процессов, происходящих в обществе. Именно при таком подходе мы приближаемся к социологической интерпретации смысла.

6.2. Социологическая трактовка смысла жизни

Разговор о смысле, его содержании и социологической интерпретации хотелось бы начать с двух примеров и их краткого анализа.

В одной притче рассказывается о любопытном человеке, встретившем рабочего с доверху нагруженной тяжелыми кирпичами тачкой. «Что ты делаешь?» — спросил он. «А ты разве не видишь? Везу кирпичи», — ответил тот. Пройдя какое-то расстояние, он увидел другого рабочего, который катил такую же тачку, и повторил свой вопрос. В ответ услышал: «Зарабатываю себе на хлеб». Через некоторое время повстречал еще одного такого же рабочего и снова поинтересовался, что тот делает. «Строю кафедральный собор», — был ответ. Как видно из этой притчи, одни и те же действия имеют совершенно разный смысл — все зависит от того, какое значение человек придает им, от того, почему и ради чего их совершает.

Не менее показателен пример о феномене зарождения протестантизма. Почему, например, вывешенные на улицах Виттенберга тезисы Лютера, внешне ничем не отличающиеся от других подобных афиш и объявлений, повлияли на мировую и европейскую культуру, стали созидательной силой, основой для формирования нового религиозно-мировоззрения? [Франк, 1991: 317].

Что касается первого примера, то типичное социологическое исследование, которое бы имело объектом трудовую деятельность этих рабочих, могло бы выявить только отдельные ее компоненты: выполнение работы, наличие профессии или квалификации. В этой ситуации социологи могли бы также узнать, довольны ли они трудом, узнать их мнение о руководстве организаций, их мотивы и установки, их отношение к условиям и организации труда и т.д. Но в этом тради-

ционном подходе они не могли даже приблизиться к уточнению и пониманию смысла их жизни и работы.

Что касается второго случая, то принципиально новое значение призывов Лютера заключалось в том, что их содержание, сыгравшее колоссальную роль в становлении новой религии, затрагивало глубинные пласты сознания людей, выявляло их насущную потребность в перестройке жизненных принципов с точки зрения реализации их интересов и устремлений.

Но и в первом и во втором случае (как и в массе других) мы выходим на необходимость познания в известной мере нового (для социологии) понятия — смысла. В то же время обратим внимание, что понятие «смысл» нашло достаточно широкое использование в других науках, особенно в философии и психологии. Но эта ситуация ставит перед нами вопрос: а почему в социологическом знании оно редко (или мало) применяется или, в крайнем случае, упоминается мимоходом, в процессе анализа того или иного процесса или явления. Складывается парадоксальная ситуация: социологи его знают и даже, особенно при качественном анализе, прибегают к нему при трактовке проблемных ситуаций, но мало используют.

Для уточнения сущности социологического подхода к смыслу жизни обратимся к генезису его идей.

Понимание смысла жизни с позиций социологии подготовил век Просвещения, и его выдающиеся представители — *К.А. Гельвеций* (1715—1771), *Ж-Ж. Руссо* (1712—1778), *П. Гольбах* (1723—1789), когда они сосредоточили внимание на обосновании его роли и значения, хотя по-разному трактовали его суть. Гельвеций — как ориентацию на материальный интерес, Руссо — как чувства, а Гольбах — как соединение в мышлении людей научных и нередко стихийных, несознаваемых) представлений и обыденных забот и ориентаций. Но все они, несомненно, сходились в одном: здравый смысл — это способность самостоятельно решать вопросы общественной и личной жизни, стремление к ее нормальному протеканию и рациональной организации (подробнее см.: [Длугач, 2015]).

Постепенно к проблемам смысла жизни в той или иной мере начали обращаться и социологи. Определенное внимание смыслу и его роли в понимании социального было уделено *Э. Дюркгеймом* (1857—1918). Он рассматривал его со стороны внешних, объективных по отношению к индивиду проявлений (фактов), в качестве которых называл нормы права и нравы [Дюркгейм, 1991: 65—67]. Понимающую социологию, которую олицетворял *М. Вебер* (1864—1920), не удовле-

творял такой подход: по его мнению, смыслы принадлежат исключительно индивидуальным сознаниям, с помощью которых интерпретируются действия других людей. Так как он исследовал такие масштабные образования, как капитализм, протестантизм, то столкнулся с необходимостью объяснить уникальные смыслы индивидуального поведения, что отвечало требованиям социологического номинализма. Пытаясь преодолеть это противоречие между объективным и субъективным, Вебер предложил понимать смыслы с помощью выявления общих значений, которые придавали люди своим и чужим социальным действиям. Для этого было необходимо создать особый научный феномен — «чистые типы» смыслов, свободные от вариаций, обусловленных индивидуальными особенностями [Вебер, 1990: 603].

Смыслу жизни уделил большое внимание Э. Гуссерль (1859—1938) [2001]. Для А. Шюца (1899—1959) «смысл» был ключевым для трактовки и понимания социальной реальности. По его мнению, жизненный мир «является воплощением *жизнепрактических смыслов* (курсив мой. — Ж.Т.), обладающих непосредственной очевидностью, и сочетанием различных форм взаимосогласованного человеческого опыта» (цит. по: [Смирнова, 2009]). Особо отмечается социологическое его обоснование теоретического положения о наличии у смысла «измерений» [Шюц, 2004: 964]. «Он ввел различие объективного и субъективного смысла, выделив три его измерения: 1) предметное, или тематическое измерение; 2) темпоральное измерение, связь смысла действия с прошлым и будущим; 3) социальное измерение, связанное с мотивацией участников взаимодействия» (подробнее см.: [Головин, 2016: 55]).

Однако в современной социологии большинстве случаев понятие «смысл жизни» используется вскользь, попутно, обычно при анализе и (или) характеристике отдельных процессов и явлений.

В значительной степени это связано с тем, что оно достаточно сложно для эмпирической интерпретации. Поэтому социологи попадают в затруднительное положение, когда оперируют используемыми и проверенными практикой показателями, но, исходя из разных трактовок предмета социологии, встречаются с серьезными затруднениями по выяснению истинных, глубинных причин происходящих изменений. Недостаточно отчетливо это выражено и тогда, когда при изучении жизненного мира социологи оперируют данными, характеризующими внешнюю, поверхностную часть социальной реальности, окружающий макро-, мезо- и микромир [Луков, 2013]. Более того, используемые показатели и индикаторы смысла далеко не всегда дают

ответ на вопрос: а что же главное в жизненном мире, что определяет его качество, что, в конечном счете, выявляет «человека в обществе, общество в человеке»? [Бергер, Лукман, 1995].

На наш взгляд, такую качественную определенность дает следующий этап в трактовке предмета социологии, когда мы прибегаем к использованию понятия «смысл жизни». Именно он венчает наши рассуждения о социальной реальности, о месте и предназначении человека в окружающем его социальном мире, о роли и месте его жизненного мира в обществе. Ведь социологические исследования показывают, что одни и те же действия могут быть пронизаны различным смыслом. Поэтому *в определении смысла жизни мы должны исходить не столько из теоретических построений, сколько из реальной действительности*, ибо только из нее мы можем извлечь то, что направляет сознание и поведение людей.

Поэтому осуществим попытку внести определенность в социологическую трактовку показателей и индикаторов смысла жизни.

6.3. Основные характеристики смысла жизни

Анализ теоретических поисков и данных эмпирических исследований позволяет, на наш взгляд, утверждать, что *исходной характеристикой понятия «смысл жизни» являются цели-принципы*, которыми руководствуется люди. Это позволяет им придерживаться устойчивых, жизненно важных ориентиров, в известной мере конечной, венчающей жизнь высокой осмысленной установки, не зависящей от ситуативных процессов в обществе, и окружающей среде. Согласно А. Шюцу, смысл может быть связан не столько с научным, теоретическим познанием мира, желанием постичь истину, сколько с жизненно-практическими установками и ориентациями, обладающими *непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм опыта, в том числе и исторического* (курсив мой. — Ж.Т.) [Шюц, 2002: 89].

Смысл жизни предполагает, что человек отдает отчет о *сущности и содержании* своей жизни (осознанно или неосознанно, стихийно), о том, как и каким образом он будет удовлетворять свои потребности и интересы.

Структуру смысла жизни определяет *мера, своеобразный навигатор*, по которой человек сопоставляет свои цели-принципы с нормами и требованиями окружающего общества, сравнивая и согласовывая их с целями и принципами других участников жизненного мира.

Далее, смысл предполагает *осознание человеком своего предназначения и назначения окружающих его социальных институтов* (государства, семьи, образования, религии и др.), внутреннее приятие и понимание сущностного содержания своих действий и акций окружающих его социальных институтов.

Кроме того, это *процесс созидания и своеобразный компас*, которым руководствуется человек в своей общественной и личной жизни, опираясь на исторический и индивидуальный опыт. Иными словами, это конкретное выражение определенной жизненной стратегии как поиска реализации своей личности в жизни [Абульханова-Славская, 1991].

И наконец, очень важная характеристика смысла жизни — *его превращение во внутреннюю активность, жизненную необходимость*, без реализации которой человек не представляет свое дальнейшее развитие и функционирование. Необходимость оправдывает достижение желаемых целей, к которым на основе глубокой внутренней мотивации стремится человек [Чудновский, 2015: 7].

Смысл жизни включает в себя и активное участие в его реализации. Подчеркнем, не просто готовность к реализации, а сам процесс превращение цели-принципа в созидательную, творческую деятельность [Леонтьев, 1999: 26]. И что особенно важно — смысл не может существовать вне согласования с действиями других участников, постоянно сопоставляться со смыслами других людей и в соответствии с этим принимать решение (открыто или латентно) — следовать принятой цели, вносить коррективы или отказаться от нее. Об этом в свое время говорил еще Гуссерль, когда утверждал, что понимание социальной реальности и соответственно жизненного мира зависит от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия. По его мнению, между сознанием и реальностью лежит «подлинная бездна смысла» [Гуссерль, 2001: 115].

Некоторые исследователи указывают на связь трактовки смысла с культурой, подчеркивая, что она, а не национальность, не гражданство, определяет его основное содержание [Межуев, 2015: 802—805; Синеокая, 2015: 125].

Вместе с тем в реальной жизни есть люди, которые не имели смысла жизни или имели что-то иллюзорное, потому что они живут, не беспокоясь о сути своего существования и не понимая, о чем идет речь, хотя на интуитивном уровне смысл в той или иной степени у них проявляется. Это — кризис бессмысленности существования. Иначе говоря, есть кризис смыслоутраты (невозможность восстано-

вить смысл своего существования), а также кризис неоптимального смысла жизни [Карпинский, 2012]. Нужно иметь в виду и тот реальный факт, что существуют «смыслы-заменители», которые позволяют скрывать истинные смыслы действий людей, общественных и политических образований и объединений, экономических акторов, манипуляторов общественного мнения. При этом нередко используется «эзопов язык» [Шульц, Любимова, 2016].

Такое понимание смыслов имеет большое значение для теоретической концепции социологии жизни — для понимания и определения полноты и качества жизненного мира.

В настоящее время социологическая мысль стоит перед большой сложной задачей, которую предстоит решить: смыслы часто скрыты, неочевидны, функционируют на уровне «сознательной бессознательности» и нередко в условиях специальных усилий для сокрытия его истинного предназначения. Так, смысл обладания властью нельзя уловить при помощи традиционных социологических методов, особенно когда исследование ограничивается одним-двумя методами. Что касается, например, смыслового содержания техники, то, как отмечает З.А. Хазиев, оно не совпадает с функциональным ее назначением — она связана с ценностным восприятием мира, создается ради «экономии сил», «комфорта» для одних, для реализации творческих потенциалов для других [Хазиев, 2015: 333]. Предстоит еще или определить набор определенных социологических измерителей, или осуществить поиск новых инструментов, которые, на наш взгляд, могут быть созданы с помощью психологов, социолингвистов. Однако такой подход не уменьшает значения социологического анализа того, что составляет сущность социологии жизни — жизненного мира человека и его основных компонентов — общественного, группового и индивидуального сознания, поведения (деятельности) и социальной среды, в которой функционируют это сознание и поведение.

И все же если попытаться дать определение понятия «смысл жизни», то под ним следует понимать *совокупность целей-принципов, образующих стратегическое ядро установок и олицетворяющих стрелы сознания и поведения людей и составляющих основополагающее, внутреннее содержание их жизни*. В известной мере — это основная, конечная цель, которая может выступать как обобщенная, стратегическая установка всей жизни, так и ведущая установка в основных видах деятельности.

6.4. К вопросу о классификации смыслов жизни

Для понимания смыслов жизни важно иметь представление об их структуре, которая образует основу для их классификации. Смыслы могут быть основными и производными, а в ряде случаев по тем или иным причинам отклоняться от провозглашенных принципов. В целом, многообразие смыслов жизни — общественных, групповых, личных и других отражает следующую логику.

Во-первых, смысл жизни можно анализировать, исходя из содержания стратегических, главных ориентаций и установок, а также средств их достижения. В процессе взаимодействия с окружающей действительностью он может быть достигнут как через общие, так и через более конкретные цели, обычно отражающие назначение определенных видов общественной (публичной) и личной (приватной) деятельности.

Во-вторых, смысл жизни не сводится только к одной, хотя и ключевой, основополагающей цели-принципу: он воплощается в значимых и определяющих, хотя и производных жизненных смыслах, отражающих главные институциональные позиции человека как гражданина (уровень общества), как жителя (уровень территориальной общности) и как индивида (уровень социального микроокружения). На уровне общества (макросреды) значимы *смыслы мировоззренческого (идеологического) характера,* которые во многом предопределяют основные установки при осуществлении жизнедеятельности как в рамках всего общества, так и на других уровнях его социальной организации. На уровне территориальной общности (различных типов поселений, образующих мезосреду) смыслы концентрируются вокруг проблем, характеризующих социальные аспекты регулярно повторяющейся жизни людей. На уровне микросреды приобретает значение достижение благоприятных межличностных отношений и удовлетворяющих человека условий для организации и осуществления личностно-повседневной жизни. Все эти смыслы реализуются в целях-принципах, которыми люди руководствуются и которые они хотели бы осуществить в своих взаимоотношениях с обществом и государством.

В-третьих, огромную роль приобретают смыслы, определяющие жизненные цели, имеющие наибольшую ценность и характеризующие главные функции деятельности в основных сферах современного общества — как экономического, социального, политического и духовно-культурного человека.

И наконец, использование смысла в социологии жизни позволяет с особой наглядностью продемонстрировать реализацию принципов конструктивизма, использующего смысложизненные ориентации: «результат жизни» (отношение к пройденному жизненному пути), «процесс жизни» (отношение к настоящему) и цели-принципы жизни (отношение к будущему) [Бахтин, 1975: 105; Леонтьев, 1999: 106; Чудновский, 2015: 19]. Поэтому, на наш взгляд, чтобы всесторонне и полно охарактеризовать сущность смысла жизни как ключевой характеристики жизненного мира необходимо соотнести его со временем его реализации. При этом надо понимать, что смысл жизни в своей основе, прежде всего, ориентируется на настоящее, которое находит отражение в социально-экономических, социально-политических и социально-культурных позициях людей в их взаимоотношении с внешним миром и своим осознаваемым внутренним предназначением. Эта особенность смыслов нагляднее всего проявляется при сравнении их с ценностями. «Ценности, как правило, наследуются, передаются по традиции, а смыслы всегда современны (своевременны)» [Межуев, 2015: 804].

При выяснении смысла жизненного мира мы не можем полагаться только на рационалистический подход. Обратим внимание на тот факт, что еще Э. Гуссерль видел ограниченность привычной формы рационализма. Он полагал, что европейский рационализм Нового времени страдает односторонностью, вытесняет духовное, смысловое начало из области научного познания. На наш взгляд, рационализм вытесняется и из реального содержания жизненного мира. Разве можно прийти к единому толкованию смысла проводимых в настоящее время либерально-рыночных реформ, которые по-разному трактуются различными политическими силами, нередко с взаимоисключающих позиций? В современном мире все отчетливее становится и научная и практическая очевидность, что теория рационального выбора в применении к анализу жизненного мира теряет свою значимость, ибо социальная реальность в ее современном турбулентном воплощении все больше отходит и от провозглашенных постулатов и заменяется так называемым иррациональным выбором [Зафировский, 2014: 19—28].

Попытка уяснения сущности смысла приводит к заслуживающему внимания выводу: «нет ...смыслов вне материальных носителей» Именно этим утверждением «отвергается спиритуализм, объективный идеализм, крайняя форма субъективного идеализма (солипсизм), вся дуалистическая метафизика» и добавим, современные формы постмодернизма [Фатенков, 2015: 67].

На анализе основного(ых) смысла(ов) жизни сосредоточим внимание на данных социологических исследований, проведенных как автором, так и коллегами за последние четверть века [Жизненный мир, 2016]. (См. приложение к данной главе.)

6.5. Главные смыслы современного жизненного мира россиян

Характеристику основных смыслов жизни современного россиянина начнем с анализа тех целей, которые принципиальной установкой определяют его сознание и деятельность, сопоставимую с социальным опытом. Основные смыслы обуславливают его главные взаимоотношения с внешним миром и с пониманием своего личного предназначения.

Таковыми главными смыслами, определяющими жизненный мир россиян, всю совокупность основных видов их деятельности, являются, на наш взгляд, *стремление к социальной справедливости, социальной безопасности и защищенности, желание понять, какое общество строится в России.*

Что касается *социальной справедливости*, то она понимается людьми по-разному, в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в их сознании существует много представлений — и самых разных — о справедливости. Общим является то, *как* человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, *какое мироощущение* формируется у него при взаимодействии с той организацией, в которой он работает, учиться и/или периодически контактирует, а также там, с кем он непосредственно общается в повседневной жизни.

На наш взгляд, таким индикатором справедливости является мнение о том, какой люди желают видеть Россию в первую очередь. В исследовании «Жизненный мир россиян» (здесь и в дальнейшем *ЖМ-2014*) 63,2% россиян связывают это с соблюдением государством справедливости, равных прав для всех. Это желание превышает все другие ориентации, даже такие важные, как «обеспечение стабильности в обществе без войн и революций» (55%) и «возвращение России статуса великой державы» (47,2%). Нужно отметить, что представления о справедливости как первостепенной задаче государства фиксируют и другие исследователи (Институт социологии РАН, ИСПИ РАН, Левада-Центр, ВЦИОМ). На наш

взгляд, это всеохватывающая нацеленность людей, которая стала ведущей в структуре их ориентаций, могла бы стать той национальной идеей, частью государственной идеологии, которая понятна, желаемая и убедительна для большинства и полностью бы совпадала как в официальном, так и в сугубо личном плане. В этой связи интересны данные о жизненных приоритетах, о социальном настроении, которое колебалось в незначительном объеме за все годы наблюдений с начала 1990-х гг., несмотря на кризисные и другие перипетии в жизни государства [См.: Горшков, Седова, 2015; Левада, 1993; 2006; Левашов, 2015].

Не менее показательна такая характеристика смысла жизни, как *социальные гарантии, социальная защищенность*, которые выражены во многих значениях — как личная безопасность, как гарантия благополучия. И здесь дела обстоят не так безупречно, как этого бы хотелось: отсутствие личной безопасности тревожит, по данным ЖМ-14, 90,2% людей. А это значит, что человек измеряет ее гарантии там, где он живет и работает, а не в каком-то глобальном масштабе. Поэтому, хотя основной центр обеспечения этой безопасности лежит на уровне регионального и муниципального управления, его гарантии все же призваны дать государственно-правовые органы, обеспечив право гражданина на существование без опасения за свою жизнь и обеспеченную устойчивость трудовой и повседневной жизни.

Наконец, в основе определяющих ориентаций в жизненном мире россиян прямо или косвенно фигурирует стремление обрести социальную устойчивость, что, на наш взгляд, связано с желанием понять — а какое же государство строится в России. Заявленная норма в Конституции РФ — что это социальное государство, мало кого убеждает, так как оно определяется расплывчато и мало понятно для большинства людей или трактуется очень произвольно. В этой связи стоит обратить внимание на то, что в исследовании ЖМ-2014 выявлено устойчивое стремление 55% россиян жить в стабильном обществе. Причем, эта нацеленность на стабильность, устойчивость касается всех без исключения уровней образовательной подготовки (минимальное значение у имеющих начальное образование — 46,3% и максимум — 60,9% — у лиц с высшим образованием), типов поселения (от 48,5% у проживающих в поселках городского типа до 57,6% у жителей областных (краевых) и республиканских центров). Что касается возраста, то 51,5% 18—29-летних и 56,3% тех, кто старше 60 лет, ра-

туют за стабильность в развитии государства и общества. Анализ этих данных позволяет обратить внимание на то, что старшее поколение, имея большой опыт проживания в годы войны, в том числе и холодной, острее реагируют на угрозы безопасности, чем более молодые поколения.

Это желание целесообразно сравнить с тем, а как оценивают ситуацию в России в настоящее время, т.е. реальное, а не проектируемое ее положение. Исследование показало, что существуют две противостоящие друг другу позиции, образуя антиномичную характеристику: 39,8% оценивали эту ситуацию как обычную и 6,6% — как благоприятную при 36,6% оценивающих ее как кризисную плюс 5,3% — как катастрофическую. Раскол общественного сознания налицо, олицетворяя сложившуюся к нем антиномию, когда в нем присутствуют взаимоисключающие смыслы. И каждая группа носителей этих смыслов имеет убедительные аргументы, чтобы доказать свою правоту и свою оценку.

Так как очень часто в выступлениях политиков и некоторых политологов звучат слова о России как демократическом государстве, то важно эти слова соотнести с суждениями населения России. А реальность такова, что почти одна треть (29,3%) не удовлетворена, и 55,7% — частично удовлетворены состоянием демократии в России. Это значительно меньше того, что было в общественном сознании в начале 1990-х гг., когда демократичность развития признавалась многими, за нее ратовало большинство населения. Она была лозунгом и ориентиром для тех, кто жаждал позитивных изменений и отвергал советское ее понимание. Но как показывают данные, достижение смысла демократии оказалось далеко не таким, как ожидалось.

Анализ главных смыслов жизненного мира россиян показывает, что за последние четверть века произошли кардинальные изменения в политической и экономической сферах общества, а следовательно, и в социальной и духовной. Это истина общеизвестная, не требующая доказательств. Совсем другое дело — в каком направлении произошли эти изменения, как они сказались на жизни людей и насколько они кардинально повлияли на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику смысла жизни.

Эти главные смыслы дополняются смыслами-целями-принципами, имеющими наибольшую ценность для человека и его деятельности в основных сферах российского общества — в экономике, в политике, в социальной и духовной сферах.

6.6. Смыслы сознания и поведения экономического человека

Основные смыслы социально-экономических ориентаций современных россиян сводятся к оценке благополучия, благосостояния, достойных, по представлениям людей, условий труда и отдыха. Они также проявляются в удовлетворенности трудоустройством, жилищными условиями, коммунальными услугами и экологической обстановкой.

Изменялись ли эти смыслы в современной России?

Эти смыслы жизнеустройства можно наглядно проследить по оценкам населения, какие проблемы их волнуют в настоящее время.

Что касается экономической политики государства, оценки экономических реформ, то только немногим более одной трети (38,4%) заявили, что она осуществляется в правильном направлении. Это больше, чем такую оценку (13%) давали люди состоянию экономики в марте 1991 г., в значительной мере потому, что к концу горбачевской перестройки нарастающая дезорганизация народного хозяйства достигла критической точки, и большинство было убеждено — так жить нельзя. Сейчас неудовлетворенность преобразованиями в экономике зиждется на том, что реальность далека от заявленных целей, хотя и признаются отдельные сдвиги, в основном в том, что произошло насыщение рынка товарами [Анисимов, 2015]. В этом отношении показательно, что почти 40% затруднились сформулировать свою оценку осуществляемым экономическим реформам, что в совокупности с негативной оценкой более чем каждого пятого (22,7%) говорит о том, что для большинства населения происходящие изменения не совпадают с желаемым смыслом, который бы олицетворял сближение личных целей с официально провозглашенными.

Общая оценка экономической политики и экономических реформ с точки зрения жизнесмыслового содержания личной жизни тесно коррелирует с оценкой уровня благосостояния. Так, в марте 1991 г. 75% (в октябре 2014 г. — 54%) утверждали, что живут от зарплаты до зарплаты, а еще 14% и 10% соответственно заявляли, что они живут в нищете — еле сводят концы с концами. Несмотря на некоторую разницу в формулировках вопроса, можно сказать, что смысл — обеспечить себе достойный социальный уровень жизненно важного потребления по-прежнему не реализован, хотя и произошли некоторые позитивные перемены. Анализ этих данных позволяет утверждать,

что, несмотря на часто звучащие обвинения людей в «потребительстве», тем не менее, говорить о том, что люди сводят смысл своего существования только к обеспечению своего материального существования, желаемого уровня и качества жизни (пусть и по их меркам) вряд ли уместно. *Благосостояние и благополучие было, есть и будет важнейшим смыслом деятельности людей при организации своей жизни.* [См. такие Великий, 2012; Иванова, 2012].

В этой связи важно отметить оценку труда как средства достижения благосостояния. Россиян волнует, как оплачивается их труд, какое место в жизни занимает трудовая деятельность, их профессия, их вписанность в экономические реалии, в иерархию социальных статусов и социального престижа. По данным ЖМ-2014, только каждый пятый (20,1%) считает, что его труд оценивается справедливо. А остальные или ставят под сомнение (39,6%) или отрицают (24,7%) справедливость его оплаты. Иначе говоря, смысл трудовой жизни, нацеленный на признание человеком достойной оплаты труда, для большинства не достигается, что также становится базой и основой для социальной недовольства и напряженности.

В числе основных смыслов жизненного мира россиян в экономической сфере значатся инфраструктурные показатели, обеспечивающие условия жизни. Как показало исследование ЖМ-2014, жителей как городов, так и сел волнуют те проблемы, которые создают приемлемые для человека условия жизни, среди которых на первый план выступает удовлетворение элементарных базовых потребностей: 54,7% волнует плохое решение *жилищно-коммунальных проблем*. Именно эти проблемы в последние годы, по данным других исследовательских центров, фигурируют в опросах населения как наиболее актуальные и значительные для организации повседневной жизни людей наряду с ростом цен, ростом дороговизны товаров повседневного спроса [см., например, Горшков, 2015; Левашов, 2015].

6.7. Смыслы жизненного мира политического человека

Говоря о смыслах поведения и ориентациях современных россиян в поле политики, можно утверждать, что, с одной стороны, распад СССР произошел вопреки мнению большинства населения страны (73% в марте 1991 г. проголосовали за его сохранение, что коррелирует с данными общесоюзного исследования в феврале 1991 г.

(см. приложение ПС-1991). С другой стороны, в определении будущего произошел раскол общественного сознания на различные мировоззренческие позиции. Но они в основном касаются двух противостоящих друг другу убеждений — либеральных и социалистических. Показательно, что с начала 1990-х гг. и до начала 2010-х гг. смысл политических ориентаций мало изменился. Если на парламентских выборах 1994 г. примерно одна треть голосовала за поддержку левых партий (коммунистических, социалистических, социал-демократических), а за правые партии (либералов, христианских демократов и др.) только каждый пятый (около 20%), то, как показывают данные ЖМ-2014, эти ориентации в основном сохраняются (21,2% заявили о поддержке левых позиций, а 18,8% — правых). Вместе с тем, выросло число тех, кто видит смысл в реализации патриотических, национальных интересов — их разделяет почти каждый третий (28,7%). Этот всплеск ориентаций на *идеи патриотизма и национальной самобытности является особым явлением, ставшим специфическим феноменом*. В значительной степени это объясняется тем, что русские (как и другие народы) под влиянием происходящих катаклизмов и угроз стали в большей мере ценить уникальность своего исторического развития, свои особенные интересы, свою культуру, не желая уподобляться некоей аморфной с космополитическими убеждениями массе (по данным ЖМ-2014, только 1,6% идентифицировали себя как граждане мира). Однако обращаем внимание на то, что это стремление быть патриотом активно используется не только официальной, но и националистической пропагандой, что делает часть людей сторонниками этноэгоизма разного толка, вплоть до экстремизма. Не следует исключать и тот факт, что на рост национального (и националистического) самосознания оказала убежденность в том, что с Россией перестали считаться как со страной, утратившей свое влияние на происходящие в мире процессы.

При трактовке *смыслов политической жизни, на наш взгляд, целесообразно учитывать гражданские позиции людей*, так как они живут не только повседневными заботами — их волнуют и проблемы всего мира и своей страны, те события, в которые они непосредственно не включены, но которые не могут не затрагивать их внимания. Конечно, эти проблемы в неодинаковой степени волнуют людей — самые различные социальные группы по-разному включены в мировой и страновой контекст. Но даже те люди, которые дистанцируются от интереса к внешне- и внутривнутриполитическим проблемам, все равно в той или иной мере не могут не реагировать на процессы, происходящие в ре-

гиональном масштабе [см., например, Сикевич, 1996]. Наши исследования выявили как основные смыслы существования и функционирования людей как граждан, так и специфику эволюции их позиций за последние четверть века (см. также: [Козырева, Смирнов, 2015]).

На наш взгляд, такие позиции проявляются в характеристике человека, идентифицирующего себя как *гражданина своей страны, как патриота и лицо, испытывающего гордость за принадлежность к своей стране*. По данным ЖМ-14 г. 54,4% считают себя гражданами Российской Федерации, 9,1% — гражданами СССР. Нужно отметить, что опросы населения в начале 1990-х гг. показывали, что большинство населения не разделяли свою принадлежность к Советскому Союзу и РСФСР, считая их единым целым, хотя под влиянием распространяющейся пропаганды о защите национальных интересов уже обозначилась растущая группа, ратующая только за защиту интересов России. Эта тенденция в течение четверти века стала проявляться своеобразно — в увеличении числа людей, отождествляющих себя не с гражданством, а со своей национальной принадлежностью — таких уже в 2014 г. стало 39,2%. На наш взгляд, это можно объяснить всплеском и даже гиперактивизацией этнонационального сознания, растущего в значительной степени под влиянием государственной политики (см. также: [Дробижева, 2003; Симонян, 2013]). Но в применении к России, как показывают наши данные, все же гражданские, а не этнонациональные позиции преобладают в общественном сознании и соответственно в поведении, являясь гарантом соблюдения стабильного этнополитического развития.

Другой показатель смысла гражданства — *патриотизм* — свидетельствует, что практически три четвертых (72,6%) заявили о том, что они разделяют эту убежденность, считая себя патриотами (ЖМ-214). Примечательно, что, несмотря на оголтелую критику этой черты сознания и поведения в 1990-е гг., когда либеральной пропагандой внедрялся лозунг «патриотизм — последнее прибежище для негодяев»), в массовом сознании не произошло отказа от признания себя патриотами, хотя горечь и критика происходящих изменений и соответственно несогласия и их отвержения была значительна.

Смысл гражданства проявляется и в таком вопросе, как гордость за свою страну. И хотя его критикуют за прямолинейность, выражают сомнение в правомочности такого вопроса, за нарушение интимности, все же ряд исследователей эту формулировку задают. По нашим данным (ЖМ-2014), о гордости за Россию заявили 63,5% (это при том, что часть опрошенных назвали своей родиной Украину,

Молдавию, Татарстан, Дагестан, Башкирию и другие республики стран СНГ).

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация — при высокой степени доверия к президенту страны существует весьма критическая оценка других представителей власти — при 90,3% доверии первому лицу государства правительству не доверяет каждый пятый (19,5%), каждый третий (30,6%) — Государственной Думе. А особенно жесткой критике подвергаются правоохранительные и правообеспечивающие органы — им в полной мере доверяет только каждый шестой-седьмой человек. А ведь именно эти органы олицетворяют, по мнению людей, справедливость в обществе, защиту интересов людей в непростых жизненных ситуациях. На наш взгляд, именно правовые органы закладывают основы доверия и принципов соблюдения справедливости к российской государственности. Поэтому не удивителен тот факт, что, по мнению 41% россиян, государство защищает интересы богатых и чиновников при 33,7% затруднившихся ответить на этот вопрос и только при 21% убежденных, что политическая власть стоит на стороне всех граждан России. Отсюда вытекает и тактика в повседневной жизни людей — они в большинстве случаев (при затрудненных жизненных обстоятельствах) ищут помощь и поддержку только среди близкого круга — семьи, родных и близких.

Существуют и серьезные препятствия на пути становления россиян как полноценных и полноправных членов общества. Показателем этой тревожной ситуации является тот факт, что 93,7% утверждают (убеждены), что они не видят смысла быть причастными к решению проблем общества и государства, потому что они не могут никаким образом влиять на принятие государственных решений в стране. При этом надо учесть, что 80,3% утверждали, что ни в каких общественных организациях они не состоят, 53,5% не участвовали ни в каких формах политической жизни — ни в выборах, ни в демонстрациях, митингах, пикетах, ни в подписях петиций и обращений. Это контрастирует с данными 1991 г., когда только несколько процентов дистанцировались от участия в политической жизни (см. приложение ПС-91).

При таких показателях можно говорить только об аномии, которая складывается только тогда, когда произошла потеря прежних гражданских ценностных ориентаций и установок и не сформировались новые, понятные и принятые на уровне самосознания себя как гражд-

данина, как полноправного и заинтересованного члена существующего общества.

Отчуждение людей проявляется и в резком снижении интереса к политической информации. В 2014 г. лишь 15,8% заявили о постоянном интересе к политике и 50,6% — к отдельным политическим проблемам, что сравнительно меньше, чем это было четверть века назад — об этом заявили в 1991 г. практически все.

Такое противоречие вполне объяснимо — в конце 1980-х годов люди небезосновательно ждали серьезных политических перемен и содействовали им в силу имеющихся у них возможностей, то политическое пространство середины 2010-х годов не дает оснований для таких выводов и предположений. А если эти ожидания и питают отдельные группы, то их удельный вес незначителен.

6.8. Смыслы жизненного мира социального человека

Для понимания смысла жизненного мира в его социальном измерении приобретает оценка человеком своего *социального статуса*. По данным ЖМ-2014 г. свое место в обществе 55,1% оценили как среднее, 34% — как низшее или ниже среднего при 10,6% убежденных в своем высоком или выше среднего статусе. Такое заключение коррелирует с данными Института социологии РАН, которые свидетельствуют, что примерно 40% людей относят себя к самодостаточным [Горшков, Седова, 2015]. В то же время это говорит о том, практически треть населения скептически рассматривает свой статус — их субъективная оценка не позволяет им надеяться на его изменение.

Что касается материального положения, то его оценка значительно критичнее — 47,1% оценили его как удовлетворительное, и практически столько же — 47,3% — отнесли себя к имеющим низкие и ниже среднего доходы. Здесь мы встречаемся с любопытным фактом — если материальное положение оценивается по фактору, в основе которого лежит степень удовлетворенности своих потребностей, а также сравнение и сопоставление с материальным положением других социальных групп, в том числе и за рубежом, то при оценке своего социального статуса играет роль другой фактор — пафос, когда человек не хочет признавать себя проигравшим, побежденным или униженным в сложившихся жизненных обстоятельствах. В этих условиях человек как бы оправдывает себя, в своей самооценке возвышает себя в пред-

ставлениях о его месте в жизни и стремится к тому, чтобы окружение признавало его как полноценного члена общества (подробнее см.: [Левашов, 2015; Федоров, 2010]).

Говоря о смыслах поведения человека в социальной сфере, следует обратить внимание, что они незначительно изменились за последние 25 лет: по-прежнему *первые места в ориентациях людей занимает семья и здоровье*. Более того, их значимость и вес в структуре жизненных позиций выросла и составила в 2014 г. 95% (семья) и 87,6% (здоровье). Вместе с тем в объяснении смысла семьи имеется огромное противоречие, которое при всех попытках его интерпретации оставляет впечатление неполноты и односторонности — наряду с высокой оценкой роли и значения семьи продолжается увеличение числа распавшихся брачных союзов.

Что касается *здоровья*, то его оценка как смысла жизни сводится к тому, что люди особенно с увеличением возраста во все большей мере хотят видеть гарантированную его охрану, иметь веру в эффективное функционирование здравоохранения. Именно желание вести здоровый образ жизни (в этом смысл) подталкивает людей декларировать свои намерения, но, к сожалению, далеко не всегда претворять их в жизнь. Так, по данным ЖМ-2014, 57,8% не занимаются физкультурой и спортом (при очень сомнительном и спорном утверждении 16,3%, что они этим занимаются самостоятельно) С профилактикой дела обстоят также неблагоприятно: 32,6% в 2014 г. ни разу не обращались к врачу, а 49,5% — редко (2—3 раза в году). К этому можно добавить еще и то, что видя смысл в здоровом образе жизни, люди подрывают его своими действиями — 32,3% курят, 26,6% регулярно употребляют алкоголь. В этих показателях можно лишний раз видеть устойчивый индикатор разрыва между декларируемым и реальным. Такая ситуация сложилась потому, что, с одной стороны, имеется противоречивая и непоследовательная государственная политика в области здравоохранения, а с другой — реальностью является слабая ответственность людей за выполнение декларируемых смыслов.

По данным ЖМ-2014, 55,7% россиян волнует *состояние здравоохранения*. И это не удивительно. Чехарда законодательных актов и различных местных инициатив привели к устойчивой убежденности многих людей, что все эти преобразования нацелены не столько на разумное и рациональное решение насущных проблем, сколько на реализацию пресловутого лозунга — «рынок решит все». В результате произошло неоправданное и непонятое людям увеличение оплаты за

всевозможные и ненужные услуги, попытки переложить все заботы о состоянии здоровья на плечи самих граждан. Массовая ликвидация (на селе) или укрупнение и специализация организаций здравоохранения (в городах) привели к тому, что в 2015 г. повысилась смертность, резко ухудшились условия для поддержания здоровья у людей преклонного возраста, а также для будущих и молодых матерей при официальной провозглашенной заботе о повышении продолжительности жизни и увеличении рождаемости. Иначе говоря, многие аспекты демографической и семейной политики решаются именно на этом уровне социальной организации общества, т.е. там, где человек работает и живет. Однако эти виды политики — и семейная и демографическая — демонстрируют непоследовательность и непостоянство, нередко усугубляя и так сложное состояние по охране материнства и детства, по соблюдению и гарантированности заботы всего населения с особым акцентом на соблюдение прав пенсионеров, инвалидов, людей с ограниченными возможностями (подробнее см.: [Рыбаковский, 2015]). А если затронуть такой вопрос, как профилактика, то можно сказать, что она полностью провалилась. А ведь это та проблема, которая должна решаться в первую очередь именно там, где человек работает и живет.

На уровне территориальной общности особенно актуализируются такие проблемы, как детство и преклонный возраст. Если первая проблема таит в себе опасность депопуляции, что по-прежнему чрезвычайно актуально для нынешней России, то вторая связана с увеличивающейся пропорцией лиц старше трудоспособного возраста; если в 2010 г. их было 21,6%, то к началу 2020 г. эта доля населения достигнет 25,9%, а к 2025 г. — 27,2% (Рыбаковский, 2012).

Роль смысла в обеспечении и заботе о здоровом образе жизни коррелирует с оценкой *роли места и роли ближайшего окружения (как производственного, так и повседневного)*. Оно олицетворяет взаимоотношения с теми людьми, с которыми человек совместно трудится, отдыхает и с которыми он общается в повседневной жизни. По месту работы человек оценивает, прежде всего, ту общую ситуацию, в которой он находится в процессе выполнения трудовых функций. Это мироощущение складывается из многих показателей — мнения об условиях и организации труда, оценки оплаты труда, отношений в первичном коллективе, контактах с руководителями. Но основным смыслом, который удерживает человека на этом рабочем месте, все же является обобщающая оценка своей производственной организации, которая выражается в удовлетворенности содержанием

ем труда, совпадением его с профессиональной подготовкой и востребованностью.

Значение *круга близких и родных* тоже значительно выросло и заняло в ориентациях человека одно из ведущих мест. Показательно, что на вопрос анкеты «К кому Вы обратитесь за помощью в трудную минуту жизни?» именно эти две институции — семья и близкие — потеснили все другие адреса. В современной России ушли на задний план те организации, которые в Советском Союзе занимали ведущее место в оказании возможной помощи — руководители предприятий, советских и партийных органов власти, общественных организаций и особенно профсоюза.

6.9. Смыслы жизни человека в духовно-культурной сфере

Смысл идей в сфере культуры люди, прежде всего, видят в *сохранении духовности*. Однако эта ориентация не воплощается в реальной жизни: большинство — 62,4% очень тревожит и 31,5% тревожит в средней степени падение морали, нравственности. Попытки опереться на религию, исторические традиции, желание заимствовать опыт других стран, не дают должного эффекта, потому что это стремление подрывается: а) господствующей установкой (и воплощающейся в реальность), что успех в жизни обеспечивается владением капиталом, финансовыми средствами (мнение 67%); б) убежденностью, что продвижение по службе (карьере) во многом зависит от влиятельных связей (мнение 57%); в) обладанием властью или ее обслуживанием (мнение 58,2%); г) ориентацией средств массовой информации и прежде всего телевидения на коммерческий успех, результатом чего стала ориентация на низкопробные, а иногда и извращенные вкусы; д) ликвидацией воспитательных функций во всех структурах образования — от дошкольного до высшего (мнение 93,6%) (ЖМ-2014). Это тем более показательно, что роль таких духовно-ценностных факторов значительно принижена: роль образования и профессиональной подготовки в успешном строительстве своей жизни отметили только 19%, и практически столько же — 19,9% — значение личных качеств (привлекательности, ума, таланта).

Таким образом, смысл духовности следует искать не только в сфере культуры, образования, науки, религии. Он порождается и публичной жизнью, структурой взаимоотношений с ближайшим окружением, а также тем, какие отрицательные явления видят люди в совре-

менном российском обществе. В этой связи особенно хотелось бы подчеркнуть, что человеческое измерение этих явлений присуще большинству людей — 93,6% не хотят мириться с наркоманией, 93,9% — с алкоголизмом и пьянством, 91,9% — с грубостью и хамством. Что же касается отрицательных процессов в общественном измерении, то 87,4% осуждают коррупцию и взяточничество, 84,3% — бюрократизм, 92,4% — воровство, 72,1% — страсть к обогащению. Правда, приходится констатировать, что это выражение тревог по поводу негативных явлений носит пассивный, вербальный характер и практически никак не реализуется в конкретной общественной деятельности. Об этом косвенно говорит тот факт, что 80,3% заявили, что ни в каких общественных организациях они не состоят. А еще 82,5% заявили, что в год опроса (2014) они не участвовали ни в каких культурных мероприятиях.

Все это позволяет сделать вывод, что, видя один из смыслов своей жизни — быть духовно богатым человеком и желая иметь достойное общество, в котором они живут, люди мало делают для того, чтобы содействовать культурному сплочению, достойному образу жизни и духовному спокойствию во имя личного и общественного будущего.

В духовно-культурном развитии всегда значительную роль играла интеллигенция. Однако ее влияние оценивается в настоящее время довольно скромно. Она потеряла роль той нравственной силы, которую играла с конца XIX и практически весь XX век. По данным ЖМ-2014, только треть россиян (31,6%) считают, что она в определенной степени влияет на жизнь общества, в то время как 23,7% говорят о ее незначительной роли, а каждый пятый (19,7%) — о практически никакой при 25% затруднившихся ответить. Все это позволяет заключить, что в настоящее время в России интеллигенция не является той силой, которая бы олицетворяла в полной мере нравственный потенциал общества, была бы ориентиром для вступающей в жизнь молодежи, судьей на пути постижения смысла жизни.

Особо подчеркнем, что к смыслу духовности религия может быть отнесена лишь частично. Несмотря на упования на ее мобилизующую и укрепляющую моральные устои народа роль, дело обстоит не так, как хотелось бы приверженцам православия, ислама и других конфессий. По данным ЖМ-2014, только 25,8% отнесли себя к истинно верующим. Остальные или сомневаются в приверженности к вере (47,4%) или являются агностиками (15,7%) и атеистами (4,1%). При этом надо сравнить эти данные с другими, которые подвергают сомнению их полноту и объективность: оказываются

ся, что соблюдают все религиозные каноны и догмы (регулярно — 3—4 раза в месяц посещают церковь, мечеть, синагогу и другие культовые места) всего 6,3%, 19,1% делают это нерегулярно, при 37,3% посещающих эти места редко (1—2 раза в год) и при 37,1% не посещающих их вообще. Очевидно, что делать ставку в духовном возрождении только на религию не приходится. Ибо у многих людей ответственность перед семьей, обществом, будущим, страной зиждется на других, не менее веских основаниях, которые по силе убежденности не уступают вере в Бога.

Духовные основы людей укрепляет и надежда на то, какой бы в будущем они хотели видеть страну. И можно утверждать, что людей ведут в будущее идеалы, связанные с мечтой о справедливом обществе (63,2%), с обеспечением стабильности (55%), с надеждой на возвращение России статуса великой державы (47,2%), к национальным традициям (23,7%).

* * *

Итак, жизнесмысловые основы отражают идеальное содержание, предназначение, а также стремление людей ориентироваться на достижение приемлемых и одобряемых ими целей, в которых органически соединяется общее, особенное (специфическое) и индивидуальное в их сопоставлении с требованиями окружающей действительности и всем многообразием общественной жизни.

С точки зрения социологии жизни, теоретическое и эмпирическое значение понятия «смысл жизни» позволяет при исследовании жизни общества не описывать или умножать бесконечное число показателей и индикаторов публичной и частной (общественной и личной) жизни (что вполне приемлемо для всестороннего анализа), а выделить главное, основное, что определяет ее сущность и содержание. Более того, можно предположить, что «проблема смысла жизни — это проблема существования человека и человечества. Приоритетной составляющей смысла жизни должно стать чувство гражданина и сознание того, что от тебя зависит жизнь, порядок, благополучие всех тех, кто составляет это человеческое общество» [Чудновский, 2015: 18].

Таким образом, жизненный мир и его смыслы являются, во-первых, теоретически новаторскими и эвристически ценными понятиями, позволяющими более обстоятельно и глубоко ответить на злободневные проблемы развития общества с позиций концепции социологии жизни; во-вторых, новыми и значимыми эмпирически измеряе-

мыми показателями и индикаторами, обеспечивающими более полное отражение сущности и содержания жизни общества и представляющих его людей; в-третьих, максимально удобными для использования в управленческой практике на всех уровнях социальной организации обществ, во всех без исключения организациях как экономического и политического, так и социального и духовно-культурного профиля.

Приложение

В настоящей главе использованы данные следующих исследований под руководством автора.

- Всероссийское исследование 25—30 октября 2014 г. Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг Страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса — Москва и Санкт-Петербург.

Для сопоставления и сравнения сдвигов в общественной (экономической, политической, нравственной) жизни были использованы данные всероссийских исследований 2012—2014 гг., позволивших выявить изменения в сознании и поведении людей, тенденции и вновь возникшие проблемы, обусловленные изменениями, происшедшими в современной России.

- Всероссийское исследование «Трансформация экономического сознания россиян» 5—10 октября 2012 г. (1201 человек в возрасте 18 лет и старше в 12 субъектах Российской Федерации (в Красноярском, Ставропольском, Хабаровском краях, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Челябинской областях, г. Москве и Санкт-Петербурге), по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности) (ЭС—212).

- Всероссийское исследование «Политическое сознание россиян: 25 лет спустя». Опрошены 1200 человек в возрасте 18 лет и старше в 15 субъектах Российской Федерации по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности. Опрос проведен в Краснодарском, Ставропольском краях, Амурской, Архангельской, Белгородской, Иркутской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Челябинской областях, г. Москве и Санкт-Петербурге с 18 по 25 октября 2013 г. (ПС—2013).

- Всероссийское исследование «Человек и нравственность». Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны 25—30 октября 2014 г. с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу. Опросы проведены во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса — Москву и С-Петербург (НС—2014).

Важной особенностью этой главы стало сопоставление полученной информации с данными серии всесоюзных исследований общественного сознания в 1986—1991 гг. (рук. Ж.Т. Тощенко и В.Э. Бойков).

- Всесоюзное исследование «Политическое сознание трудящихся в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития» (май—июнь 1987 г.). Генеральную совокупность исследования составили основные отрасли промышленности и сельского хозяйства. Из выделенных отраслей были отобраны 33 предприятия в 15 республиках и регионах страны, типичность которых определялась по таким параметрам, как численность производственного персонала (рабочих, служащих, колхозников), оплата труда, рентабельность и другие социально-экономические показатели. На этих предприятиях методом случайного отбора были опрошены 9500 человек (ПС—1987).

- Всесоюзное исследование «Экономика и рынок», проведенное 24—31 мая 1990 г. (опрошено 1525 человек в 17 регионах страны по репрезентативной выборке, учитывающей пол, образование, семейное положение, трудовой стаж и профессиональную занятость (ЭС—1990).

- Всесоюзное исследование «Власть и народ: февраль 1991 г.» (1790 человек в 20 регионах страны по выборочной совокупности, учитывающей пол, образование, возраст, род занятий, доход и партийную принадлежность) (ПС—1991).

- Всесоюзное исследование «Нравственное сознание: состояние и изменение в условиях перестройки и обновления общественной жизни» (1987). Основной целью было выявление реального состояния нравственного сознания в трудовых коллективах разных сфер деятельности и характера происходящих изменений в нем под влиянием перестройки, работы по реализации концепции ускорения социально-экономического развития общества. Были опрошены 7600 человек в восьми регионах, в 32 трудовых коллективах — рабочие промышленных предприятий, транспорта и строительства (49%), ИТР, служащие, научные работники, преподаватели (34,5%), колхозники и рабочие совхозов (16,5%) (НС—1987).

Литература

- Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
- Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М., 2013.
- Анисимов Р.И.* Социально-экономические реалии жизненного мира россиян в условиях либеральных реформ (опыт сравнительного анализа данных 1990- и 2012 гг.) // Социол. исслед. 2015. № 7.
- Асмус В.Ф.* Метафизика Аристотеля // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1976.
- Бабайцев А.Ю.* Смысл и значение // Всемирная энциклопедия. Философия. М.; Минск, 2001.
- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234—407.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
- Бердяев Н.А.* Смысл творчества. М., 1916.
- Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1923.
- Бибков А.Т.* Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.
- Вебер М.* Избр. произв. М., 1990.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 1998.
- Великий П.П.* Российское село. Процессы постсоветской трансформации. Саратов, 2012.
- Галажинский Э.* Университет как смысл жизни // Экономические стратегии. 2015. № 3.
- Головин Н.А.* К основам понятия смысла: актуализация вклада А. Шюца в теоретическую социологию // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики. М., 2016.
- Горшков М.К. Седова Н.Н.* «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социол. исслед. 2015. № 12.
- Гуссерль Э.* Картезианские размышления. М., 2001.
- Делёз Ж.* Логика смысла: пер. с фр. М.: Екатеринбург, 1998.
- Дилигенский Г.Г.* В поисках смысла и цели: проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М., 1986.
- Другач Т.Б.* Здравый смысл как философская идея французских просветителей // Философские науки. 2015. № 9.
- Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- Зафировский М.* Вне рационального выбора: элементы «теории иррационального выбора» // Социол. исслед. 2014. № 3.
- Зеленкова И.Л.* Проблема смысла жизни: Опыт историко-этического исследования. Минск, 1988.
- Иванова Е.И.* Социально-экономические поколения России: воспроизводство и взаимодействие. М., 2012.
- Кант И.* Лекции по этике. М., 2000.
- Капранов В.А.* Нравственный смысл жизни и деятельности человека. Л., 1975.
- Карпинский К.В.* Неконгруентный смысл жизни и смысложизненный кризис в развитии личности // Актуальные проблемы психологии личности. Ч. 2. Гродно, 2012. С. 101—147.
- Козырева П.М. Смирнов А.И.* Результаты радикальных реформ и проблема поддержки принципов и ценностей демократии в России, М., 2015.
- Константиновский Д.Л.* (ред). Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д.Л. Константиновский. М., 2015.
- Латин Н.И.* Гуманитарный выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социол. исслед. 2016. № 5.
- Левада Ю.А.* (ред.) Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993.
- Левашов В.К.* Реформы и кризис: тридцать лет спустя // Социол. исслед. 2015. № 10.
- Лекторский В.В.* Беседа с Л. Гараи // Вопросы философии. 2015. № 2.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М., 1999.
- Луков Вал.А., Луков В.А.* Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М., 2013.
- Маршак А.Л.* Культура: Социальные смыслы и социальные реалии. М., 2013.
- Межуев В.М.* Ценности и смыслы в контексте культуры // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избр. доклады (1995—2015). СПб., 2015.
- Никольский С.А.* Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX—XX веков. М., 2015.
- Попов Б.Н.* Взаимосвязь категории счастья и смысла жизни. М., 1986.

- Рассел Б.* Исследования значения и истины. М., 1999.
- Рыбаковский Л.Л.* Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социол. исслед. 2012. № 8.
- Рыбаковский Л.Л.* Концепция демографической политики России: Опыт разработки и пути совершенствования // Социол. исслед. 2015. № 9.
- Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских (социологический очерк): учеб. пособие. М., 1996.
- Симолян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М., 2003.
- Синеокая Ю.В.* Философия Фридриха Ницше как зеркало конструирования постсоветской национальной идентичности России // Вопросы философии. 2015. № 12.
- Смирнов А.В.* Смысл в арабо-мусульманской философии // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001.
- Смирнов А.В.* «Смысл» и «форма»: два пути трансценденции (О. Памук и классическая арабо-мусульманская эпистемология) // Вопросы философии. 2016. № 4.
- Смирнова Н.М.* Социальная философия в изучении современного общества. М., 2009.
- Тароцина С.* Смысловые, художественные и сценарные прорехи в сериалах // Новая газета. 2015. 11 ноября.
- Тощенко Ж.Т.* Жизненный мир и его смыслы // Социол. исслед., 2016. № 11.
- Трубецкой Е.Н.* Избранное. М., 1995.
- Фатенков А.Н.* Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах // Философские науки. 2015. № 9.
- Федоров В.В.* Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян, М., 2010.
- Франк С.Л.* Духовные основы общества // Русское зарубежье. Л., 1991.
- Франкл В.Е.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Хазиев З.А.* Смысловое содержание техники от древнейших времен до эпохи нового времени // Философско-социологическая школа Уфимского государственного ун-та. Уфа, 2015.
- Чешев В.В.* Антропологический смысл деятельности // Вопросы философии. 2016. № 2.
- Чудновский В.Э.* Смысл жизни: Некоторые итоги и перспективы исследований // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1.
- Чудновский В.Э.* Смысл жизни и судьба человека // Общественные науки и современность. 1998. № 1.

- Чудновский С.А.* Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX—XX вв. М., 2015.
- Штомпка П.* Социология: анализ современного общества. М., 2007.
- Шрейдер Ю.* Смысл //Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001.
- Шульц В.Л., Любимова Т.М.* Тайные языки как конструкты социальной реальности //Социол. исслед. 2016. № 7.
- Шюц А.* Избранное: мир, освященный смыслом. М., 2004.
- Шюц А.* Смысловая структура повседневного мир. Очерки по феноменологической социологии. М., 2002.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994.
- Bonnell V.E., Yunt L. (eds).* Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture. Berkeley, 1999.
- Frankl V.E.* Man's Search for Meaning. N.Y.: Washington Square Press, 1985.
- Friedland R., Mohr J.* Matter of Culture: Cultural Sociology in Practice. N.Y.: Cambridge Univ. Press. 2004.
- Habermas Ju.* Theorie des kommunikativen Handelns. (Bd. 1: Handlungs-rationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft.) Frankfurt am Main, 1981.
- Habermas Ju.* Autonomy and Solidarity: interviews Press Dews (ed.) L.: Verso, 1986 (1991).
- Sztompka P.* The Return to Values in Resent Sociological Theory //Polish Sociological Review. 2007. № 159. P. 247—261.

ГЛАВА 7

СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

7.1. Базовые принципы структуризации социологического знания

Если говорить о *научном содержании* социологии жизни, то предстоит ответить на исходные, основополагающие вопросы — *как и какие задачи* она и ее научные направления ставят перед собой. Если исходить из определения социологии как «организованного знания» (Г. Спенсер), то при всем многообразии подходов к трактовке ее содержания требуется характеристика ее *структуры*, которая на основе дифференцирующих признаков позволяет представить социологию как определенную, логически непротиворечивую систему.

Структура социологического знания определяется в зависимости от тех методологических принципов, которые применяются в изучении социальной реальности (см. гл. 1). Однако нередко исследователь придерживается одной из концепций, не всегда уделяя внимания другим трактовкам этой структуры. Поэтому обратим внимание на те объяснения, которые непосредственно касаются попыток проанализировать строение социологии как науки. Так, П. Монсон предлагает рассматривать структуру с четырех позиций: а) примат общества по отношению к отдельному индивиду (Конт, Дюркгейм, Парсонс), что, на наш взгляд, совпадает с парадигмой социологического реализма; б) примат личности при анализе ее взаимоотношений с обществом (Шюц, Лукман, Гарфинкель), что отражает парадигму социологического номинализма; в) с точки зрения механизма изменений, по которым осуществляются преобразования в обществе (Сорокин, Хоманс); г) концепции активного вмешательства в регулирование процессов развития общества, что представлено марксизмом и его последователями [Монсон, 1992].

Вместе с тем, в социологии обосновываются другие виды объяснения структуры социологического знания в зависимости от тех мето-

дологических подходов, которые применяет исследователь для познания социальной реальности [Ритцер, 2002; Тернер, 1995].

Что касается отечественной литературы, то предлагается определять структуру социологии, во-первых, с учетом всего научного знания, когда в объяснение ее содержания вовлекается знание, накопленное всеми науками [Кравченко, 2010]. Во-вторых, имеется обоснование, что структурировать социологическое знание нужно только в рамках социальных и гуманитарных наук [Козлова, 2004]. Мы же исходим из того, что *структурируется только то знание, которое называется социологическим*. При ответе на данный вопрос структура социологии может рассматриваться, во-первых, как *теоретическая и эмпирическая социология*, во-вторых, как *фундаментальная и прикладная*, и, в-третьих, по объектно-предметному принципу как *макро- и микросоциология* (представлена в таблице).

Структура социологического знания

<i>Структура</i>	<i>Назначение (цель) исследований</i>	<i>Методы исследования</i>	<i>Наименование социологических дисциплин</i>
Теоретическая и эмпирическая социология	Разработка и обоснование теории, методологии и методов	Общенаучные и специальные методы	Теория, история и методология социологии
Фундаментальная и прикладная социология	Разработка и обоснование социологического знания и способов решения общественных проблем	Социологические и статистические методы познания	Методология и методы социологических исследований
Макро- и микросоциология	Получение нового знания для понимания и решения глобальных и локальных социальных проблем	Логические, исторические, системные и эмпирические методы познания	Системные (отраслевые) и специальные социологические теории

Таким образом, современная структура социологического знания состоит из нескольких классификаций, базирующихся на различных основаниях при определении цели и методов исследования, а также их воплощения в конкретные социологические теории и концепции.

7.2. Теоретическая и эмпирическая социология

Существуют различные точки зрения, что имеется в виду, когда употребляется понятие «теоретическая социология», или теории в социологии. Г. Абенд полагает, что существует несколько ее интерпретаций — от пытающихся охватить и охарактеризовать все имеющееся человеческое знание до анализа сугубо прикладных аспектов развития определенных сфер и/или процессов общественной жизни [Абенд, 2015]. Ю.Н. Давыдов трактует теоретическую социологию как особое направление в социологической мысли, которое охватывает не только сами теории и концепции, выдвинутые и обоснованные социологами, но и историю их возникновения и развития, а также предтечи идей социальной науки, существующие в латентном виде и в дальнейшем использованные в социологии [Давыдов, 1997—2000].

Предлагаемая нами классификация исходит из того, что в теоретической социологии обосновывается и рассматривается, *во-первых, ее базовый, исходный уровень — объект и предмет*, их определение и уточнение в зависимости от парадигмы социологического знания и принадлежности к той или иной научной школе. Именно от их определения зависит дальнейшее развертывание теоретизирования, формулировка направлений и механизма анализа изучаемой реальности [Абельс, 2000; Ядов, 2010].

В социологической науке существуют различные подходы к определению объекта и предмета социологии, к их объяснению и, соответственно, к их использованию в процессе теоретизирования. Что касается социологии жизни, она исходит из того, что объектом социологической науки является гражданское общество. Предмет социологии жизни трактуется как жизненный мир, состоящий из общественного сознания, различных форм и видов поведения (деятельности), возможностей их реализации в конкретно-исторических условиях. Иначе говоря, *в предмете социологии жизни жизненный мир представлен как сознание и поведение людей, социальных общностей и групп, которые (сознание и поведение) приобретают социальные характеристики, имеют общественное значение, образуют устойчивые процессы и явления в условиях определенной объективной среды.*

Во-вторых, теоретическая социология призвана сформулировать свою позицию и свои представления о *понятийном аппарате, который характеризует ее научную определенность*. Этот гносеологический вопрос нацелен на получение ответа на вопрос, *что собой представляют изучаемые общественные процессы и явления, как развивалось и совершенствовалась социологическое знание*. Специфика социологии жизни проявляется в том, что она как научная теория призвана *оперировать не умозрительными схемами, а реальными проявлениями жизни*. Поэтому социология жизни нацелена на получение ответа на вопрос: *какова социальная реальность в общественном, групповом и непосредственном личностном восприятии*, в каком виде она существует, а также какие новые возможности представляет ее изучение при помощи социологического знания [Осипов, Москвичев, 2006]. Именно поэтому требуется дифференциация предмета социологии жизни — общественного сознания, поведения (деятельности) и среды на составляющие их компоненты. Напомним, анализ *сознания* позволяет выявить способность познавать мир, оценить его с личных и общественных позиций, осмысливать окружающую действительность, исходя из определенных ценностей и на этой основе строить *поведение (деятельность)*, учитывая влияние окружающей среды.

Исходя из этого, *понятийный аппарат социологии жизни* может быть представлен в сознании через такие компоненты, как *знание, мнение, потребности, мотивы, интересы, ценностные ориентации, установки, интересы и т.д.* Поведение в свою очередь проявляет себя через такие понятия, как *акт, поступок, действия*, а среда предстает перед нами как *макросреда* (общественные отношения), *мезо- и микросреда* (опосредованное и непосредственное окружение) (подробнее см. гл. 5).

В-третьих, социология жизни с точки зрения теории — это и методология, которая, по сути, представляет программу реализации теоретического знания (исследования). Методология — это механизм построения научного знания, т.е. такой его уровень, который выражен на языке, позволяющем оперировать информацией посредством измеряемых индикаторов и показателей [Татарова, 2008]. Применение этих конкретных носителей наполняет «кровью» и «плотью» многие понятия, которые в философии или политологии не требуют такой детализации и конкретизации. Методология дает возможность разрабатывать и применять социологические *методы* познания социальной реальности. И не только потому, что она этим серьезно отличается от

других наук, а потому, что она предполагает использование статистико-математического аппарата, многообразных специфических (в том числе и качественных) способов познания [Швырев, 2001].

В-четвертых, социология жизни нацелена на получение ответа: *как и когда она возникла*. Этому отвечает анализ генезиса идей социологии и этапов ее развития, которые оформились в самостоятельную науку в середине XIX века. Поэтому органической частью теоретической социологии выступает история социологии, в которой раскрывается возникновение и дальнейшее развитие той или иной концепции. В рамках социологии жизни — это анализ пути, пройденного от ее предтеч и первого обоснования этого понятия (Ж. Гюйо) через аналогичные и примерные поиски выражения ее сути [Дюркгейм, 1998; Вебер, 1999; Большаков, 1928 и др.] к современным поискам ее сути [Головин, 2015; Мельников, 2015; Кравченко, 2002; Култыгин, 2000].

Кроме того, социология призвана вскрыть *причинно-следственные связи*: почему, по какой причине и вследствие чего возникла эта наука. Социология жизни отражает *новый качественный этап* в истории социологии, когда общество предстало в человеческом измерении, когда не просто люди, а *каждый человек становится субъектом исторического процесса*, начало чему положили великие буржуазные революции XVII—XVIII. Именно с этого периода начинается новое осмысление роли человека, всех без исключения людей во всех ипостасях их сознания и поведения и превращение их в активных участников экономических, социальных, политических и культурных изменений. Конечно, этот процесс активизации созидательных сил всех людей и каждого человека происходил постепенно, с трудом, со срывами и отступлениями, но несомненно, *человеческое измерение общества* пробивало себе путь, что нашло отражение в постоянном научном поиске. Конечно, появление социологии в процессе развития социальной мысли не могло начаться вдруг, с открытого листа — предпосылки иного подхода к человеку и обществу созревали исподволь: ее зачатки можно вести с тех пор, когда человечество начали волновать вопросы рационального и справедливого строительства общественной и политической жизни. Однако это не означает, что надо исчислять социологическое знание, начиная с Древней Греции и даже Древнего Китая.

В-пятых, это *аксиологические вопросы*, нацеленные на получение ответа, зачем социология жизни сконструирована (создана) и с какой целью. Важность ответа на этот вопрос отражает изучение *реальной*

включенности людей в реально существующие отношения, *их оценку и отношение* не только к глобальным проблемам бытия, но и к окружающей людей повседневности и к «мелким проблемам» их бытия [Козлова, 1999].

И наконец, социология жизни в ее теоретической интерпретации решает некоторые семантические задачи, показывая традиции или инновации в трактовке тех или иных понятий (терминов). Многие слова, используемые социологией жизни, серьезно изменили свой первоначальный смысл и приобрели другое значение. Так, слово «стимулирование», активно применяемое в экономической социологии и социологии труда, происходит от латинского слова «стимул», что в Древнем Риме означало острый кий, которым погоняли быков в упряжке. Таких примеров можно привести много, и это, несомненно, представляет большой интерес, в частности для социолингвистики [Москвичев, 1989; Шульц, 2006].

Для социологии жизни важен ее язык — совокупность категорий и понятий, которые составляют качественную определенность теоретического социологического знания. Если категории являются некими универсальными характеристиками общественного бытия и служат средствами познания всех социальных наук, то понятия выступают как одна из основных форм отражения мира на рациональной, логической ступени познания. По своей сути, понятия — это зафиксированная мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в класс (обобщает) объекты посредством указания на их общий и отличительный признак. Понятийный аппарат социологии в современной отечественной науке трактуется по-разному, ибо исследователи исходят из различных теоретико-методологических оснований [Абельс, 2000]. Распространен прием, и особенно в рамках теоретической социологии, когда привлекается понятийный аппарат социальной философии с ее многовековой традицией и выверенной временем лексикой, отражающей реальность и все ее проявления в современном мире. Однако категориальный и понятийный аппарат социологии имеет свои ярко выраженные особенности, отличающие ее от других социальных наук, что находит отражение в нескольких группах терминов, образующих язык социологии.

Первая группа понятий связана с анализом *объекта социологии жизни*, а также с характеристикой связей (взаимосвязей) социологии с общенаучными представлениями о мире. Поэтому социологу предстоит знать точки зрения на общество, государство, классы, нации (компетенция общенаучной теории) и на гражданское общество и его

структуру, что составляет основу компетенции теоретико-методологических основ социальной науки.

Вторая группа охватывает совокупность понятий, трактующих и объясняющих *предмет социологии*. Во-первых, тех из них, которые связаны с характеристикой сознания (индивидуальное, групповое, общественное), с его видами (политическое, экономическое, нравственное, религиозное и т.д.), его структурой (знание, убеждение, ценности, мотивы, установки, интересы и т.д.), его специфическими характеристиками (общественное мнение, социальное настроение). Во-вторых, это понятия, характеризующие реальное поведение (деятельность) людей, что предполагает его дифференциацию и интерпретацию как на теоретическом, там и эмпирическом уровне. Это относится ко всем видам поведения (деятельности) людей, их взаимосвязям с сознанием и между собой. Такой подход предполагает анализ как позитивных, так и негативных видов деятельности. В-третьих, в понятийном аппарате нуждается и третий компонент предмета социологии жизни: условия, в которых реализуются (или не реализуются) сознание и поведение людей. Поэтому понятия макро-, мезо- и микросреды, социальной инфраструктуры — это такой набор, без которого трудно понять всю сложность социального мира.

Третья группа понятий касается *субъектов реального сознания и поведения* — *индивида, социальной группы (общности, слоя), класса*. Значительное место занимают особые группы субъективного действия — народности, народы, этносы. Многие понятия связаны с становлением и функционированием семьи. К данной группе относятся также группы отклоняющегося поведения.

Четвертая группа понятий касается *инструментов и механизма социологического познания*, тем более что они весьма специфичны по сравнению с другими социальными науками. Здесь важны совокупность как методологических понятий (программа, гипотезы, сценарий и т.д.), так и методов (наблюдение, опрос, контент-анализ, интервью, эксперимент и т.д.). Весьма особенными предстают проблемы обработки социологической информации, ее анализ, интерпретация полученных результатов.

Пятая группа — это *понятия, углубляющие наши представления о функциях социологии*. Но если первая из них — теоретико-познавательная — коррелирует с аналогичным аппаратом других групп, то управленческая функция выдвигает в число познаваемых огромное количество таких явлений и процессов, как предвидение, прогнозирование, проектирование, планирование, программирование, социальные технологии и т.д. (подробнее см. гл. 10).

И наконец, особо следует сказать о тех понятиях, которые *одновременно служат и социологии, и другим отраслям социального знания*, когда возникает вопрос о междисциплинарных исследованиях [Лубский, 2015; Киященко, 2016; Яковенко, 2016]. В рамках этого анализа вовлекается (адаптируется, приспосаблиется) теоретическое знание других наук. Этот процесс взаимообогащения способствует уточнению, корректировке и развитию социологического знания. Так, у социологии имеется много родственных понятий с демографией (миграция, продолжительность жизни, здоровье и т.д.), с социальной психологией (общение, эмоции, самочувствие и т.д.), с политологией (власть, электоральное поведение и т.д.).

В рамках этого анализа привлекается и исторический материал (история социология), который показывает генезис идей, появление, рождение и угасание поисков (теорий, концепций), а также способствует раскрытию новых горизонтов социологического знания. Кроме того, на этом уровне вовлекается (адаптируется, приспосаблиется) теоретическое знание других наук и как оно способствует уточнению, обогащению и развитию социологии как самостоятельной науки.

Назначение теоретической социологии состоит и в том, чтобы, опираясь на накопленное научное знание, осуществить классификацию имеющейся социальной информации. Именно такой подход позволяет выявить тенденции развития как социальной реальности, так и самой социологии, ее функций, места среди социальных наук, уровни и структуру социологического знания.

Особо следует отметить, что теоретическая социология включает в себя и *гипотетическое знание*, которое в дальнейшем может быть подтверждено или опровергнуто. К компетенции теоретического знания относится выявление закономерностей, тенденций и перспектив развития как изучаемых процессов и явлений, так и самой социологической науки [Здравомыслов, 2010].

Таким образом, язык социологической науки олицетворяет совокупность категорий и понятий, которая выражает сущность, содержание и теоретико-методологические и методические средства познания, используемые этой наукой.

Говоря о теоретической социологии и ее представленности в социологии жизни, нужно сказать, что она в таком обличье *противостоит постмодернистским теориям*, которые, по убеждению Ю. Хабермаса, «не понятно, что берется ими в расчет», что «они не могут отличить практики от явления», что они «отвергают современность» (что является основной заботой познания) и на этой основе отрицают

повседневность, которая, как он утверждает, является целью и смыслом социума [Habermas, 2011; Хабермас, 1991].

Не менее категоричен в оценке постмодернизма и М. Кастельс, считая, что он потворствует сторонникам концепции «конца истории и в определенном смысле и конца Разума, отрицая нашу способность понимать и осмысливать» [Castells, 1996: 4]. Критика постмодернизма как тупиковой ветви в развитии социологической теории содержится и в труде Дж. Ритцера и других социологов [Ритцер, 2002]. В России сомнение в плодотворности идей постмодернизма высказывали многие социологи, считающие, что его отрицание возможности целостной личности и доказывающего ее фрагментарность, не укладывается ни в какие умопостижимые рамки, что служит порождению фантазмагорических концепций. «В научном и творческом понимании постмодернизм прежде всего — это абсолютизация и выпячивание отдельных частей, свойств, сторон элементов реальности, «расщепление» знания, «фрагментация» и мозаизация» как социальной реальности, так и исследовательского процесса» [Мнацаканян, 2015: 115].

Несостоятельность, односторонность, уязвимость постмодернизма состоит в том, что увлечение им привело к тому, что практически стирается различие между научным знанием и любым нарративом (социокультурным разговором об обществе). Под модой на дискурс, под которым понимается вид речевой коммуникации, ориентированный на обсуждение и обоснование значимых действий, мнений и высказываний ее участников, скрывается по сути нередко ни к чему не обязывающая или малообязывающая дискуссия или вольные разговоры, в которых до научного анализа дело не доходит. В результате задается тон такому обмену мнениями, который, если и не граничит с шарлатанством и безответственностью, то уж точно поражен неопределенностью, расплывчатостью и недосказанностью.

Такой обмен мнениями (информацией) не ограничен никакими принципами и требованиями достоверности научного знания. В этих условиях происходит релятивизация научных понятий, нормой становится непонимание друг друга, утверждается такой подход к имеющейся информации, при котором утрачивается возможность получения нового знания. Постмодернистский дискурс порой означает не просто свободу обмена мнениями без догм и идеологических установок, а свободу от элементарных требований логики научного мышления.

Следовательно, постмодернизм проявляется прежде всего как утверждение принципа методологического сомнения по отношению ко

всем позитивным истинам, установкам, убеждениям, существующих в обществе. В самом общем плане, доктрина постмодернизма — это выражение философского релятивизма и скептицизма [Ильин, 1998].

В целом можно сказать, что теоретическая социология включает в себя несколько направлений исследования, среди которых выделяются следующие: 1) выявление сущности и содержания социологии как социальной науки, что было особенно актуально как в первые годы ее возникновения, так и на последующих этапах ее развития (подробнее см. гл. 2); 2) формирование представлений об объекте и предмете социологии; 3) трактовка структуры и уровней социологического знания; 4) упорядочивание представлений о категориях и понятиях социологии, что в наиболее наглядно демонстрирует их уникальность, специфику и особенности среди других социальных наук; 5) определение методологических стратегий развития социологической науки, сопоставление их достоинств и преимуществ и их соответствие назревшим потребностям развития общества и самой науки (см. также: [Москвичев, 2003: 638]).

Парной категорией (контрагентом) теоретического социологического знания выступают знания, полученные эмпирической социологией, которая характеризует специфическую форму социальной информации.

Строго говоря, эмпирическая социология имеет дело не с самой реальностью, а с восприятием этой реальности человеком, социальными группами, общностями и слоями. Для этого она выработала конкретные приемы и инструменты, с помощью которых производится съем (сбор) информации с последующими ее анализом и интерпретацией о жизненном мире людей во всем его противоречивом развитии.

Ее истоки, как это не может не показаться странным, коренятся не собственно в социологических теориях, а в смежных областях социального знания, в том числе в статистике. Именно она наряду с социологическими поисками ответа на вопрос — что такое общество, в процессе познания постепенно накапливала иные методы изучения его проблем. Впервые наиболее наглядно она получила свое убедительное обоснование в деятельности бельгийского математика *Л.А. Кетле* (1796—1874), применившего математические методы к анализу статистических данных о социальных явлениях. В России успехи эмпирического анализа особенно наглядно были продемонстрированы в процессе функционирования земской статистики (подробнее см.: [Беляева, 2004: 203—221]).

Постепенно эта форма сбора, обработки и анализа информации была дополнена опросными листами, анализом документов, что получило завершенную, целостную интерпретацию в основном в 20-е гг. XX века, как в отечественной, так и зарубежной социологии. Именно с этого периода стало возможным говорить о научно обоснованных процедурах, методике и технике, позволяющих на научной основе анализировать изучаемые процессы и явления. Эмпирическая социология расширила свои возможности познания социальной действительности, когда наряду с апробированными методами стали широко внедряться и использоваться официальные документы, контент-анализ средств массовой информации, сведения личного характера (письма, дневники, воспоминания, любительские фотографии) и т.д.

Характер и формы эмпирической социологической информации определяют *методы ее получения* — опросы, интервью, контент-анализ, экспертные оценки и т.д. Эмпирическое знание, таким образом, представлено всеми видами и формами конкретной информации, включающими в себя совокупность статистических и документальных данных, социологических показателей и индикаторов развития изучаемых процессов и явлений.

Очевидно, что без особым образом организованной эмпирической информации не могут быть осмыслены реалии жизненного мира, сознания и поведения человека ни в демографическом, ни в профессиональном, ни в национальном, ни в социально-правовом и других аспектах.

Отметим, что социальная информация может иметь *упорядоченный характер* (т.е. полученная с помощью научных методов) и *стихийный характер*, когда данные накапливались без заранее продуманного плана, по мере осуществления поисковой деятельности социальных субъектов — личности, групп, сообществ, организаций и пр. В последнем случае информация приобретает ценность как регистрация происходящих явлений и процессов, их последствий, а фиксация фактов нередко имеет прикладное, утилитарное значение.

Эмпирическая социология представлена различными видами исследования, которые можно определить как *логически последовательные методологические, методические и организационно-технические процедуры, связанные между собой единой целью: получить достоверные данные об изучаемом явлении или процессе, о тенденциях и противоречиях их развития, о возможном использовании полученной информации для приращения научного знания и в практике управления общественной жизнью.*

Несмотря на то что каждое социологическое исследование, претендующее на целостность и законченность, включает названные этапы, единой, унифицированной формы социологических процедур, пригодных для изучения различной сложности проблем, не существует.

Конкретный вид социологического исследования обусловлен характером поставленных цели и задач. В соответствии с ними различают *три основных его вида*: разведывательное, описательное и аналитическое. Иногда говорят (и обосновывают их существование) о точечных, мониторинговых, монографических, когортных, лонгитюдных, кросскультурных исследованиях, кейс-стади и др.

Четкое определение *объекта* каждого социологического исследования способствует правильному определению его *предмета*. Последний включает в себя те стороны и свойства объекта, которые в наиболее полном виде характеризуют исследуемую проблему (скрывающееся в ней противоречие). Следовательно, предмет социологического исследования предстает как концентрированное выражение взаимосвязи проблемы и объекта исследования.

Логический анализ основных понятий предусматривает осуществление таких методических процедур, без которых невозможно воплотить в инструментарии единую концепцию исследования, а значит, реализовать его цель и задачи, проверить правильность выдвинутых в нем гипотез.

Суть этих процедур заключается в логическом структурировании основных понятий, которые занимают главенствующее место в определении предмета исследования. Логический анализ предполагает точное, всестороннее объяснение содержания и структуры понятий, а на этой основе определение соотношения элементов и свойств конкретного явления, последовательное изучение которых дает возможность составить ясное о нем представление.

При исследовании, например, активности той или иной группы логический анализ основного понятия «социальная активность» предполагает выявление таких его составляющих, как активность трудовая, политическая, активность в сфере познания, культуры и т.д. Рассматривая затем каждую из них, мы как бы по ступеням приближаемся к определению сущности различных сторон (элементов) предмета исследования.

Между логическим анализом основных понятий и видом социологического исследования (разведывательное, описательное, аналитическое) существует тесная зависимость. И чем сложнее его вид, тем

более емкой и разветвленной оказывается структура логического анализа основных понятий. В свою очередь, характер анализа основных понятий оказывает непосредственное воздействие на логику подготовки инструментария, нацеленного на получение социологической информации. Кроме того, как семантическая форма вычленения составных элементов исследуемого явления и установления между ними взаимосвязи логический анализ основных понятий помогает впоследствии правильно объяснить результаты исследования [Татарова, 2007, 2008; Толстова, 2002].

При характеристике обязательных требований к программе социологического исследования следует обратить особое внимание на *интерпретацию и операционализацию основных понятий*. Особо хотелось бы обратить внимание на операции *деления, обобщения и ограничения*. Собственно, они являются критериями содержания, специфики и предназначения социологии, той основной особенностью, которая обеспечивает ее автономию и самостоятельную нишу в структуре социальных наук.

Деление понятий (синоним операционализации, квантификации) — процедура перехода от данного понятия к совокупности подчиненных ему с точки зрения логических характеристик, которые называются основанием деления. В ходе этой операции элементы объема исходного делимого понятия распределяются по подклассам, которые образуют объемы результирующих понятий — членов деления. В качестве основания деления может выступать, во-первых, факт наличия или отсутствия у делимого понятия некоторого признака; во-вторых, предметно-функциональная характеристика (например, пол, возраст, национальность), модифицирующая свои значения в результате приложения к различным объектам исходного класса (такую операцию называют делением по видоизменению основания). В социологии, как и в любой другой общественной науке, исходя из положений логики, выработаны правила корректного осуществления данной операции: требования соразмерности (равнообъемности делимого понятия и совокупности членов деления), непустоты членов деления, их взаимной несовместимости по объему, единственности основания. Деление понятия представляет собой необходимый элемент важнейшей и широко используемой в науке познавательной процедуры — *классификации*, которую можно трактовать как структуру вложенных друг в друга делений.

Под процедурой *обобщения понятий* подразумевается переход от понятия с данным объемом к понятию с более широким объемом, но с

той же исходной сущностью (например, понятие «труд» или инфраструктура можно обобщить до понятия «экономика» или понятие «образование» — до «духовной жизни»). Кроме того, в социологии используется прием, когда данные выборочной совокупности распространяются на генеральную совокупность, правомерность и правомочность чего подтверждается как аналогичными приемами (методами), так и при сравнении исследуемых характеристик с реальными показателями (результатами).

Обратный переход от понятия с данным объемом к более узкому по объему понятию называют *ограничением*. Пределом ограничения являются единичные понятия, а пределом обобщения — универсальные понятия, объем которых совпадает с родом. Операции обобщения и ограничения можно осуществлять посредством модификации содержания понятия, опираясь при этом на закон обратного отношения между содержанием и объемом понятий: чтобы обобщить, необходимо перейти к менее информативному, а чтобы ограничить — к более информативному понятию (Маркин, 2001: 285—287). В эмпирических исследованиях социологи часто сталкиваются с необходимостью осуществления такой процедуры, когда из множества признаков, свойств операционализируемого понятия отбираются важные, принципиальные, основные, которые позволяют сохранить, сберечь богатство изучаемого процесса или явления при уменьшении, сокращении доли малозначимых признаков и свойств, характеризующих данные явления и процессы (подробнее см.: [Татарова, 2008]).

Таким образом, основное назначение данной классификации понятий — *фиксировать существенные свойства изучаемой социальной реальности, связи и отношения между ними, реальные социальные процессы, а также изменение этих свойств и отношений*, что особенно важно для эмпирической социологии. Нужно только отметить, что границы категорий (как важный атрибут науки) и понятий (как одна из форм рационального познания) подвижны, могут «переливаться» друг в друга в зависимости от конкретной исследовательской ситуации.

Говоря о новых методах исследования, появляющихся и предлагающихся в мировой социологии, можно сказать, что ряд отечественных социологов провозгласили для себя и для российской науки принцип догоняющего развития. Такая постановка не могла не нести в себе дефекты поверхностности, если не сказать больше [Седов, 2013: 133]. Кстати, эти проблемы взаимодействия между национальной и другими социологиями характерны не только для России, но для всех

бывших социалистических и многих бывших колониальных стран. Так, например, польский профессор И. Курчевская отмечает, что поспешное принятие польской социологией новых западных исследовательских техник оказалось оторванным от породившей их теоретической мысли, что не позволяет контролировать их применение и сопоставлять со смыслом анализируемых социальных практик [Курчевская, 2010: 272].

7.3. Фундаментальная и прикладная социология

Эта классификация социологического знания призвана ответить на вопрос: *каков способ не только получения знания, но и решения актуальных проблем*, ставших предметом социологической науки. Поиск ответа на эти вопросы связан с функциями социологии — *чему и кому* она служит, каково ее предназначение и роль в реализации общественных потребностей и интересов, а также всего комплекса проблем социального развития.

Отметим, что в фундаментальной и прикладной социологии присутствует и теоретическое и эмпирическое знание, хотя их пропорция и соотношение серьезно разнятся. Многолетний опыт социологических исследований показывает, что в них обычно соединены эти две группы задач: теоретический и эмпирический уровень могут рассматриваться в качестве одного из важных аргументов включения в социологическую науку общенаучных и конкретных исследований в качестве двух аспектов единого знания.

Наиболее ярким примером определенности и взаимосвязи фундаментальной и прикладной социологии является *социология управления*. Она нацелена на анализ механизма изменений, в одинаковой мере актуального как для теории и методологии социологии, так и для всех системных (отраслевых) и специальных направлений социологической науки. Механизм регулирования присущ всем без исключения областям деятельности людей, имманентен ей и включает в себя необходимость решения как общих, так и специфических и вспомогательных задач.

Что касается *управления как фундаментальной научной и практической проблемы*, то это целесообразная человеческая деятельность, предполагающая решение кардинальных теоретических, методологических и методических проблем: определение объекта и субъекта управления, функций и принципов, стадий (этапов) управления, его алгоритма, учета прошлого опыта и прогнозирование будущего. По-

этому вполне уместно говорить об управлении ресурсами — людскими, финансовыми, инновационными, экономическими, культурными и т.д., где вряд ли уместно слово «менеджмент» [Фоткин, 2002; Щербина, 2004].

В этой связи хотелось бы высказать суждения о различии понятий «управление» и «менеджмент». Что касается *менеджмента* (отчетливо прикладное его значение), то он олицетворяет способы и методы познания и регулирования экономических и социальных процессов в конкретных организациях. Он подобен поваренной книге, которая содержит массу полезных советов и рекомендаций, хотя их реализация всегда будет отличаться друг от друга, как и борщ, сваренный по одному рецепту, но разными хозяйками и поэтому различающийся по вкусу. Его преимущества неоспоримы: изучение, внедрение и применение менеджмента — необходимый способ формирования управленческого мышления.

Анализ соответствующих идей позволяет сделать вывод: основными проблемами социологии *управления*, являются: а) *социальное положение человека* в процессе управления; б) *управление человеком* с опорой на резервы и возможности, заложенные в его сознании и поведении; в) *соучастие человека, его сопричастность* к управленческим функциям; г) *механизм воздействия* на людей, т.е. тех методов и средств, которые адекватны объективным и субъективным потребностям; д) *последовательность операций*, которые необходимо осуществить, чтобы добиться эффективного достижения поставленных целей. Причем, все эти компоненты социологии управления строятся на основе информации, идущей от людей (рядовых работников, специалистов, менеджеров, руководителей), т.е. на знании основных характеристик общественного сознания и поведения (подробнее см.: [Богданов, 1989; Гвишиани, 1998; Красовский, 1997; Мысин, 2000; Тихонов, 2000]).

Особо надо отметить, что *социология причастна к решению управленческих задач двояким образом*: С одной стороны, она осуществляет направление, регулирование, совершенствование социальных процессов, жизненного мира людей. В этом качестве социолог выполняет функции консультанта, советчика или представителя подготовки управленческого решения. С другой стороны, с помощью социологии реализуется обратная связь — она позволяет выяснить, насколько эффективны и результативны управленческие решения.

Такой подход к трактовке социологии управления позволяет отличать ее, с одной стороны, от *социального управления*, которое кон-

центрирует свое внимание на общих закономерностях, тенденциях, системности управляющих функций, его взаимообусловленности и связи с внешней средой, его особенностях в различных обществах; с другой стороны, от *социального менеджмента*, основной заботой которого является приобретение навыков и умений по решению типовых конкретных задач, возникающих в процессе целенаправленного руководства.

Для понимания структуры социологического знания принципиальное значение приобретает иная схема рассмотрения управления — через его алгоритм, последовательно осуществляемые стадии, которые состоят из предвидения, прогнозирования, проектирования, программирования, планирования, социальных технологий, социального эксперимента, социологии организаций [Афанасьев, 1973].

Таким образом, различие между теоретической и эмпирической, с одной стороны, фундаментальной и прикладной социологией, с другой, состоит в следующем: первая классификация характеризует способ (методы) познания действительности, а вторая — способы и методы не только познания, но и использования полученного знания, решения выявленных социальных проблем. Поэтому эти классификации не следует противопоставлять друг другу, сравнивать их по принципу: выше — ниже, богаче — беднее. Вместе с тем научный подход базируется в первую очередь на теоретическом осмыслении, которое постоянно обогащается эмпирической информацией, особенно если она получена в ходе фундаментальных исследований. Поэтому большое место в социологической теории отводится категориальному и понятийному аппарату, уточнению их интерпретации как в свете накопленных данных, так и новой информации, поставляемой эмпирической социологией.

7.4. Макро- и микросоциология

Внимание этой классификации сосредоточивается на методологии и методах познания социальной действительности. Если *макросоциологию* интересуют, как познать общество как целостный социальный организм, его строение, его социальные институты и их функционирование и изменение, то микросоциология обращена к социальному поведению, сознанию и мотивации действий, социализации личности и другим эмпирически measurable явлениям и процессам [Зборовский, Орлов, 1992: 37]. Во-первых, макросоциология *использует логический метод*, когда из совокупности имеющейся информации выво-

дится непротиворечивое, последовательное знание. Во-вторых, она *опирается и на исторический метод* (онтологию), когда определяется генезис знания, категорий и понятий. В-третьих, она руководствуется *методами системного анализа*, когда учитывается вся совокупность как основных, так и опосредованных связей. Макросоциологию интересует общество как целостный социальный организм, его структура, его функционирование и изменение.

Фундаментальная смена методологической парадигмы в области макро-социологической теории общества произошла в начале 1970-х гг. В этот период в социологии появились новые концепции, которые пытались осмыслить и зафиксировать те социальные изменения, которые характерны для развития современного общества.

Для всех этих концепций характерно несколько общих положений, позволяющих объединить их одним названием — *теории информационного общества*. Само название «информационное общество» появилось в 1980-е г. и было связано с широко развернувшейся технологической революцией, от которой и получило столь броское название. Наряду с этим названием существует и множество других: общество «третьей волны», или «супериндустриальное» общество Э. Тоффлера, «постиндустриальное» общество Д. Белла, «программируемое» А. Турена, «посткапиталистическое», или общество «сервисного класса» Р. Дарендорфа. Существуют также названия «кибернетическое», технотронное, общество постмодерна и др. Все эти концепции фиксируют и описывают те новые явления, которые характерны для общества в целом и для каждой из его сфер в отдельности. Однако все они практически были вытеснены общим названием — информационное общество.

Это обусловлено тем, что, во-первых, фиксируются существенные трансформации, которые испытывает экономика. «В прошлом земля, труд и капитал были ключевыми элементами производства. Завтра — а во многих отраслях промышленности это завтра уже наступило — информация станет главной составляющей» [Тоффлер, 2000].

Во-вторых, существенные трансформации переживают структуры формальной и неформальной власти. Традиционное национальное государство уходит в прошлое. С одной стороны, возникает новый регионализм и децентрализация политической власти. В этом случае власть более активно делегируется сверху вниз, осуществляется на уровне локального, регионального действия. С другой стороны, пространство и время «де-локализируются», по Э. Гидденсу, «возникает глобальное общество на основе общей символической информацион-

ной культуры» [Гидденс, 2003]. Политическая сфера в значительной мере перестает быть сферой классовых напряженностей, при увеличивающихся масштабах этнонациональных, религиозных и региональных конфликтов. Политическая борьба разворачивается не за контроль над собственностью, а за влияние на государство. Кроме того, в качестве влиятельной политической силы предстают общественные социальные движения и добровольные гражданские ассоциации. Политический конфликт в информационном обществе, как правило, имеет институциональные формы. Но особое значение приобретает сращивание власти и капитала, которое порождает непрогнозируемые ранее формы власти — транснациональные компании, которые во все большей мере определяют процессы всемирного, регионального и даже местного характера [Валлерстайн, 2000].

В-третьих, существенные изменения претерпевает структура социального расслоения. Собственность уже не является основным критерием для формирования структуры социальной дифференциации. Классовая структура заменяется статусной иерархией, а эта последняя формируется уже не на основе профессии, а на основе образования, уровня культуры и ценностных ориентаций. Возникают концепция «символического капитала» [Бурдьё, 1994] и культурной идентичности как основы социальной иерархии и группообразования [Александр, 2013].

Ось социального конфликта пролегает не только по линии обладания или не обладания властью или собственностью, но и по линии обладания образованием в самом широком смысле слова и контроля над информацией. Речь идет прежде всего о социальной информации, связанной с процессом социального планирования и программирования, необходимых для того, чтобы защищать себя от разрушительного влияния бюрократии, гарантировать эффективность «завоеваний снизу», обеспечивать интересы различных групп граждан в процессе политического изменения [Бабосов, 2001; Castells, 1996].

Кроме статуса, для характеристики структуры социальной дифференциации информационного общества используются понятия «социальный класс» (отношения власти и доминирования), прекариат (незащищенные, ущемленные слои населения), понятие «заинтересованных групп», или «групп социального интереса», используемое при анализе организаций и коллективов, понятие «группы давления», применяемое для исследования политических и организационных отношений власти [Вятр, 1979; Горшков, 2011; Данилов, 1998; Паренти, 1990; Стэндинг, 2014; Тощенко, 2015].

Претерпевает существенное изменение тип организации. Рушатся иерархизированные и централизованные институты. Социальная жизнь строится на основе принципов низового уровня. Осуществляется переход от иерархии к сетевой организации, поскольку централизованная иерархическая структура замедляет и нередко деформирует поток информации. Организация строится как сеть ячеек, связь между которыми горизонтальная, не субординационная, а решения во все большей мере принимаются под давлением как организованного, так и стихийного участия различных социальных групп и общностей при обсуждении как планируемых, так и осуществляемых стихийно изменений. Такая организационная структура постепенно создает условия для прощания с принципом «военной» организации общества.

Помимо указанных изменений, все без исключения теории информационного общества предусматривают, телекоммуникационные технологии, которые выходят за рамки роли и значения техники, используемой в различных отраслях экономики. Это не паровая машина Уайта, определившая лицо экономики на первом этапе развития промышленного общества, и не машинная конвейерная технология, определившая экономику индустриального общества.

Эти технологии существуют самостоятельно и являются социальными, поскольку определяют коммуникационные и информационные возможности общества. Они непосредственно влияют на государственно-политическую сферу организации и управления, сферу труда, культуры и культурно-символического производства. А самое главное они фундаментальным образом изменяют коммуникативные возможности человека. Телекоммуникационные технологии создают для каждого человека возможности «непосредственного членства в обществе без посредства каких-либо групп, идеологий или символических культурных систем. Они резко повышают роль и социальное значение отдельного человека» [Коломиец, 2014].

Существенной и независимой сферой общества (а не институтом в рамках социальной подсистемы общества) предстает *образование*. Более того, образование становится почти доминирующей структурой общества: оно определяет сферу труда и экономики; оно является стратегическим ресурсом в рамках функционирования государственных и политических структур; оно — группообразующий принцип, фундаментальная основа процесса социализации и ежедневного воспроизводства общества.

Итак, указанные характеристики информационного общества, становясь объектом исследования макросоциологии, позволяют гово-

речь о том, что оно *представляет особую стадию в историческом и социально-экономическом развитии человечества*. При этом, однако, существуют две различные позиции, по-разному определяющие историческое место информационного общества.

Согласно первой позиции, представителями которой являются Ю. Хабермас, Э. Гидденс, Ф. Ферраротти, информационное общество рассматривается как этап, как фаза индустриального общества, наступившая вслед за фазой индустриализации (конец XVIII — начало XX в.) и фазой массового производства и массового потребления, т.е. массового общества (начало XX в. — 60—70-е годы XX в.) [Гидденс, 2003; Хабермас, 2011]. Согласно второй позиции, представителями которой являются Д. Белл и О. Тоффлер, информационное общество — это совершенно новый этап исторического развития, наступивший вслед за индустриальным обществом. Белл, например, делит историческое развитие на три этапа: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный [Белл, 2009], а Тоффлер — на доиндустриальные культуры (первую волну), индустриальные культуры (вторую волну) и супериндустриальные культуры (третью волну) [Тоффлер, 2001].

Однако независимо от того исторического места, которым наделяют информационное общество, во всех этих концепциях экономика уже более не является той сферой, которая выступает доминирующей и задающей условия и правила функционирования государственно-политической, культурной и социальной подсистемам общества. Более того, в дополнение к четырем подсистемам общества у Т. Парсонса появляются еще две столь же значимые и самостоятельные: телекоммуникационная и образования [Парсонс, 1998]. Налицо отход от традиционной методологической парадигмы, мгновенно направившей социологическую рефлекссию на поиск новой парадигмы и построение новых формальных концепций общества, которые мы наблюдаем уже у теоретиков информационного общества.

Макросоциологичный подход по мнению Э. Тоффлера, исходит из того, что *экономика и технология важные компоненты современного общества, но не базис, по отношению к которому все остальное лишь надстройка*, как это было в марксизме [Тоффлер, 2001].

Тоффлер считает, что все компоненты структуры современного супериндустриального общества равноправны и равнозначны. Более того, он предложил свою собственную формальную структуру общества, существенным образом отличающуюся от концепций классической и постклассической социологии межвоенного и послевоенного периодов. В качестве компонентов структуры общества Тоффлер вы-

деляет, во-первых, техносферу, которая включает энергетическую, подсистемы производства и распределения. Все три компонента внутренне взаимосвязаны и представляют единство. Во-вторых, социосферу — различные социальные институты (семья, образование и др.). В-третьих, иносферу — подсистему социальной коммуникации и информации. Кроме того, каждое общество обладает своей биосферой, сферой власти (формальные и неформальные институты политики), психосферой (сфера межличностных отношений, субъективности). Взаимодействие всех этих сфер образует общество. Построением новой формальной концепции общества, позволившей бы разглядеть сдвиги и трансформации современного общества, занимается не только Тоффлер. Задача состоит в том, чтобы построить теорию, сопоставимую по своей эффективности с теорией общества Т. Парсонса, построить такую, которая сможет также адекватно отразить его формальное содержание, как это сделала для общества «первой» и «второй» волны концепция общества Парсонса. В этом направлении движется макросоциологическая рефлексия Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, М. Манна.

В современной макросоциологии наблюдаются одновременно несколько направлений и тенденций в разработке поисковых теорий общества. Так, налицо попытка модернизировать старые концепции и методологические подходы в современном социологическом языке. В наибольшей степени это характерно для неомарксистского подхода. Ярким примером в этом отношении может служить *концепция Н. Моузелиса, пытающегося решить не разрешенную, по его мнению, в «старом» марксизме дилемму экономики и политики, порожденную экономическим редуccionизмом* (подробнее см.: [Полякова, 1994]).

Экономический редуccionизм не может быть преодолен традиционным подходом — «частичной автономии» политики, идеологии и культуры. Единственным способом поэтому видится разработка новых концептуальных средств для анализа политических, идеологических и культурных аспектов социального порядка и социального развития. Методологическим ядром этих разработок, согласно Моузелису, должно стать понятие способа политического доминирования (или способа господства). Эта категория сходна с понятием способа производства и «позволяет систематизировать связи, существующие между политическими технологиями, способами их присвоения и контроля и формами идеологической легитимации» общественного производства производством политической власти. Как и его экономический аналог, он предполагает воссоздание своей «генеалогии» — истории основ-

ных институциональных особенностей, главных структурных тенденций, условий своего существования, связанных с ними противоречий. «Между материальным базисом и всего лишь идеями располагается обширный и густо заселенный ареал институциональной жизни, и категория способа господства... призвана напоминать социальным исследователям и историкам о существовании политических технологий, отношений доминирования и политических идеологий, которые могут играть не менее, а может быть, и более значительную роль в объяснении микроисторической трансформации, чем производительные силы и производственные отношения» [Mouzelis, 1990:79].

Ориентация на модернизацию характерна для всех исследователей, продолжающих традицию структурного функционализма в макросоциологии, даже если ревизии при этом подвергаются последние основания базисного методологического подхода. Интересный пример в этом плане представляет собою теория общества М. Манна. По его мнению, *история и теория человеческого общества — это история и теория властных отношений*. При этом он категорически отказывается рассматривать их как что-то унитарное и конкретное. Общий методологический подход исторической школы, превнесенный в социологию М. Вебером, М. Манн радикализирует: он утверждает, что если бы это было возможно, он вообще бы отказался от понятия «общество» [Mann, 1988].

Общества, по Манну, не представляют собою социальные системы, ни закрытые, ни открытые. Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет систем и нет тотальности, то не может быть «подсистем», «измерений» или «уровней». Социальные отношения нельзя свести к какому-то системному свойству этого целого, будь то «способ материального производства», «культурная» или «нормальная система». Несуществующая глобальная система не может быть социальной структурой, которая «как целое» ограничивает социальное действие. И вообще бесполезно разделение на «социальное действие» и «социальную структуру». «Общества, — по Манну, — конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социопространственных сетей власти... Самым лучшим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяснение в терминах взаимоотношений четырех источников социальной власти — идеологических, экономических, военных и политических отношений». Эти сети власти представляют собой сети социальной интеракции, а

также организации, институциональные средства, достижения целей [Mann, 1988: 1,2]

Концепция Манна представляет собою рассмотрение общества как сферы властных отношений. Источников такой власти — четыре. При этом в перечне источников социальной власти появляется ранее не встречавшийся в теориях общества — военный. Однако дело не в выявлении этого нового источника социальной власти, а в том, что все эти четыре источника власти равнозначны, ни один из них не является изначально доминирующим. В каждый конкретный исторический момент в обществе может сложиться самое неожиданное соотношение источников и комбинация сетей власти, которые и определяют конкретное историческое качество общества [Цит. по: Полякова, 1994].

Три приведенных примера концепций — Э. Тоффлера, Н. Музелеса, М. Манна — ставят перед собой задачу выработать новую формальную *макросоциологическую концепцию общества*, учитывающую те изменения, которые произошли, начиная с 70-х гг. XX в. При этом все три демонстрируют одну общую устойчивую тенденцию к переосмыслению роли экономической подсистемы общества в рамках целостного общественного организма.

В рамках макросоциологии особую роль играет мир-системная социология И. Валлерстайна, который обосновывает общие закономерности развития человечества, стремящаяся выявить тенденции, которые присущи все странам мира, независимо от их специфики [Валлерстайн, 2001].

Нынешний этап развития *макросоциологии характеризуется* не только сменой методологических подходов к теории общества и стремлением выработать новую парадигму взамен классической, потребность в которой, как и потребность в построении новых формальных концепций общества, с очевидностью осознается в современной науке, но и *наличием осознанной ревизии всего исторического развития.*

Главным и определяющим моментом современных социологических концепций общества является тот факт, что они развиваются и разрабатываются в тесной связи и под влиянием современных социологических теорий модерна [подробнее см. Бузгалин, Колганов, 2015]. Современная социология демонстрирует потребность и интенсивные попытки в разработке общей социологической теории модерна, в исторических рамках которого разворачивалась вся макросоциология.

Современные теории модерна — радикализованного модерна, позднего модерна или постмодерна — это теории, разрабатывающие образ современной эпохи через соотношение с предыдущими этапами модерна, как социальной эпохи, отличной от эпохи традиционалистского общества. Все эти теории фиксируют и теоретически обосновывают исторический сдвиг, переживаемый настоящими поколениями в сфере познания и социальной действительности. И если в содержательном плане современные теории модерна являются продолжением материальных концепций общества, то в своих попытках выявить главную идею эпохи, они продолжают традицию формальных концепций общества. Классики социологической теории создавали свои теории «промышленного общества», фиксируя исторические сдвиги, которые произошли во второй половине XVIII в. — появление экономически и политически свободного индивида, буржуазного демократического общества и промышленного капитализма. Все эти явления, как им представлялось, составляли суть будущего модерна.

Современные теории модерна с учетом двух прошедших столетий исторического развития пытаются переосмыслить суть прежних теорий и настаивают, что не индустриализм и не капитализм составляли его основу. Суть его следует искать в рефлексивном характере модерна, «рефлексивности» как главной черте любого социального действия, любого социального, экономического и другого проекта. Этот характер модерна лучше всего был выдвинут в качестве программного и разработан в рамках социальной философии Просвещения.

Современная эпоха предстает в этой перспективе как реализованный проект Просвещения. Современная эпоха — это «эпоха господства экспертных символических систем» (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Э. Тоффлер, Ф. Ферраротти), это «эпоха господства знания» (Д. Белл), которое является определяющим признаком социального действия, а образование и ценностные ориентации — главным фактором социальной дифференциации. Социальное доминирование и конфликт также строятся в соответствии с причастностью к основным социальным институтам — знанию и экспертным системам.

Все это и создает основание для переосмысления методологии социологического исследования и отхода от взгляда на экономику как доминирующую сферу общества. Этот отход в традиционной теории, где концепция «трудового общества» предстает как методологическая идея главенства экономической сферы в обществе, в рамках и на основании которого развивались все классические и постклассические социологические теории.

Вторым компонентом классической социологической версии модерна была *теория национального государства*. По крайней мере, безоговорочно признавался тезис, что любое общество всегда существует в национально-государственных границах. И эта теоретическая позиция отражала фактическое историческое положение дел.

Современная ситуация не соответствует положению дел в раннем модерне. Налицо серьезные подвижки и изменения в отношении между обществом и национальным государством. Появляется глобальное общество, которое воплощается прежде всего в побальном капитале, глобальной культуре и глобальной информации, наднациональных военных структур и наднациональных научных и культурных групп [Бузгалин, Колганов, 2015].

Политическая структура общества формируется не схемой «национальное государство», а является производной, с одной стороны, от наднациональных структур власти, а с другой — от региональных систем власти. Государство во все большей мере начинает выступать как социальный институт и (или) как корпоративная организация.

Существенной проблемой современной социологической рефлексии является вопрос о том, *является ли существующее историческое качество общества этапом в развитии проекта модерна или совершенно новым этапом исторического развития, выходящим за его рамки*. Здесь точки зрения расходятся в зависимости от того, что считается сутью проекта. Э. Гидденс, Ю. Хабермас считают сутью модерна его рефлексивный характер, который находит выражение в соответствующей роли знания во всех сферах социальной действительности. Поэтому они считают современный этап этапом «радикализованного модерна», позднего капитализма [Хабермас, 2001], в котором все качества модерна находят свое воплощение и все тенденции получают развитие. Более того, по его мнению, человечество должно держаться за выработанные модерном ценности демократического социального устройства и прав человека, дабы не оказаться погребенным деструктивными явлениями, рост которых наблюдается в современном обществе.

Вторая точка зрения, считающая, что *современное состояние означает цивилизационный скачок, разрыв с модерном и переходом в постмодерн*, связана с именами Д. Белла и Э. Тоффлера [Белл, 2009; Тоффлер, 2001]. Основу этой позиции составляют ранний социологический проект модерна, соединяющий его прежде всего с индустриализмом. Обе точки зрения вполне обоснованны и имеют право на существование. Современная макросоциология за столь короткий срок

смогла создать совершенно новые и вполне жизненные теории, способные концептуализировать существующие быстроменяющиеся общественные формации. Современная социология приобрела способность моментально рефлексировать на трансформации происходящие в обществе, социология как наука стала приближеннее к реальности и менее эзотеричной.

Кроме того, ряд исследователей обращает внимание на необходимость *метасоциологии*, объектом которой является сама социология, ее познавательные возможности, направления ее развития. В литературе синонимом метасоциологии являются *социология социологии* и *рефлексивная социология*. Теоретическое знание не только не исключает, а обязательно предполагает анализ познавательных возможностей социологии, ее парадигм, концепций, взглядов, обобщений, а также ограничений и пределов достижения истины в процессе исследований [Качанов, 2001].

Что касается *микросоциологии*, то она же обращена к социальному поведению, межличностному общению, мотивации действия, социализации и индивидуализации личности, стимулам групповых поступков. Она применяет всю совокупность прикладных методов — социологических, статистических, математических и др., которые упорядочивают накопленную информацию и позволяют выявить тенденции развития социальных процессов. На наш взгляд, одну из наиболее обоснованных интерпретаций микросоциологии сформулировал Тернер, когда он предложил в основном с социально-психологических позиций рассматривать ее структуру [Тернер, 1995; Terner, 2014].

Микросоциология представлена многообразием анализа *социальных процессов и социальных явлений*, которые олицетворяют социальную структуру, социальную стратификацию, социальную мобильность, социализацию личности, а также проблемы социальных изменений, социальных конфликтов, социальных институтов. Именно поэтому остановимся на характеристике первых двух понятий.

Согласно позициям П. Сорокина, под *процессом* понимается *любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или эволюции*, т.е. любое изменение объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных или качественных характеристик. При акцентировании внимания на социальном процессе появляется необходимость уточнения данного подхода: это последовательная смена состояний и(или) изменений элементов любого социального объекта.

В этом множестве изменений могут быть выделены односторонние и повторяющиеся социальные действия, которые отличаются от хаотичных, случайных, единичных и других действий. Совокупность таких действий и принято в социологии называть **социальными процессами**. Процессы на микроуровне олицетворяют развитие социальных групп и общностей, в результате чего происходят изменения их социальных качеств и положения человека в обществе. Совокупность социальных процессов на микроуровне в конечном счете формирует состояние социума или его сфер.

Применительно к социальной структуре общества выделяются процессы, протекающие на уровнях малых групп, организаций, сообществ, классов. Эти процессы могут иметь следующие *формы*.

Направленные и *ненаправленные*, которые предполагают достижение определенных целей и(или) реализацию тенденций в своем развитии. Они в определенной степени являются предсказуемыми или явными. Например, такими являются процессы обеспечения трудового процесса, организации избирательной компании, воспитания. *Ненаправленные* процессы носят случайный, хаотичный и непредсказуемый характер: поведение футбольных фанатов, конфликты между юным и старшим поколениями в семье.

Что касается *обратимых* и *необратимых* процессов, то первые — это процессы, которые приводят объект к определенному рода изменениям (даже радикальным), но потом в связи с новыми факторами может произойти восстановление основных структурных элементов и(или) возврат к прежнему состоянию. Если происходящие изменения невозможно предотвратить, то в этом случае речь идет о необратимых процессах. К таким процессам сегодня относят урбанизацию (развитие городов), которые необходимо изучить, в том числе и на микроуровне, и выявить тенденции, чтобы их использовать для воздействия на изменения в целенаправленном желательном изменении жизненного мира людей.

Характеризуя *восходящие* и *нисходящие* процессы, следует иметь в виду, что восходящие предполагают развитие объекта в сторону улучшения, развития, прогресса. Нисходящие процессы приводят развитие к негативным дисфункциональным изменениям, деформациям и даже деградации.

Кроме того, различают *линейные процессы* — постепенные, непрерывные изменения в системе, вне зависимости от того, восходящие они или нисходящие. Если процессы происходят прерывно, скачками, то их принято называть ступенчатые, нелинейными.

Периодическое повторение определенных фаз развития — это циклические процессы. Например, процесс эффективного развития организации сменяется периодом спада, застоя, за которым может последовать очередной период активности.

При *спиралевидной форме* изменения, проделав цикл, возвращают систему в исходное состояние, но уже на качественно ином уровне.

На микроуровне социальный процесс часто воспринимается как поток или последовательность событий, модификаций, трансформаций. Без процессов, приводящих к тем или иным изменениям, невозможно представить развитие социума.

Многие социальные процессы на микроуровне являются сопряженными, они в этом случае имеют *симметричные по структуре механизмы*, отличающиеся знаком направленности: интеграция и дезинтеграция; сплочение и конфликты в группе; текучесть и стабильность; эмиграция и иммиграция; социальная однородность и социальная дифференциация; занятость и безработица и т.д.

Что касается микроуровневых *социальных явлений*, то социологи обозначают их сущность через результаты взаимосвязанного поведения, действий людей, производящих определенные изменения [Маркович, 1993]. В подобной дефиниции выделяются *три важнейших элемента: взаимная связь поведения, поступков людей, воздействие совместного поведения и, в результате, осуществление перемен*.

По мнению П. Сорокина, социальное явление представляет собой комплекс фактов и процессов настолько сложный, что изучить его, не разложив на составные части, невозможно. Он полагал, что явление необходимо рассматривать через призму взаимодействия двух или большего количества индивидов. Именно эту модель взаимодействия он называл «родовым понятием социальных явлений». Чтобы явление взаимодействия было возможным, по его мнению, необходимо, чтобы наличествовали три основных условия: два или большее число индивидов, осуществляющих совместные переживания; наличие актов и поступков, посредством которых они их реализуют; проводники, передающие действие или влияние от одного индивида к другому [Сорокин, 1992].

Сторонники органической школы простейшим социальным явлением считали человеческого индивида. Но с точки зрения современной социологии необходимо точнее проводить различия между общественными и природными, а также между общественными и личностными явлениями. Следовательно, социальные явления могут одновременно выступать и личностными, и общественными.

Иногда дается дефиниция социальных явлений, как результат реализации действий и представлений о сущности общества и человека [Ошпов, 2011]. Исходя из того что сущность человека есть совокупность общественных отношений (К. Маркс), из единства, существующего между индивидуумом и обществом, и проистекает взаимосвязь личностных и общественных явлений. Поведение людей вызывает изменения, означающие возникновение нового, иного, что нередко отличается от того, что задумывалось самими индивидами даже при попытках согласовывать их поведение. Таким образом, социальные явления возникают из личностных, при этом обладая существенными социальными особенностями.

Социальное явление на микроуровне представляет собой тот элемент общественных отношений, когда действия и поступки людей остаются индивидуальными и не являются общественными до тех пор, пока они не приобретут социальный смысл, между ними не установится взаимосвязь в результате их совместного действия.

В обществе существует множество социальных явлений, которые могут быть разделены на виды на основании разных признаков. Среди них можно выделить *простые* и *сложные*.

Существует мнение, что наиболее значительные общественные явления — результат поведения (деятельности) социальных групп, общностей, организаций и институтов. Согласно точке зрения Р. Лукача, общественные явления делятся на два наиболее общих вида: социальные процессы и социальные образования (цит. по: [Осипов, Москвичев, 2006]). Подобным образом можно разделить социальные явления, которые существуют во всех обществах и во все периоды человеческой истории.

Социальные образования определяют как сравнительно уравновешенное, кристаллизованное состояние, которое возникает в результате реализации социальных процессов. Они могут быть рассмотрены как сгусток, целостное скопление социальных процессов, отличное от других подобных целостностей, составленных из них же, но в ином сочетании. Заметим, что взаимосвязанное поведение людей может носить различный характер и выражаться как в действии, так и в бездействии, т.е. в воздержании от действия.

По результативности социальные явления и на микроуровне могут подразделяться на *ведущие к изменениям*, происходящие как *в жизненном мире самого человека*, так и *в социуме*. Но и в том, и в ином случае явления изучаются в процессе их возникновения и формирования, так как при таком подходе выявляется их состояние, тенденции

развития, обнаруживаются их связи с другими общественными явлениями и устанавливаются причинно-следственные связи.

Обзор структуры социологии как науки позволяет утверждать, что, независимо от того, какие исследовательские концепции она представляет, социология отражает поисковые и поставленные жизнью позиции. Причем, в социологии все большее и большее распространение получает подход, который ставит во главу угла изучение социальной сущности человека и социальных конструкций, которые он образует, им создаются и в которых он действует (социальные группы, социальные общности, социальные институты и социальные организации). В таком случае социология предстает как исследование *жизненного мира, органического единства общественного сознания, поведения (деятельности) и окружающей среды, что позволяет четко определить теоретический и эмпирический, фундаментальный и прикладной, макро- и микроуровень познания социальной реальности.*

Таким образом, социология — это наука не об обществе вообще (общество изучают и социальная философия, и история, и политология, экономические и юридические науки, культурология), а об *обществе в его социально-человеческом обличье*. Именно убежденность в том, что в основе социологического знания лежит реальный анализ сознания и поведения людей и их зависимости от объективных условий и образуют ту научную парадигму, которая называется *социологией жизни*.

Литература

- Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию: пер. с нем. СПб., 2000.
- Абенд Г.* Значение слова «теория» в социологии // Социол. исслед. 2015. № 11. С. 23—28.
- Александр Дж.* После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество // Социология на пороге XXI века. М., 1998.
- Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом: Опыт системного анализа. — М., 1973.
- Бабосов Е.М.* Социология управления. Минск, 2001.
- Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961.
- Белл Д.* Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М., 2009.

- Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 кн. М., 1989.
- Большаков А.М.* Деревня (1917—1927). М., 1928.
- Бузгалик А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал: В 2 т. М., 2015.
- Бурдьё П.* Начала. Пер. с фр. М., 1994.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004.
- Вебер А.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 1998.
- Вятр Е.* Социология политических отношений: пер. с польск. М., 1979.
- Гвишиани Д.М.* Организация и управление. М., 1998.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерки теории структуризации. М., 2003.
- Головин Н.А.* Современные социологические теории. М., 2016.
- Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
- Давыдов Ю.Н. (отв. ред.).* История теоретической социологии: В 4 т. М., 1997—2000.
- Данилов А.Н.* Власть и общество. Поиск новой гармонии. Минск, 1998.
- Дюркгейм Э.* Некоторые формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // *Личность. Религия. Наука.* М., 1998.
- Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция одного научного мифа. М., 1998.
- Зборовский Г.Е., Орлов Г.П.* Введение в социологию. Екатеринбург, 1992.
- Здравомыслов А.Г.* Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- Качанов Ю.Л.* Социология социологии: антитезы. М., 2001.
- Киященко Л.П.* Междисциплинарность — область взаимодействия философии и социологии // *Социол. исслед.* 2016. № 2.
- Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. М., 1999.
- Козлова О.Н.* Социология духовной жизни. М., 2004.
- Коломиец В.П.* Модисоциология: теория и практика. М., 2014.
- Кравченко А.И.* Социология. М., 2010.
- Кравченко С.А.* Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. М., 2002.
- Красовский Ю.Д.* Управление поведением в фирме. М., 1997.
- Култыгин В.П.* Современные зарубежные социологические концепции. М., 2000.
- Курчевская И.* Пять случаев из истории польской социологии, много говорящих о ее идентичности // *Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши.* М., 2010.

- Лубский А.В.* Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социол. исслед. 2015. № 10.
- Маркин В.И.* Понятие / Новая философия энциклопедия. Т. 3. М., 2001.
- Общая социология. Ростов н/Д: 1993.
- Мельников М.В.* Приватное и публичное в историческом процессе. Теоретико-социологический анализ. Новосибирск, 2016.
- Мнацаканян М.О.* Постмодернизм. Происхождение, природа и место в современной социологии. М., 2015.
- Монсон П.* Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.
- Москвичев Л.Н.* Знания о мире и мир знаний. М., 1989.
- Мысин Н.В.* Теория и история социального управления. Опыт России и зарубежных стран. СПб., 2000.
- Осипов Г.В., Москвичев Л.Н.* Социология. М., 2006.
- Осипов Г.В.* Введение в теоретическую социологию. М., 2011.
- Паренти М.* Демократия для немногих. М., 1990.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998.
- Полякова Н.Л.* Теории общества в современной теоретической социологии. М., 1994.
- Ритцер Д.* Современные социологические теории: Пер. с англ. СПб., 2002.
- Седов Л.А.* Социология для России //Общ. науки и современность. 2013. № 3.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Сорокин П.А.* Система социологии. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М., 1993. Т. 1. С.137—142.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- Татарова Г.Г.* Методология анализа данных в социологии. М., 2008.
- Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М., 2007.
- Толстова Ю.Н.* Теория измерений в социологии. М., 2002.
- Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985.
- Тихонов А.В.* Социология управления. Теоретико-методологические основы. СПб., 2000.
- Тоффлер Э.* Смещение власти: знание, богатство и сила на пороге XXI в. М., 2001.
- Тоценко Ж.Т.* Социология управления. М., 2015.
- Фоткин Л.В.* Парадоксы менеджмента. М., 2002.
- Хабермас Ю.* От картин мира к жизненному миру = Von den Weltbildern zur Lebenswelt. М., 2011.

- Швырев В.С.* Теория //Новая философская энциклопедия. Т.4. М., 2001. С. 42—45.
- Шульц В.Л.* Социология знания: История и методология. М., 2006.
- Щербина В.В. (ред.)* Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / М., 2004.
- Ядов В.А.* Какие теоретические подходы полезны для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России // Россия реформирующаяся. Ежегодник — 2010. Вып. 9. М., 2010.
- Яковенко А.В.* О воздействии естественных и социогуманитарных наук на общественные процессы // Социол. исслед. 2016. № 2.
- Alexander J.* Twenty Lectures: Sociological Theory Since World War II. N.Y.: Columbia University Press, 1987.
- Castells M.* The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.
- Colquitt J.A., Zapata-Phelan C.P.* Trends in Theory Building and Theory Testing: a Five-Decade Study of the Academy of Management Journal // Academy of Management Journal. 2007. Vol. 50. № 6. P. 1281—1303.
- Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns (Bd. 1: Handlungs-rationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft) Frankfurt am Main, 1981.
- Habermas J.* Autonomy and Solidarity: interviews Press Dews (ed.) L.: Verso, 1986 (1991).
- Johnson D.P.* Contemporary Sociological Theory: An Integrated Multi-Level Approach. N.Y.: Springer. 2008.
- Levine D.N.* Social Theory as a Vocation. Genres of Theory Work in Sociology. Piscataway, New Jersey: Transaction publishers, 2014.
- Mann M.* The Sources of Social Power. Cambridge, 1988. Vol. 1. P. 1, 2.
- Mouzelis N.P.* Post-Marxist Alternatives: the Construction of Social Orders. L.: Macmillan Press, 1990. P. 79.
- Staats A.W.* Skinnerian Behaviorism: Social Behaviorism or Radical Behaviorism // American Sociologist. 1976. N 11 P.59—60.
- Sorokin P.A.* Sociological Theories of Today. N.Y.; London: Harper and Row, 1966.
- Sorokin P.A.* Contemporary Sociological Theories through the First Quarter of the Twentieth Century. N.Y.: Harper and Row. 1928.
- Turner J.H.* Theoretical Sociology: A Concise Introduction to Twelve Sociological Theories. London: Sage, 2014.
- Turner J.* Theory of Social Interaction. Stanford, 1988.
- Waters M.* Modern Sociological Theories. London: Sage, 1994.

ГЛАВА 8

УРОВНИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

8.1. Общая характеристика

С позиций социологии жизни социологическое знание может быть представлено *по уровням, которые отражают объектно-предметный принцип познания* (см. таблицу). Этот принцип предполагает несколько уровней анализа (таблицу).

Данная классификация позволяет сделать вывод, что, прежде всего, социологическое знание представлено ***общесоциологическими теориями***, которые отражают и выражают методологические стратегии. Ими вырабатываются обобщающие теоретические концепции, которые обосновывают формы и методы познания социальной реальности во всем многообразии ее общественных связей. Согласно этому подходу и исходя из соответствующих социологических парадигм, предметом анализа выступает или общество (социологический реализм), или человек (социологический номинализм), или жизненный мир людей (социологический конструктивизм). В свою очередь эти подходы могут дифференцироваться, и тогда количество общесоциологических теорий резко возрастает. Так, по мнению многих исследователей (Г. Беккер, А. Босков, С.А. Кравченко, В.П. Култыгин, Д. Ритцер, Дж. Тернер и др.), все существующие школы в социологии имеют свои подходы, выражающиеся в постановке принципиальных методологических вопросов.

Следующий — основной — уровень образуют ***системные (отраслевые) социологические теории*** — экономическая и политическая социологии, социология социальной и духовной сфер жизни общества, которые направлены на анализ не всего общества (как в первом случае), а его основных сфер — экономической, социальной, политической и духовной. Это деление общества на четыре сферы обосновано в социально-философской литературе (Г.С. Арефьева, В.С. Барулин, В.П. Рожин и др.) и связано с определенными видами деятельно-

сти — трудовой (экономической, производственной), социальной (в узком смысле этого слова), политической и культурной (духовной), что находит отражение в соответствующей каждой сфере особой системной (отраслевой) социологической теории.

Уровни социологического знания

<i>Уровни (иерархия)</i>	<i>Объект исследования</i>	<i>Социологические дисциплины</i>
Общесоциологические теории	Социальная реальность во всем ее разнообразии	Классические и современные теории и концепции
Системные (отраслевые) социологические теории	Основные сферы жизни общества (экономическая, социальная, политическая, духовная)	Экономическая, политическая социологии, социология социальной и духовной жизни
Специальные социологические теории	В экономической сфере — труд, рынок, город, село и т.д. В социальной сфере — социальная структура, этносы, молодежь и т.д. В сфере политической — государство, общественные организации, право, армия и т.д. В сфере духовной жизни — образование, наука, культура, СМИ, религия и т.д.	В экономической социологии — социология рынка, социология труда, социология города и села и т.д. В социологии социальной сферы — социальная структура, этносоциология, социология молодежи, социология семьи и т.д. В политической социологии — социология власти, социология партий и общественных движений, социология армии В социологии духовной жизни — социология личности, социология образования, социология культуры, социология науки
Частные (вспомогательные) социологические концепции	Производные от специальных социологических теорий	Например, в социологии образования изучаются отдельные компоненты как дошкольное воспитание, общее, начальное, среднее и высшее профессиональное образование, непрерывное образование и т.д.

Что касается *экономической социологии*, то она исследует социальные проблемы сферы экономики, производство, потребление и распределение посредством изучения экономического сознания и соответствующего типа поведения, связанных с реализацией целей жизненного мира людей, удовлетворения их потребностей и интересов в условиях определенных социально-экономических отношений.

Обращаясь к другой сфере общества — к *социальной жизни*, следует отметить, что социология изучает такие важнейшие и кардинальные проблемы, как социальная структура, социальные группы, социальные общности, социальные институты во всем их многообразии. В ее рамках исследуются предпосылки, условия и факторы превращения классов, социальных слоев и этнонациональных и поколенческих страт и групп в субъекты созидательной деятельности.

Политическая социология изучает огромный пласт перехода от объективного к субъективному, сознательному развитию. Предметом социологии жизни в сфере политики выступают политическое сознание, анализ его реального состояния, а также функционирование политической культуры как одной из существенных предпосылок достижения сформулированных участниками политической жизни целей. Политической социологией изучаются классовые, групповые интересы, которые базируются на действиях (и исходят из них), а также методы и формы политической деятельности людей, классов и социальных групп, весь спектр их чувств, мнений, суждений по отношению к существующим властным организациям. Такой подход позволяет представить пути функционирования государственности, выявить болевые точки политической жизни. К проблемам политической социологии относятся также деятельность политических организаций и объединений, формы и методы их работы, способность откликаться на то или иное развитие событий.

Четвертой по счету, но не по значению, системной (отраслевой) теорией является *социология духовной жизни*, исследующая процесс освоения культурных ценностей, создание новых, распределение и потребление накопленных. Этот процесс является сложным, многоплановым и неоднозначным. Поэтому так важно определить основные его составляющие. К таким структурным элементам следует отнести социализацию личности, образование, массовую информацию, культурно-просветительную деятельность, литературу, искусство, науку, религию. Сквозным для всех подсистем духовной жизни является тот факт, что сознание и поведение человека выступают объектом интереса конкретных исследований, когда многообразие духовного мира

порождает возможность различных подходов и способов решения возникающих общественных проблем.

Наконец, к системным (отраслевым) социологическим теориям относится *социология управления*. Она связана с исследованием особого класса задач — механизма регулирования всех без исключения социальных процессов — и поэтому может рассматриваться самостоятельно, на уровне выявления общих характеристик, независимо от конкретных обстоятельств, а может применяться в рамках каждой из сфер общественной жизни и составляющих их элементов, что требует выявления и анализа специфических особенностей управления в каждой конкретной области сознания и поведения людей.

Следующий уровень — *специальные социологические теории*, предметом исследования которых являются общественные процессы и явления, их специфические особенности, которые в своей целостности являются неотъемлемой составной частью той или иной сферы общественной жизни. Они рассматривают не глобальные взаимодействия, а характерные связи в рамках конкретной сферы общественной жизни. Иначе говоря, каждая из системных (отраслевых) социологических теорий состоит из совокупности специальных теорий, которые нацелены на изучение процессов, составляющих суть этих сфер. Так, в рамках экономической социологии осуществляется исследование проблем социологии труда, социологии рынка, социологии города и села, демографических и миграционных процессов и т.д. В этом же смысле в рамках социальной сферы изучается социально-профессиональная и поселенческая структуры, этносоциальные процессы, проблемы молодежи, семьи и т.д. В свою очередь, политическая социология состоит из таких специальных теорий, как социология власти, политических партий и общественных движений, социология права (хотя некоторые исследователи выделяют ее в самостоятельную научно-прикладную теорию), военную социологию, социологию международных отношений. Что касается социологии духовной жизни, то она представлена социологией образования, культуры, религии, СМИ, науки, литературы и искусства.

Наряду с системными (отраслевыми) и специальными социологическими теориями существуют частные вспомогательные концепции, направленных на анализ и изучение отдельных явлений и процессов, производных от более «объемных» социальных феноменов. Такими объектами исследования являются, например, в рамках социологии культуры исследования театра, библиотек, чтения, шоу-бизнеса, моды и т.п., а в рамках социологии молодежи — молодежные

движения, молодежные субкультуры, группы по интересам и т.д. Такая детализация упомянутых выше теорий не вызывает возражения, кроме одного — изучение многих частных явлений нередко называют тоже «социологиями», в результате чего возникает неопределенность и путаница в трактовке сути социологии, что серьезно осложняет исследовательские возможности социологии. В этой связи следует напомнить, что, по мнению ряда исследователей, стоит говорить *о социологических практиках*, целью которых является анализ и определение рекомендаций по регулированию и решению сугубо прикладных и часто локальных задач, направленных на текущее решение производственных и иных проблем, которые, например, связаны с решением маркетинговых проблем, проблем связей с общественностью, рационализацией пассажирских потоков и т.п. Они, конечно, пользуются методами социологической науки, но это не значит, что их следует именовать социологиями того-то и того-то.

Чтобы не было бесконечного стремления создавать новые «социологии», на наш взгляд, *стоит применить принцип бережливости, названный «бритвой Оккама»*, согласно которому сущности не должны умножаться без необходимости. Исходя из этого принципа, в этой ситуации следует изучать определенный конкретный процесс или явление и обозначать это как предмет (объект) социологического анализа, не приклеивая к нему без необходимости термин «социология».

Таким образом, *уровни социологического знания представлены: а) общесоциологическими теориями; б) системными (отраслевыми) теориями; в) специальными социологическими теориями и г) частными вспомогательными концепциями* (подробнее см. [Тощенко, 2013]).

Остановимся на этом подробнее.

8.2. Общесоциологические теории

История социологии знает множество успешных, частично успешных и не оправдавших надежд творцов этих теорий в попытках осмыслить жизнь общества и предложить трактовку происходящих социальных процессов с позиций рекомендуемых ими принципов и методов познания. Если даже попытаться собрать воедино все прозвучавшие предложения о создании той или иной отличной от других теории, то мы получим впечатляющее их количество, грозящее превратиться в ничем неограниченную бесконечность. А если к этому добавить еще претензии на создание собственных социологических

школ, то только их перечисление превзойдет все разумные границы. Не ставя задачу анализировать содержание всех предлагаемых и выдвигаемых теорий и концепций, мы исходим из возможности классифицировать их по определенным принципам, сложившимся в процессе возникновения, развития и функционирования социологии за весь период ее существования.

Таким принципом, упорядочивающим классификацию всех существовавших и существующих теорий, на наш взгляд, является применение методологических стратегий, характеристика которых нашла отражение в гл. 1. Такой подход позволяет объединить в рамках каждой методологии разные теории, но руководствующихся или использующих единые критерии анализа общества и его проблем.

8.2.1. Теории, базирующиеся на принципах социологического реализма

Эти теории исходят из методологического подхода — начинать анализ, опираясь на универсальные категории — вселенная, ноосфера, мир, человечество, цивилизации, общество. Часть этих теорий переходят к анализу компонентов, составляющих эти универсалии — социальной структуре, социальным организациям и т.д., в конечном счете приближаясь к человеку как носителю социальных признаков. То есть эта стратегия воплощает в себе следующую логическую цепочку — от общего к частному. Но так как и среди этих теорий имеются принципиальные различия, то их можно классифицировать по двум основным группам.

Первая группа исходит из того, что объект исследования берется как некая целостность, как неразрывное социальное образование, которые рассматриваются (анализируются) во всем их многообразии. Однако эта целостность трактуется по-разному.

Во-первых, ряд теорий анализируют процессы, происходящие и касающиеся всего мира, всего человечества, всех стран и соответственно тех организаций, которые относятся к решению всеобщих проблем. К ним следует отнести мир-системную теорию ([Валлерстайн, 2001] и ее последователей (А.Г. Франк, Б. Джиллс, Т. Холл, А. Фергюсон [2000] и др.), теорию глобализации и производные от нее концепции (В.И. Вернадский, М. Алброу (Albrow) [1996], Ф. Бродель [1990], З. Бжезинский [1998], Й. Арнсон, Корбридж (Corbridge) [1986]), теорию цивилизаций (Н.Элиас [2001], Ж. Кондерсе, Л. Морган, Л. Уайт, А. Йоргенсон, Ф. Энгельс [1978] и др.), теорию космополитизма (У. Бек [2000] и др.).

Во-вторых, существуют теории, в основе которых осуществляется анализ общества в его целостности и неразрывности. В известном смысле они продолжают традицию своих предшественников XIX века, которые опирались на достижения естественных и смежных наук (физики — О. Конт, биологии — Г. Спенсер, экономики — К. Маркс, географии — Э. Реклю и Ф. Ратцель, психологии — Г. Тард, Г. Лебон и др.).

В современных условиях такой подход характеризует теории индустриального (Ж. Фурастье, Р. Арон [1993], У. Росту [1960]) и постиндустриального общества (Д. Белл [2009], Э. Тоффлер [2004], В.Л. Инноземцев [1999]), массового общества (Г. Блумер [1939], К. Манхейм [2000], Х. Ортега-и-Гассет [1989], У. Уайт, М. Хевеши [2001]), общества риска (У. Бек [2000], Н. Луман, Э. Гидденс), информационного общества (Х. Кояма, Ф. Маклуп, И. Масуда [1981], П. Дракер, М. Кастельс [2000]); глокализации (регионализации, анклавизации (Н.Я. Данилевский, Р. Коллинз, Г. Мосей, Д.В. Иванов, Н.А. Косолапов, В.А. Ядов).

В-третьих, представляют интерес социологические теории, которые посвящены анализу механизмов изменения мира и мироустройства — теория эволюционизма (Г. Спенсер [1896], Л. Гумплович [1895], А. Смолл [1924], Ш. Эйзенштадт (S.N. Eisenstadt) [1968]), теория конвергенции (П.А. Сорокин [1997], У. Росту [1960]), теория социальных изменений (Р. Мертон), сравнительная социология, процессная социология и др.

В-четвертых, теории, основанные на идее системы и сети: системная теория, сетевые теории, теория социальных сетей, теория актор-сеть, теория цепочек интерактивных ритуалов (Парсонс [1998]).

Вторая группа теорий социологического реализма, заключается в том, что, на их взгляд, они являются главенствующим и определяющим компонентом, основным индикатором при объяснении проблем общественного развития. Исходя из этого, эти теории также можно условно распределить по нескольким видам.

Во-первых, это теории, берущие в основу анализа *классовую структуру* как основной индикатор состояния, развития и функционирования общества. Именно с таких позиций предложил свое видение классовой структуры К. Маркс [1978]. Еще в XIX веке пытался построить модель социальной структуры общества *А.И. Стронин* (1826—1889). По мере развития социологии нацеленность на анализ общества с этих позиций крепла, расширялась и стала ведущей для многих исследователей. Многое для обоснования идей социальной структуры общества сделали М. Вебер [1990], П.А. Сорокин [1992].

Особенно большое распространение эта концепция получила среди российских (советских) социологов [Семенов, 1965; Руткевич, Филиппов, 1970]. Многие из них считали, что социология сводится именно к этой проблеме. В постсоветской России анализ различных аспектов социальной структуры осуществили З.Т. Голенкова, [2003], М.К. Горшков [2011], Н.Е. Тихонова [2014], Л.А. Беляева [1997] и др.

Во-вторых, получили мощное развитие концепции, которые анализировали общество с позиций действия (Вебер, 1990, А. Турен [1998] и взаимодействия. Зиммель [1996]).

В-третьих, это теории, основанные на отдельных значимых идеях, свидетельствующих об их ведущей роли в познании общества и его основных компонентов: экологическая социология [Горелов, 1998; Рой, 1995; Яницкий, 2007], культуральная социология [Александр, 2013; Ионин, 2000], сциентистские теории [Коптюг, 1997; Кун, 2002; Лахтин, Миндели, 2000], которые, каждая со своих позиций, рассматривали и анализировали проблемы общественного развития.

8.2.2. Теории социологического номинализма

Появление этих теорий связано с первым кризисом в теоретической социологии, когда был поставлено под сомнение основной принцип социологического реализма — в центре анализа должно находиться общество и производные от него структуры.

Теории же социологического номинализма исходили и исходят из того, что в центре социологического анализа должен быть человек, познание поведения и деятельности которого позволяет представить суть и содержание жизнедеятельности образующихся социальных классов, общностей, групп, а также возникших и возникающих социальных институтов, социальных организаций и т.д. Именно этот процесс познания, начинающийся с человека, в конечном счете, позволяет говорить о том, что представляет собой общество, в котором он живет, трудится, отдыхает и осуществляет другие важные общественные и личные функции.

Как говорилось в гл. 1, наиболее наглядно этот принцип воплотила в своих поисках *феноменологическая социология* (Э. Гуссерль, А. Шюц), сущность теоретико-методологической ориентации которой заключается в том, что источником, единственным субъектом, творящим мир, объявляется индивид и его социальные действия. В методологическом плане это означает, что исходным элементом социологического анализа должно быть не любое другое социальное образование (общество, класс, общность, группа и т.д.), а именно люди, сознание и пове-

дение которых являются основанием для получения обобщающих выводов.

Абсолютизация таких теоретико-методологических установок привела многих сторонников социологического номинализма к крайним формам субъективизма, а в ряде случаев и к выводам, граничащим с социал-дарвинизмом. Приведем пример выводов американского социолога А Смолла, который в работе «Происхождение социологии» (1924) так выразил свои идеи. По его мнению, предметом социологии выступает изучение интересов и социального контроля. Интересы он разбил на шесть категорий: 1) первичные, или интересы здоровья, включающие питание, секс, работу; 2) интерес к богатству, улучшению материального благосостояния; 3) социальный интерес, или общение; 4) познавательные интересы; 5) интерес ко всему прекрасному; 6) заинтересованность в соблюдении справедливости и правопорядка. Причем, эти интересы, по его мнению, должны реализовываться не сами по себе, а в процессе борьбы, в которой выживает сильнейший.

Напомним, что идеи социологического номинализма нашли отражение в ряде социологических школ — в бихевиоризме, социологии знания, этнометодологии, символическом интеракционизме, теории социального обмена и ряде других концепций.

Стоит сказать, что влияние идей социологического номинализма испытали ряд теорий и социологического реализма, что нашло отражение, например, в работах сторонников структурно-функционального подхода [Парсонс, 1998]. Особенно большое воздействие и применение некоторых положений номинализма испытывали практически все исследователи социальной структуры общества, когда приступили к эмпирическому анализу состояния и тенденций развития социальных классов, слоев, групп, общностей, а также ее специфических модификаций, таких как когорты, депривированные группы, группы отклоняющегося поведения и т.д.

В своем доказательстве отвержения принципов социологического реализма номиналисты сосредоточили свое внимание на следующих теоретико-методологических положениях [См. подробнее: Голосенко, 1979, 4].

Во-первых, социологи-реалисты достаточно отчетливо во всех своих концепциях придерживаются принципов функционализма и эволюционизма, претендуя на открытие законов развития общества, в то время как для номиналистов подлинной реальностью является индивид и его общение с себе подобными. «Общество существует там,

где несколько индивидуумов вступают во взаимодействие. Не существует общества вообще, ибо нет взаимодействия вообще, но есть особые виды последнего, с появлением которых и возникает общество и которые не служат его причиной и следствием, потому что они и общество одно и то же» [Зиммель, 1996: 115—116, 121].

Во-вторых, номиналисты предложили иные методологические подходы к исследованию существующей реальности, исходя из различных подходов к трактовке предмета социологии. Если реалисты последовательно придерживались детерминизма, историко-сравнительного метода, индукции, натурализма и редукционизма, то номиналисты использовали нормативизм, телеологию, методологический субъективизм, считая, что именно этот подход дает более полную и достоверную картину того, что происходит в обществе.

В-третьих, если в социологическом реализме фигурировали закономерности развития общества, то социологический номинализм, исходя из того, что в основе всего находится индивид, который может входить в самые различные социально-демографические, социально-профессиональные, социокультурные образования, подчинен не столько общим, сколько особым и специфическим проявлениям соответствующей группы, общности или слоя. И если теории номинализма обращались к понятию «общество», то они трактовали его как совокупность индивидов, а также их целей, мотивов, ценностей. «В обществе нет того, что уже бы не существовало в индивидах. С удалением индивидов из общественной жизни в последней ничего родового и «коллективного» не остается» [Тард, 1901: 2].

В-четвертых, если социологическим реализм провозглашает методологическое единство естественно-научного и социально-гуманитарного знания, то номиналисты настаивают на том, что «науки о духе» имеют свои особенности, которые невозможно рассматривать с позиций позитивизма: такие сущности, как «значение», «смысл», «понимание», «жизненный стиль», могут быть поняты только с позиций глубинных социально-психологических интерпретаций многообразия жизненного мира людей [Шюц, 1974]. «Все социальные явления получают реальность, смысл, ценность только как «индивидуальные переживания единственного источника сознательных решений. Менее всего социальные факты можно мыслить по Дюркгейму — как «вещи», их надо сопереживать как «ценность», как реализацию идеальных намерений, «целей» [Новгородцев, 1902: 279—283].

Основные положения социологического номинализма заключаются, прежде всего, в том, что для него не существуют такие понятия,

как «общество», «структуры», «системы». А если они и признают, то только как «гносеологическую реальность», как «внутреннюю потребность познания», т.е. в качестве условных приемов классификации, идеальной типизации социальных взаимодействий и их комбинаций. Иначе говоря, эти понятия не отражают действительности, а лишь констатируют ее логический вариант. Наиболее последовательно это положение воплощено в учении М. Вебера об «идеальных типах», в его утверждении, что необходимо идти к «субъективному пониманию действий индивидов» [Weber, 1965: 103].

Важной характеристикой социологического номинализма является признание в качестве исходной методологической установки сосредоточение внимания на ценности (должном, нормативном), так как в ней, по их убеждению, фиксируется специфика человеческого способа бытия. Отсюда понятен интерес номиналистов не к системам или структурам общества (к «социальной тотальности»), а к ситуациям, осмыслению их «значений», опыту участников социального действия, «сопереживанию», общению. В этих условиях понятие реальности приобретает аксиологический характер. «В социологическом контексте «государство», «нация», «корпорация», «семья» или «воинское подразделение» или любая другая коллективность... есть совокупность... индивидуальных социальных действий» [Вебер, 1990: 88]. Настаивая на такой трактовке социальной реальности, М. Вебер утверждал, что взаимодействие между людьми, скажем, столкновение велосипедистов, лишенное для них и соответственно для наблюдателя всякого «значения», есть факт естественно-механический, а не социальный, в отличие от последующих эмоциональных последствий в виде ссоры или дружеского обсуждения случившегося (цит. по: [Голосенко, 1979: 19]).

По мнению многих номиналистов, косвенным доказательством ущербности терминологического аппарата социологов-реалистов может служить тот факт, что используемые ими понятия «общество», «прогресс», «класс», «нация», «культура» и другие лишены онтологического содержания, ибо они опираются на наивный философский реализм или натуралистический редукционизм и поэтому вызывают непрекращающиеся дискуссии об их содержании. Содержание любого социального факта — хозяйственного, политического правового или эстетического — «состоит не в объективном отношении, связи двух (и более) людей, внешних по отношению к переживаемому это явление субъекту ... а в том, что на деле оно реально существует в психике того, кто изучает его, переживает в данную минуту» [Петражицкий, 1908: 24, 25].

К позитивным положениям социологического номинализма следует отнести признание ими роли и значения «здорового смысла», который во многом может объяснить поступки и действия людей, помочь понять их причины и следствия, предложить не абстрактные, а конкретные средства и пути решения выявленной проблемы. Такой подход позволяет отойти от некоторых глобальных рекомендаций и привести к такому механизму воздействия на реальные процессы и явления, который бы в максимальной степени соответствовал потребностям их участников.

Вместе с тем, социологический номинализм обнаружил определенные существенные изъяны. Они проявились в преувеличении роли и возможностей индивида, в игнорировании объективных реалий. Для него характерен метафизический разрыв социального целого и индивидуального, абсолютизация последнего как единственной реальности, неправомерное сведение общественного развития к анализу только реальных взаимодействий и взаимоотношений индивидов. Неизбежным следствием такого подхода становятся методологический субъективизм, тотальный индивидуализм, атомизация общественного бытия и общественного сознания.

В анализе и выводах социологического номинализма нередко обнаруживается отсутствие проблемного подхода, описание и объяснение социальной реальности как само собой разумеющегося. Часто это приводило к прагматизму, порой примитивному и весьма ограниченному. Тем более, что в такой ситуации часто остается невыясненным вопрос — почему взаимодействия индивидов приводят к тому или иному результату (часто неожиданному). Особенно это стало очевидным в современном мире, который, как уже общепризнано, является турбулентным, и достижение планируемого (ожидаемого) результата становится достаточно сложным занятием.

Социологический номинализм упрекают в отсутствии видения будущего, в замыкании на текущих проблемах, в потере перспективы, так как сосредоточение внимания на повседневности ограничивает представления о возможных путях развития и функционирования общества даже в том случае, когда оно трактуется как совокупность индивидов и их действий.

На наш взгляд, при обсуждении проблем социологического номинализма стоит сказать о таком далеко идущем и небесспорном явлении, как политика многих западноевропейских государств с их трактовкой прав и свобод человека. По моему мнению, стихийно или осознанно в основе этой политики лежат принципы социологического

номинализма, который ориентируется на текущие и близлежащие цели. И с этим связан тот факт, что феномен нравственности и его роль в жизни человечества заменен толерантностью, которая по своей сути имеет родовые пороки — она своим основополагающим принципом объявляет терпение, абсолютное право на любое мнение и действие, а не на уважение, не на признание ценности другой культуры и моральных установок. Не получается ли в этом случае ситуация, когда «человеческая свобода есть свобода пойманного льва метаться в своей клетке, при всей своей свободе, вместе с клеткой следовать за хозяином зверинца в его путешествии по разным городам и странам» [Гумплович, 1895: 79].

Таким образом, не объективное бытие, не мир в целом, не общество, а их осознание — вот та теоретико-методологическая основа, на которой строится позиция социологического номинализма. Социальные события, по мнению номиналистов, лишь кажутся объективными, тогда как в действительности они предстают как суждения индивидов об этих событиях. А так как это осознание реализуется каждым индивидом, проявляется в его действиях, то это и составляет предмет номиналистически ориентированной социологии.

8.2.3. Теории конструктивизма

Жизнь порождает и предполагает появление новых теорий и концепций, усложнение концептуального аппарата социологии в целом.

Идеи конструктивизма созревали постепенно, в известной мере являясь плодом дискуссий и сопоставлений и даже отвержений, с одной стороны, положений социологического реализма, концентрирующего внимание на анализе объективных условий развития общества, с другой стороны, идей номинализма, поставившего в центр анализа субъективный фактор развития общества. Этим было положено начало второму большому кризису в теоретической социологии [Давыдов, 1997].

Осознание методологической ограниченности этих парадигм приводило к попыткам преодолеть ее. Возникает идея синтеза реализма и номинализма с учетом преодоления их крайностей. Особенно успешной была концепция интегральной социологии, выдвинутая П.А. Сорокиным. По его мнению, реально существуют в качестве главных компонентов общественной жизни индивиды, их взаимодействия (формы последних и дают нам «социальное») и продукты, результаты этих взаимодействий, что ставит перед социологами необходимость изучения «социокультурного». Из сферы социокультурного бытия

можно, по его мнению, выделить любые номинальные объединения. Но при раскрытии сущности социальной структуры следует опираться на другие, более объективные критерии, так как «реальность» группы или любого другого социального явления означает не просто существование (т.е. факт бытия), а отражает особые закономерности развития. Целостность социальной структуры носит характер ценностной объективизации, а сами индивиды и их отношения выступают пассивными носителями «норм-законов», «ценностных систем», считая их решающими в создании и функционировании общества [Сорокин, 1992].

Такие попытки преодолеть крайности, на наш взгляд, присущи многим исследователям социально-классовой, стратификационной структуры общества. Пытаясь примирить в объяснении происходящих социальных изменений противостояние объективных и субъективных компонентов в жизни, они считают, что «каждая социальная группа (страта, общность) одновременно и реальна и номинальна, и социолог обязан реконструировать ее и как целое, и с точки зрения ее участников, чье действие анализируется и рассматривается» [Znaniecki, 1945: 206].

Попытки преодолеть крайности номинализма и социологического реализма предпринимались в *неомарксизме*, что нашло отражение в трудах Г. Маркузе (1898—1979), Ю. Хабермаса (р. 1929) и М. Буравого (р. 1930).

На наш взгляд, к идеям конструктивизма близко подошла и концепция риска.

В социологии XX в. выросли и окрепли концепции, которые сосредоточили внимание на проблемах личности и культуры в тесной увязке с факторами влияния внешней среды. В работах Р. Инглхарта (р. 1932), Дж. Ритцера (р. 1943), Х. Йоаса (р. 1948), Дж. Александера (р. 1947), П. Бергера (р. 1929) и частично Э. Гидденса (р. 1938) обращено пристальное внимание на роль индивида в рамках происходящей глобализации, модернизации и постмодернизации. Более того, по мнению французского социолога А. Турена (р. 1925), в социологии главная проблема состоит в изменении предмета исследования и исследовательских ориентаций. Если в 1960-е гг. вся проблематика сосредоточивалась вокруг понятия социальной системы, то теперь она сосредоточивается вокруг понятия действия и деятеля (актора) при самом внимательном учете условий, в которых реализуются эти действия. В историческом плане можно сказать, что Вебер одержал победу над Дюркгеймом. Классический подход, в рамках которого социология понимается как наука о социальных системах, почти исчез.

Влияние наиболее видных представителей этой традиции — Парсонса и Мертона — ослабло. Соответственно изменился и категориальный аппарат: понятия «*социальные институты*», «*социализация*», «*интеграция*» не являются больше центральными социологическими понятиями. Гораздо большее значение приобретают понятие «*кризис*» и близкие к нему категории — «*риск*», «*дезорганизация*», «*насилие*», «*хаос*», а также «*сознание*» и «*поведение людей*».

Иначе говоря, многие социологические теории XX века стали в значительной мере свои конструкции дополнять анализом того, что происходило «в сердцах и душах людей» (Т. Карлейль), признавая активную роль субъекта исторического процесса. Кроме того, к необходимости учесть не только субъективные факторы жизненного мира людей, но и объективные условия пришли и некоторые сторонники феноменологии, в том числе и А. Шюц с его социологией повседневности.

Если обобщить все новые идеи в осмыслении социальной реальности, то социологический конструктивизм сосредоточивает свое внимание на следующих положениях:

- органическое рассмотрение совокупности объективных условий и субъективных факторов в их неразрывном единстве;
- учет взаимосвязей между объективно-предметным и субъективным подходом;
- учет таких же взаимосвязей между структурно-функциональными и конфликтологическими концепциями;
- признание активной, преобразующей, творческой деятельности людей;
- стремление одновременного анализа макро- и микросоциологического уровня социальной реальности, жизненного мира людей.

Так как отраслевые и специальные социологические теории составляют основу всего социологического знания, остановимся на их характеристике подробнее.

8.3. Системные (отраслевые) социологические теории

Для обоснования их существования (возникновения и становления) необходимо выполнение, по крайней мере, двух условий: а) нужно, чтобы эти теории обладали собственным самостоятельным и относительно целостным понятийным аппаратом, характеризующим сущ-

ность и специфику исследуемых реальностей; б) необходимо, чтобы имелась общественная потребность в их рассмотрении с социологической точки зрения, т.е. в изучении специфических связей между этими явлениями и обществом как совокупностью социальных отношений.

В социологии XXI в. положение системных (отраслевых) социологических теорий еще полностью не осмыслено и с точки зрения перспектив социологии, и с точки зрения общественных потребностей. Анализ их места в структуре социологического знания предполагает постоянный критический обзор их развития, особенно тех, которые имеют значение для понимания места и роли социологической науки для повышения эффективности и качества ее исследований.

В то же время следует отметить, что *отраслевые (вместе со специальными) социологические теории составляют основу всего социологического знания*, соединяют теоретико-методологическое знание с эмпирическими данными, полученными в ходе конкретных исследований. Они представляет собой единство теоретического знания (или теоретических замыслов) и эмпирической их проверки, в результате чего уточняются исходные положения, результативность и эффективность методологии и методики. Особо подчеркнем, что если в социологии более, чем в любой другой общественной науке, заметно разделение на теорию и эмпирию, то это ни в коем случае не означает, что они существуют раздельно, не взаимодействуя между собой.

8.3.1. Экономическая социология

Экономическая социология представлена как глобальными, так и частными проблемами.

Долгое время исследования экономической жизни велись по отдельным направлениям, посвященным труду, трудовым ресурсам, уровню жизни населения, демографическим проблемам, миграции. Очевидно, что такой подход охватывает широкий круг проблем экономической жизни, но не всю их совокупность [Белоусов, 2002]. Поэтому на определенном этапе развития социологии как за рубежом [Смелзер, 1994], так и в Советском Союзе [Заславская, Рывкина, 1990] были осуществлены попытки *охватить единым понятием «экономическая социология» весь спектр проблем экономической жизни*. Иначе говоря, экономическая социология приобрела свой окончательный статус только к концу XX в.

Экономическая жизнь, экономические процессы, экономические отношения стали объектом пристального внимания социологии с конца XIX — начала XX века. Именно в этот период начали осознавать

роль человеческого фактора на производстве, значение экономического сознания и поведения людей. В XX в. внимание к социальным параметрам экономической жизни было нестабильным: в силу объективных и субъективных причин оно иногда ослабевало, чтобы затем вновь окрепнуть и стать предметом более тщательного и скрупулезного анализа [Веселов, 1995].

Не миновали эти зигзаги и экономическую жизнь российского (советского) общества. Одним из его парадоксов был все возрастающий разрыв между тем, что провозглашалось в официальных документах, и той реальностью, которая характеризовала действительное развитие экономики. В результате сформировалось явление, которое получило наименование *«бессубъектность экономической жизни»*. Данный феномен привел к распространению технократизма, не желающего ни с чем считаться, кроме формализованных производственных и финансово-экономических показателей, а также к господству технико-технологического подхода, игнорирующего социальные и духовные аспекты жизни людей, что в немалой степени способствовало возникновению и развитию теневой экономики, довело социальные тылы до крайней степени запущенности [Бузгалин, Колганов, 2015; Верховин, Зубков, 2002; Радаев, 2008]. Это в одинаковой степени, но только с разным акцентом, относится как к советскому, так и постсоветскому времени.

Современный этап развития экономической жизни наглядно демонстрирует необходимость учета всего того, что связано с устремлениями, мотивами, ценностными ориентациями людей. В настоящее время коренным образом изменилась роль людей и их влияние на функционирование производства, использование достижений науки, создание новой техники и технологии, обновление механизма хозяйствования. Вот почему так важно понять, *что* созревает в сознании человека, *кто и как* обуславливает серьезные сдвиги в поведении работников в процессе функционирования отношений собственности и *что* необходимо изменить в социально-экономических и политических условиях, чтобы реализовать на практике поставленные жизнью требования [Александрова, 2000; Мостовая, 1994; Шкаратан, 2009].

Анализ реальных социальных проблем экономической жизни показывает, что они во многом определяются отношением людей, их оценкой происходящих изменений и степенью участия в решении проблем производства, ведь «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы» [Энгельс, 1961].

Экономическая жизнь функционирует благодаря не только действию объективных законов общественного развития, но и субъективной деятельности людей. Она немыслима без провозглашения целей, направленных на удовлетворение потребностей и интересов населения. Кроме того, экономическая жизнь находит отражение в реальном сознании в виде взглядов, настроений, мнений, чувств, которые, в свою очередь, являются основой для формирования мотивов людей. В свое время А.В. Чаянов обратил внимание на противоречивость сознания и поведения крестьянина, в которых самым причудливым образом сочетались установки, с одной стороны, предпринимателя, с другой — наемного работника, и это противоречие нередко приводило крестьянина к решениям, продиктованным скорее его обыденным сознанием, здравым смыслом, чем требованиями объективного экономического развития [Чаянов, 1993].

Экономическую жизнь невозможно представить без мировоззренческих (идеологических) установок и ориентаций, существующих в обществе (теоретический уровень общественного сознания). Очевидно, что экономические концепции, взгляды, представления не механически отражают производственные отношения. Более того, они часто не адекватны процессам, происходящим в экономике, а некоторые из них ставят под сомнение правомочность существования наличных производственных отношений [Ильин, 2000; Корель, 1997; Локосов, 2002].

И наконец, экономическая жизнь не может функционировать без учета такого явления, как экономическая культура (знания и умения их реализовать, процесс общения продавца и покупателя, мода, предпочтения в потреблении, взаимная ответственность и т.д.) [Калугина, 2009; Волчкова, 2001; Соколова, 2000].

Осознание реальных процессов — неперенный элемент совершенствования экономической жизни. Только понимание, реализация функций труда дают необходимый социальный эффект. Никакие сверхновые техника и технология, никакое, пусть и самое рациональное управление, будучи сами по себе важными, не дадут решения назревших проблем, если в них не будут вовлечены работники, не будут учтены их мотивы, потребности и интересы, не будут созданы условия для реализации их целей и стремлений.

8.3.2. Социология социальной сферы общества

Если сформулировать совокупность проблем, отраженных в понятии «*социальная жизнь*», то нужно отметить два момента: 1) социальная жизнь является рядоположенной с экономической, политической

и духовной (т.е. она — не синоним общественной жизни); 2) она представляет собой ту сферу общественной жизни, которая характеризует социальное положение человека, его социальный статус, степень реализации его социальных ориентаций и его отношение к своей роли в социально-классовой и этнонациональной структуре общества [Осадчая, 1996].

Социальное положение определяется отношением к функционирующим в обществе формам собственности. Оно характеризуется также уровнем благосостояния, местом в социально-демографической и социально-профессиональной структурах [Левашов, 2013].

Что касается *социального статуса*, то его содержание обусловлено как объективными характеристиками, так и восприятием общественного положения человека, слоя или группы, а также объективными условиями, влияющими на изменение их места при распределении и потреблении материальных и духовных благ [Дилигенский, 2002; Карасик, 2002; Подойницына, 1999].

Учет не только объективных, но и субъективных факторов не случаен. Это особенно наглядно проявляется в понятии *«социальная роль»*, которая трактуется как модель поведения, ориентированная на данный статус. Это своеобразный шаблонный вид поведения, направленный на выполнение прав и обязанностей, предписанных данному статусу. В нормативной структуре роль включает в себя четыре конструктивных элемента: *тип поведения* (требуемый от лица в данной роли), *предписание* (требования в связи с данным поведением); *оценку* (в случае выполнения или невыполнения предписанной роли); *санкцию* (поддержка или отвержение действий в рамках предписанной роли) [Тихонова, 2007; Хальбвакс, 2002].

Анализ данных социологических исследований привел к введению в научный оборот таких понятий, как *«социальное наследство»*, *«жизненный путь»*, *«социальный престиж»*, *«трудовая карьера»* и ряда других, которые всегда связывались с социальным положением человека, классов, групп и слоев населения. Выход на этот уровень анализа обогащает наше представление о социальных отношениях, в том числе и в региональном разрезе, позволяет полнее увидеть их многообразие, их сложную структуру, отражающую взаимодействие как материальных, так и духовных аспектов жизни [Гришаев, 2000; Емельянов, Осинский, 2001].

При анализе социологических проблем социальной жизни особенно важна оценка *социальной справедливости*, которая содержит в себе восприятие касающихся человека жизненных проблем, а также

имеющихся в обществе возможностей по их решению при одновременном сравнении своего образа жизни с образом жизни в различных социально-экономических условиях. Понимание людьми социальной справедливости важно и с научной точки зрения: оно позволяет выразить научно обоснованные критерии в количественных и качественных показателях, представить уровень и глубину дифференциации социальной жизни [Аргунова, 2004; Веблен, 1984; Григорьев, Иньшин, 1990; Канарш, 2011].

Изложение материала в данной синтетической (обобщающей) социологической теории подчинено еще одной цели — преодолению имеющейся в научной литературе традиции рассматривать социальную жизнь в таком ракурсе, когда внимание концентрируется на том, *что человек получает от общества, какие блага имеются в его распоряжении*. Подчеркивая роль и значение уровня жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей, сторонники такого подхода способствовали культивированию своеобразной «идеологии потребления», когда акцент делался на том, что человек может получить от общества, а не на том, что отдача должна базироваться на вкладе каждого индивида в рост национального богатства, действительность и величина которого измеряются рынком.

В этой связи следует напомнить, что в 1950—1960-е гг. в мировой социологии была распространена концепция «общества потребления», которая впоследствии была заменена «обществом благосостояния» («благоденствия»). «...Современный капитализм, — писал в «Здоровом обществе» Э. Фромм, — нуждается в людях, которые хотят потреблять все больше, чей вкус стандартизирован и легко управляем и предвидим... Человеческое счастье сегодня означает потреблять и «принимать»: товары, зрительные представления, пищу, напитки, сигареты, людей, лекции, книги, фильмы — все потребляется, все заглатывается. Мир — это единственно большой объект для нашего вкуса, мы — те, кто вечно ждет обмена и приема, обмена и потребления; все — духовные объекты так же, как и материальные — становятся объектом обмена и потребления» [Фромм, 1990: 89]. Эта концепция была подвергнута критике и затем отвергнута как не отражающая в полной мере сущностные стороны жизни человека и необходимые для общества.

Анализируя многообразие социальной жизни и тенденции ее развития, следует отметить *важную роль косвенных рычагов воздействия на сознание и поведение человека*. Изучение социальных процессов и явлений показывает, что на сознание и поведение людей большое, а

иногда и решающее влияние оказывают доход, а также престиж профессии, место работы, степень доступности тех или иных товаров и услуг. Использование этих рычагов ведет к тому, что общественное мнение, общественное сознание стимулируют решимость людей действовать социальным нововведениям или игнорировать или даже противостоят им.

Анализ сущности, содержания и целей поведения в жизненном мире социальной сферы позволяет сделать вывод, что *оно представляет собой деятельность по использованию материальных и духовных благ в тесной связи с социально-классовым положением человека*. По мере исторического развития поведение означает непрерывный процесс накопления индивидуальных и общественных богатств, участие в их приумножении, что, однако, еще не свидетельствует о равных возможностях, доступности в их распределении и потреблении. Особую значимость эта проблема приобретает в условиях рыночных отношений.

Необходимо особо отметить, что анализ социальной жизни самым непосредственным образом *связан с проблемами становления гражданского общества, со стремлением людей сравнивать свой образ жизни с образом жизни предшествующих поколений, с другими этноконфессиональными общностями, с социальными возможностями аналогичных групп людей, в том числе и живущих в других странах* [Арутюнян, 2003; Дробижева, 2003; Попков, 2003; Сикевич, 1996; Симонян, 2003; Фергюсон, 2000].

8.3.3. Политическая социология

Появление такого направления в социологической науке, как *политическая социология*, обычно связывается с именем немецкого социолога *М. Вебера* (1864—1920). Это не означает, что до него не происходило осмысление политических реалий тех обществ, в которых жили исследователи. Практически каждый из социологов и в XIX, и XX вв. в своем анализе проблем государства и общества выходил на те или иные аспекты политической жизни. Заслуга М. Вебера состоит в том, что он одним из первых осуществил *социальный анализ власти, властных отношений, дал классификацию типов политического господства* [Вебер, 1990]. В отличие от К. Маркса он отдавал приоритет не экономике, а власти, считая ее основным группообразующим признаком.

Феномен политической власти разрабатывался также при исследовании элит (В. Парето, Г. Моска), политических партий (М.Я. Осто-

рогорский, Р. Михельс), групп давления и лоббизма (А. Бентли, Д. Трумен), пропаганды и массовых коммуникаций (Г.Д. Лассуэлл), политических отношений [Вятр, 1977]. В современной отечественной социологии накоплен определенный опыт исследования политических процессов (см. работы В.Э. Бойкова (2005), А.Н. Данилова (1998), А.В. Дмитриева (2000), В.К. Левашова (2013), В.П. Макаренко (2000), Ф.Э. Шереги (2000) и др.). Постепенно политическая социология стала заниматься проблемами конфликтов, общественных организаций и гражданских движений, путей приобщения людей к политической жизни, становления политической культуры и политического сознания.

Понятия «*политика*» и «*власть*» в социологии чрезвычайно многозначны, ибо наряду с ними употреблялось немало терминов, затруднявших их трактовку. Например, с политикой сопрягались слова «культурная», «научно-техническая», «аграрная», «градостроительная», «экологическая» и т.д., а со словами власть — государственная, партийная, власть авторитета, родителей, групп и т.п. Поэтому употребляемый с 1980—1990-х гг. термин «социология политики» оказался неудачным (Амелин, 1992). Он включал в себя слишком широкий круг вопросов, ибо политика осуществляется в сфере и экономики, и духовной жизни, воплощается практически во всех актах общества и государства и представляющих их институтов. *Понятие же «политическая социология» более точно определяло объект и предмет исследования — сферу политических отношений, политического жизненного мира* (В.Д. Виноградов, Н.А. Головин (1997); К. Исаев (1999); Ж.Т. Тощенко (2015)).

Если исходить из трактовки *социологии как социологии жизни*, то размежевание между политической социологией и политологией проявляется достаточно отчетливо. *Политология* идет к проблемам политической жизни *сверху*: со стороны государства, политических партий и других организаций, принимающих участие в функционировании власти (Т.А. Алексеева, 2001; К.С. Гаджиев (1991); В.Г. Ледяев (2001); В.П. Макаренко, 2000). Соответственно анализируются их состояние, деятельность, их программы, заявления и т.д. *Политическая социология* подходит к этим же проблемам *снизу*: от человека, который совсем по-иному воспринимает не только глобальные политические цели, но и конкретные акции государственной власти и политических деятелей, декларации и заверения политических партий.

Политическое сознание и политическую активность — одна из сторон жизненного мира — невозможно отделить от правового сознания, правовой культуры. И в том и в другом случае они выступают

гранью правового государства и гражданского общества, которые олицетворяют не только специфически особенное для каждой страны, но и то общее, что характерно для всех без исключения типов государств [Гречин, 2001; Лапаева, 2008; Масловская, 2008; Усимова, 2008; Шереги, 2002].

8.3.4. Социология духовной жизни

Духовная жизнь — самая богатая по своим проявлениям сфера сознания, по формам и методам его реализации в жизнедеятельности общества, классов, социальных групп, слоев, общностей, каждого человека. Это позволяло даже на определенном этапе развития научной мысли отождествлять понятия «духовная жизнь» и «общественное сознание» [Запесоцкий, 2015; Уледов, 1968].

Духовная жизнь функционирует на уровне, как сознания, так и практической, целесообразной деятельности, охватывает все многообразие культуры, условия и факторы ее проявления. Она включает в себя *научное осмысление* действительности. Она также характеризуется тем, *как, на каких основаниях и при помощи чего* она изменяется, совершенствуется, обогащается. Духовная деятельность, будучи способом существования особого рода общественных отношений, выражается в конкретных формах в области *науки* (Волков, 1968; Шереги, Стриханов, 2006; Яхиелл, 1977), *образования* (Лисовский, 1996; Зубок, Чупров, 2011) *массовой коммуникации, литературы и искусства* (Фохт-Бабушкин, 2001; Бутенко, 1997; Матвеева, 2007); *архитектуры* (Вильховский, 2010), т.е. всего того, что образует специфический феномен духовной жизни общества.

Такой подход к духовной жизни имеет большое теоретическое и практическое значение. Он не дает возможности субъективизировать ее, сводить только к взаимодействию концепций, взглядов и идей. Объективный характер сознания и поведения людей проявляется во всем многообразии духовных отношений, позволяет в духовной жизни выделить как материальный, так и мировоззренческий (идеологический) аспект и в то же время обнаружить ту сторону в развитии человека, которая не изменяется и не исчезает даже при смене общественно-политического строя.

С социологической точки зрения анализ духовной жизни как единства материального и идеального дает более точное представление о том, *что можно сделать* путем воздействия на общественное сознание, *что следует учесть*, когда речь идет об объективности про-

цессов, происходящих в этой сфере (А.Б. Гофман, (2015); А.С. Запесоцкий, (2014)).

В настоящее время понимание того, что представляет собой духовная жизнь, приобретает особое значение. В движении «экология культуры» с наибольшей полнотой проявилась забота о сбережении тех облагораживающих общество и человека традиций, которые составляют своеобразный сплав общечеловеческого и национально-особенного [Лихачев, 1980].

Таким образом, *духовная жизнь — особый тип производства, потребления и распределения культурных ценностей, характеризующих степень возвышения человека, его интеллектуальное богатство, используемое в интересах гуманизма.*

Отечественная социология и философия накопили значительный опыт исследования процессов духовной жизни общества (Л.Н. Коган (1992), С.Н. Иконникова (2001), Л.Г. Ионин (2000), И.В. Кондаков (1997), А.Л. Маршак (2008), В.М. Межуев (1977), А.И. Шендрик (2002) и др.). Они во многом коррелировали и в то же время отличались от исследований, осуществленных Дж. Александером (2013), К. Манхеймом (2000), А. Модем (1973). В известном смысле *социология духовной жизни* — понятие обобщающее, системное. Она состоит из таких специальных социологических теорий, как социология образования, науки, культуры, средств массовой информации, религии. Накоплен материал по социологическому изучению личности, художественного творчества.

Основанием для выделения этих направлений в социологии являются структурные элементы, или подсистемы духовной сферы, каждая из которых имеет *достаточно четкие критерии своего обособления*: цель, средства ее достижения, объект и субъект воздействия, ресурсное обеспечение, а также определенные конечные результаты. Даже в том случае, когда некоторые подсистемы близки между собой или частично выполняют схожие функции (например, образование и воспитание), их нельзя идентифицировать [Запесоцкий, 2009; Харчев, 1990].

Для социологии духовной жизни всегда большой интерес представлял анализ деятельности ее *субъектов*. Одними из субъектов и непосредственными участниками являются, прежде всего, *общество и государство*, призванные обеспечить человеку широкий доступ к культуре, помочь раскрыть творческие дарования, удовлетворить его потребности и интересы. Реализуя функции образования и воспитания, они прибегают к экономическим, социальным и правовым рыча-

гам, которые, с одной стороны, стимулируют необходимый для общества духовно-нравственный прогресс, с другой — ограничивают проявления псевдо-, квази- и эрзацкультуры, девиантного и асоциального поведения.

Активной творческой силой в сфере культуры являются различные *общественные организации* и *добровольные объединения*, каждое из которых присущими ему формами и методами принимает участие в производстве, потреблении и распределении духовных ценностей. Вместе с тем отметим, что если они не находят своего специфического места в функционировании духовной жизни, то эффект их работы становится незначительным, влияние резко падает, что, в свою очередь, ведет к обеднению интеллектуального потенциала страны.

И наконец, субъектом духовной жизни (и субъектом важнейшим) выступает *сам человек*. К сожалению, часто при рассмотрении состояния, тенденций и проблем духовной жизни не уделяется должного внимания созидательной энергии самих людей, их творческому потенциалу, их личному вкладу в развитие культуры во всем ее многообразии.

Таким образом, можно сделать вывод, что отраслевые социологические теории представляют собой основной массив информации, который во многом демонстрирует, объясняет возможности и результативность социологии как науки.

8.3.5. Социология управления

К отраслевым социологическим теориям следует отнести *социологию управления*.

Долгое время проблемы управления разрабатывались другими науками. И только когда социальные проблемы стали чрезвычайно актуальными, неотложными, объективно потребовалось включение социологии в обоснование управленческих решений. Именно это вызвало к жизни многочисленные эксперименты, апробацию новых форм управления, учитывающих социальные факторы, возможность рационально организовать деятельность людей. Приход социологии в науку управления знаменовал поиск глубинных ресурсов, резервов второго и третьего порядка, многие из которых напрямую зависели от общественного сознания и поведения людей.

Проблемы социологии управления начали особенно интенсивно разрабатываться в начале XX в. и обычно связываются (как с начальной стадией) с именами Ф. Тейлора, Г. Форда, А. Файоля, Г. Эммерсона, П.М. Керженцева, А.К. Гастева и других исследователей и орга-

низаторов производства, которые наряду с решением технико-экономических проблем обстоятельно анализировали и некоторые социальные аспекты управления [Подробнее см.: Кравченко, 1998]. Особое место занимает труд А.А. Богданова (1873—1928) о всеобщей организационной науке, ставшей предтечей кибернетического подхода к управлению.

Современная социальная реальность требует новых форм управления, что в первую очередь связано с избавлением от изживших себя методов руководства, от формализма, догматизма, слепого копирования чужого опыта. Новые формы управления апробируются на практике, в жизни и только в этом случае могут претендовать на существование. В этой связи следует отметить, что *управление призвано преследовать стратегические цели* [Армстронг, 2002]. Если избрать концепцию *догоняющего развития*, то она сводится к повторению и копированию уже накопленного опыта. Слепое повторение, как это было сделано в России в 1990-е гг., обеднило и торпедировало многие назревшие реформы, так как они осуществлялись, исходя из чужих возможностей и иных резервов. Если же ориентироваться на концепцию *«догнать, опережая»*, то усилия концентрируются на реализации перспективных целей на базе освоенных новейших технологий, информационного обеспечения и национальных традиций, как это было сделано в молодых государствах тихоокеанского бассейна и в известной мере в Турции и Финляндии. Есть еще стратегия *«лазерного луча»*, используемая в Японии: избрав определенные цели и опираясь на ведущие сегменты рынка и общества, были сконцентрированы силы на соответствующих технологических цепочках, достигая максимума эффекта в сжатые сроки.

С учетом многообразия и сложности такого явления, как управление, в научной литературе существует несколько вариантов его анализа.

Исторически *первым* в современной отечественной науке был анализ, осуществленный в 60—80-е гг. XX в. академиком *В.Г. Афанасьевым* (1922—1994), который, опираясь на наследие А.А. Богданова, предложил рассматривать управление через его функции: выработка и принятие решения, планирование, организация, регулирование, учет и контроль, образующие управленческий цикл (Афанасьев, (1973). *Вторую группу* работ об управлении образуют исследования и анализ организационной деятельности руководителя и его взаимоотношений с подчиненными — В.С. Дудченко (1983), Вал.Н. Иванов (1998), Ю.Д. Красовский (1997), О.М. Омаров (1991), А.И. Пригожин (1995), А.А. Филиппов (1994), В.В. Щербина (2004) и

др.). *Третьей группе* присущ функциональный подход, согласно которому внимание сосредоточивается на формах и методах регулирования социально-экономических, социально-политических и социально-культурных процессов (Ю.П. Аверин (1996), Г.Н. Соколова (2000), В.М. Шепель (1990) и др.). Еще одна группа работ посвящена анализу зарубежного и исторического опыта управления (Д.М. Гвишиани (1998), Э.Д. Вильховченко (2010), А.И. Кравченко (1998), А.В. Попов, 1991 и др.). Значительный интерес представляют *работы советских руководителей* крупнейших предприятий 9Ф.Ф. Аунапу, И.И. Пронин, В.С. Пономарев, В.С. Соловьева, Е.В. Таранов и др.), в которых они обобщали опыт решения социальных проблем руководимых ими производств.

Если обобщить сказанное, то *управление обществом представляет процесс приведения субъективной деятельности людей в соответствие с объективными потребностями общественного развития* [Афанасьев, 1973]. Но это согласование, достижение единства осуществляются не автоматически и не стихийно. Органы управления только в том случае добиваются намеченных целей, если постоянно сопоставляют и оценивают свои усилия и полученные результаты.

Появление новых форм и методов управления связано с тем, что время настоятельно поставило вопрос о преодолении, с одной стороны, политизации управленческих функций, с другой — технократизма в управлении. Реальность потребовала «очеловечивания» управления, что, на наш взгляд, более полно отражает концепция жизненного мира. Поэтому в современных управленческих концепциях, как отечественных, так и зарубежных, начинает довлеть поведенческий подход (сознание плюс деятельность) при учете требований окружающей среды.

8.4. Специальные социологические теории

На определенном этапе развития социологии возникла потребность более органического соединения общесоциологических теорий и эмпирических исследований. Обоснование возможности таких промежуточных концепций наиболее наглядно и плодотворно было воплощено в так называемой теории среднего уровня Мертона, которая родилась в результате своеобразного разделения «труда»: общая теория была соотнесена с именем Т. Парсонса, эмпирические исследования — с именем П. Лазарсфельда. Соединяющая их между собой теория была названа теорией среднего уровня и ассоциировалась с име-

нем Р. Мертон. Эта формулировка, характерная для американской социологии, возникла под мощным влиянием прагматических потребностей. И долгое время она разделалась и в настоящее время разделяется некоторыми исследователями. Но со временем теория стала подвергаться сомнениям в целесообразности такого подхода, в том числе и по причине лексической неопределенности — а что вообще означает слово «средний»

Такая структуризация вызвала самые серьезные возражения со стороны многих социологов, в частности, одного из крупнейших социологов современности П. Бурдьё. Он обвинил в сговоре, в альянсе таких известных ученых, как Т. Парсонс, который взял на себя разработку общесоциологической теории, Р.Мертон, монополизировавшего представление о «среднем уровне», и П. Лазарсфельда, который стал представлять уровень эмпирии. По мнению Бурдьё, это идеологическое господство, раздел сфер влияния позволяет навязывать свою концепцию видения науки, не считаясь с другими заслуживающими внимания и имеющими глубокое научное обоснование подходами [Бурдьё, 1994].

Что касается нашей страны, этот подход прижился после частичной реабилитации социологии в 1960-е гг. Но весьма своеобразно. Он олицетворял компромисс между официально утверждаемой концепцией об историческом материализме как общесоциологической теории и стремлением выделить «свое» представление о социологии, которое камуфлировалась под так называемый среднеуровневый срез. Но такой подход, как отмечал А.В. Кабыща, напоминает русскую матрешку и мало что прибавляет к классификации науки и ее структуре (цит. по: [Осипов, 2003: 37]).

В ситуации, когда социология отождествлялась с историческим материализмом, статус теорий среднего уровня (частных теорий) оказался двусмысленным. Когда теоретический уровень социологии был представлен философией, то ей не оказывалось в ней места, так как ее теории являются теориями нефилософскими. Но они в то же время «теории». Так каково же их соотношение с теоретической социологией? Если же их отнести к эмпирическим исследованиям (они образывали средний, согласно Мертону, уровень), не означает ли это, что эмпирические исследования достойны научного статуса? И насколько оправданно выделять все эти уровни по разным основаниям?

Очевидно, что *трехуровневая модель социологии, сыграв определенную роль в ее развитии, исчерпала свои возможности.*

Потребовались новый поиск и более обоснованная интерпретация возникающих концепций. Логика развития социологических исследо-

ваний привела к выводу, что в рамках отраслевых (системных) теорий необходимо рассматривать составляющие их компоненты.

С позиций жизненного мира в рамках *экономической социологии* рассматриваются составляющие ее специальные социологические теории, имеющие четко выраженный социально-экономический (социология труда) и системный характер (социология города, социология села), в которых экономические параметры немислимы без рассмотрения и учета социальных и духовных аспектов их функционирования. Наряду с перечисленными проблемами для экономической социологии значительную роль играют сравнительно новые темы, такие как социальные проблемы рынка, занятости, экологии [Радаев, 2008; Шкаратан, 2009; Яницкий, 2007]. Вместе с тем раскрытие социального состояния экономики может быть дополнено более обстоятельным анализом таких вопросов, как социальные проблемы собственности (Г.Н. Соколова), социальная инфраструктура (Ж.Т. Тощенко), миграция (Л.Л. Рыбаковский), домохозяйства (П.М. Козырева), нововведения (Н.И. Лапин), региональное развитие (Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, В.Н. Маркин), что позволяет полнее представить социологический аспект изменений материального производства, всей экономической жизни.

Анализ жизненного мира в *социальной сфере* предполагает расчленение социального целого на взаимозависимые элементы, охватывающие не только состояние социальной структуры, но и ее динамику, возникновение новых ролей, статусов, новых характеристик социального положения людей.

Именно эти элементы *социальной жизни* (начиная с социальной структуры и завершая отклоняющимся поведением) образуют специальные социологические теории и охватывают широкий круг проблем публичной и повседневной жизни и самые животрепещущие вопросы: социальную, социально-профессиональную, социально-демографическую, этнонациональную, семейно-бытовую структуры, образ жизни. Особая значимость этих проблем стала одной из причин их абсолютизации, что и нередко сводило социологию только к объяснению роли и значения «социального».

По всем этим проблемам, ставшим предметом анализа специальных социологических теорий, осуществлена определенная теоретическая и прикладная разработка. Вместе с тем ряд направлений еще нуждаются в более обстоятельном анализе и формировании самостоятельных направлений в развитии социологии — гендер, здоровье, отдых, досуг, социальные проблемы геронтологии, спорт.

Политическая социология также состоит из многих специальных социологических теорий, среди которых следует назвать социологию

власти, социологию политических партий и общественных движений, военную социологию. В ее рамках сложилась и функционирует социология права, уделяя внимание правовому сознанию и правовому поведению людей. Социология международной жизни также является неотъемлемой частью политической социологии и может быть предметом отдельного изучения (подробнее см.: [Каримова, 2015; Политическая социология, 2015]). В рамках политической социологии большое внимание уделяется политическим конфликтам, избирательным кампаниям, проблемам бюрократизма, роли парламентаризма, национальным и конфессиональным политическим движениям, местному самоуправлению, политической элите, политической оппозиции и лоббизму в политической жизни. Не меньшее значение имеют концепции, посвященные механизму реализации политической власти — политической социализации, политическим технологиям, идеологии, общественному мнению, проблемам политических конфликтов.

Структурные элементы *духовной жизни*, представлены в различных специальных социологических теориях — социологии личности, образования, культуры, религии. Этот перечень можно, естественно, значительно расширить за счет более подробного анализа проблем литературы и искусства, средств массовой информации. Предметом самостоятельного рассмотрения может стать процесс функционирования институтов духовной жизни — школ, клубов, библиотек, вузов, театров, кино, музеев, прессы, радио, телевидения и т.д.

Несомненно, что на этом уровне объектами специальных исследований становятся новейшие процессы и явления: феномен Интернета, арт-искусство, новые начинания в кинематографии, в литературе, архитектуре, музыке.

Специальные социологические теории в сфере управления *причастны к решению управленческих задач двояким образом*: с одной стороны, они осуществляют направление, регулирование, совершенствование социальных отношений, жизненного мира людей в процессах, в которых люди выступают в роли руководимых и руководителей. В этом качестве социолог выполняет функции консультанта, советчика или участника подготовки управленческого решения. С другой стороны, с помощью социологии реализуется обратная связь — она позволяет выяснить, насколько эффективны и результативны управленческие решения.

Для понимания структуры социологического знания принципиальное значение приобретает иная схема рассмотрения управления — через его алгоритм, последовательно осуществляемые стадии, кото-

рые состоят из предвидения, прогнозирования, проектирования, программирования, планирования, социальных технологий, социального эксперимента, социологии организаций, которые и выступают специальными социологическими теориями. К ним примыкают проблемы анализа человеческих ресурсах управления, (со)управления, творческого потенциала и социально-психологических ресурсов управления [Афанасьев, 1973].

8.5. Вспомогательные социологические концепции

В современном социологическом мышлении широко распространена некая болезнь, когда практически к каждому процессу и(или) явлению пытаются присоединить слово «социология». Поэтому бесконечно появляются предложения сделать «социологию сплоченности», «социологию толерантности» и даже «социологию СПИДа». На наш взгляд, нарушаются элементарные логические рассуждения и проявляется даже просто незнание, что означают с научных позиций слова «теория» и «концепция». Если бы инициаторы таких или подобных названий поразмышляли над неумеренным употреблением слова «социология», то, опираясь на научное понимание слова «наука», обнаружили бы, что каждая предлагаемая «социология» должна иметь определенный объект и предмет анализа, его структуру и уровень, а главное самостоятельный понятийный аппарат, который бы в совокупности описывал процесс или явление, к которому приклеивают слово социология. Какой самостоятельный понятийный аппарат может быть у слова «сплоченности»?

На наш взгляд, происходит путаница — практически каждый процесс и явление могут быть предметом социологического исследования, анализа, но это не означает, что их можно объявлять как социологию того-то и того-то.

Вместе с тем, вспомогательные социологические концепции играют важную роль в познании жизненного мира россиян. Несмотря на многообразие их проявлений, их тоже можно упорядочить, подвергнув классификации. На наш взгляд, наиболее приемлемым является предложение соотнести эти концепции с отраслевыми и специальными социологическими теориями, которые являются базой для развертывания их содержания, потому что они в конечном счете производны от более общих процессов и явлений. Ранее, в таблице (с. 222) мы демонстрировали, что в социологии образования такими вспомогательными концепциями являются дошкольное воспитание, общее, началь-

ное, среднее и высшее профессиональное образование, непрерывное образование, а также новые веяния — открытое, дополнительное, онлайн-образование и т.д. Такая возможность выделить структурные компоненты (элементы) присуща практически всем без исключения социологическим теориям. Так, в рамках экономической социологии активно проводятся маркетинговые исследования, исследования процесса управления персоналом, аудита, рекламы, сберегательного и финансового поведения и т.д. [см., например: Зинченко, 2001; Силин, Хайруллина, 2002;] Жизненный мир в сфере политики нуждается в специальных исследованиях, раскрывающих глубинные пласты социально-политических отношений — феномен оппозиции, лоббизма, элиты, различных форм политических объединений и т.п. В сфере духовной жизни появились такие феномены, как арт-искусство, нон-фикшен литература, а также такие феномены, как кентавр-культура [Тощенко, 2013].

Литература

- Аверин Ю.П.* Люди управляют людьми: модель социологического анализа. М., 1996.
- Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013.
- Александрова Г.П.* Альтернативы экономического поведения. Человек в переходной экономике. Екатеринбург, 2000.
- Аргунова В.Н.* Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново, 2004.
- Армстронг М.* Стратегическое управление человеческими ресурсами. М., 2002.
- Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
- Арутюнян Ю.В.* Трансформация постсоветских наций: По материалам этносоциологических исследований. М., 2003.
- Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом: системного анализа. М., 1973.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- Белл Д.* Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М., 2009.
- Белоусов Р.А.* Экономическая история России: XX век: В 3 т. М., 2002.
- Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.
- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
- Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993.
- Бурдые П.* Начала. М., 1994.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.(М., 1997).

- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
- Верховин В.И., Зубков В.И. Экономическая социология. М., 2002.
- Веселов Ю.В. Экономическая социология: история идей. СПб., 1995.
- Волчкова Л.Т. (ред.) Социология экономики и управления: Сб. статей. СПб., 1998.
- Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1977.
- Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные виды формирования // Вопросы философии. 1991. № 4.
- Голенкова З.Т. (ред.) Социальная стратификация российского общества. М., 2003.
- Голосенко И.А. Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии // Социол. исслед. 1979. № 4.
- Горелов А.А. Социальная экология. М., 1998.
- Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.
- Гофман А.Б. Традиция, солидарность, социологические теории. М., 2015.
- Гречин А.С. Социология правового сознания. М., 2001.
- Григорьев С.И., Иньшин Г.Я. «Справедливое же состоит в »: размышления экономиста и социолога о справедливом и несправедливом в российском обществе. Барнаул, 1990.
- Гришаев С.В. Социальная структура и рынок труда: развитие и взаимодействие (опыт социологического исследования в регионах Сибири в 90-х годах). Красноярск, 2000.
- Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895.
- Давыдов Ю.Н. (ред.). История теоретической социологии: В 4 т. М., 1997—2000.
- Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002.
- Дорин А.В. Экономическая социология. Минск, 1997.
- Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
- Емельянов И.Л., Осинский И.И. Изменения социальной структуры Забайкалья в современных условиях. Чита, 2001.
- Запесоцкий А.С. Культура: взгляд из России. СПб., 2014.
- Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2002.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск, 1991.
- Зиммель Г. Избранное. М., 1996.
- Зинченко Г.П. Социология для менеджеров. Ростов-н /Д, 2001.

- Иванов Вал. Н.* Социальные технологии. М., 1998.
- Ильин В.И.* Социальное неравенство. М., 2000.
- Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация. М., 1999.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
- Каругина З.И.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.
- Канарш Г. Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса. М., 2002.
- Каримова А.Б.* Социология международных отношений. М., 2015.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
- Коптюг В.А.* Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997.
- Корель Л.В.* Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск, 1997.
- Кравченко А.И.* Классики социологии менеджмента: Ф. Тейлор, А. Гостев. СПб., 1998.
- Кун Т.* Структура научных революций: пер. с англ. М., 2002.
- Лапаева В.В.* Социология права. М., 2008.
- Лактин Г., Миндели Л.* Контуры научно-технической политики. М., 2000.
- Левашов В.К.* Российское государство и общество в период либеральных реформ. М., 2013.
- Лихачев Д.С.* Экология культуры //Памятники отечества. 1980. № 2.
- Локосов В.В.* Трансформация российского общества (социологические аспекты). М., 2002.
- Манхейм К.* Избранное. Социология культуры. М. СПб., 2000.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. М., 1969.
- Масловская Е.В.* Социология права: классические и современные теории. Н. Новгород, 2008.
- Матвеева Л.В.* Культура и СМИ: размышления о феномене «разорванной коммуникации» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2007. № 1.
- Мостовая Е.Б.* Экономическое поведение: анализ и прогноз. Новосибирск, 1994.
- Мостовая И.В.* Социальное расслоение: символический мир метаигры. М., 1996.
- Новгородцев П.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902.
- Омаров А.М.* Предприимчивость предпринимателя. М., 1991.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс //Вопросы философии. 1989. № 8.
- Осадчая Г.И.* Социальная сфера общества: теория и методология со-

- циологического анализа. М., 1996.
- Осипов Г.В., Москвичев Л.Н.* Социология. М., 2003.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998.
- Петражицкий Л.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908.
- Подойницына И.И.* Общество открытых классов: Очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск, 1999.
- Политическая социология. 5-е изд. / под ред. Тощенко Ж.Т. М., 2016.
- Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. М., 2003.
- Попов А.В.* Теория и организация американского менеджмента. М., 1991.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 2003.
- Радаев В.В.* Экономическая социология. Курс лекций: учеб. пособие. М., 2008.
- Радаев В.В. (ред.)* Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002.
- Резник Ю.М.* Гражданское общество как социокультурный феномен цивилизации. М., 1998.
- Рой О.М.* Социальная экология: Опыт системно-аналитических исследований. Омск, 1995.
- Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р.* Социальные перемещения. М., 1970.
- Рязанцев И.П., Халиков М.С.* Экономическая социология (региональный аспект): Учеб. пособие. М., 2003.
- Семенов В.С.* Социальная структура советского общества // Коммунист. 1965. № 11.
- Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских (социологический очерк). М., 1996.
- Симомян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М., 2003.
- Силин А.Н., Хайруллина Н.Г.* Управление персоналом: учебник. Тюмень, 2002.
- Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
- Соколова Г.Н.* Социология труда. Минск, 2000.
- Соколова Г.Н.* Экономическая социология: Учебник. Минск, 2000.
- Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М., 1997.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Тард Г.* Социальная логика. СПб. 1901.
- Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.
- Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: Теории и реальность. М., 2014.
- Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2004.

- Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М., 2013.
- Тощенко Ж.Т.* Социология. 4-е изд., 2013.
- Тощенко Ж.Т.* Социология управления. М., 2015.
- Турен А.* Возвращение человека действующего: Очерк социологии: пер. с фр. М., 1998.
- Уледов А.К.* Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование). М., 1968.
- Усимова И.П.* Правовая социализация личности. М., 2008.
- Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества: пер. с англ. М., 2000.
- Фромм Э.* Иметь или быть. М., 1990.
- Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология. М.; СПб., 2002.
- Харчев А.Г.* Социология воспитания. М., 1990.
- Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика. М., 2001.
- Чаянов А. В.* Избранные труды. М., 1993.
- Шепель В.М.* Управленческая психология. М., 1990.
- Шереги Ф.Э.* Социология права: Прикладные исследования. М., 2002.
- Шкаратан О.И.* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.
- Шюц А.* Структура жизненного мира. М., 1974.
- Щербина В.В. (ред.)* Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование. М., 2004.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации // Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. М.; СПб., 2001.
- Энгельс Ф.* Еще раз о Прудоне и жилищном вопросе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. М., 1961. С. 271.
- Яницкий О.Н.* Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. М., 2007.
- Albrow M.* The Global Age: State and Society beyond Modernity. Cambridge, Polity Press, 1996.
- Blumer H.* The Mass, the Public, and Public Opinion// A.M. Lee (ed.) New Outlines of the Principles of Sociology. N.Y.: Barnes and Noble, 1939.
- Castells M.* Communication Power. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Castells M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity, 2012.
- Corbridge S.* Capitalist World Development: a Critique of Radical Development Geography. L.: Macmillan, 1986.
- Dahrendorf R.* The Modern Social Conflict. Berkley, 1990.
- Drucker P.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1995.
- Eisenstadt S.N.* Evolution: Social Evolution // Sills D.L. (ed.). International

- Encyclopedia of the Social Sciences. V. 14. N.Y., 1968. P. 228-234.
- Friedrichs R.* Sociology of Sociology. N.Y., 1970.
- Galbraith J.* The Good Society. The Human Agenda. Boston, 1996.
- Giddens A.* Sociological Theory and Modern Society. Cambridge, 1987.
- Johnson D.P.* Contemporary Sociological Theory: An Integrated Multi-Level Approach. N.Y.: Springer, 2008.
- Katz R.L.* The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.
- Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
- Merton R.* Social Theory and Social Structure. N.Y., 1968.
- Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960.
- Spencer H.* The Principles of Sociology. L., 1896.
- Turner B.S.* Orientalism, Postmodernism and Globalism. L.; N.Y., 1994.
- Znaniecki F.* Social Organization and Institutions // Twentieth Century Sociology. G.Gurvitch, W. Moore (eds). N.Y., 1945.

ГЛАВА 9

ЖИЗНЕННЫЙ МИР И ЕГО ДЕФОРМАЦИИ

Справедливо замечание Дж. Ритцера, что, описывая современное общество, невозможно (и неправильно) при его характеристике обойти вниманием те проблемы, которые высвечиваются в процессе его функционирования [Ритцер, 2002]. Не менее интересно и соображение Ю. Хабермаса, считавшего необходимым заниматься «теорией патологий современности» [Habermas, 1986: 96]. Тем более, что некоторые из них не просто отражают некоторые ситуации в его развитии, а являются весомыми и значимыми для понимания глубинных процессов, происходящих в жизненном мире людей, в их сознании и поведении. Иначе говоря, та традиция, которая восходит к пифагорийцам, оправдывавшим линейность в развитии, что к тому же приводило их к абсолютизации данных, выраженных в числовой форме, была подвернута критике под влиянием флукуаций и непредвиденных изменений, сопровождавших развитие человечества, особенно в Новое и Новейшее время. Нелинейность развития стала не каким-то исключительным эпизодом, а важнейшей характеристикой состояния и функционирования современного мира (подробнее см.: [Кравченко, 2006]). Не менее значимо и то, что данный подход — анализ превращенных форм сознания и поведения — не возможен на основе теории рационального выбора — это скорее необходимость признания концепции иррационального выбора, которым так богат современный мир [Зафировский, 2014]. Странники экзистенциалистской социологии также считают, что повседневный выбор нередко принимает драматический характер, который иногда осознается много лет спустя [Ильин, 2014].

В современной социологии предприняты неоднократные попытки осмыслить различные формы деформации: *травму* [Alexander and oth, 2004; Штомпка, 2001], *отчуждение* [Бодрийяр, 2006; Маркузе, 2003; Нарский, 1983; Фромм, 2000], *аномию* [Дюркгейм, 1994; Кривошеев, 2004; Мертон, 1992; Покровский, 1995], *фрустрацию* [Атоян, 1993; Василюк, 1984; Витковская, Малашенко, 1999; Пузанова, 1998], *де-*

приваацию [Балобанов, Балобанова, 2003; Тихонова, 2003; Чернина, 1992], *имитацию* [Красавина, 2013; Тощенко, 2013; Шалюгина, 2011].

В последние годы произошло осознание происходящих кардинальных изменений в социальной картине мира, что проявилось в выявление, анализе и описании таких явлений, как прекариат [Standing, 2019; Тощенко, 2015], клеточная глобализация [Покровский, Нефедова, 2013].

В настоящей главе охарактеризуем некоторые из проявлений деформации жизненного мира

9.1. Парадоксальный человек: феномен современного жизненного мира

9.1.1. Что такое парадоксы?

Анализ жизненного мира невозможно полноценно осуществить без рассмотрения особой группы противоречий — парадоксов, число которых неизмеримо возрастает в условиях кардинальных изменений обществ, оказавшихся на переходных этапах своего развития и функционирования. История неоднократно свидетельствовала, что в период социальных потрясений, революций, переломных событий парадоксальность сознания и поведения обостряется сверх всяких ожиданий, сверх всякой обычной меры. И это не удивительно. Сознание людей не может перестроиться подобно токарному станку, сразу же, немедленно, вслед за происходящими событиями. Человечество не способно убежать от самого себя, от опыта, накопленного ранее, от того, что оно знало прежде, что исповедовало, на что ориентировалось, чего хотело достичь и чего хотело избежать.

В этих условиях общественное сознание подвергается мощному воздействию новых общественных вызовов, изменяющихся социальных, экономических и политических отношений. Смена (замена) общественных целей ведет к сумятице в настроениях и ориентациях людей, к изменению оценок ранее исповедуемых идеалов или, по крайней мере, к их коренной модификации.

В то же время в силу большой инерционности общественного сознания в нем продолжают сохраняться старые догмы, устоявшиеся установки и предпочтения, ранее сложившиеся, хотя и деформированные ценности. Поэтому вполне логично, что в общественном сознании под влиянием внешних и внутренних факторов происходят кардинальные изменения, продуктом которых становится парадоксаль-

ность мышления, познания и оценок окружающих человека явлений и процессов.

Следует отметить, что парадоксы общественного сознания присущи и характерны не только современному этапу исторического развития — наука и практика сталкивались с ними и на предшествующих этапах своего существования. Однако на предшествующих этапах парадоксы — вернее, знание о них — были и являются в основном отражением противоречий в процессе познания, так как они практически не соотносились с миром опыта, не рассматривались и не анализировались по отношению к реальности, общественной жизни, процессу деятельности людей на всех этапах исторического развития [подробнее см. Тощенко, 2009].

При поиске ответа на вопрос о сущности и содержании парадоксов, причин их появления и способах их существования мы сталкиваемся, с одной стороны, с необходимостью использовать знание о них, накопленное наукой, а с другой — признать ограниченность существующих представлений о них, сложность (а иногда и невозможность) их применения в социальной реальности. Поэтому, на наш взгляд, в добавление к классификации парадоксов Ф. Рамсея, которая в основном ограничивалась теорией познания, следует назвать еще один класс парадоксов, а именно парадоксов жизни — парадоксов жизненных обстоятельств, парадоксов сознания и поведения социальных групп и личности [Агеев, 1990; Василюк, 1984; Гримак, 1991; Сидорина, 2002].

Социологический подход к парадоксам позволяет выявить их проявления в реальной жизни, в процессе осуществления тех или иных видов деятельности, ибо парадоксальность присуща не только процессу познания, но и самой действительности. В самом деле, если внимательно проанализировать историю, то мы непременно придем к выводу, что парадоксальность сознания и поведения была присуща людям на всех этапах общественного развития. Но особенно наглядной, острой и объемной эта парадоксальность становится характерной для обществ с неустойчивым развитием, находящихся в состоянии нестабильности, аморфности, неопределенности вектора исторического процесса. В этих условиях парадоксы сознания и поведения становятся массовыми, всеобъемлющими, порождающими причудливые сочетания добра и зла, чести и умысла, верности и предательства, безрассудного новаторства и упрямого традиционализма.

Если анализировать не парадоксы вообще, а только те, что касаются сознания и поведения людей, т.е. жизненного мира людей, то

необходимо отметить следующее: специфика социологического подхода к этому явлению заключается, прежде всего, в том, что данный подход соотносится не столько с теорией и логикой познания, не столько с умозаключениями, сколько с реальной жизнью, с процессом функционирования как общественных структур, так и жизнедеятельности человека. Анализ реальной ситуации в России показывает, что парадоксальность стала неотъемлемой частью современной жизни [Мнакацянц, 2006].

Парадоксальность поведения и сознания постоянно проявляется в том, что как общественные институты, так и многие люди заявляют или декларируют одни цели и жизненные ориентации, а на деле осуществляют иные, иногда прямо противоположные установки. Парадоксальность поведения особенно наглядно обнаруживается в конкретных жизненных ситуациях, когда публично и словесно провозглашаемые суждения опровергаются практическими действиями.

В настоящее время все чаще приходится встречаться с новым классом парадоксов, когда люди неосознанно, не по злому умыслу олицетворяют удивительнейший феномен — в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные, а иногда и просто взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения. Человек как бы бежит сам от себя и от общества в одно и то же время в прямо противоположных направлениях. Наш дезориентированный современник нередко, исповедует противостоящие друг другу истины и, что поразительно, относится к взаимоисключающим мнениям и суждениям с доверием, ориентируется на них вполне искренне, часто не замечая этого потрясающего несоответствия.

В то же время возможны и такие жизненные коллизии, когда истинными могут быть различные стратегии поведения, которые хотя и противоречат друг другу, но в реальной жизни могут претендовать на свое автономное, независимое существование. Как и в антиномии Канта, осуществляемые модели поведения в одно и то же время могут быть как доказуемыми, так и недоказуемыми положениями.

Таким образом, анализ реально функционирующего сознания и поведения, обнаруживает особый класс явлений — парадоксы, которые необходимо рассматривать как специфическую форму противоречий, требующую глубокого выявления причинно-следственных связей между противоречивыми установками и ориентациями людей. Исключительное значение имеет тот факт, что парадоксы характерны не только для общества, государства, социальных групп или организаций, не только для понимания взаимосвязи материального и идеаль-

ного, но и для сознания самого человека, в котором уживаются взаимоисключающие друг друга мотивы и ценности. На это можно было бы не обращать внимания, если бы это явление не приняло массовидный характер. Более того, парадоксальность сознания имеет тенденцию к росту. Чем это можно объяснить?

9.1.2. Причины парадоксального сознания и поведения

Исходной фундаментальной причиной парадоксальности сознания и поведения людей является то, что российское общество не является монолитным, единым — оно состоит из прежнего — советского и вновь нарождающегося — рыночного. Тесное переплетение укорененного, накопленного и неизжитого в сочетании с новыми отношениями рождает (и не может не рождать) чрезвычайно удивительные комбинации, метаморфозы, противоречия. Игнорирование, забвение этих принципиальных и специфических явлений в общественном сознании и поведении людей, имеющих ключевое значение для понимания происходящего в российском обществе, приводило, приводит и будет приводить к тем провалам, издержкам, зигзагам, просчетам и непоследовательности, которые так характерны как для социальных наук, так и для социальной практики, что и привело к краху многие проекты и программы, предложенные обществу на данном этапе развития России. А строить перспективу на сомнительных предположениях и иллюзиях не менее губительно, чем упорно и упрямо придерживаться старых догм, мертвых теорий и сомнительных концепций. И в том, и в другом случае общество охватывает кризис, который ведет к изменению образа и стиля жизненного мира, к коренной ломке ранее существовавшей системы ценностей, утрате прежних идеалов и нечеткости или отсутствию новых. В результате *возникновение и существование парадоксов сопровождается оживлением процессов, которые ранее протекали в неразвитом, скрытом виде* и которые в современных условиях характеризуют новый уровень противоречий в общественном развитии.

На возникновение парадоксов влияют *аномия и фрустрация — ситуация невозможности удовлетворения значимой для человека потребности, реализации мотива деятельности*. Возникает напряжение, чувство безысходности, отчаяния. Эта невозможность по своей сути есть разрыв между мотивом деятельности и его результатом, что не может не сопровождаться появлением парадоксов, возникающих на грани исповедания прежних ценностей и сознания невозможности их прежнего существования, на грани противостояния прежних ориенти-

ров в культуре и вновь созреваемых по причине разрушения и утраты ранее существовавших не только политических, но и гражданских идеалов и отсутствия новых.

Не в меньшей мере на появление парадоксов в сознании и поведении людей влияет *нарушение преемственности в развитии*, необдуманные и скороспелые эксперименты, слабый учет или даже игнорирование влияния менталитета, традиций и обычаев.

Особо необходимо подчеркнуть, что всеохватывающий кризис общественного сознания и общественного поведения многолик, многообразен, показателем чего является стремительное увеличение их парадоксальности: общественное сознание в условиях социальных потрясений не может перестроиться сразу же, немедленно, вслед за происходящими событиями. Человечество не способно убежать от самого себя, от опыта, накопленного ранее, о того, что оно знало ранее, что исповедовало, на что ориентировалось, что хотело достичь и что хотело сохранить.

Важным *условием и причиной парадоксальности выступают те объективные противоречия*, которые помимо воли и сознания человека или групп людей возникают в процессе познания и реализации его выводов и результатов. На это в первую очередь обращают внимание исследователи, занимающиеся логикой познания. Так, А.А. Зенкин приводит следующий пример. «Один великий ученый открывает совершенно абстрактную формулу $E = mc^2$, другой великий ученый открывает новый химический элемент U-238, третий талантливый инженер, изобретает технологию обогащения урана и производит из него атомную бомбу, четвертый политик, принимает решение использовать эту атомную бомбу в самых «высоких и гуманных» целях, пятый, пилот-исполнитель, доставляет этого «Мальша» куда надо и делает с ним то, что приказано. «Гуманитарные» последствия такого «подарка» напоминают о себе до сих пор. Кто виноват? Вопрос, на который не существует ответа. Так, один из величайших факторов промышленного прогресса — принцип разделения труда ради повышения его эффективности «во благо...» имеет своим следствием вначале разделение ответственности, а затем — и разделение совести [Зенкин, 2000:45]. Не в этой ли глобальной исторической ситуации создаются условия для возникновения парадоксов, когда каждый отдельный акт сам по себе имеет правомочность и правомерность, но результат этих совместных последовательных действий приводит к непредвиденным, неприемлемым для человечества последствиям.

К причинам появления парадоксов можно отнести ситуации, которые Т.Кун называет аномалиями и кризисами [Кун, 1975], когда в

орбиту исследования незаметно втягиваются новые объекты, наличие которых постепенно ставит под сомнение истинность существующей картины мира и ее составляющих. Эти ситуации приводят к тому, что в системе знания накапливаются необъяснимые факты, нередко приобращающие форму парадоксов.

Весомой причиной возникновения парадоксальности является и тот факт, что *процесс познания в целом и даже в конкретных науках породил, во-первых, огромное количество исследовательских «логик», и во-вторых, такое семантическое разнообразие выражения одной сущности, что стало затруднительным взаимопонимание не только между представителями различных наук, но и внутри одной науки.* И этот процесс, объективно отражая дифференциацию, углубление опыта познания, приводит к тому, что творцы различных отраслей знания перестают понимать друг друга, имеют свои, весьма своеобразные и специфические суждения по тем или иным конкретным ситуациям. Более того, речь идет не столько о разных методах познания одной и той же сущности, сколько об исключительной правоте именно избранного подхода. Эта своеобразная научная нетерпимость к другой логике породила чуждое в науке явление, когда целые области знания объявляются сферой профессиональных интересов только одной науки без права вмешиваться в ее компетенцию, в первую очередь отгораживаясь от философии, не говоря уже о родственных науках. Это своеобразное табу систематически проявляется в жизни науки, становясь тормозом в ее развитии, и замедляет решение не только проблем теории, но, как выясняется, и практики. В статье академика В.И. Арнольда это убедительно показано на примере отношения к теории Кантора, когда ее абсолютизация и обожествление привело к «левополушарной преступности», «левополушарному абстракционизму». По его мнению, «в середине XX столетия обладавшая большим влиянием «мафия левополушарных математиков» сумела исключить геометрию из математического образования (сперва во Франции, а потом и в других странах), заменив всю содержательную сторону этой дисциплины тренировкой в формальном манипулировании абстрактными понятиями... Подобное «абстрактное» описание математики непригодно ни для обучения, ни для каких-либо практических приложений», и более того, порождает «современное резко отрицательное отношение общества и правительств к математике» [Арнольд, 1999: 564].

Такие ситуации в той или иной мере присущи всем наукам. Это вполне естественный процесс развития научного знания, который по-

зволяет разобраться и решить многие аномальные, парадоксальные ситуации. Проблема состоит не в том, что эти парадоксы существуют, а в том, как относиться к их решению.

Рождению *парадоксов в немалой степени способствует противоречие между теорией и фактами*, между которыми, по мнению М. Полани, нет «логического моста», ибо «в каждом акте сознания присутствует страстный вклад познающей личности и что эта добавка — не свидетельство несовершенства, а насущно необходимый элемент знания». Теория неявного знания, обоснованная М. Полани, во многом объясняет возникновение парадоксов и противоречий между двумя типами знания: центральным или явным, эксплицитным и периферийным, неявным, скрытым, имплицитным [Полани, 1998: 19].

Среди причин, рождающих парадоксы, можно назвать кардинальное смещение акцентов в развитии общества, дезорганизацию сфер общественной жизни, неупорядоченность всей совокупности общественных отношений, консерватизм прежних структур, их организации и их несоответствие потребностям времени.

Вероятность возникновения парадоксальности неизмеримо возрастает в период революционных, трансформационных изменений в обществе, которые обычно сопровождаются кризисными процессами. В этих условиях ранее существовавшие парадоксы модифицируются, трансформируются и рожают новое обличье этого социального феномена. В трансформирующемся обществе происходят такие процессы, как нарушение четкой взаимосвязи ценностей и ориентаций с социальной структурой общества, усиление влияния групп давления на процесс функционирования общественного сознания, неадекватность реакции общества и властных структур на происходящие изменения, необходимость уточнения трактовки ложного, катастрофического, мифологизированного и больного сознания, роли и места мифов, стереотипов и архетипов в жизни человека.

9.1.3. Опыт классификации парадоксов

При рассмотрении парадоксов следует подчеркнуть не только тот факт, что общей их характеристикой является расходящиеся и(или) противоположные и противостоящие друг другу мнения, суждения, установки и ориентации, а то, что они уживаются, сочетаются и функционируют в сознании одних и тех же людей.

В силу своего разнообразия парадоксы имеют разную глубину и масштаб своего проявления, и поэтому могут быть систематизированы (классифицированы) по разным основаниям.

Прежде всего, необходимо сказать о *парадоксах в процессе познавательной деятельности*. Вот, например, интересный пример: «Чтобы стать по настоящему субъектом, нужно отнести к себе как объекту» [Чеснокова, 1977: 4].

Важное значение имеют *парадоксы, связанные с определенными видами деятельности*: экономической, политической, социальной, духовной (по сферам жизни общества).

Далее, *парадоксы можно анализировать в рамках той сферы научного знания*, которая подвергается анализу: в области математики, физики, истории, логики, философии и т.д.

Важное значение для социальной науки приобретает *анализ субъектов парадоксальности — общества в целом, классов, социальных групп и общностей, а также социальных институтов* (семьи, религии) и *социальных организаций* (производственных коллективов, партий, добровольных объединений) и т.д. Но особое место среди данного класса субъектов занимают проявления парадоксальности, которые связаны с деятельности региональной или местной автаркии, когда интересы данной территории или данного населенного пункта противопоставляются интересам страны и аналогичных территориально-пространственных образований.

Кроме того, *парадоксы можно классифицировать по наиболее злободневным проблемам* (если это касается всего общества) и соответственно анализировать их в связи с существованием таких противоречивых явлений, как элиты, центризм, роль и место интеллигенции в современном обществе и т.д.

И наконец, есть *отдельные неупорядоченные случаи (казусы) парадоксальности*, которые часто являются производными и (или) элементами более значимых социальных парадоксов.

По роли парадоксов в регулировании общественной жизни их можно классифицировать на *созидающие, конструктивные и деконструктивные*, что позволяет и отыскать пути решения назревающих социальных проблем. При таком подходе важно определить, осуществляется ли поддержание парадоксальности осознанно, что сулит немалые выгоды и приносит ее инициаторам значительные дивиденды, или она складывается стихийно. Определенный интерес представляют и так называемые *затаившиеся парадоксы*, появление которых можно предвидеть, если обстоятельно и всесторонне анализировать последствия принимаемых решений, как, например, в случае с обсуждением судьбы, путей и методов осуществления политики и практики землепользования и землевладения в России.

Вместе с тем стоит отметить сложность классификации «гибридов» теоретических изысков и общественной практики, рождающих такие словосочетания, как «народный капитализм», «этнический социализм и капитализм», «олигархическая демократия», «демократическое правовое государство» и т.д. и т.п.

Обобщая сказанное, можно делать вывод, что парадокс как реальное проявление противоречия в общественном сознании и поведении отражает и воплощает в себе следующие характеристики.

Во-первых, в парадоксе находит отражение *противоречивость процесса познания*, когда существующие рассуждения о том или ином процессе или явлении в равной степени доказывают как истинность, так и ложность некоторого предположения. Иначе говоря, имеющееся знание (информация) не позволяет делать однозначные выводы и получать бесспорные умозаключения. Эта возможность получения не просто других, а взаимоисключающих результатов является базой (основой) для продолжения существования сложившихся и возникновения новых парадоксов. Другим вариантом возникновения парадоксов в процессе познания выступает неоднозначность (вариативность) трактовки того или иного понятия, что может быть преодолено посредством согласования смыслов тех или иных определений.

Во-вторых, парадоксы в сознании и поведении людей порождаются *противоречиями жизненного опыта*, когда реальная практика показывает не только возможность существования взаимоисключающих ценностей и установок у отдельных социальных групп и людей, но и культивирование этого противоречия, в результате чего появляются противостоящие друг другу утверждения, действия и поступки.

В-третьих, парадокс проявляет себя в ситуации, *когда отождествляется реальный процесс и представление (знание) о нем*, что чаще всего случается в процессе преобразующей деятельности человека. Это отождествление реальности и знания о ней нередко приводит к трудноразрешимым противоречиям, когда процесс познания может отражать реальность приблизительно, а иногда и односторонне и тем самым не соответствовать практике, которая на этом основании отвергает не только этот эпизод, но и все научное знание.

В-четвертых, *абсолютизация прежних знаний* приводит к появлению, порождению парадоксальных ситуаций, когда изменившаяся жизненная ситуация диктует иную логику и иную программу поведения людей. Особенно наглядно это проявляется в общественно-политической деятельности, когда парадоксом становится достижение

политической партии целей, отвергаемых полностью или частично предшествующим опытом.

В-пятых, парадоксы порождаются ситуативностью в деятельности субъектов экономического, политического, социального или духовного процесса, когда ими принимаются решения и осуществляются действия, творцы которых ориентируются на ограниченные источники информации, не учитывают данные во всей их совокупности и игнорируют не совпадающее с их мнением знание.

И наконец, парадоксы проявляют себя в случае, когда самые разнородные действия, сами по себе в отдельности являющиеся рациональными, будучи соединены воедино, в систему, *обнаруживают не просто несогласованность, а абсолютную противоположность, несовместимость друг с другом.*

Таким образом, парадоксы — это в большинстве случаев расходящиеся, противоречивые и даже противостоящие друг другу мнения, суждения, установки, ориентации, действия, которые одновременно существуют, сочетаются и функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей.

Парадоксальность усиливается и потому, что современный «мир требует включения человека во все возрастающее многообразие социальных структур, что сопряжено с гигантскими нагрузками на психику, стрессами, разрушающими его здоровье. «Объем информации, стрессовые нагрузки, канцерогены, засорение окружающей среды, накопление вредных мутаций — все это проблемы сегодняшней действительности, ее повседневные реалии» [Степин, 2000: 32]. Социологические исследования выявили парадоксы прежде всего в тех сферах общественной жизни, которые подверглись существенным изменениям и влияют на повседневную жизнь человека, его настроение и самочувствие. Особенно актуален для людей в нынешней ситуации поиск ответа на вопрос — а кто ответственен, виноват в таких неутешительных для большинства населения изменениях в обществе?

Анализ сущности, содержания и особенностей парадоксов и их места в общественном сознании и поведении позволяет сделать следующее заключение.

Социологическое исследование парадоксов является одним из плодотворных каналов познания реальных противоречий в сознании и поведении людей, *действенным средством получения более полной и объемной информации о происходящих в обществе процессах.* Изучение парадоксов позволяет избежать односторонности, преувеличения значимости одних явлений при игнорировании других, предостеречь

против абсолютизации ограниченных данных. Особую важность при исследовании парадоксов приобретает отказ от противопоставления одной информации другой по принципу «истинно — ложно», «верно — ошибочно», «необходимо — случайно». Только всестороннее, комплексное, системное изучение явления может привести к научно обоснованным выводам и рекомендациям, если это касается практического решения общественных проблем.

При изучении парадоксов приобретает значимость такое методологическое требование, когда оценка знания об окружающем человека мире сопоставляется с прогнозом возможного его поведения в происходящих процессах. Учет только лишь одного из этих компонентов означает выход на неполные, односторонние выводы, возможное заблуждение, неадекватное отражение реальности, неправильная ориентация и даже дезинформация общественного сознания.

Исследование парадоксов в сознании и поведении людей непременно связано с изучением степени готовности человека к риску, к возможности дискомфорта в жизни, его отношения к предполагаемым издержкам и жертвам. И если степень такой готовности выражена в незначительной степени, то в критический для страны этап развития отчетливо проявляется желание людей избежать любым образом социальных катаклизмов, жертвенности. В этих условиях самые «свирепые» словесные высказывания и утверждения не имеют цены, так как они могут отражать сиюминутность, кратковременность и ситуативность человеческих настроений, быстро гаснущих под давлением возможных серьезных социальных последствий.

На наш взгляд, важным моментом в понимании природы парадоксов является самооценка человека, особенно в ситуации выбора. «Эксперименты показывают, — утверждает М.А. Розов, — что выбор предполагает самооценку, не оценку деятельности других людей, а именно оценку самого себя, своего собственного поведения. Это может показаться странным: человек имеет вокруг себя огромное количество образцов поведения, огромное количество «сценариев», он должен выбрать наилучший, и, следовательно, оценке подлежат именно эти «сценарии», а не что-то другое... Оценка других вовсе не меняет поведения того, кто оценивает: это поведение меняет только самооценка» [Розов, 1995: 16].

В переломные моменты истории возможно увеличение числа формально логических парадоксов, когда внешняя противоречивость взаимоисключающих мотивов, установок и целей скрывает глубинные противоречия, нередко лежащие в другой сфере деятельности людей и

опосредованные другой группой интересов, иногда по тем или иным причинам, выходящим на первый план.

Вот именно эти парадоксальные явления необходимо проанализировать, ибо в конечном счете первопричина всех напряженностей, конфликтов, недопониманий и борьбы часто кроется в сознании и поведении самого человека, что приводит, по меткому замечанию В.В. Лапаевой, к «моральной опустошенности». И чем больше человек может оказывать влияние на других людей, на судьбы общества или конкретного социального института, тем больше вероятность усиления тяжести совершаемых действий, социальных последствий тех или иных конфликтов. «Человек, исцелился сам» — эта библейская мудрость, на наш взгляд, как никогда подходит к решению не с только личных, сколько общественных проблем, которые начинают свой отсчет именно от того, что происходит в сознании и поведении человека.

Вместе с тем парадоксы в сознании и поведении людей многообразны, касаются различных сторон их жизни и по разному проявляются в конкретных обстоятельствах применительно к определенным проблемам [Барулин, 2000; Левада, 2000; Томалинцев, 1999].

9.2. Кентавр-проблема в познании и преобразующей деятельности человека

9.2.1. Сущностные характеристики кентавризма

В XIX—XX веках естественные и социально-гуманитарные науки обнаружили ряд удивительных процессов и явлений. Сначала их определяли различными терминами (понятиями). Долгое время казалось, что речь идет о разной их природе, об их несопоставимости и специфичности. Физики называли их волной-частицей и пространством-временем; биологи — фенотипом-генотипом; психологи — сознательным-бессознательным; лингвисты — синхронией-диахронией; математики — бинарной системой исчисления; писатели — потоком сознания, новым романом; художники — коллажами, инсталляциями, ассамбляжами; музыканты — классической-легкой музыкой; искусствоведы — ренессансом-барокко и иконологией-иконографией; историки — подвижной-неподвижной историей; философы — феноменологией-структурализмом; юристы — авторским правом-свободой слова [Чучин-Русов, 2004: 164].

Со временем выяснилось, что при кажущейся несравнимости они обнаруживали удивительное единство, что позволяло говорить о фе-

номене, имеющим общую, хотя и парадоксальную природу. В попытке осмыслить открытое явление наука вернулась к метафоре, ранее употреблявшейся в мифологии и в литературе. Речь идет о термине **кентавр-проблема**, который позволяет охватить единым понятием разнообразный класс процессов и явлений, встречающийся в познавательной и преобразующей деятельности человека.

На феномен кентавризма долго не обращали внимания или затрагивали попутно, в основном при анализе мифов. Этим объясняется то, что до сих пор нет научного анализа этого феномена, особенно если в общественной жизни обнаруживается сочетание несочетаемого в кентавр-явлениях, кентавр-процессах, кентавр-образах, кентаврилчностях и других проявлениях кентавризма.

Для анализа этого феномена совершим небольшой экскурс в прошлое.

Напомню миф древней Греции: на фессалийские города нападали племена, мужчины которых никогда не спешили с коней. Этот образ породил представления о *кентаврах, символизирующих возможность объединения взаимоисключающих начал — человеческого и животного*. Миф о человеке-лошади, представлявшем собой нечто единое, воплощен в художественных образах («битва с кентаврами»), в символах-знаках («созвездие Стрельца»), в мифах, сказаниях. Образ кентавров вдохновлял античное искусство, к нему обращались художники эпохи Возрождения (П. Веронезе, Б. Шпрангер, Г. Рени и др.), нового времени (А. Бёклин, О. Роден, Л. Коринта, П. Пикассо) [Лосев, 1987: 638—639].

Такие порождения разума присущи практически каждому народу. У славян *русалки — полудевы-полурыбы* широко представлены в сказаниях, былинах, имеют хождение в рамках повседневного сознания. В мифологическом сознании русских, украинцев, белорусов живет *леший* (хозяин леса в шкуре со звериными атрибутами — рогами, копытами), *домовой* (старик, покрытый белой шерстью или превратившийся в кошку, собаку, иногда змею, крысу или лягушку), *водяной* (мужчина с чертами животного — лапы вместо рук, рога на голове), *кикимора* (злой дух, женщина-невидимка) и другие чудища народных сказаний. Средневековая история сохранила представление об образах людей, которые оборачивались для их носителей бедами, — *колдунах, ведьмах*, воплощавших в себе человеческие и нечеловеческие начала. В религиозной мифологии мы встречаемся с *ангелами* — человекоподобными существами с крыльями, которые несут людям добро, благие вести, поддерживают в трудную минуту.

В канве наших рассуждений важно не забыть *одно принципиальное положение*: кентавр реально никогда не существовал — это порождение фантастических представлений людей о неких мыслимых образах, явлениях и процессах. Образ кентавра отражал парадоксальное состояние сознания, породившего феномен, которого не было в реальном мире. Своеобразное осознание (представление) воображаемого мира воплощалось в образе, означавшем возможность совмещения несовместимого. Иначе говоря, *кентавр — воплощенная несовместимость разных начал, каким-то образом преодоленная, что можно представить как метафору сочетания несочетаемого*.

Каковы причины возникновения данного образа? Просто фантазмагорическое видение реального мира? Или ограниченность познавательных возможностей человека? Или компромиссное (алогичное?) объяснение исключительных, непознанных явлений? Анализируя данное проявление человеческого разума, можно возразить, что эти примеры совмещения несовместимого существуют в воображении людей, в мифологии, в сказках тех времен, когда человек не научился выделять себя из окружающей природы, когда он и все вокруг него сливалось в образ неделимого мира. С точки зрения научного знания любой биолог скажет, что человек и конь (змея, лев, коза и т.д.) — существа разнородные, что у них разный набор хромосом и как виды они генетически несовместимы. Значит ли это, что кентавры существуют только в фантазии и никакого отношения к реальному миру не имеют? Но зачем, для чего человеческий разум создал такие образы? Только из-за ограниченности познавательных возможностей?

Более обстоятельный анализ свидетельствует, что в ходе познания окружающего мира человечество столкнулось с необходимостью дать объяснение не просто определенным противоречиям, их специфическим проявлениям, получившим название парадоксов, а их особым формам реального существования, по своей сути отражавшим проблему, возникшую в результате сопоставления данных наблюдения (опыта, исследования) и их мысленного анализа.

Приведем пример осмысления поведения элементарных частиц атома — электронов и позитронами. В самом деле, как представить себе, что эти частицы одновременно олицетворяют и частицы и волны, что противоречит не только классической физике, но и здравому смыслу, который отвергает такую двойственность, как физическую бессмыслицу. А сколько драм сопровождало путь этого вывода. Великие физики Макс Борн, Альберт Эйнштейн, Эрнест Резерфорд много лет не могли осмыслить противоречивость открытых ими явлений.

Лишь Луи де Бройль, а затем Нильс Бор рискнули соединить несоединимое, согласно которому эти частицы предстали микрокентаврами. Луи де Бройль доказал, что электрон способен пребывать в двух ипостасях — частицы и волны. Это была революция, положившая начало новейшему физическому мировоззрению [Данин, 1978; Трофимов, 2000]. Для объяснения этого явления Н. Бор обосновал принцип дополнительности, объяснявший «кентаврическую» природу атома, исходя из двух взаимоисключающих подходов, которые взаимодополняли друг друга, создавая целостную картину исследуемого явления.

Д. Данин в книге-раздумье «Неизбежность странного мира» рассуждает: если бы человек смог двинуться в путь (только вперед) по Вселенной, через энное время он пришел бы в исходную точку, с которой начал свое путешествие. Абсурд? Нет, мы имеем особый случай (правда, гипотетический) парадоксальности, который отражает невозможность представить в нашем видении мира сочетание несочетаемого [Данин, 1964]. Иначе говоря, в новой истории открыты явления, которые нельзя объяснить только противоречиями процесса познания. Наука столкнулась с реальными казусами, которые опровергали существовавшее прежде знание и которые в отличие от представлений о лешем или ведьме не исчезали.

При анализе кентавр-проявлений обратим внимание, что художественная мысль давно ввела в оборот приемы, характеризующие способность человеческого мышления распознавать и создавать сочетания несочетаемого, если это служит раскрытию странностей истории, человеческой жизни. Со времени Эллады известен стилистический прием оксюморон — «остроумно глупое» — сочетание несочетаемого по смыслу. Так, у Л. Толстого мы находим «Живой труп», у И. Тургенева — «живые мощи», у А. Блока — «жар холодных чисел», у А. Ахматовой — «Смотри! Ей весело грустить такой нарядно обнаженной!». Согласитесь, у нас не возникает возражений против таких словосочетаний, мы не называем эти образы вздором, нелепицей, не испытываем недоумения, напротив, восхищаемся сравнениями и необычным словесным мастерством.

Подводя итог, можно сказать, что открыты явления в мире (сначала в микромире, а в дальнейшем в обществе), которые предстали в общественном, групповом или индивидуальном сознании кентавр-проблемами, внося коррективы в осмысление и трактовку многих ситуаций общественной жизни, жизненного мира людей.

Итак, мы встречаемся с особым классом феноменов, которые в самом общем виде можно охарактеризовать как *сочетание несоче-*

таемого. Попытка выявить сущность и специфику каждого феномена потребовала осмыслить специфические моменты, которые как реальность духовной жизни человечества на предшествующих этапах его развития осмысливались или трактовались с иных позиций по сравнению с постулатами современной теории познания. Исследование кентавр-проблем позволяет обратить внимание на малоизвестные и спорные проблемы природы познания и преобразовательной деятельности, их взаимодействия, выявить ряд особенностей соотношения знания и реальности, условия достоверности и истинности знания [Милль, 2001].

Почему в общественной жизни образуются кентавры? Как их преодолевать и решать? Если анализировать симбиоз взаимоисключающих ориентаций в сознании и поведении человека или групп людей, то кентавризм можно объяснять по-разному. Прежде всего, *кентавр* — особая форма противоречия, особое проявление парадоксов. Это не просто противоречие, которое присуще общественному или групповому сознанию. Это такое состояние сознания (и знания тоже), которое *отражает сочетание несочетаемого*. То есть разум не может объяснить одновременное существование двух (нескольких) взаимоисключающих начал. Следовательно, мы встретили класс явлений и процессов, которые имеют характерные особенности в познании мира.

Обобщая, скажу, что, *во-первых, кентавр-проблема является особой, специфической, но не исключительной формой парадоксальности*, которая существовала на всех этапах развития человечества. Современное состояние общественного сознания и деятельности не избавляет от самых разных проявлений кентавризма. Более того, по мере проникновения в макро- и микромир при существующих методах познания постоянно появляющиеся кентавризмы невозможно объяснить.

Во-вторых, кентавр-проблема отражает особый случай поиска ответа на непознанные объективные процессы. Они, как правило, возникают на стыке науки и практики, где наши познавательные возможности по каким-то причинам ограничены. По мнению М. Полани, рождению парадоксов (кентавр-проблем) немало способствует отсутствие «логического моста» между теорией и фактами, ибо «в каждом акте сознания присутствует (в качестве насущно необходимого элемента знания. — Ж.Т.) страстный вклад познающей личности». Теория неявного знания М. Полани объясняет многое в возникновении противоречий типов знания [Полани, 1998: 19].

В-третьих, для познания кентавр-проблемы очень важно применение принципа неопределенности, ибо она может проявлять себя по-

разному. Процессы, связанные с открытием принципа неопределенности, позволили Л. Ландау утверждать, что «человек в процессе познания природы может оторваться от своего воображения, он может открыть и осознать даже то, что ему не под силу представить» (курсив мой. — Ж.Т.). Кентавр-проблема может существовать на подсознательном уровне, когда человек не подозревает, что является носителем парадоксального сознания и поведения. То, что он обладает кентавристиским сознанием, очевидно для исследователя, а не для самого человека, который почти всегда не замечает свою противоречивую позицию, демонстрирующую иррациональный потенциал реально функционирующего сознания. Не менее редки ситуации в природе и обществе, когда встретившиеся исследователю феномены не могут быть объяснены предшествующим знанием. Тогда на первый план может выйти интуиция, гипотезы (нередко внешне абсурдные), ассоциации, когда решение проблемы в одной области знаний может быть перенесено и апробировано в другой, даже при кажущейся недопустимости такого приема [Лекторский, Ойзерман, 1995: 16].

В-четвертых, особые трудности возникают при встречах не с естественно-научной, а с социальной, политической, духовной кентавр-проблемой. Исследуя феномен семантического дифференциала, В.Ф. Петренко показал, что у многих людей на уровне восприятия социалистических и либеральных ценностей происходит их смешение; на этой основе происходит создание кентавристических образований, которые трудно поддаются логическому объяснению [Петренко, 1998].

В-пятых, кентавр-проблема имеет выраженную тенденцию к росту своих проявлений в период деформации общественных отношений, нарушенных социальных связей, нестабильности. В период кардинальных общественных изменений она в определенной степени становится нормой, характерной для сознания и поведения людей.

И, наконец, незнание или игнорирование кентавр-проблемных ситуаций в обществе обрекает политиков и обслуживающие их научные центры на ложные выводы, создает условия для провала их действий, особенно тогда, когда они продолжают мыслить по принципу линейности развития, не видя не только противоречий, но и парадоксальности многих ситуаций.

Что касается изучения вновь открытых противоречий объективной реальности, уместно заявить: их выявление и обоснование существенно обогащает теорию познания. В частности, нуждается в уточнении то, как соотносится кентавр-проблема с универсальными принципами

диалектики, которая допускает, предполагает, а порой и требует преобладания одного из противоборствующих начал над другим.

9.2.2. О типологии социальных кентавр-проблем

Особенно трудно объяснимы ситуации, когда научное познание сосредоточено на проблемах общественной жизни, предстающих перед нами своеобразными социальными кентаврами. Внимательный анализ окружающей действительности вынуждает нас признать факт постоянных встреч с кентаврами. Они рождаются, функционируют, окружают нас повсеместно. Но с одной поправкой. Они проявляют себя в наших представлениях о непонятных и непознанных нами процессах и явлениях. Сам объект исследовательского интереса не всегда осознает свою «кентавричность».

По этой причине кратко охарактеризую несколько типов кентавр-проблем. В новейшей истории их специфической характеристикой стало то, что они проявились не в процессе умозрительных рассуждений, а обнаружены в природе и в обществе: были открыты *феномены, которые человек представлял для себя, для общества, для науки в виде кентавр-явлений, кентавр-процессов, кентавр-образов, кентавр-личностей, кентавр-идей, кентавр организаций* (подробнее см.: [Тощенко, 2011]).

Охарактеризуем некоторые из них. Начнем с *кентавр-явлений*. Что, например, представляют собой современные российские профсоюзы? Это соединение двух групп, интересы которых разноплановы, разнонаправлены и имеют противоположные ориентации — работодатели и работники. Попытки их примирить или соединить в органическое целое ни к чему не приводят (или дают кратковременный эффект). Противоположность интересов объясняет то, что профсоюзы в этом кентавр-явлении ничего собой не представляют, занимают соглашательскую позицию и не могут защитить интересы большинства. Или отражают точку зрения предпринимателей, подмявших под себя профсоюзы. Попытки построить независимые профсоюзы не получили распространения, в настоящее время по сути они не отличаются от традиционных для СССР профсоюзов. И таковыми они будут до тех пор, пока не разделятся на социальные объединения (союзы), отражающие интересы однородных групп. В этом смысле исследовательские программы призваны исходить не из того, как примирить или соединить неразрешимые противоречия, а признать принципиальные различия, несовместимость и по-иному выстраивать взаимодействия между ними [Гордон, Клопов, 2001].

Не менее кентавристична современная свобода слова. Практически она доступна тем, кто имеет деньги и власть. То есть эта свобода реальна для ограниченного круга, а остальной массе доступна гипотетически. Люди могут высказать мнение только в непосредственном окружении, и результативность при этом фактически нулевая. Но довести свое мнение до сведения аудитории через телевидение, радио или газеты невозможно — доступ ограничен или закрыт, ибо в сфере воздействия на общественное сознание оперируют обладатели политического влияния и(или) экономических возможностей. Но постоянно провозглашаемая свобода слова создает эффект присутствия. Поэтому 40% россиян полагают, что имеют возможность использовать свободу слова [Левашов, 2010]. Создается кентавр-явление — «свобода слова в обществе, в котором большинство фактически лишены этой «свободы», что мало отличается от предшествующих этапов развития российского общества [Шабанова, 2000].

Перечисляя кентавр-проблемы, обратимся к примеру *кентавр-организаций*, которые представляют собой уникальные образования, формирующиеся в результате: а) стихийного стечения обстоятельств, которые сами по себе после перебора, апробирования некоторого имеющегося опыта, в данной ситуации считаются наиболее приемлемыми; б) противоречий между стратегическими замыслами осуществления тех или иных изменений в обществе и тактическими повседневными практиками, применяемыми в реальной жизни; в) реализации поиска неизведанных методов и путей решения актуальных и неотложных общественных проблем, часто знаменующих компромисс между имеющимся опытом, но не удовлетворяющих цели в полной мере, и стремлением применить, казалось бы, эффективные способы решения проблем.

В российской истории было немало организаций, которые являли собой все эти варианты, но были объединены единой характеристикой — они представляли собой образования, олицетворяющие подобие целостности казалась бы несоединимых черт. И как правило, гибли, исчезали, ибо не может существовать нечто противоестественное. А если и существует, то непродолжительное историческое время, так как история не может простить и согласиться с тем, что существует то, что само по себе алогично, несовместимо, не допускает существование двух взаимоисключающих начал. Именно такими чертами и характеризуются многие российские кентавр-организации во всех их вариантах — как стихийные, как специально сконструированные, как частнособственные и даже как «законные бандформирования» [Гринберг, 2008].

Вторую группу кентавр-проблем образуют *кентавр-процессы*, характеризующие последовательность протекания тех или иных актов, действий. Возьмем, к примеру, процесс становления демократии в России. Для одних (как В. Новодворская) — это самодовлеющая ценность, ради которой можно пожертвовать всем. Для других демократия — возможность ущемить стоящих на их пути. Ради этого можно обозвать противников по-всякому: коммунистами, националистами, «дерьмократами» и даже патриотами, понимая патриотов как негодяев. Для третьих — возможность без всяких помех захватить куски чужой собственности, применять любые («демократические») пути сохранения власти. Для четвертых — это соединение преступных капиталов с властью, стремление обелить себя, перейти в иное состояние. Для этого сорта людей характерны ссылки на то, что многие капиталы в США были изначально преступными, но унаследовавшие их — добропорядочные граждане. Реально в России стал формироваться авторитарно-демократический кентавр: демократия для «элиты», демократически припудренный авторитаризм для остальных [Третьяков, 2001].

Какие черты характеризуют кентавр-процессы?

Во-первых, кентавр-процессы можно разделить по сферам общественной жизни — экономика, политика, социальная и духовная жизнь. Так, для современной России характерны уникальные хозяйственные структуры. Бывшие колхозы и совхозы, предприятия, организации фантасмагорически соединяют социалистические и капиталистические начала, приемы социальной защиты, социальных гарантий, производства, управления. Порой такие кентавры-предприятия более жизнеспособны, устойчивы, чем их аналоги, держащиеся принципов только либеральной или только социалистической экономики [Калугина, 2000].

Во-вторых, кентавр-процессы можно разделить по стадиям их зарождения, развития и затухания (прекращения действия) или дальнейшего развития. В этом смысле типична концепция конвергенции, которую долгое время отвергали как совмещение несовместимого. Сравнивая развитие систем капитализма и социализма, многие ученые не противопоставляют одну систему другой, а изучают возможности их взаимопроникновения, взаимообогащения. В СССР эту проблему планетарной значимости поставил академик А.Д. Сахаров. Реалии ряда западноевропейских стран показали, что в них в определенной степени реализованы социалистические и капиталистические принципы хозяйствования, общественной жизни. Выросло поколение людей,

в том числе в нашей стране, которые убеждены в совместимости социалистических и либеральных начал. Их сознание, согласно исследованиям социологов, фиксирует общее этих мировоззрений — признание инициативы, поиска, необходимости социальной защиты, веру в технический прогресс и др. Люди видят нечто объединяющее взаимоисключающие позиции и дополняют их тем, что считают рациональным, значимым, важным в двух разных подходах. На этой основе получается кентавр-процесс, хотя в данном случае можно объяснять его существование и распространенность, а не просто констатировать парадокс. Следовательно, кентавризм в сознании и поведении человека можно преодолеть через поиск общих (и значимых) характеристик. В случае теории конвергенции можно говорить о начале сочетания несочетаемого.

Еще одну группу кентавр-проблем образуют кентавр-образы. Возьмем существующий Гимн России. Сохранив величественную музыку А. Александрова, С. Михалков в третий раз модифицировал слова. В результате наряду с отголосками социалистических идей усилен патриотический (националистический?) аспект с примесью бога (в светском государстве?!). Чем не кентавр-образ, который должен говорить о сущности государства, его основах, нацеленности на исторические задачи, а на деле являет причудливую смесь взаимоисключающих начал?

Образ жизни в российском обществе вынуждает сделать неутешительный вывод. С одной стороны, миллионы заняты своей работой и ведут жизнь, состоящую из обычных человеческих действий. И наряду с этим — гигантский рост социального неравенства. По данным за 2012 г. Global Wealth Report на долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех личных активов в России (в Индии и Индонезии на этот 1% падает 49 и 46% всего личного богатства соответственно, в США — 37%, в Японии — 17%, в Китае и Европе — 32% [Чумаков, 2016]). С другой стороны, общество посредством СМИ навязывает иной стандарт жизни — богемный или девиантный. Экраны телевидения, радиопередачи, страницы газет и журналов полны восторженных рассказов о жизни киноактеров, спортсменов, банкиров, удачливых людей и в то же время — очерками из жизни преступников, проституток, бандитов. А где рассказы о жизни тех, кто растит хлеб, строит дома, делает машины, стоит у кульмана, проводит эксперименты, учит детей? В результате у подрастающего поколения искажено представление о реальности, складывается желание вести жизнь, совмещающую несовместимое. Это приводит к массовым трагедиям, отклонениям,

преступлениям. Иначе быть не может: пропаганда «халявного» образа жизни (выиграю миллион, достанется неизвестно откуда взявшееся наследство, обману, убью, ухвачу) или лжеромантики (продать душу или тело, но иметь деньги и успех). Экраны и страницы заполнены сообщениями о конкурсах песни среди заключенных, уголовников вместо сообщений о самодеятельности людей, которые ежедневно, постоянно ведут трудовую жизнь, растят детей, создают материальные и духовные блага и услуги. Люди не против воспитательного воздействия на уголовников, но если забывают нормальных людей, не стоит удивляться росту кентавристских намерений и желаний.

Какие черты характерны для данного типа кентавров?

Во-первых, они иррациональны по сути, ибо являют соединение не просто взаимоисключающих, а враждебных начал, убивающих друг друга. Выход из преступного мира, наркомании, проституции так же редок и необычен, как возвращение новых русских к жизни простого труженика. Мудро присловье: «вышедшие из народа возвращаются в него только по приговору суда» (и то не всегда).

Во-вторых, кентавр-образы создаются под воздействием эмоционального компонента. В сознании людей провоцируется зависть, жажда богатства без должной работы, стремление выделиться любым способом, болезненная реакция на неоправдавшиеся усилия. СМИ, глянцево-журналы порождают у части молодежи желание быть такими же, как герои страниц и экрана. Все средства хороши — важна цель: быть богатым, стать объектом поклонения, потребителем благ, которыми обладают избранные. Но СМИ молчат о тысячах загубленных жизней вследствие завышенных, авантюрных ожиданий.

В-третьих, у кентавр-образов значительный зрительный потенциал. Это в равной мере относится как к богатым (дворцы, в которых они живут, курорты, где они отдыхают, одежда, которую носят и т.д.), так и к девиантным группам (особый стиль поведения, татуировки, репертуар песен и т.п.). Этот зрительный ряд продуцирует типы жизни, где огромную роль играют внешние эффекты, а не рациональное восприятие действительности.

И в заключение о характеристике кентавр-личностей, которые воплощают в себе несовместимые, на первый взгляд, черты, что фиксируется многими исследователями.

Возьмем пример заводчика-фабриканта Саввы Морозова, видного представителя общественной жизни России конца XIX — начала XX веков. То, что наряду с успешным хозяйствованием он серьезно поддерживал деятелей культуры, меценатствовал, вряд ли удивитель-

но. Труднее объяснить его дружбу с большевиками, помощь деньгами революционерам. Одни пытались объяснить эту странность незаурядного человека капризом, прихотью, которые он мог позволить себе. Другие считали это эпатажем, вызовом окружению, образу жизни и ценностям, которые царили вокруг него и которые он не разделял. Третьи писали о кознях большевиков, которые, мол, обманули, ввели в заблуждение, надули Морозова. Но, может быть, С. Морозов кентавр? Его сознание и убеждения — яркий образец сочетания несочетаемого, но с позиций понимания действительности, которое преобладало тогда и которое продолжает во многом доминировать. Ведь до сих пор многие не могут представить, как могли уместиться в одном человеке разные стили мышления, взаимоисключающие ценности и ориентации, парадоксальные поступки.

Подобные примеры, когда человек живет в одном измерении, а исповедует идеи, отрицающие его происхождение, образ жизни окружающей среды, постоянно проявляются в реальности. Невозможно закрывать на них глаза. Парадоксальное, «кентавристическое» сознание и поведение характерно для многих исторических деятелей. Т. Мор, один из утопистов-социалистов, будучи канцлером Англии (1529—1532) и занимая другие важные посты в государстве, проповедовал идеи, несовместимые с его статусом и служебным положением. Таким же кентавром был христианский подвижник VIII в., автор большинства православных песнопений Иоанн Дамаскин, ни много, ни мало министр у калифа, естественно, мусульманина. Последний высоко его ценил и с большим сожалением расставался, когда Иоанн уходил в пустыню монашествовать.

На наш взгляд, таким кентавром был и И. Сталин, в котором причудливым образом соединились взаимоисключающие черты, которые каждая по своей совокупности образуют группы сталинистов и антисталинистов.

Кентавристическим сознанием и поведением можно объяснить феномен перехода после Октябрьской революции многих представителей дворянской и буржуазной культуры на позиции поддержки пролетарской диктатуры и Советского государства. Поддержав Советскую власть, многие не отказались от уклада жизни и ценностей, которые исповедовали: они считали возможным служить и новым идеалам, хотя последние нередко исключали первые. Они не поносили прежние ориентиры, не отказывались них. Более того, они пытались следовать им (образ жизни, обслуга, понятие чести и достоинства, отвержение мещанства и т.д.). Возможно, сочетание несочетаемого, кентав-

ризм и привел многих из них к трагическому финалу в 1930-е годы. По мнению их преследователей, здесь было только двуличие, сознательное сокрытие истинных намерений, нежелание содействовать социалистическому строительству, быть «как все».

Быть кентавр-личностями — удел многих участников смены общественно-экономических и политических основ функционирования общества в России. Тем более, что, полагал академик Б. Раушенбах, «всякий нормальный человек рождается с задатками кентавра» [Раушенбах, 1996: 73].

Личностный кентавризм выявлен социологическими исследованиями парадоксов современной общественной жизни. Суть данного феномена в том, что в условиях рыночных экспериментов массовым стало явление, когда один и тот же человек, одни и те же группы одновременно придерживаются взаимоисключающих социальных и политических суждений, ориентаций, одновременно исповедуют противоположные, противоречащие друг другу установки. Причем это не является чем-то умышленным, нарочитым или фальсифицирующим состояние индивидуального, группового или общественного сознания. Люди искренне не замечают вопиющего противоречия своих установок. Один и тот же человек может быть одновременно социалистом и либералом, интернационалистом и шовинистом, монархистом и республиканцем. Иначе говоря, своеобразным кентавром, совмещающим взаимоисключающие взгляды и утверждения.

Сомнительны попытки политиков и прислуживающих им аналитических центров делить население (людей) на сторонников социализма или либерализма, монархистов или республиканцев, патриотов или интернационалистов. Реальные люди являются во многом кентаврами, воплощая в сознании и поведении взаимоисключающие взгляды и явления.

Анализ данных феноменов показывает, что *в кентавр-проблеме взаимоисключающие начала дополняют друг друга*. Это создает принципиально новый образ, не сводимый к составным частям. Он имеет самостоятельное значение и живет самостоятельной жизнью. Здесь принцип дополнительности предполагает, что социальное явление, процесс, образ могут быть объяснены и интерпретированы с различных, даже взаимоисключающих позиций, в целом образующих единый феномен. Так, человек может быть интернационалистом и шовинистом одновременно. Например, по одной проблеме он выражает тяготение к интернационалистским убеждениям («я уважаю права каждого народа на свою культуру и язык»). А по другой проблеме —

демонстрирует националистические, шовинистические убеждения. Он считает их истинными для себя, искренне убежден в их достоверности («буду убивать людей конкретного народа» (указывается какого)). Несмотря на взаимоисключающие позиции, человек и его общественное сознание — единое, целостное образование, которое можно расчленить в процессе познания, но чего не делает субъект, носитель этого сознания. Так, принцип дополнительности, признавая существование взаимоисключающего восприятия социальной действительности, все же предполагает, что в рамках общего подхода противоположные позиции необходимо исследовать, ибо только так достигается более полная и всесторонняя характеристика изучаемого процесса, явления, образа, личности. Такой подход позволяет полнее, более системно и всесторонне представить явление или процесс, обладающие иными характеристиками, чем составляющие его элементы.

И в заключение. Возможно, прав писатель Д.С. Данин, который в 1948 г., готовя книгу «Неизбежность странного мира», написал: «Можно напророчить, хотя бы шулки ради, что когда-нибудь возникнет целая наука — кентавристика. Ее предметом будет тонкая структура парадоксов (и многое другое)» [Данин, 1996: 19].

9.3. Фантомы: лица и процессы

9.3.1. Что такое фантом?

В процессе анализа парадоксов жизненного мира, общественного сознания и поведения, их кентавризма был выявлен еще один специфический феномен — *фантомы, под которым имеются в виду явления, олицетворяющие специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие непредвиденное воздействие на политические, экономические и социальные процессы.* Нужно отметить, что фантомные явления, которые в латентном виде существовали всегда, в любую эпоху и в любом государстве, в период ломки устоев общественной жизни имеют тенденцию проявлять себя как значительное социальное явление, оказывающее весьма ошутимое влияние на происходящие в обществе процессы. Причем их влияние носит в основном деструктивный характер, проявляется на всех уровнях социальной организации, вплоть до самого низового звена нашей жизни — там, где мы работаем и живем.

Носители этих форм активности обладают гипертрофированными социальными характеристиками (непомерная жажда власти, негра-

ниченное желание обладать богатством, болезненное стремление к славе). В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками они представляют весьма специфический ряд политических и общественных деятелей, представителей финансово-олигархических кругов, появление которых стало возможным в современной жизни России, в условиях коренных политических и экономических преобразований.

В условиях кардинальных изменений в России в 1990-е гг. возродились на новой основе специфические формы общественного сознания и поведения — фантомы разного масштаба и калибра. Как заметил известный публицист Ю. Богомолов, когда рухнул советский строй, появилась «как в сказке — чертовщина с первыми петухами. Первым откуда-то взялся Кашпировский с его сеансами целительной силы. Затем на нас свалился Жириновский с его политической клоунадой, потом Мавроди с его финансовыми фокусами, вслед Невзоров и Доренко с их информационными медитациями. За ними на общественном поприще появилось совершенно паранормальное явление — олигарх Борис Березовский» [Богомолов, 1996]. Такие своеобразные всплески не остались незамеченными: сначала в публицистике, затем в политической риторике понятия «фантомы» стали применяться к экстравагантным фигурам современной общественной деятельности и эксцентричным игрокам политической сцены. Этот класс явлений можно сравнить со своеобразными протуберанцами, возмущающими политическое и общественное пространство. Кто только не прокукарекал за 1990—2000-е гг. в политике и экономике, и даже культуре, а потом сгинул, оставив после себя ошарашивающее впечатление, мгновенную или мистическую память о себе. А ведь некоторые из них занимали умы россиян и были в первых строчках при опросах общественного мнения. Например, из 100 политиков, представлявших верхний эшелон власти в 1993 г. к 2003 г. осталось всего 13 персонажей [Кинсбургский, 2003].

В процессе обстоятельного анализа парадоксальности жизненного мира, сознания и поведения были выявлены такие феномены, которые не могли быть объяснены имеющимися данными, в том числе и социологическими. До сих пор во всех имеющихся теоретических и прикладных разработках нет ответа на вопрос о парадоксальности таких явлений, которые вырываются из относительно устойчивого состояния общественной жизни, олицетворяя некие исключительные, фантомные личности, которых в таком объеме и в таком воздействии

на общественную жизнь ранее не знала наша страна. Наряду с этим возникает и чисто гносеологический вопрос: а насколько уместно и оправдано употребление этого слова — фантомы — при анализе общественного сознания и социальной практики?

Остановимся, прежде всего, на использовании этого понятия в научной лексике, политической и литературной речи.

Слово «фантом» в словаре В.И. Даля объясняется как картины, явления фантазмагии или как кукла, на коей изучают повивальное искусство [Даль, 1994: 532]. На первом значении сосредоточивает свое толкование С.И. Ожегов, трактуя фантом как «причудливое явление, призрак» [Ожегов, 1991: 846]. В Академическом словаре русского языка фантом трактуется в трех смыслах: как призрак, привидение; как вымысел, игра воображения; как модель тела или части его в натуральную величину, служащая наглядным пособием [Евгеньева, 1984: 513]. В Психологическом словаре представление о фантомах связывается с фантомными болями в послеоперационном или последующем этапе жизни после контузии, ранения, операции, когда нет, например, руки или ноги, но человек в определенные моменты чувствует их через боль как реально существующие [Давыдов, 1993: 388—389]. И хотя последнее определение апеллирует к узкопрофессиональному лексикону (в данном случае, к медицинскому), мы сталкиваемся с особым явлением, когда нет физического его воплощения, но в то же время его мнимое существование является объективной реальностью, так как приносит вполне осязаемые переживания и чувства.

Практически аналогично протекают и фантомные воспоминания о некоторых событиях в жизни человека, когда они заставляют болезненно переживать с такой же нестерпимой остротой, как и в момент их проявления в прошлом.

Иногда к разряду фантомов относят возникновение, существование и функционирование различных мистических обществ и организаций, внутренняя жизнь которых остается тайной не только для современников, но и для последующих поколений. А если случайно приоткрывается их жизнь, то ровно настолько, чтобы вызвать догадки и предположения, лишь усугубляющие атмосферу таинственности (Никитин, 2000).

К этому набору определений нельзя относиться как к исчерпывающему объяснению всего многообразия этих специфических процессов и явлений в окружающем нас мире. Особенно, если мы приступаем к объяснению событий и в общественной жизни.

9.3.2. Типы фантомов

В настоящее время в реальной научной и политической лексике термин «фантом» стал все чаще использоваться для интерпретации процессов и явлений как выпадающих из обычного, принятого, признанного течения экономической, политической, социальной и культурной жизни. Употребление этого понятия в современной жизни вышло далеко за рамки того смысла, которым пользовались ранее. *Во-первых, это понятие ряд исследователей соотносит с появлением таких стран, как режим талибов в Афганистане, который несомненно был фантомом, явлением особенным, не стандартным, не укладывающимся в типичные представления о государстве.* Некоторые аналитики политической жизни считают, что существование таких стран, как Камбоджа и КНДР, на определенных этапах их развития представляли собой фантомы, которые олицетворяли весьма специфические и неприемлемые мировым сообществом формы политического правления и соответственно устройства общественной жизни. К фантомам относят существование таких специфических государственных непризнанных или частично признанных образований, как Косово, Приднестровская республика, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, но тем не менее функционирующих как самостоятельные политические образования.

Во-вторых, к фантомам относят «существование» многих политических партий. К примеру, в первой половине 1990-х создавали информационный шум и примитивный, «кухонный» гвалт (не более) политические партии Константина Борового, Валерии Новодворской, Льва Убожко и других мифических персонажей. Затем появился целый ряд «партий», организованных теми или иными деятелями, относящих себя к либеральному фронту. В 1990-х гг. были «свои» партии у каждого претендента на лидерство: у Немцова, у Кириенко, у Хакамады, у Юшенкова и т.д. Кроме того, существовало множество (число их доходило до 180) партий, назначение которых не всегда было ясно даже для их создателей. Эти партии-фантомы на деле никого и ничего не представляли. В лучшем случае они выражали настроение некоей столичной «тусовки» и амбициозных до болезненности людей. Они только засоряли политическое пространство страны, дискредитировали само предназначение политических партий как социальных институтов, дезориентируя общественное мнение. Лидеры этих «партий» из всех сил стремились привлечь к себе общественное внимание. При нашей дикой политической культуре и такой же дикой журнали-

стской этике достаточно сказать что-то тоже дикое, несуразное, чтобы появиться на голубом экране и на газетных полосах (Кива, 2001).

События начала XXI века подтвердили прогноз о фантомности этих партий. О них не только никто не вспоминает, о них забыли и сами «вожди» этих образований, многие из которых или бесславно и бесследно исчезли как всякая чертовщина в сказке после первых петухов или превратились в малозначительных, но иногда еще шумных фигур политического балагана.

В-третьих, фантомы особо наглядно стали проявляться в политической борьбе, в процессе избирательных кампаний, когда в списках кандидатов в депутаты, мэры и губернаторы появляются двойники—однофамильцы, что позволяет им не просто отнимать определенное количество голосов от реального кандидата, но даже занимать 3—4-е места по итогам голосования. Такие методы оболванивания избирателей достигаются при помощи умышленного сознательного создания фантомных образов, которые имеют реальные результаты и оказывают реальное воздействие на ход избирательной компании.

В-четвертых, фантомность присуща и области правовых отношений, законодательству. Как отмечают специалисты, запрет на дискриминацию в том виде, в котором он существует в российском законодательстве, можно смело относить к разряду *фиктивных прав*, или *прав-фантомов*, поскольку они, по мнению М. Левиной, «практически лишены содержания, не расшифрованы в законодательстве и не применяются на практике». В конечном счете, это одна из причин формирования в России «иерархии граждан с различным уровнем правового статуса» (цит. по: [Петухов и др., 2003: 40].

В-пятых, феномен фантомов используют в идеологической борьбе. Как утверждает В. Сендеров, при идеологической обработке умов огромное значение имеет терминология: фантомные понятия рождаются и набирают силу именно в языке. Это особенно наглядно проявляется при выработке тоталитарных идеологий: удачный выбор терминов, слов — во многом залог победы. Однако такой выбор вовсе не прост: слова-«удачники» должны обладать набором далеко не тривиальных качеств, в частности, они должны быть практически неуязвимы для критики. Для этого фантомные понятия должны, во-первых, создавать впечатление «почти адекватного» описания реальности. Так, чтобы не было возможности назвать их просто вздором, а критика не требовала бы содержательных и оперативных объяснений — и оказывалась, тем самым, абсолютно неэффективной в борьбе за умы. Далее, всепобеждающие слова должны выбираться так, чтобы их кри-

тика казалась предосудительной морально, и таким образом, до ревизии, даже малоэффективной, дело бы просто не доходило [Сендеров, 2003: 210].

Фантомность в идеологии нового российского государства так же довольно четко прослеживается. Как пишет поэт и публицист И. Голубничий «главная трагедия современного российского общественного сознания (в целом, включая все социальные слои) состоит в том, что настоящая, реальная жизнь у нас, вольно или по чьему-то умыслу, всегда оказывается подчиненной тем или иным умозрительным построениям, которые к тому же чаще всего оказываются несостоятельными. Рассуждая (часто некомпетентно и безответственно) о том, что должно быть, мы забываем о том, что реальная жизнь вовсе не обязательно должна соответствовать нашим измышлениям и идет по своим неведомым законам» [Голубничий, 2003: 118].

Противоречия между реалиями жизни и самыми «лучшими» концепциями порождают фантомы идеологического характера. Так, в 1990–е гг. и поныне в массовое сознание упорно внедрялась мысль, что «свобода слова» или «рыночная демократия» являются необходимым и неизбежным условием всяческого прогресса. В результате средства массовой информации были оккупированы полубразованными, озлобленными и зачастую невменяемыми людьми; и то общественное мнение, которое ими формировалось, вполне соответствует нашему деморализованному и ожесточенному сознанию.

Самое поразительное во всем этом то, что за «свободу слова» более всего ратовала значительная часть литераторов и журналистов, т.е. людей, которые как никто другой должны были понимать, что слово — это оружие огромной силы, разрушительной или созидательной в зависимости от того, в чьих руках оно находится. Это все равно как если бы профессиональные военные ратовали за свободное пользование военной техникой. Сложилась ситуация, когда знаменитая степень доверия людей к печатному слову упала практически до уровня ее отсутствия, а профессии литератора и журналиста оказались низвергнутыми из сферы творчества в сферу obsługi частных интересов и манипулирования общественным сознанием и, как результат, пользуются вполне заслуженным стабильным презрением у простых людей. Со временем многие сторонники «свободы слова» (как, например, И. Голембиовский, главный редактор «Известий») на себе испытали ее воздействие: их вышвыривали (или отказывались от их услуг) тогда, когда собственникам по тем или иным причинам не нравилась их позиция. Кроме того, эта «свобода слова» оказалась свобо-

дой слова для избранных, ибо любая попытка высказать свое мнение грозила не «допущенным» к данному «котлу» самым жестокими мерами. И наконец, эта свобода стала мощным средством для манипулирования. Это ли не пример фантома, которого нет, но как фантомная боль продолжает существовать?

В-шестых, феномен фантома не обошел науку, выразился в многочисленных попытках: 1) вернуться к различным видам паранаучного и псевдонаучного знания; 2) ревизовать социальное и гуманитарное знание. Что касается паранаучных фантомов, то они возродились в виде многочисленных измышлений об НЛО, о вечных источниках энергии «шестой воде» и т.д. и т.п., которые как и ранее не выдерживают испытания ни логикой научной мысли, ни тем более экспериментальными разработками. Что касается вторых, то фантомность мышления проявилась в претенциозных попытках искать происхождение и культуру отдельных народов, чуть ли не начиная с палеолита, или доказывать приоритет одного народа над другим. Достаточно привести, например, фантомную историю, созданную Фоменко и его последователями, которые так квалифицируют деятельность всех представителей исторической науки: «... они несколько сот лет неизвестно чем занимаются. Сколько книг, сколько диссертаций впустую. Сколько сил потрачено на изучение «фантомных» ... событий». «В традиционной исторической науке преобладает строго определенный, заранее заданный и, можно сказать, субъективный подход к осмыслению событий прошлого» [Бочаров и др. 1998, 11, 222]. Но в свою очередь они создают свои фантомы, которые не выдерживают элементарного сопоставления не только с работами историков последних столетий, но с известной историей человечества. Кстати, следует отметить, что в реальном общественном сознании эти опусы оцениваются достаточно здраво: они воспринимаются не как реальная история, а как некие фантазии и даже приключения на историческую тему.

И, наконец, понятие «фантом» употребляется при объяснении как реальных, так и чисто гипотетических проблем в сфере культуры. Так, С. Земляной, анализируя творчество Георга Лукача и Бертольда Брехта, считает, что они волей-неволей в 1930–е гг. способствовали рождению фантома в виде советской литературы, что нашло отражение в письме Б. Пастернака Н. Асееву: «Отличие современной советской литературы от всей предшествующей, кажется мне, более всего в том, что она утверждена на прочных основаниях независимо от того, читают ее или не читают. Это — гордое, покоящееся в себе и

самодовлеющее явление, разделяющее вместе с другими государственными установлениями их неизбежность и непогрешимость. Литература, которая не зависит от превратностей чтения, — это сильно, хотя и непонятно современность живет под знаком смерти автора и диктатуры читателя». По мнению С. Земляного, такое состояние подходит к понятию «фантом» или «кентавр» социалистического реализма, в котором соединились как идеологические, так и эстетические потребности. Но именно их ущербность и привела к тому, что данный феномен исчез, так и не выдержав испытания временем, хотя оно оказалось достаточно продолжительным [Земляной, 2002].

Иногда понятие фантомов используется и при анализе проблем художественной культуры, анализе способов и методов объяснения тех или иных литературных произведений. Так, при рассмотрении «Пиковой дамы» с позиций сравнительного анализа подхода А.С. Пушкина и П.И. Чайковского А. Хомутов рассуждает о призраках и фантомах этой оперы, высказывая сугубо личное отношение к целому комплексу вопросов: и содержанию, и трактовкам, и даже издательским усилиям [Хомутов, 2003].

Итак, обзор различных трактовок и представлений о фантомах в общественной жизни позволяет определить их как: 1) необычное явление, имеющее исключительную специфическую форму своего проявления; 2) аномальное явление, не вписывающееся в привычные, одобряемые обществом формы организации социальной жизни; 3) резко деструктивные процессы, тормозящие или дискредитирующие существующие правила функционирования; 4) не просто несовпадающие действия, а конфронтирующие с окружающей реальностью, умышленные, провоцирующие акции; 5) противоречия между желаемой и реальной жизнью, когда субъективные устремления противостоят объективным тенденциям общественного развития.

9.3.3. Основные черты фантомных типов личности

Анализируя фантомы общественного сознания и поведения, следует обратить внимание на черты личности этого типа людей, при помощи которых они проявились на политическом, экономическом или социально-культурном небосклоне. Причем, фантомные типы необходимо отличать от классического типа политических и общественных деятелей. Что касается последних, то они достаточно обстоятельно описаны в научной литературе [Крыштановская, 2000; Ракитянский, 2001; 2004]. Но с точки зрения социологии нам необходимо не описа-

ние конкретной личности, а выявление определенного типа — фантомов и соответственно основных их характеристик.

Итак, что же необходимо положить в основу этого подхода? *Во-первых*, даже предварительный анализ данных типов личности показывает, что *многим из них присуще неуемное, неограниченное и даже патологическое стремление к обладанию властью*. Власть для этих людей становится самоцелью, ради которой эти люди готовы сменить идеологические позиции, шагать через трупы, друзей превращать во врагов, и наоборот. Этой категории людей присуща беспринципность, готовность пойти на всевозможные ухищрения ради обладания ею. Среди этих фантомов немало тех, кто жаждет власти, но в условиях прежнего (советского) режима был ее лишен по тем или иным объективным обстоятельствам и субъективным причинам. И поэтому приход их к власти знаменовал своеобразный реванш, как показатель достижения вождельной цели. Эта категория людей нередко жаждет мести над теми, кто, по их взглядам, препятствовал им занять властные позиции. Нередко среди этой категории людей были и такие, которые в условиях советской власти были допущены к участию в руководстве политическими и общественными процессами, но считали себя обделенными, не достигшими более высоких постов и более высокого социального положения, чем то, что они занимали. С убеждением собственной «недооценки» они стремились (претендовали, рвались) к получению более ощутимых властных полномочий, чем те, которыми они обладали в прежней политической системе.

Во-вторых, фантомным типам присуще явное или скрытое (недекларируемое) стремление к славе, к известности, к наблизити. Для этой категории людей важно быть на виду, претендовать на выражение общественного мнения, на приоритетное слово в политике, на социальном поприще. Болезненная реакция этих людей на любое умолчание, забвение их действий приводила нередко к эпатажу, к провокациям, возбуждающим общественное настроение. Этот тип личности готов на самые разнообразные акции, чтобы поддержать интерес к своей персоне и ради этого готовых осуществить такие действия, которые бы позволяли быть в центре общественного внимания.

Это болезненное стремление к славе побуждало их участвовать во всех акциях, которая бы привлекали внимание любых аудиторий, желательна в больших масштабах. Этим можно частично объяснить их «любовь» к СМИ и особенно к телевидению, ибо оно позволяет донести их идеи и фантазии, а порой и бред до миллионной аудитории, тем более, что и телевидение в свою очередь (ибо и там было немало не-

вменяемых персонажей) поддерживало эпатажное поведение этих людей, видя в нем расширение своей аудитории, своей поддержки. Стремление к славе у них людей выступает как самодовлеющая величина, поглощающая все умыслы, все желания, все время и все усилия.

В-третьих, показателем фантомного типа личности выступает патологическая жажда обладания богатством, ради которого осуществлялись различные махинации, организовывались неблагоприятные, а порой и преступные акции, использовались различные лазейки и прорехи в законодательстве, мобилизовывались личные и групповые связи [Хоффман, 2007]. И если в остальном мире богатство достигалось долголетней и упорной работой, то в постсоветской России были использованы самые разнообразные способы его достижения: создавались финансовые пирамиды, организовывались ваучерные и залоговые аукционы, всемерно практиковались угрозы и насилие вплоть до физической устранения конкурентов или просто стоящих на их пути людей, осуществлялись лжебанкротства, добывались неоправданные льготы.

Поэтому не удивительны такие феномены, как портфельные инвесторы (банкиры), которые добивались своего могущества за счет «игр» на финансовых рынках, за счет многочисленных спекуляций, достигая таким образом поразительных масштабов богатства, не вложив ни одного рубля в производство, в созидание материальных и духовных ценностей.

И наконец, нельзя сбрасывать со счета и личностные характеристики, которые выражаются через властолюбие, тщеславие, необузданные амбиции. Эти персонажи легко меняли свои политические убеждения и пристрастия, активно использовали метод «надевания чужих масок».

В этом контексте требуют рассмотрения следующие черты и особенности личности.

1. *Притязания*, которые являются специфической формой ценностных ориентаций. В отличие от ценностей эти притязания проявляются в стремлении: к богатству, что имеет следствием стяжательство, страсть к обогащению любой ценой; к власти, что порождает крайние формы властолюбия; к славе, что затем в гипертрофированной форме выражается в тщеславии.

2. *Средства их достижения*, которые могут классифицироваться: во-первых, как легитимные, нелегитимные или их комбинация; во-вторых, как открытые и латентные; в-третьих, как стремление к получению финансовых, экономических, материальных преимуществ, привилегий по сравнению с другими претендентами (владение собст-

венностью, банками, фондами, ценными бумагами и т.д.), к получению государственных (политических) постов в органах власти или хотя бы причастности к ней, стремление быть лидером общественного мнения (претензия на олицетворение нужд народа или отдельных его групп), для чего создаются политическая партия, общественное движение, лоббистские группы (все они в той или иной мере претендуют на поддержку СМИ, особенно телевидения).

3. Поиск ответа на вопрос: *какую роль* хотят играть исследуемые фантомы — защитников народных интересов, представителей корпоративных или четко выраженных личных (индивидуалистических) интересов. В этой связи важен анализ, как данный фантом позиционирует себя в политической борьбе (хотя политические взгляды в данной квалификации играют второстепенную роль).

4. *Методы*, применяемые фантомами: этапаж, декларативные заявления, манипулирование, а нередко ложь и клевета. Регуляторами деятельности фантомов могут быть также финансовые ресурсы, политические связи, степень идентификации с религией, этническими или корпоративными интересами.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что *фантомные персонажи характеризуются следующими чертами*: а) *особой позицией по отношению к основному или отдельным, но важным проблемам политической жизни*; б) *стремлением пробиться (или обладать) капиталом (финансовыми ресурсами)*; в) *жаждой навязать свое видение общественных проблем и даже осуществить попытки его реализации*; г) *претензией на обладание славой — действительной или мнимой, виртуальной или случайной*.

Таким образом, анализ современного состояния общественного сознания и поведения позволяет говорить о многообразии фантомных типов личности. Переходной период обнажил эту противоречивость, сделал более определенной картину того, что мы сейчас собой представляем. Именно эта открытость, понимание сложившегося положения вселяет надежду, что правильно поставленный диагноз дает возможность преодолеть и социальные недуги новой России. Кроме того, подобный анализ обогащает наши представления, наши познания об общественном сознании и поведении, выявляет неразработанные и не анализируемые аспекты духовного развития общества. На наш взгляд, это открывает новые горизонты теоретических представлений о сущности и содержания общественного сознания, обогащает наше знание о механизмах его превращения в реальную социальную силу, открывает новые возможности по объяснению противоречий общественного развития, особенно в переходной период.

Литература

- Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие. М., 1990.
- Александр Дж.* Парадоксы гражданского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 1.
- Арнольд А.И.* Антинаучная революция и математика // Вестник РАН. 1999. №6. С. 553—558.
- Атоян А.И.* Социальная маргиналистика // Полит. исслед. 1993. № 6.
- Балабанов А., Балабанова Е.* Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социол. исслед. 2003. № 7.
- Барулин В.С.* Российский человек в XX веке. Потери и обретения. СПб., 2000.
- Богомолов Ю.* Колонка обозревателя // Известия. 2001. 10 сентября.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления М.: Республика: Культурная революция, 2006.
- Бочаров Л.И.* Заговор против русской истории (факты, загадки, версии) / Л.И. Бочаров, Н.Н. Ефимов, И.М. Чачух, И.Ю. Чернышев. М., 1998.
- Быченков В.М.* Аномия социальная // Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
- Витковская Г., Малащенко А. (ред.)* Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999.
- Голубничий И.* Фантом идеологии // Предпринимательство. 2003. № 3.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России 90-х. Т. 1. Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни. М., 2000.
- Гримак Л.П.* Общение с собой. М., 1991.
- Гринберг Р.С.* Среди рисков и шансов. М., 2008.
- Давыдов А.А. и др. (ред.)* Психологический словарь. 1993.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М., 1994.
- Данин Д.С.* Неизбежность странного мира. М., 1964.
- Данин Д.С.* Нильс Бор. М., 1978.
- Данин Д.* Старт кентавристики // Вестник РГГУ. Вып. 1. Кентавристика: опыт сочетания несочетаемого. М., 1996.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
- Евгеньева А.П. (ред.)* Словарь русского языка. Т. IV. М., 1984.
- Зафировский М.* Вне рационального выбора: Элементы «теории иррационального выбора» // Социол. исслед. 2014. № 3.

- Земляной С.* Лукач и Брехт как советские писатели / Независимая газета. 2002. 14 ноября.
- Зенкин А.* Ошибка Георга Кантора // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 45—48.
- Ильин В.И.* Методологический поворот к повседневности: экзистенциальный выбор в тенетах природной закономерности. Доклад на конференции «Социология и естествознание». 12—13 декабря 2014 г. Москва.
- Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2000.
- Кива А.* Несистемный режим // Свободная мысль. 2004. № 9.
- Кинсбургский А.В.* Трансформация структуры российской элиты в оценках экспертов // Социол. исслед. 2003. № 9. С. 91.
- Кравченко С.А.* Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. М., 2006.
- Красавина Е.В.* Имитационный механизм социально-культурной адаптации молодежи в современном российском обществе. Автореф. д-ра соц. наук. Майкоп, 2013.
- Кривошеев В.В.* Особенности аномии в современном российском обществе // Социол. исслед. 2004. №3.
- Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М., 2005.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
- Левада Ю.* От мнений к пониманию: социологические очерки. 1993-2000. М., 2000.
- Левашов В.К.* Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М., 2010.
- Левченко И.* Феномен социальной смерти / Социол. исслед. 2001. № 6.
- Лекторский В.А., Ойзерман Т.И. (ред.).* Теория познания: В 4 т. Т.4. Познание социальной реальности. М., 1995.
- Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2000.
- Маркузе Г.* Одномерный человек // Эрос и цивилизация. М., 2003.
- Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социол. исслед. 1992. №2.
- Милль Дж.С.* Система логики. Гл. «Заблуждения сбивчивости». М., 2001.
- Мнацаканян М.О.* Парадоксальный человек в парадоксальном обществе // Социол. исслед. 2006. № 6;
- Нарский И.С.* Отчуждение и труд. М., 1983.
- Никитин А.Л.* Мистики, розенкритчеры и тамприеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 2000.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1991. С. 846.

- Петренко В.Ф.* Семантический дифференциал в политическом поведении россиян. М., 1998.
- Петухов В.В.* Права человека дискриминационные практики в современной России / *В.В. Петухов, Е.И. Пахомов, Н.Н. Седова* // *Общ. науки и современность*. 2003. № 5. С. 40.
- Покровский Н.Е.* Проблемы аномии в современном обществе (вопросы теории). М., 1995.
- Покровский Н.Е., Нестерова Т.Г.* «Клеточная глобализация» и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России / *Новые идеи социологии*. М., 2013.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск, 1998.
- Попова И.П.* Маргинальность // *Социологическая энциклопедия*. Т.1. М., 2003. С. 592—594.
- Пузанова Ж.В.* Одиночество (Опыт философско-социологического анализа). М., 1998.
- Ракитянский Н.М.* Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М., 2001.
- Ракитянский Н.М.* Портретология власти. Теория и методология психологического портретирования личности в политике. М., 2004.
- Раушенбах Б.* Кентавр и не кентавр // *Вестник РГГУ*. 1996. Вып. 1. С. 73—79.
- Ритцер Д.* Современная социологическая теория. СПб., 2002.
- Розов М.А.* Теория познания: В 4 т. Т. 4 Познание социальной реальности / Под ред. В.А. Лекторского и Т.И. Ойзермана. М., 1995.
- Тейлор Ш. и др.* Социальная психология. СПб., 2004.
- Сендеров В.* Фантомы языка и политика // *Вестник Европы*. 2002. № 7, 8.
- Сидорина Т.Ю.* Парадоксы кризисного сознания. М., 2002.
- Степин В.С.* Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М., 2000.
- Тихонова Н.* Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.
- Томалинцев В.Н.* Человек на рубеже тысячелетий. Парадоксы духовного развития: Опыт исследования феномена изоэтрности в культуре и творчестве. СПб., 1999.
- Тощенко Ж.Т.* Новые лики деятельности: Имитация // *Социол. исслед*. 2012. № 12.
- Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. 2-е изд. М., 2009.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат — новый социальный класс // *Социол. исслед*. 2015. № 6.

- Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М., 2011.
- Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М., 2015.
- Третьяков В.* Российская политика и политики в норме и патологии: Взгляд на события российской жизни 1990—2000. М., 2001.
- Трофимов Д.* Век Нобеля: люди и проекты // НГ-Наука, 2000. № 11. 20 декабря.
- Хомутов А.* Сравнительный анализ. СПб., 2003.
- Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в Новой России. М., 2007.
- Чернина Н.* Депривация и бедность как новый социальный феномен в регионе с падающей добычей сырья // Регион: Экономика и социология: Известия СО РАН. 1992. Вып. 3.
- Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
- Чумаков В.* Социализму в России быть! Это вопрос научно-технический. URL: <http://newsland.com/community/7436/content/5058872> (Дата обращения 19 февраля 2016 г.).
- Чучин-Русов А.Е.* Возвращение кентавров // Общественные науки и современность. 2004. № 4.
- Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.
- Шалюгина Т.А.* Имитация в обществе как предмет социально-философского анализа // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8.
- Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социол. исслед. 2001. № 1—2.
- Alexander J. C.; Eyerman R.; Giesen B.; Smelser N. J.; Sztompka P.* Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, CA: University of California Press, 2004.
- Habermas J.* Entgegnung // A. Honneth and H. Joas (eds). Kommunikatives Handeln. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986 (English, 1991).
- Standing G.* The Precariat. The New Dangerous Class. Bloomsbury, 2010.

ГЛАВА 10

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

В настоящее время существует несколько точек зрения на формулировку представлений о функциях социологии. Различными авторами и в основном в учебниках дается их перечень. Особенно часто называют *мировоззренческую, просветительную, прогностическую, профилактическую, прикладную, управленческую и др.* Их определение зависит от различного подхода к трактовке того, ответ на какие вопросы должна дать социология, для чего она существует [Кравченко, 2001; Павленок и др., 2010].

На наш взгляд, необходимо исходить из того, что ожидают от социологии наука и практика. А она выполняет две основные функции — *теоретико-познавательную и управленческую*. Характеризуя эти функции, подчеркнем, что в свою очередь они могут образовывать производные функции, которые иногда в литературе трактуются как самостоятельные. Однако на грани XX и XXI веков в самостоятельную функцию стали выделять такую функцию, которую связывают с публичной социологией [Горшков, 2011; Романовский, Тощенко, 2008; Штомпка, 2005; Buravoy, 2004, 2005, 2007; Sztompka, 2008].

Теоретико-познавательная и управленческая функции социологии тесно взаимосвязаны. Научный, диалектико-материалистический взгляд на историю является базой для долгосрочного прогноза и в то же время выполняет функции методологии исследования социальной реальности, сознания и поведения людей. Теоретические основы и концептуальный аппарат социологии позволяют детально анализировать общественные процессы (вплоть до построения имитационных статистических моделей), а также прогнозировать их развитие с учетом многообразных и специфических условий в заданных границах места и времени.

10.1. Особенности теоретико-познавательной функции социологии жизни

Эта функция направлена на выяснение сущности, природы социального и социологического знания, человеческого сознания и поведения в определенных общественных условиях, обращена к познанию настоящего и будущего с учетом многообразия конкретно-исторических и социально-культурных условий развития. Она имеет целью изучение и выявление научно обоснованного знания по решению проблем, возникающих во всех сферах общественной жизни, в более или менее широких пространственно-временных интервалах, относящихся к различным социальным группам и общностям. Социология опирается на систематизированные и постоянно обновляемые данные, используя для их установления специальные, свойственные ей методы анализа.

Поэтому, говоря об этой функции, мы имеем в виду прежде всего, *теорию социологии*. И это наука не об обществе вообще (общество изучают и социальная философия, и история, и политология, и юридические науки, и культурология), а об обществе в его социально-человеческом обличье. *Общество в человеке, человек в обществе* — вот что составляет суть социологии [Бергер, Лукман, 1995]. А с чего начинается человек в своем социальном обличье? С сознания, со способности познавать мир, оценивать его с личных и общественных позиций, осмысливать, исходя из определенных ценностей окружающую действительность и на этой основе строить поведение, учитывая влияние, как макросреды (всех общественных отношений), так и мезо- и микросреды (опосредованное и непосредственное окружение). В свою очередь они образуют жизненный мир и его основополагающее звено — смысл.

Для такого подхода социология использует все богатство философского знания о сознании вообще и общественном сознании в частности, о деятельности и ее роли в социальной жизни, о влиянии объективных условий и субъективных факторов в жизни человека (подробнее см. труды: [Лекторский, 1980; 2001; Степин, 2015]). Но механистическое перенесение на социологическую почву знания о сознании недостаточно и не в полной мере отвечает сущности социологии. Тем более, что роль исследования сознания признается не всеми социологами. Но для социологии жизни оно приобретает первостепенное значение как исходное звено в познании жизненного мира.

Отметим, что *общественное сознание в течение длительного времени изучалось в основном в рамках философской мысли и соотносилось с таким понятием, как общественное бытие*. В основе рассуждений многих ее представителей лежит утверждение, согласно которому «общественное бытие определяет общественное сознание» и «общественное сознание отстает от общественного бытия». Однако анализ социологической информации показывает, что данное заключение не является абсолютной истиной, а лишь одним из возможных аспектов оценки взаимодействия общественного сознания и общественного бытия. 1. *Общественное сознание во многих жизненных ситуациях может отставать от общественного бытия*, иногда нужно значительное время, чтобы это отставание преодолеть (если это возможно). 2. Не менее реальна и не менее распространена ситуация, когда *общественное сознание может достаточно адекватно отражать окружающий мир*, вполне соответствовать тем объективным тенденциям в развитии общества, которые происходят в нем и в мире. 3. В условиях революционных, кардинальных общественных перемен сознание, воплощенное в идеях, может *опережать (порой весьма значительно) общественное бытие*, воздействуя на него и заставляя его изменяться в соответствии (может быть частичным) с объективными потребностями общества. В этой связи хотелось бы напомнить слова П.А. Сорокина в «Социологии революции», что «революции совершают не голодные люди, а те, кто не пообедал один раз» [Сорокин, 1992], т.е. те, кто осознал тщетность ожиданий перемен к лучшему [Шавель, 2010: 19—20].

В этом смысле можно говорить, что сознание творит мир и только в процессе практики человек доказывает «истинность, т.е. действенность и мощь, посюсторонность своего мышления». В истории человечества общественное сознание неоднократно становилось материальной силой и предопределяло развитие общества. И в этом утверждении нет ни грани субъективизма, идеализма, непонимания научной истины о роли материальных отношений, экономического базиса.

Следовательно, *общественное сознание, отражая многообразие связей и отношений объективного мира, является активной, нейтральной или пассивной общественной силой*. В период революционных потрясений, коренных изменений в общественной жизни оно активизируется, начинает в большем объеме влиять на ход общественного развития. Залогом действенности общественного сознания в этом случае выступает степень глубины познания объективного хода общественного развития и использование его в исторической деятельности

классов, социальных групп и слоев, их политических и общественных объединений [Лекторский, 1980; 2001].

Не менее значимо понимание, вскрытие механизма *органической связи объективного и субъективного*. Для философа объективное существует вне и независимо от сознания, а субъективное (идеальное) трактуется как то, что порождается сознанием и олицетворяет воображаемое (виртуальное) существование. Однако в социологии по-другому интерпретируются эти понятия: объективным могут выступать многие субъективные моменты в жизни общества, на которые исследуемый субъект лишен возможности влиять и для которого они будут выступать независимой силой (например, Министерство образования по отношению к школьнику, студенту, преподавателю выступает некоей объективной данностью, которая им не подвластна и не подконтрольна и на которую они, как показывает реальная жизнь, никак практически влиять не могут).

В философии *общественное сознание* обычно рассматривается в двух измерениях: как теоретическое и как обыденное. В научной литературе при выявлении их сущности, роли и функций наиболее распространена точка зрения, которая противопоставляет их друг другу, отождествляет обыденное сознание с более низким его уровнем. Все это справедливо, пока осуществляется гносеологический анализ этого явления. Но, как показывает жизнь, в чистом виде ни то, ни другое не существует. *Практика заставляет нас по-иному взглянуть на эту проблему — в общественной жизни мы имеем дело не с обыденным или теоретическим, а с реальным, практически функционирующим сознанием.*

В этой связи нам хотелось отметить, что традициям русской социологии еще в XIX в. была присуща гуманистическая направленность — обращение к человеку как творцу, активному участнику преобразований в обществе. Под влиянием этой тенденции объектом изучения становились вопросы, характеризующие состояние сознания людей, их поведение и отношение к происходящим в обществе процессам, их профессиональное, национальное и региональное звучание. Человек развивается как родовое, общественное существо и прежде всего при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни. Это отметил еще на рубеже XX века А.А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса об обществе, писал, что в борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания» (Богданов, 1906: 57).

При такой постановке вопроса мы подходим к необходимости не только выяснить соотношение теоретического и обыденного созна-

ния, но и роль первого в решении судеб общественного развития. Если обыденное сознание возникает в процессе повседневной жизни, являясь продуктом стихийного отражения внешней стороны действительности, то теоретическое сознание представляет собой познание существенных связей, отражающих глубинные процессы, что требует научного осмысления, проникновения в суть вещей. Теоретическое сознание находит свое воплощение в научных взглядах, концепциях, идеях, которые претендуют на более высокий уровень познания и отражения действительности, на вскрытие новых пластов знания и проникновение в новые неведомые ранее стороны жизни общества. Однако научная обоснованность и жизненность теорий и концепций, которые предстояло объективизировать, реализовать, не всегда коррелируют с потребностями общественного развития. Нередко теории и концепции лишь частично, в неполном объеме отражают объективные закономерности, состояние и проблемы функционирования реальной социальной практики. Более того, они нередко искажают реальную картину, ибо, претендуя на абсолютность своей истины, не допускают иных подходов и объяснений происходящих общественных процессов. Анализ функционирования теоретического сознания позволяет сделать вывод, что, во-первых, само по себе оно не может превращаться в материальную силу; во-вторых, многие теоретические воззрения, которые претендовали на эту роль, не были реализованы, так как в своей основе были ущербны, односторонни, догматичны и не сопоставлены с реальной жизнью; в-третьих, истинно передовые взгляды и идеи, стихийно пробивавшие себе дорогу, нередко торпедировались, замалчивались, ограничивались при любой попытке воплотить их в практику.

Стоит еще раз подчеркнуть, что в реальной жизни эти формы знания (сознания) — научное (теоретическое) и обыденное — сосуществуют только во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом и в жизненной практике выступают в виде реально функционирующего, практического сознания, в котором в разной пропорции у разных людей, у разных социальных групп представлено научно обоснованное и практическое знание. Но социолог анализирует не логические конструкты, а то, что представлено в процессе функционирования жизненного мира людей. Иначе говоря, социолог берет реальность во всем ее противоречивом развитии, выявляя пропорции и особенности в сознании людей научных и практических, обыденных знаний, ориентаций, установок и т.д.

Таким образом, на основе уже имеющегося философского знания социология дает свою интерпретацию общественного сознания и по-

ведения людей, формирует понятийный аппарат (например, о компонентах сознания и деятельности), свое видение объективного и субъективного в общественных процессах, свое представление о формах и видах человеческой деятельности [Волков, 2014; Гидденс, 2001].

Для теоретической социологии, для глубокого социального анализа важны выводы *психологической науки* о сознании и поведении индивида, отдельных микро- и макрогрупп (например, толпы). Используя инструментарий социальной психологии, социолог получает возможность более тонкого, глубинного выявления сущности и содержания жизненного мира людей [Петренко, 2009; Юревич, 2010]. Однако социология ищет более общие социальные связи, которые характеризуют сознание и поведение не индивидов самих по себе, сколько социальных групп, общностей, классов.

Социология жизни отражает *качественный этап* в истории познания общества, когда оно предстает перед нами в человеческом измерении, когда не просто люди, а *каждый человек становился субъектом исторического процесса*, начало чему положили великие буржуазные революции. Именно с этого периода начинается новое осмысление роли человека, всех без исключения людей во всех ипостасях их сознания и поведения и превращение их в участников экономических, социальных, политических и культурных изменений. Этот процесс происходил постепенно, с трудом, со срывами и отступлениями, но *человеческое измерение общества* пробивало себе путь, что нашло отражение в постоянном научном поиске. Конечно, данный этап в развитии социальной мысли не мог начаться вдруг, с открытого листа — предпосылки иного подхода к человеку и обществу созрели исподволь. Но этим предпосылкам надо отвести подобающее место, а не делать людей первобытного общества представителями социологии в период охоты на мамонтов или сбора урожая с ветвей дикорастущих плодовых деревьев. Именно поэтому теоретико-познавательная функция социологии предполагает обязательное рассмотрение любого процесса и явления с точки зрения истории. Теоретические и историко-познавательные проблемы тесно переплетаются, и их по большому счету трудно отделить друг от друга, особенно когда речь идет об анализе творчества конкретного исследователя. В целом и в зарубежной и отечественной литературе создан комплекс работ, которые с разных аспектов раскрывают исторические судьбы развития мировой и отечественной социологии. (Подробнее см.: [Батыгин, Подвойский, 2007; Бороноев, Козловский, 1997; Валлерстайн, 2003; Гидденс, 2001, 2006; Зборовский, 2003; Елсуков, Данилов, 2009; Капитонов, 2000;

Кукушкина, 2004; Кравченко, 2002; Миненков, 2000; Монсон, 1992; Осипов, 1999; Тощенко, Романовский, 2010; Ядов, 1996; Францев, 1965, Чагин, 1971; Wallerstein, 2003]).

Социология — это и *методология*, т.е. такой уровень теоретического знания, который выражен на языке, позволяющем оперировать информацией посредством определенных принципов, которые затем могут быть выражены через соответствующие индикаторы и показатели [Горшков, Шереги, 2009]. Так как социология жизни исходит из конструктивистской парадигмы, ее основными индикаторами выступают сознание, поведение и окружающая среда. Они в свою очередь выражают производные от них показатели. Сознание в этой методологии представлено через такие компоненты, как знание, мнение, настроение, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и т.д. Поведение в свою очередь выражено через акт, поступок, действие, а среда — через макро-, мезо- и микросреду. Оперирование этими конкретными «носителями» сознания, поведения и среды позволяет наполнить «кровью» и «плотью» исследуемые процессы и явления, которые в других социальных науках описываются и характеризуются другими понятиями и не требуют такой детализации и конкретизации.

Помимо методологии для социологии жизни очень важны *методы* познания социальной реальности. И не только потому, что этим они серьезно отличаются от других наук, а потому, что предполагают использование статистико-математического аппарата и многообразных специфических способов познания. Строго говоря, *социология жизни имеет дело как с самой реальностью, так и с восприятием этой реальности человеком, социальными группами и слоями*. Для этого она выработала конкретные приемы и инструменты, с помощью которых производится съем (сбор) информации с ее последующим анализом и интерпретацией.

И наконец, *социология как наука призвана оперировать не умозрительными схемами, а реальными проявлениями жизненного мира*, что находит отражение в анализе состояния общественного сознания, различных форм и видов деятельности, возможностей их проявления в конкретно-исторических условиях. Это сознание и поведение не отдельного индивида, а социальных общностей и групп, сознание и поведение которых приобретают социальные характеристики, имеют общественное значение, образуют устойчивые социальные процессы и явления. Именно убежденность в том, что в основе социологического знания лежит анализ общественного сознания и социальных прак-

тик людей и их зависимости от объективных условий и образуют ту социологическую теорию, которая называется *социологией жизни*.

Особо надо отметить, что полученная в процессе социологических исследований информация, как правило, служит основанием для дальнейшего развития теоретических положений. Исходные методологические идеи, которые социолог закладывает в научный проект, обогащаются выводами проведенных исследований и позволяют получить новое знание. Вместе с тем прирост нового знания достигается в том случае, если четко сформулирована социальная проблема, которая обычно обнаруживает себя как противоречие между потребностями общественного развития и субъективной деятельностью людей.

Для выработки предложений по устранению имеющихся противоречий анализируется *как объективная, так и субъективная социальная информация*. На современном этапе общественного развития все больше и больше повышается интерес к информации, которая характеризует внутренний мир людей, их намерения, мотивы, ценностные ориентации и готовность действовать во имя их претворения в жизнь. Собственно, подход к предмету социологии жизни, призванный рассматривать реальное сознание и поведение людей, можно также трактовать, как попытку субъективировать общественные процессы. Однако нужно понимать, что изучение состояния, выявление тенденций и проблем реального, практического сознания и поведения обязательно предполагает учет объективных условий, использование объективной информации. Именно такое сочетание дает реальную картину и достаточно всесторонне фиксирует то, что происходит в жизни страны, социальных групп, общностей и объединений [Батыгин, Подвойский, 2007].

Именно такая трактовка теоретико-познавательных возможностей социологии позволяет утверждать, что *она тесно связана с мировоззренческим подходом к анализу и объяснению изучаемых процессов и явлений*. Несомненно, что приступая к исследованию, любой причастный к процессу познания не может быть полностью избавлен от тех моментов, которые связаны с его мироощущением, с восприятием реальностей жизни и его пониманием, что нужно делать и как поступать самому или кому адресовать свои предложения и ощущение от результатов познавательной деятельности.

К теоретико-познавательной функции можно и нужно отнести и функцию просвещения, что в последние годы в мировой и отечественной социологии стали относить к публичной социологии [Харчева, 2001].

10.2. Социальная проблема — суть управленческой функция социологии жизни

Что касается *управленческой (прикладной) функции* социологии, то она заключается в нахождении рациональных способов решения конкретных общественных проблем *здесь и сейчас*, а также проблем, которые возникают в результате определенных управленческих воздействий *там и потом*. Реализация этой функции тесно связана с обеспечением постоянно обновляемой информации о состоянии и тенденциях развития общественных процессов и явлений.

Эта функции в большинстве случаев связана с анализом общественных изменений, что вызывается необходимостью решить ту или иную проблему. Остановимся на этом подробнее.

Прежде всего, следует отметить, что управленческая функция социологии жизни *нацелена на решение значимых и важных социальных проблем, наиболее актуальных и перспективных для общества, данной организации или института*. Отбор наиболее значимого, решающего, определяющего судьбу и перспективы социального развития — главная задача этой функции [Тихонов, 2013].

История знает примеры, когда на уровне интуитивного понимания необходимости определить (выявить) проблему осуществлялись осознанные меры по решению ситуационных, злободневных и часто неотложных задач. Этим требованиям в той или иной мере отвечали все без исключения реформы, проводимые во многих обществах, особенно на этапе их индустриального и постиндустриального развития. Но они, будучи основаны на пожеланиях, интуиции, предположениях, не имели научно обоснованной базы, не опирались на продуманные методологию и методики их решения. Эти реформы всегда зависели от прозорливости принимающих решения, от их умения познать (предвидеть) объективные тенденции и правильно определить средства достижения поставленной цели [Попова, 1997; Фролов, 2001].

Исторический опыт — будь то реформы после отмены крепостного права в России в XIX в., реформы Столыпина, планируемые и(или) осуществленные революции — свидетельствует, что все эти акции исходили из необходимости решать важные, насущные социально-экономические и социально-политические проблемы, которые влияли на развитие всего общества. Однако только в XX веке озаботились разработкой научных основ анализа и целенаправленного воздействия на происходящие в обществе процессы, в том числе и социальные. Наиболее яркий пример научно обоснованного решения проблемы —

разработка и реализация плана ГОЭЛРО. Эта программа электрификации России стала мощным рычагом решения всех без исключения не только технико-технологических, но и социально-экономических проблем. Не менее ярка и впечатляюща программа ликвидации неграмотности, проводимая в первые годы Советской России. Этот документ позволил в короткий исторический срок решить задачу гигантской важности, обеспечившую успех и на других участках экономического и социального строительства. Это было не стихийное мероприятие. При его подготовке осуществлялся глубокий анализ состояния образованности населения в России, были мобилизованы социальные силы, исходя из реальных возможностей (финансовых, материальных, кадровых) для рационального решения поставленной задачи. Составители этой программы, несмотря на известную политическую заданность и идеологическую ангажированность, предугадали колоссальные последствия этой акции, что потом было реализовано в действительности, превратившей СССР в мощную державу в мире.

Научные основы решения проблем были предложены сначала в математике и в естествознании. Затем они стали интенсивно разрабатываться в экономических науках с попытками осуществить их на практике. В социологии осознание необходимости разработки методологии и методики решения проблем социального развития пришло в 60—70-х гг. XX века и в настоящее время находится в стадии интенсивной разработки [Кирдина, 2014; Подвойский, 2013].

Предпосылкой для применения управленческой функции является *определение социальной проблемы, ее сущностных, количественных и качественных характеристик.*

Прежде всего выявляется сам факт существования проблемы и причины ее появления [Минина, 1997; Монсон, 1995]. Для этого используют такую градацию причин: *объективные*, которые отражают неотложные злободневные аспекты общественного развития, а также компенсирующие условия *отклонений от нормы*, особенно при деформации происходящих социальных явлений и процессов, а также *субъективные*, появившиеся в результате сознательного действия или умысла, насилия или произвола, когда наносится ущерб и обществу и данному социальному процессу. Эти условия особенно ярко проявили себя в конце XX — начале XXI в. в экономической жизни России: в злоупотреблении, например, процедурой банкротств, в феномене рейдерства, часто нацеленного на захват государственной или частной собственности, на ее передел в интересах отдельных групп людей.

В связи со сложностью и многоаспектностью этой функции социологии дадим описание и сущностную характеристику социальной проблемы.

1. Социальная проблема характеризуется тем, что *олицетворяет противоречие между теми целями, к которым стремятся люди (общество, организации) и теми условиями, в которых реализуются их устремления*. Она решается посредством целевой программы — совокупности мероприятий (оказываемых услуг), взаимоувязанных по срокам, исполнителям и ресурсам, и направленных на достижение определенной цели (задачи). По сути, целевая программа — это планируемые и реализуемые действия по достижению поставленных целей, сбалансированная по ресурсам (техничко-экономическим, финансовым, социальным и др.). Несоответствие и несбалансированность их между собой приводят к обострению ситуации, что может привести к неоправданным издержкам, если не будет достигнуто их согласование [Барулин, Кусмарцева, 2010, 22—27].

2. Социальная проблема возникает и даже обостряется в тех случаях, когда обнаруживается *недостаток или неполнота средств решения определенной задачи, но они не дополняются и не включаются в происходящий процесс управления*. Так, ситуация в сельском хозяйстве продолжает оставаться напряженной на всех этапах его существования в России, ибо на каждом этапе не находилось научно обоснованного механизма для решения, исправления (улучшения) и реализации желаемых преобразований [Сосюра, 2007].

3. Социальная проблема рождается в результате нарастания *дезорганизирующих процессов, которые торпедируют нормальный, последовательный ход развития событий, в результате чего возникают напряженность, обострение ситуации, появляются различного рода конфронтационные действия*. Такие явления были нередки в период перестройки в СССР, которые впоследствии привели к распаду советской страны. Они присущи и современному российскому обществу. В этих случаях перед руководителями государства стояла задача (которая, к сожалению, так и не решенная) осознать, оценить и принять меры, чтобы проблема не превращалась в социальный конфликт, социальную катастрофу [Дмитриев, 2009].

4. Социальная проблема нередко *выступает стимулом для поиска новых идей, новых подходов*, которые могут означать принципиально иные качественные решения, как это, например, было у многих предприятий в период рыночных реформ, когда старый накопленный опыт

перестал не только приносить плоды, но и вел к краху [Щербина, Попова, 2010].

5. Важной характеристикой социальной проблемы является *реакция на нее субъекта управления, а также его отношение к способам ее решения*. Нередко эта реакция сводится к упованию на то, что проблема рассосется сама собой, что на деле означает подчинение фатализму и соответственно рождает индифферентное поведение, игнорируя нацеленность на сознательно предпринимаемые усилия с целью решения поставленной задачи [Кравченко, Мнацаканян, Покровский, 1997].

Таким образом, *социальная проблема — это противоречия между сущим и должным, явным и латентным, желаемым и необходимым, организующим и дезорганизующим началом*, без решения которых общество (организация, социальный институт, социальные группы и общности, личность) рискует лишиться постепенного, относительно взвешенного и сбалансированного развития. И самым приемлемым и оправдавшим себя в жизни инструментом решения общественной проблемы выступает такой элемент управления, как социальное программирование.

Алгоритм решения проблемы следующий. Сначала выявляется состояние той области или сферы жизнедеятельности, жизненного мира людей, в которой появилась или обнаружена проблема. Решение ее начинается с анализа этого состояния, осуществляется поиск и обоснование причины появления данной проблемы, выявляются возможные тенденции развития изучаемого процесса, а затем реализуются меры по решению проблемы. Как показывает обоснованная практика, они находят свое воплощение в различных формах программно-целевого или проблемно-целевого подхода с применением различных вариантов социального прогнозирования, социального планирования и(или) социального проектирования. Особое значение приобретает *прогноз* ближайших и более отдаленных последствий, что позволяет минимизировать негативные тенденции.

К управленческой функции нередко относят и те способы ее воздействия на общественные процессы, которые нередко выделяют в самостоятельную функцию — *идеологическую, связанную с мировоззренческой, но имеющую самостоятельное значение*. Дело в том, что любой процесс управления преследует достижение определенных целей как формы реализации личных, групповых, корпоративных или государственных интересов, которые всегда в той или иной мере

имеют социально-политическую окраску [Волков, 1999; Козырев, 2005; Молевич, 2003].

В этой связи нуждается в осмыслении реальный опыт организации и проведения социологических исследований, который в большинстве своем складывается под влиянием потребностей практики. Первостепенное значение приобретают те из них, которые направлены на изучение *состояния, тенденций и основных проблем социально-экономической, социально-политической и духовной жизни*. Большое значение приобретает анализ *стратификационных процессов*, которые отражают глубинные изменения, происходящие как в сфере материального производства, так и в политике, в жизнедеятельности людей [Бабосов, 2002]. В этой связи все большее значение становится практика изучения *общественного мнения*, что связано в значительной мере с решением прикладных задач. Все большее место занимают вопросы *этнонациональных отношений*. Всплеск конфликтов, этническая напряженность стимулировали деятельность социологов по поиску путей выхода из кризиса. Их данные активно используются в решении проблем малых народов, при определении пределов и границ национальных суверенитетов (см. подробнее: [Дмитриев, 2009; Здравомыслов, 2010]).

В настоящее время важное место отводится исследованиям *рыночных отношений*, политическим и социальным последствиям вхождения людей в новые экономические реалии. Перед *социологами труда, специалистами по индустриальной социологии, города, села* встали принципиально *новые вопросы*, которые было трудно предвидеть даже в 80-е г. XX века: наличие многообразных форм собственности, в том числе и частной, начало функционирования совместных (с иностранными фирмами) предприятий, создание новых, в том числе и горизонтальных, связей между ними. В 1990-е гг. впервые был зарегистрирован новый фактор экономического сознания и поведения людей — *осознание безработицы*, которая вызывает тревогу у большинства населения. Особую значимость приобретает участие социологии в рассмотрении таких проблем, как *насилие и преступность* в обществе. Изучение реальных ситуаций, на решение которых может быть направлена управленческая функция социологии, резко увеличило значение *экологических и духовно-нравственных проблем*. Причем значение последних в жизни общества не ослабло, а наоборот, возросло, хотя приобрело деформированный вид [Готов, 2010; Кара-Мурза, 2001; Григорьев, Ростов, 2002; Ярская, 2015].

Несколько иная ситуация складывается при проведении фундаментальных и прикладных социологических исследований. Обычно

они направлены на анализ и выработку рекомендаций по решению социально-экономических, социально-политических, духовных (культурных) проблем страны, общества. В круге проводимых социологами исследований находятся такие проблемы, как социальная эффективность производства и труда, демографические проблемы, покупательная способность населения, корпоративная и организационная культура хозяйственной жизни страны [Красовский, 1999]. Эти исследования, вернее их результаты, становятся достоянием значительно более многочисленных групп — специалистов, управленцев, часто и самих работников конкретной организации, проводившей данное исследование. Эта информация нередко служит основой управленческих решений, принятия более или менее оперативных мер по стимулированию или ограничению выявленных исследователями тенденций. Правда, надо признать, что такая информация востребована тогда, когда те или иные управленцы осознали, что они исчерпали или исчерпывают имеющиеся у них организационные, технические и технологические резервы и требуется поиск резервов иного порядка, что — с большой долей вероятности — связано с использованием социологических и социально-психологических исследований. Нельзя не заметить, что в период кризиса, сложных процессов, происходящих в организациях и на производстве, сокращается реальный спрос на исследования. Испытывающие кризис структуры сосредоточиваются на задачах, связанных с выживанием, попытками удержать завоеванные позиции. Но с точки зрения поднятого нами вопроса — о ценности и значимости добываемой социологами информации для общества — нельзя не признать, что, несмотря на расширение потребителей, получаемая информация становится достоянием незначительной части общества, к тому же мало заинтересованной в ее распространении за пределы организации. В такой ситуации социологам приходится прибегать в широкой печати к иносказательной интерпретации полученных результатов или обобщать их на уровне теоретическом выводов и рекомендаций, касающихся всего и вся.

Вариантом, достойным всемерной поддержки и развития, являются разноплановые социологические и социально-психологические службы, производящие продукцию прикладного характера для государственных, акционерных и частных предприятий, в кооперативных и общественных организациях. Речь также идет об участии социологов в избирательных кампаниях, проведении спектра исследований по заказу конкретных заинтересованных управленческих структур, вплоть до тех, которые ищут помощи социологов при решении кон-

фликтных ситуаций (например, протесты жителей против предполагаемых строек, прокладки дорог и т.п.).

Таким образом, анализ состояния общественного сознания и поведения людей, тенденций их изменения в условиях функционирования экономических, социальных, политических и духовных отношений — все это стало предметом научно-исследовательских и прикладных задач социологической науки. Она призвана обогатить теоретические воззрения о нынешнем этапе развития современного общества, помочь практике рекомендациями о возможностях рационального воздействия на общественные процессы.

10.3. Публичная социология как функция социологии жизни

В процессе развития социологической науки во все большей мере стал требоваться ответ на вопрос: как она взаимодействует с обществом, как общество откликается на ее продукцию и общественную позицию? Аксиоматично, что наука обязана заботиться о теоретической и методологической базе. В этом изначальный смысл всякой науки, как знания истинного, ее базовая функция в обществе, оправдание расходов, которые общество несет на ее содержание, и т.д. Анализ современной социологии показывает, что в ней происходит интенсивная работа по созданию трудов по ее истории, по развитию понятийного аппарата, обоснованию (в смысле теоретических основ, фундамента) ее общественно значимых функций, анализу и сопоставлению различных течений (школ) социологии. Появились и предложения по расширению поля социологии, осмыслению социальных аспектов глобализующегося мира, посткапиталистического его устройства, вещей, тела, здоровья, безопасности и т.д. Нужны ли эти исследования? Да, нужны, но прежде всего для самой социологической науки. Общество может только согласиться с тем, что наука занимается этим кругом проблем, но само общество эта продукция не интересует и в ближайшей и отдаленной перспективе (как и подобный аспект других наук) не будет интересоваться.

Это позволяет заключить, что само по себе социологическое знание пассивно. Использование его — дело не столько социологов, сколько общества в лице соответствующих организаций. Но ожидать, когда нас позовут, когда наши знания станут достоянием общества, вряд ли оправданно. Возникает разговор об активной роли социологии и социологов, о том, как, каким образом и какими средствами они мо-

гут наращивать свое влияние на общество. Возникает он на современном этапе в конкретной ситуации, сложившейся в международном и национальном сообществах социологов. [Горшков, 2011; Романов, Ярская-Смирнова, 2008; Романовский, Тощенко, 2009; Штомпка, 2005; Bugavoy, 2004; 2005; 2007; Sztompka, 2008]. В отечественном (как и любом другом национальном) контексте разговор о взаимодействии социологии и общества или о публичной социологии в первом приближении можно свести к вопросам *о путях, средствах, методах* доведения социологической информации до значимой части населения, которая может олицетворять общество. Постараемся суммарно представить пути взаимодействия социологии с обществом, выход ее на «публичные» позиции (подробнее также см.: [Зборовский, 2014: 291—297]).

Социология становится публичной, во-первых, тогда, когда ее результаты становятся достоянием массового сознания через газеты, радио, телевидение, когда данные проведенных исследований сообщаются, интерпретируются и предлагаются аудитории для осмысления. Все более мощно оперирует социологическими данными Интернет через институциональные и личные сайты, блоги. Этот канал взаимодействия с обществом представлен продукцией организаций, исследующих общественное мнение: в международном масштабе — такие исследовательские программы как Европейский барометр, Всемирное исследование ценностей, а в России — Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ), исследования Института социологии РАН, Института социально-политических исследований РАН, региональные центры исследования общественных проблем и ситуаций Тюмени, Белгорода, Орла, Волгограда, Вологды и других городов. Справедливости ради следует отметить, что данные социологии нередко своеобразно используются в СМИ: журналисты склонны давать характеристику того, что им кажется важным, игнорируя другие данные, которые в данном контексте могут отражать и иные позиции, и иные тенденции. Тогда данные социологии становятся полуправдой, объективно служат манипулированию общественным сознанием.

Во-вторых, к публичной социологии можно отнести ее участие в подготовке и принятии решений на федеральном, региональном и местном уровнях. Социологи могут отнести к своим заслугам факт участия в подготовке и принятии некоторых общегосударственных и региональных актов по решению конкретных проблем. Конечно, не одни они являлись источниками информации, но учет поставляемых

социологией данных в немалой степени способствовал совершенствованию принимавшихся решений. Кроме того, ряд действий государственных и общественных органов осуществлялись на основе рекомендаций социологов, идеи и выводы которых часто латентно отражены в принятых решениях. И хотя не всегда говорилось о том, что принятие текущих решений опиралось на социологические данные, тем не менее, и в этом случае социология жизни выполняла свою публичную роль, так как, хотя и косвенно, ее данные доводились в обработанном и по-иному изложенном в соответствующих решениях виде. Правда, использование данных социологических исследований по-прежнему, как и в советское время, является делом предпочтений и(или) вкуса того или иного руководителя: тот, кто признает роль и значение социологии, стремится ее использовать в своей деятельности. Тот же руководитель, который считает, что и без социологии может обойтись, никак не стеснен в принятии своих собственных решений, часто принимаемых на основе правила: «Я и сам умный». Опасность подстерегает социолога на этом пути в том смысле, что в текущих заботах он может напрочь забыть о перспективе развития, необходимости заглянуть вперед, попытаться прогнозировать ход развития события.

В-третьих, социология приобретает облик публичности в том случае, когда она занимается социологическим просвещением. К нему мы относим чтение лекционных курсов для студентов широкого спектра таких специальностей, как инженерные, сельскохозяйственные, педагогические или строительные, приобщающих будущих специалистов к специфике социологического знания, показывающих им возможности его использования в работе. К ним примыкают публичные лекции для широкой аудитории, в том числе и по линии пытающегося возродиться общества «Знание», выступления на научных конференциях, в публичных дискуссиях, в периодических изданиях, журналах, которые предназначены для более широких кругов общественности.

В-четвертых, публичность социологии проявляется тогда, когда социологами становятся сами представители политической или общественной власти или социологи входят в ее структуры в виде советников, консультантов по подготовке и выработке решений, исходящих от этих организаций [Aronowitz, 2005; Bude, 2005, Calhoun, 2005]. Уже не столь редко можно встретить в структурах власти (политической, экономической, культурной) людей, имеющих профессиональную социологическую подготовку. И хотя они необязательно в полном объеме реализуют потенциал социологии в своей работе, но

с определенным допущением можно полагать, что влияние профессиональной подготовки прямо или косвенно сказывается на обосновании тех или иных выводов и принятых решений и рекомендаций.

*И, наконец, публичность заключается не только в констатации конкретно сложившихся взаимоотношений социологии и власти, но и в том, что деятельность социологов должна быть наступательной, активной и что эта активность должна быть поставлена как одна из целей, одна из обязанностей социолога. Именно этой стороной деятельности социолога, на наш взгляд, озабочены бывшие президенты Международной социологической ассоциации (МСА) П. Штомпка и М. Вевёрка. Лейтмотив их выступлений — социологи недостаточно активны, не настойчивы, не применяют все меры по «вмешательству» в жизнь общества [Штомпка, 2005]. И это не просто констатация. Это настойчивое требование, ибо созидательная сила социологического знания достаточно значима. Такая постановка вопроса базируется на том, что социология как наука серьезно отличается от других социальных наук в том плане, что она как никакая другая наука *олицетворяет обратную связь* между народом и политическим и экономическим классом, участвуя в корреляции намеченной политики в той или иной сфере государственной или политической жизни. А раз так, то образно говоря, будучи гласом народа, социология призвана олицетворять свою публичную роль активнее, даже агрессивнее. Она, в конце концов, выступает от имени народа.*

Если подытожить изложенные суждения, публичная социология — эта реализация общественной роли нашей науки, доступность ее информации широким слоям населения, демонстрация ее значимости и полезности для большинства. Каналы реализации этого предназначения науки — использование СМИ, Интернета, участие в подготовке и принятии решений на всех уровнях государственного, регионального и муниципального управления, осуществление социального просвещения и других путей доведения данных и выводов науки до максимально большего количества людей. Кстати, этот постулат связан с важным нравственным выбором. Легче замкнуться в «чистой» науке, свысока поглядывая на тех, кто озабочен «связью с жизнью» — исповедовать своеобразный социологический элитизм, за которым не скрывается ничего иного, кроме равнодушия и безразличия к происходящему вокруг. Это легче, чем тратить силы, ум, талант, умения и навыки на службу обществу, на решение проблем, от которых зависит судьба людей, их и наша личная жизнь. Социология не ограничивается проблемами собственной страны, напротив, она призвана ставить

на повестку дня ключевые проблемы современного мира, которые решающим образом влияют на жизнь конкретной страны, выступают в роли рамочного условия ее развития. В современных условиях это проблемы глобализации, проблемы характера современной эпохи и проблемы формирования образа мира ближайшего и отделанного будущего, нынешнего кризиса и т.д.

Обращаясь к этой ситуации, отметим, что тема эффективности взаимодействия социологии и общества связана со многими детерминирующими конкретное положение дел в этой области факторами. Не обойти стороной, например, проблем, связанных с властью как стороной взаимодействий, с возникающими здесь вопросами (и парадоксами) [Бойков, 2009; Здравомыслов, 2010; Тихонов, 2013; Фливерберг, 2004; 2007]. Не следует считать власть априорно предрасположенной видеть в общественной науке «золотой ключик» практических дел. Тем более в нашей стране. Здесь власть давно (еще со времен номинального марксизма-ленинизма) не считает общественную науку «путеводной звездой», не определяет актуальных «в свете решений» задач обществоведов. Скорее, от представителей власти можно ожидать скептического отношения, чем поддержки [Бурдьё, 1993].

Тем более нашей социологии, относительно новой в стране науке об обществе, авторитет еще надо добыть делами — демонстрируя, как говорил М. Вевёрка, свои возможности и достижения. Для современной России такая постановка вопроса связана, в частности, с новыми для отечества проблемами многоэтничного, постсоциалистического социума, вновь возникающих проблем меняющегося мира, не заменяя их псевдо-научными эвфемизмами: «резервы», «неиспользуемые возможности» и т.п. При конкретизации эффективности взаимодействий общества и социологии метод идеального типа взаимодействий социологии и общества на российском и международном материале позволит рельефней обозначить наши лакуны.

Напомним: обсуждение публичной социологии в США началось на фоне недовольства политикой республиканцев, курсом на ультралиберальную рыночную экономику, реакцией истеблишмента на 11 сентября 2001 г., войной в Ираке и другими проблемами, в большей части внутривнутриполитическими. Можно утверждать, что в этом факте отразилась тенденция к обновлению, связываемого с президентством Барака Обамы. Одновременно вставали крупные вопросы положения в современном мире. Поиск главной точки приложения сил приверженцев публичной социологии вышел на глобальную проблему со-

временного мира — положение *subaltern*¹ групп. В европейской и российской действительности стало применяться понятие «прекариат». Это массовое социальное явление всего мира, близкое тому, что марксизм XIX в. обозначал словами пролетариат, трудящиеся классы, угнетенные массы, а поэт того же века — «проклятем заклеянный весь мир голодных и рабов». Этот социальный слой не всегда назывешь постоянно работающими: они часто не работают. Угнетенными тоже, их лично и как группы внешне никто не угнетает — они представляют собой нестабильный, социально негарантированный слой людей, поставленных в унижительное и зависимое положение [Тощенко, 2015; Шкаратан и др, 2005; Standing, 2011].

Дебаты по поводу публичной социологии выявили, что социологи учитывают опыт своих стран по взаимодействию с обществом (и властями). Так, во Франции предпочитают говорить о «социологической интервенции» (А. Турен, П. Бурдьё, М. Вевёрка). На опыте Италии сказало наследие А. Грамши, о котором пишет еще один бывший президент МСА А. Мартинелли. В Англии Э. Гидденс [Гидденс, 2007] связывает свои устремления больше с академической социологией, хотя сам известен активной политической деятельностью. В Западной Европе широко обсуждается проблема «органичной публичной социологии» и «органичных» социологов — публичных интеллектуалов. Дж. Александер отстаивает приоритеты гражданского общества [Александер, 2002], «гражданской сферы», что в определенном смысле совпадает с позицией Буравого — сделать «неполноценных» (*subaltern*), или иначе говоря, прекариат полноценными членами гражданского общества. Предшественник М. Вевёрки на посту президента Международной социологической ассоциации П. Штомпка сосредоточился на таком аспекте публичности, как визуальная социология, которая означает новый поворот социологии к повседневной жизни [Sztompka, 2008]. Бывший президент МСА И. Валлерстайн может торжествовать: его прогнозы относительно кризиса капитализма вообще и капитализма в США, перехода к новому экономическому устройству мира, кажется, сбываются [Wallerstein, 1974; 2003]. Иначе говоря, реально практикуются разные, соответствующие условиям данной страны пути к эффективности взаимодействия социологии и общества.

¹ *subaltern* (англ.) — а) реально неполноценные люди; б) считающиеся неполноценными; в) стигматизированные (у нас — мигрант, лицо кавказской национальности и т.п.); г) малоимущие, но социально не способные двигать вперед нужные им самим и стране перемены.

В российской ситуации складываются так же не умоузырительные диагнозы и рецепты. Их придумать несложно: в диапазоне от очистки Авгиевых конюшен до осторожной формулы «нерешенные проблемы». Но как относятся сами российские социологи к этому понятию — публичная ли социология тот самый, первостепенной важности рецепт (лозунг?) для практических действий в нашей стране? [Zdravomyslova, 2008]. Иными словами, профессиональная социология — главное ли звено в цепи задач отечественной социологии?

Так ли это? Опубликованные данные опроса участников Третьего Всероссийского социологического конгресса (сайт Российского общества социологов, 2009 г.) позволяют думать, что диагноз «нехватка профессионализма» близок к истине. И это обстоятельство не может не сказаться определяющим образом на эффективности взаимоотношений социологии и общества. Конкретные проблемы профессионального сообщества, профессии и сути развития публичной социологии, детерминанты эффективности взаимодействия социологии и общества отражены в ряде ответов участников опроса. Затронут был и предмет нашей проблемы — социология и общество. Большинство опрошенных участников конгресса (47%) считают, что социология в отдельных случаях востребована, но лишь в отдельных. Вполне достоверной выглядит и констатация мнений 32% опрошенных, позволяющая сделать вывод, что в условиях рынка академическая организация и университетская подготовка социологов оказались не вполне состоятельными. То же относится к мнению 27% (самая большая доля ответивших), о том, что экстенсивный рост социологии после 1989 г. снизил профессионализм массы социологов. Те отечественные мастера социологии, которые выковывали свой профессионализм в условиях борьбы за выживание свое и социологии (1960—1980-е гг.), растворены сейчас в массе относительных «новичков». Большинство только накапливают опыт практических эмпирических исследований, мало читают специальных социологических журналов, иностранной литературы.

Международный опыт взаимодействия социологии и общества однозначен: социальный престиж науки произведен от ее достижений. «Самоубийство», «Протестантская этика и дух капитализма», «Толпа одиночек», «Властвующая элита», «Американский солдат» — вот некоторые бестселлеры, поражавшие умы миллионов, общественное мнение, поднимавшие престиж социологии в глазах общества. Таковую же роль играли в свое время новые методы социологии. Достаточно вспомнить эффект выборки в предсказании побед Ф.Д. Рузвельта на

президентских выборах в США 1936 г. А еще были сотни малых открытий в сфере производства, сбыта бизнеса, приносявшие порой многомиллиардные прибыли корпорациям. Упомянем лишь прогноз приобретения второго автомобиля средней американской семьей, сооружения коттеджей для ветеранов, обоснование доктрины «человеческих отношений». Это и есть путь *демонстрации* (термин Вевёрки) достижений *профессиональной* (Буравой) социологии. Поэтому призыв «За публичную социологию» нам следует переделать: «За профессиональную публичную социологию». Или, как признает Д. Подвойский, «речь должна идти не просто о публичной социологии, которая репрезентирует свои репрезентации обществу, а о перформативной социологии, которая встроена в общество и активно участвует в его исполнении» [Подвойский, 2013: 20].

10.4. Прогностическая функция социологии жизни

Важнейшей для социологии как науки является ее *прогностическая функция*. Без нее общество раз за разом будет лишь идти за событиями. Многие социологи ратуют — нередко с оговорками — за новый общественный строй на иных этических основаниях, нежели капитализм: «За пределами алчности, страха и угроз» [Бауман, 2008]. В нашем же случае кризис в банковской, финансовой экономической сферах демонстрирует отставание обществоведов, в том числе и социологии, в прогнозах. П.А. Сорокин, кажется, был ближе к сути проблемы деградации культуры капитализма, чем мы.

Конечно, для нынешней российской науки, отсутствие внятного заказа власти, указаний сверху по вопросам развития общественных наук непривычно. Но разумно ли во всем и всегда полагаться на заказ власти? «Звездный час» отечественной социологии в лице Т.И. Заславской (и экономической в лице Л.И. Абалкина) был продуктом не столько указаний КПСС, сколько насущных потребностей времени. Но политика все опрокинула. Власть лишила себя, страну научно прогнозируемых ориентиров; более того, пыталась элиминировать организованную науку. В итоге новый модус вивенди науки с властью не состоялся; социология эволюционирует, как бог даст. Социологические институты РАН изданиями по острым исследованиям социологически просвещают общество и околоставные круги. В частности, прессу, СМИ с очевидной социологической неграмотностью людей, которым в университетах, казалось, положено было хоть куций курс социологии пройти. Эта среда поддерживает представления о социоло-

логии как о простых опросах. Рассуждая о среднем классе в России, не замечают важные проблемы общества, процессы, затрагивающие массовые слои. Среди них поиск людьми новой идентификации (кто я?, кто мы? и т.д.), приток охлоса после 1989 г. во власть, милитократия с ее плюсами и минусами, специфическое отношение населения страны к праву, отсутствие подлинных элит, неспособность трети населения быть агентом перемен, судьба городов с единственным градообразующим предприятием т.п. Эти и многие другие проблемы как бы не существуют.

Но готовность российской социологии соответствовать сложным задачам являет картину смешанную и тревожную. Актуален вопрос о провинциализме нашей социологии, о гастарбайтерах со степенями. Блогеры на сайте Института социологии РАН констатировали: социология теряет авторитет в обществе, широко распространен антитеоретический консенсус. Социологию современной России сравнили с компьютером на телеге. Спорят, есть ли у России теоретическая социология. Математическим аппаратом владеют немногие. Пользоваться доступными базами данных то ли затрудняются, то ли не умеют и т.п.

Выполнять задания по проведению исследований социологов учили. Но сейчас нужно доказывать, демонстрировать (Вевёрка) свой потенциал, достижения? Кто будет мотором, лидером движения вперед? Это фактор особый, без него можно долго ждать перелома в ситуации. Буравой свой вопрос «Что делать?» позаимствовал у Ленина. В кампании за «публичную социологию» успех Буравого было спланировано, подготовлен организаторской работой. Конечно, и мы можем ждать появления отечественных просветителей или шагов со стороны власти. Все же полагаем, что в норме мотором развития конкретной науки выступают профессионалы и их организации (пример — Институт социологии РАН при директоре А.М. Румянцеве). В 1902 г. на вопрос «Что делать?» ответ был дан: «Дайте нам организацию...».

Внести перелом способно активное ядро, пользующееся доверием профессионального сообщества. Такую роль играют национальные ассоциации социологов [см.: Бутенко, 2009]. У нас этот резерв не задействован. По данным цитированного выше опроса, 43% опрошенных держатся в стороне от существующих в стране объединений социологов. По какому критерию объединяться и организоваться? В ожидании перемен многое в нашей социологии страдает: нет координации, регуляторов, арбитров, аудиторов. Кто есть кто в социологии — разобраться трудно. От кого ждать рейтингов и оценок профессионализма? Как

сделать потенциал социологии достоянием сообщества? Как преодолевать то, что сдерживает эффективность взаимодействий социологии и общества на разных уровнях, в разных сферах?

Проблемы немалые. И они сказываются на взаимодействиях социологии и общества (власти), на действенности и эффективности социологии жизни.

Литература

Александр Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социол. исслед. 2002. № 10.

Бабосов Е.М. Конфликтология: учебник. Минск, 2002.

Барулин С. В. Кусмарцева В. С. Оценка результативности и эффективности реализации долгосрочных целевых программ // Финансы. 2010. № 5. С. 22—27.

Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.

Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Богданов А.А. Из истории психологии. СПб., 1906.

Бойков В.Э. Народ и власть. Результаты социологического мониторинга: 1999—2006 г. М., 2007.

Бороноев А.О., Козловский В.В. (ред.) Российская социология: Историко-социологические очерки. М., 1997.

Бурдье П. Мертвый хватает живого. Об отношениях между историей овеществленной и историей инкорпорированной // Социология политики. М., 1993.

Бутенко И.А. Профессионализм: гарантии качества // Социол. исслед. 2009. № 1.

Валлерстайн И. Некоторые тенденции в концептуализации современности // Социол. исслед. 2003. № 4. С. 127—134.

Волков Ю.Г. Идеология и гуманистическое будущее. СПб.; Ростов-н/Д., 1999.

Волков Ю.Г., Социология: учебник. М., 2006.

Гидденс Э. Социология. М., 2001.

Гидденс Э. К социологическому сообществу // Социол. исслед. 2007. № 9. С. 4—5 (Giddens A. *A call to arms* // Guardian. 2006. 26 nov.). URL: http://commentisfree.guardian.co.uk/anthony_giddens/2006/11/post_682.html

Глотов М.Б. Общая социология: учеб. пособие. СПб., М., 2010.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.

- Григорьев С.И., Растов Ю.Е.* Основы современной социологии: учеб. пособие. М., 2002.
- Дмитриев А.В.* Конфликтология: учебник. М., 2009.
- Зборовский Г.Е.* История социологии: классический и современный этапы. Екатеринбург, 2003.
- Зборовский Г.Е.* Отечественная социология на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург, 2014.
- Здравомыслов А.Г.* Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- Елсуков А.К., Данилов А.Н.* Предыстория социологии. Мн., 2009.
- Капитонов Э.А.* История и теория социологии. Социология XIX века. М., 2000.
- Кара-Мурза С.Г.* Власть манипуляции. М., 2009.
- Кирдина.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X и Y-теорию. М., СПб., 2014.
- Козырев. Г.И.* Социология: учеб. пособие. М., 2005.
- Кравченко А.И.* Социология: учебник. М., 2001.
- Кравченко С.А.* Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. М., 2002.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е.* Социология: Парадигмы и темы: учебник. М., 1997.
- Красовский Н.Д.* Организационное поведение. М., 1999.
- Кукушкина Е.И. (ред.).* Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века). М., 2004.
- Лекторский В.А.* Сознание // Новая философская энциклопедия. Т3. М., 2001. С. 567-589.
- Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980.
- Миненков Г.Я.* Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Минина В.Н.* Социальное программирование: теоретико-методологический аспект. СПб., 1997.
- Молевич Е.Ф.* Общая социология: Курс лекций. М., 2003.
- Монсон П.* Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М., 1995.
- Монсон П.* Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.
- Осипов Г.В. (ред.).* История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.
- Павленок П.Д.* Социология / П.Д. Павленок, Л.И. Савина, Г.Т. Журавлев М., 2010.
- Петренко В.Ф.* Образ России глазами россиян и иностранцев. М., 2009.
- Подвойский Д.Г.* Тропами модерна: социологические вариации на тему // Социол. исслед. 2013. № 10.

- Попова И.М.* Социология. Введение в специальность: учебник. Киев, 1997.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова (ред.)* Общественная роль социологии. М., 2008.
- Романовский Н.В., Тоценко Ж.Т.* Публичная или профессионально-публичная социология? // Социол. исслед. 2009. № 4. С. 20—28.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Сосюра Д.А.* Программно-целевое управление социальным развитием села. М., 2007.
- Степин В.С.* Философия и методология науки. Избранное. М., 2015.
- Тихонов А.В.* Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Новые идеи в социологии. М., 2013.
- Тоценко Ж.Т.* Прекариат — новый социальный класс // Социол. исслед. 2015. № 6.
- Тоценко Ж.Т., Романовский Н.В. (ред.)* Вехи российской социологии (1950-е — 2000-е годы). СПб., 2010.
- Флиберг Б.* Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // Социол. исслед. 2007. № 1. С. 62-70.
- Флиберг Б.* Кейс-стади как парадигмальный метод // Социол. исслед. 2004. № 9.
- Францев Ю.П.* Исторические пути социальной мысли. М., 1965.
- Фролов С.С.* Социология организаций: учебник. М., 2001.
- Харчева В.Г.* Основы социологии: учебник. М., 2001.
- Чагин Б.А.* Очерк истории социологической мысли в СССР (1917—1969). Л., 1971.
- Шавель С.А.* Общественная миссия социологии. Минск, 2010.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994. 2013) // Социол. исслед. 2015. № 12. С. 99—110.
- Штомпка П.* Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах (тезисы доклада). М., 2005.
- Щербина В.В., Попова Е.П.* Развитие деловых организаций: теоретические модели и проблемы практического применения учеб. пособ. М., 2010.
- Юревич А.В.* Методология и социология психологии. М., 2010.
- Ядов В.А. (ред.)*. Социология в России. М., 1996.
- Ярская В.Н.* Калейдоскоп времени. Следы биографии. М., 2015.
- Aronowitz S.* Comments on Michael Burawoy's «The Critical Turn to Public Sociology» // Critical Sociology (Leiden). 2005, Vol. 31. No. 3. Pp. 333—338.

- Bude H.* Auf der Suche nach einer öffentlichen Soziologie // *Soziale Welt*. 2005, No. 56, S. 375—380.
- Burawoy M.* For Public Sociology // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. №. 1. P. 4—28.
- Burawoy M.* Response: Public Sociology: Populist Fad or Path to Renewal // *British Journal of Sociology*. 2005. Vol. 36. №. 3.
- Burawoy M.* The World Needs Public Sociology. URL:<http://www.asanet.org/pubs/2004PresidentialAddressASR.pdf> (перепечатка в: *Sosiologisk tidsskrift* (Journal of sociology, Norway). 2004. № 3).
- Social Forces / Essays on Public Sociology by M. Burawoy, D. Brady, Ch. Tilly, F. Nielsen // *Social Forces*. 2004. Vol. 82. 2.
- Burawoy M.* Public Sociology: Mills vs. Gramsci. Introduction to the Italian Translation of «For Public Sociology» // *Sociologia*. 2007. Bologna. № 1.
- Burawoy M.* The Return of the Repressed: Recovering Public Face of the US Sociology, one Hundred Years on // *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. 2005. P. 1—18.
- Calhoun C.* The promise of public sociology // *British Journal. of Sociology*. 2005. Vol. 36. № 3. P. 355—363.
- Standing G.* The Precariat. The New Dangerous Class. Bloomsbury. 2011 (*Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014).
- Sztompka P.* The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // *European Review*. 2008. V. 16. № 1. Pp. 23—37.
- Wallerstein I.* The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis // *Comparative Studies in Society and History*. 1974. Vol. 16. № 4. Pp. 387—415.
- Wallerstein I.* The Decline of American Power: The US in a Chaotic World. N.Y.: New press, 2003.
- Zdravomyslova E.* «Make Way for Professional Sociology!»: Public Sociology in the Russian Context // *Current Sociology*. 2008, V. 56. No. 3. Pp. 405—414.

ГЛАВА 11

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНИ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

11.1. О статусе социологического знания

Конституирование социологии жизни как теоретической концепции предполагает не только раскрытие ее сущности и содержания, но и выявление ее границ и места в структуре социального знания. Решение таких основополагающих требований долгое время затруднялось тем, что, возникнув на пограничных областях обществознания, социология в течение значительного периода не могла определиться в полной мере по отношению к значимым для нее философскому, экономическому, историческому, правовому и другим видам социального знания.

Серьезной преградой для конституирования социологии жизни была и есть *претензия, высказываемая некоторыми представителями социологии, что только социология в полном объеме, в отличие от других социальных наук, изучает общество.* Эта точка зрения господствовала во многих теоретических изысканиях социологов XIX века. Нужно отметить, что, несмотря на то, что в XIX веке во внимание брались различные аспекты общественного развития, *все исследования тяготели к анализу всего общественного организма с позиций одной из наук:* физики (О. Конт), биологии (Г. Спенсер), экономики (К. Маркс, В.И. Ленин, Г.В. Плеханов), психологии (Л. Гумплович, Г. Тард, Ф. Тённис, Е.В. де Роберти), географии (Э. Реклю, Ф. Ратцель, Л.И. Мечников) и других наук (см. подробнее: [Головин, 2016]).

Социология жизни как одна из методологических основ конструктивизма нуждается в обосновании ее самостоятельного *статуса*, который на качественном уровне позволяет разграничить ее не только с другими социологическими концепциями, но и определиться в своем

взаимодействии с философским, историческим и другими видами знания.

В советское время место социологии среди других общественных дисциплин выяснялось главным образом при обсуждении ее соотношения с историческим материализмом и теорией научного коммунизма. От полного отождествления с истматом до роли обслуживающей дисциплины, от трактовки истмата как методологической основы социологии до отрицания ее полной самостоятельности — вот спектр мнений, который был предметом обсуждения в отечественной социологии в 60—80-е гг. XX века. (подробнее см.: [Зворыкин, 1963; Глезерман и др., 1971; Константинов, Келле, 1966; О структуре..., 1970; Осипов, 1968; Левада, 1969; Ельмеев, 1986; 1991 и др.]). По существу, в то время выяснялся лишь один вопрос: *какие области научного знания можно «отдать» социологии, признать принадлежащими ей?* В этот период в большинстве случаев давался один ответ: социология — это вспомогательная дисциплина, поставщик конкретной информации для других общественных дисциплин и прежде всего для исторического материализма. Конечно, в ходе этих споров высказывались и иные точки зрения, но все они так или иначе отказывали социологии в праве на самостоятельную роль, приспособлявая ее к существующей структуре социального знания, и в лучшем случае предлагали компромисс между различными точками зрения, но опять же за счет социологии. Среди них особое распространение получила дискуссия о соотношении социологии и научного коммунизма [Ковалев, Козиков, 1967; Слепенков, 1974; Фетисов, 1983].

Прежде чем приступить к анализу взаимодействия социологического знания с другими видами социального знания, хотелось бы отметить специфику его проявления в междисциплинарных (трансдисциплинарных) исследованиях, когда осуществляется комплексная интерпретация общественных процессов, в которых социологические проблемы анализировались с привлечением данных других наук — экономики, истории, психологии, политологии и пр. В этих исследованиях социология нередко занимала скромное место в объяснении выдвинутых положений, так как они часто не всегда могли быть подвергнуты эмпирической проверке или соизмерены с реальным человеческим опытом (подробнее см.: [Лубский, 2015]).

Каков же реальный статус социологического знания ныне, в начале третьего тысячелетия? Мы предлагаем рассмотреть не все проблемы соотношения социологии с другими науками, а сосредоточим внимание на том, как анализируемая и рассматриваемая нами социология жизни соотносится с основными видами социального знания.

11.2. Социология и философское знание

Различие между социологическим и философским знанием может показаться очевидным. Действительно, философы не проводят эмпирических исследований, почти и/или в небольшом объеме используют математические методы в построении своих концепций, далеко не всегда претендуют на политические и социальные прогнозы. И таких «не» можно привести множество. Но это лишь поверхностный взгляд на соотношение поисковых полей двух наук, которые, на самом деле, существуют неразрывно, непрерывно, обогащая друг друга.

Существует легенда о том, что австрийский философ Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн, один из наиболее влиятельных и при этом самых парадоксальных мыслителей XX века, в молодости получил предложение сделать доклад на тему «Что такое философия?». Некоторые его биографы утверждают, что данное событие происходило в Кембридже в ноябре 1912 г. на заседании Клуба моральных наук, а Витгенштейну тогда было 23 года. Это было его первое научное выступление. Доклад длился четыре минуты, и философия была определена как «...совокупность всех примитивных предложений, которые приняты без доказательств всеми науками...» Можно расценивать подобный нигилизм как курьёз, но в последующем этот юноша стал автором знаменитого «Логико-философского трактата» [Дел'з, Гваттари, 1998].

Итак, что же такое философское знание? Согласно Платону, философия — это познание сущего, по Аристотелю — исследование причин и принципов существования вещей, в трактовке Эпикура — путь для достижения счастья путем разума. Существует множество определений, ни одно из которых не может передать полностью все значения этого термина и вместить всю глубину и мощь интеллектуального потока, направленного на постижение «...тайны человеческого бытия, где различение добра и зла составляет ядро философии...» [Мамардашвили, 1996]. Остановимся на том, что философия — это «...особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия...» [Степин, 2001: 195]. При этом, «научное мышление невозможно ни как деятельность, ни как проблема без некоторых предваряющих философских акций, без предварительного образования философского пространства...» [Зомбарт, 1990:19].

Напомним, что практически все науки сформировались и выросли в недрах философии, которая долгое время, особенно в древно-

сти, была синонимом науки вообще. Именно философия вырабатывала базовые фундаментальные и универсальные понятия и категории, которые использовались в будущем конкретными науками. Универсальность философского знания подчеркивается и поныне тем фактом, что в рамках европейской цивилизации и до сих пор все научные достижения и свершения венчаются званием «доктор философии», без различия, в какой конкретной сфере науки соискатель этой степени трудится.

Зарождение социологии также произошло в недрах философской мысли, или точнее сказать, той ее части, которая относится к социальной философии. О. Конт, который ввел в научный оборот слово «социология», впервые употребил его в своем четырехтомном труде, который назывался «Курс позитивной философии» (1844—1848).

В современных условиях философское знание существует и функционирует как бы «неявно», но в своих теоретических построениях она концентрирует дух эпохи, который «рассеян» в творчестве современников и реализуется на различных «уровнях» познания — наука, искусство, политика, идеология, литература, мораль и т.п.

Когда общество в очередной раз оказывается на переходном этапе развития, где ранее сложившиеся ценностные ориентиры, выраженные универсалиями культуры (представлениями о природе, обществе, человеке, добре и зле, жизни и смерти, свободе и необходимости и т.д.) перестают «работать» и обеспечивать социальное воспроизводство, философия актуализирует свое социальное предназначение. Она отвечает на потребность в поиске новых мировоззренческих смыслов и идей. Именно эта мировоззренческая функция философии и представляет интерес для социологии жизни.

Анализируя философское знание с позиций социологии жизни, нужно сказать, что, уделяя большое внимание методологии и методам познания, она не во всем следует постулатам философии, хотя признает, что последние играют роль принципов анализа социальной действительности, являются основой для выработки особенных форм и методов социологического познания.

Социология и философия имеют между собой массу точек соприкосновения, их социальные функции сходны, особенно это заметно там, где дело касается социальной философии и теоретической социологии. В. Зомбарт (1863—1941) полагал, что «...Под социологией в самом широком смысле слова понимается ...всякого рода познание человеческого общежития, т. е. человеческой культуры или истории человечества...» [Зомбарт, 1990: 13] Представляется, что эта форму-

лировка вполне соотносима с основными установками социологии жизни.

Представляет интерес определение социологии как некоей «...совокупности познавательных практик, направленных на изучение социальной реальности (социума) и механизмов действия социальной реальности в различных ее проявлениях» [Степин, 2015: 231]. Симптоматично, что это определение сформулировал философ. При ближайшем рассмотрении можно увидеть, как активно «размываются» границы различных областей социального и гуманитарного (впрочем, не только гуманитарного) знания в начале XXI века. Философия и социология (прежде всего теоретическая) не являются исключением, граница между ними оказывается все более зыбкой [Гусейнов, 2012].

Общие черты философского и социологического знания проявляются в том, что *многие выводы и постулаты социальной философии близки выводам и постулатам теоретической социологии, теории и методологии социологической науки*. Но это не означает их идентичности или тождественности. Если философия дает представление о картине мира, природы и общества, показывает, что есть, каково происхождение тех или иных процессов и явлений, создает идеальные теоретические модели, игнорируя, в частности, то, что социология, обладая как общенаучными, так и специфическими методами познания, стремится ответить не только на вопрос, «что есть», но и «что делать?», «как и каким образом действовать», показывая качество изменений социальной реальности, его жизненного мира во всей их сложности, противоречивости, неповторимости и даже уникальности. «Для социальной философии корректным будет постановка вопроса «почему?» в смысле «зачем?», «какой смысл, какова сущность»,... то для социологии (теоретической. — *Ж.Т.*) ее «почему» звучит «как?»». Ее интересуют устойчивые, регулярные, повторяющиеся конфигурации актов, их взаимосвязи, механизмы социальных отношений и процессов и их логически непротиворечивые и желателно эмпирически верифицируемые описания и концептуализации, без возможности спросить «а какой во всем этом заключен метафизический смысл?» [Подвойский, 2016: 28].

Роднит социологическое и философское знание использование общих категорий (предельно широких, универсальных понятий), которые они используют в своей трактовке окружающего мира (вселенная, цивилизация, мир, общество, культура, человек и др.) [Швырев и др., 2003]. Однако при изучении окружающей реальности акценты могут быть расставлены разные: если философия рассматривает мир как

объект тщательного и обстоятельного логического анализа, то для социологии и особенно *для социологии жизни*, это скорее фон, условия, среда, в которых происходят интересующие ее процессы, развиваются соответствующие общественные отношения, происходят события, олицетворяющие интересы и потребности людей, социальных групп, классов, государств и обществ.

Нужно сказать, что происходит *взаимное обогащение* философского и социологического знания, когда логика теории познания дополняется и уточняется информацией, получаемой методами социологии.

Если философия — это мировоззрение, которое определяет понимание места и роли человека в мире, то цель социологии жизни — дать анализ отношений человека с этим миром, и не только в глобальных масштабах, не только на уровне макросреды, но и в условиях непосредственно окружающей действительности, на уровне мезо- и микросреды во всем богатстве социальных связей — экономических (производственных), политических, бытовых, культурных.

Если философия претендует на объяснение (трактовку) смысла мира и смысла человеческого существования, то социология жизни нацелена на изучение смысла понимания людьми своих целей, интересов, потребностей, мотивов в реальных социальных ситуациях, многообразие которых даже трудно перечислить.

Обстоятельное и глубокое сопоставление философского и социологического знания показывает, что они отличаются тем, что, если философская мысль демонстрирует логику познания, исходя из гносеологических, онтологических и аксиологических принципов познания, то теоретические постулаты социологии сразу же можно перевести на язык методологии и применяемых ею методов, получить возможность операционализации понятий, которые используются в эмпирических, прикладных исследованиях. Не будучи простой калькой философских категорий и понятий, социология обосновывает, развивает, дополняет или предлагает иное видение тех понятий, которые используются в социальном знании.

Так, если *социальная философия и социология имеют общий объект исследований — общество*, то это не означает одинаковых методов познания, трактовок сущности и содержания изучаемой реальности. Если социальная философия стремится выявить основные закономерности функционирования общества, тенденции его развития, то современная социология жизни изучает «общество в человеке и человека в обществе» (П. Бергер), что связано с поиском не только общих,

но и специфических особенностей, выявлением многообразия характеристик, вплоть до сугубо индивидуальных, любого общественного организма. Иначе говоря, социология жизни изучает эпоху в ее конкретном человеческом воплощении, во всем многообразии его социальных связей, противоречий и тенденций развития и даже его исключений.

Современная социальная философия рассматривает *общество как систему, состоящую из четырех сфер* — экономической, социальной, политической и духовной, что впервые было обосновано В.П. Рожиным [Рожин, 1962: 95]. Эти идеи поддерживали и развивали и многие другие философы [Арефьева, 1988; 1989; Барулин, 1977; и др.]. К заслуге этой группы можно отнести и формулировку теоретико-методологических основ для анализа общественного сознания, попытку сформулировать социологические законы в отличие от общественных, социальных [Уледов, 1968; 1975]. Другая группа исследовала проблемы, которые, на наш взгляд, можно отнести к философии социологии (по примеру философии истории), в рамках которой анализировались философские проблемы социологического знания [Качанов, 2001; Резник, 2001; Филиппов, 2008]. Специфика трудов этой группы заключалась в том, что общественные процессы и явления рассматривались ими как объект и предмет социологических исследований, но их интерпретация осуществлялась с позиций социально-философского знания. Эта точка зрения коррелирует с мнением Зомбарта, который говорил о философской социологии, к области которой «...относится всякое учение об обществе, переходящее за границы опыта, как то: всякого рода теории о "принципах развития человечества", о "сущности" того или иного явления культуры, об "определяющих историю факторах" ("материалистическое" или иное "понимание истории") и тому подобные теории, на которых лежит метаисторическая печать...» [Зомбарт, 1990: 39].

Этой логике — представлению общества, состоящего из этих четырех сфер, следует и социология жизни, рассматривая ее структуру, через экономическую и политическую социологию, социальную структуру и социологию духовной жизни. Причем социология жизни не ограничивается, как философское знание обобщенным анализом происходящих процессов в этих сферах. Исходя из своих методов познания, социология жизни осуществляет углубленный анализ каждой из этих сфер с позиций сознания и поведения людей. Так, в рамках экономической социологии анализируются социальные проблемы поведения людей на рынке, в процессе трудовых отношений, по месту

жительства и т.д., т.е. всего, что имеет в этих объектах исследования социально-экономическую окраску. В случае с социальной сферой выявляется специфика сознания и деятельности людей как представителей различных групп классов и социальных групп — профессиональных, демографических, этнических, семейных, половозрастных, которым присущи различные типы поведения, вплоть до девиантных. Соответственно в сфере политической жизни изучаются различные аспекты политического сознания и поведения людей, их понимание и восприятие проблем власти, государства, партий, общественных движений и организаций. Для социологии жизни особое место занимает правовое сознание и поведение людей. И наконец, социология жизни в сфере духовной жизни общества исследует включенность людей в сферы культуры и образования, науки и религии, а также взаимодействие со средствами массовой информации, литературой и искусством. Социологию жизни интересует многообразие интеллектуального богатства человека, степень и уровень его развитости, противоречивость становления, развития и функционирования личности в зависимости от объективных условий и субъективных факторов. Таким образом, сферы общественной жизни предстают в социологических исследованиях во всем их многообразии и в специфических проявлениях.

Однако есть *принципиальные различия в философском и социологическом знании в трактовке материального и идеального*. Если эти две категории с позиций философской мысли предстают как конструкты формальной логики, как достаточно определенные сущности с точки зрения теоретического представления о них, то в социологии жизни исследуемые явления часто выступают в многообразии их совмещения, одновременного существования материального и идеального практически во всех без исключения социальных процессах и явлениях.

Как в философии, так и в социологии жизни огромное место занимает анализ и интерпретация процессов, происходящих в *общественном сознании*. Признавая интерпретацию общественного сознания философией как общественного и индивидуального, как теоретического и обыденного, социология жизни предлагает свое видение и свое понимание структуры и сущности этого феномена. Социология не может ограничиться анализом только индивидуального и общественного сознания — для нее *огромное значение приобретает изучение группового сознания* как необходимой ступени более глубокого, более обстоятельного и всестороннего рассмотрения особенных ре-

ально происходящих изменений в сознании различных производственных, политических, общественных, культурных, религиозных и других общностей.

Для социологии, для ее эмпирических исследований не конструктивно деление общественного сознания на теоретическое и обыденное. Если логически формализованная философская конструкция имеет оправдание для такого деления общественного сознания, то *социология имеет дело с реально функционирующим (практическим) сознанием* (Ф. Энгельс), в котором в самой причудливой форме переплетаются и научные и обыденные представления, проявляется все многообразие, специфика, противоречивость и уникальность элементов и штрихов общественного сознания и поведения. И нет ни одного субъекта в истории, который бы мыслил только на теоретическом уровне или только понятиями повседневности. Речь может идти только о разных пропорциях теоретического и обыденного, представленного в сознании людей. Это тем более важно, что социолог познает общественное (групповое) сознание через сознание людей. Он постоянно сталкивается именно с реальным (практическим) сознанием, а не некоей абстрактной схемой, хотя и логически интерпретированной. При этом необходимо отметить, что реальное сознание — самое богатое по своим проявлениям, олицетворяет общественные противоречия во всем их разнообразии, отражая как рациональные идеи, так и иллюзии, заблуждения и специфику восприятия той действительности, которая окружает людей.

Развитие социологической мысли привело к обоснованию еще одного аспекта в трактовке общественного сознания и поведения — *массового сознания*, которое связано с пониманием тех или иных общественных событий, реалий общественной и личной жизни большинством населения страны или региона (подробнее см.: [Грушин, 1967; 1987]).

Социология жизни имеет свой подход при использовании философской трактовки рационального и эмоционального, чувственного в общественном сознании. Признавая оправданным такое деление общественного сознания с точки зрения формальной логики, социология жизни исходит из другого принципа — в реальной жизни, в сознании изучаемых социологией людей тесно переплетаются эмоции, чувства и рациональный подход (разум) к освоению действительности. Поэтому в социологических исследованиях эти аспекты сознания не противопоставляются, а изучаются одновременно.

Фактически такая же ситуация складывается и при трактовке понятий «объективное» и «субъективное». Если в философии это проти-

вопоставление также носит логически обоснованный характер, как зависящее или независящее от сознания и поведения людей, то в социологии в отдельных ситуациях субъективные силы могут выступать как объективно обусловленная данность, на которую исследуемый субъект (личность, организация, социальная группа) не может влиять.

Многие понятия философии получают более конкретное и более определенное звучание, связанное с тем, что социологией жизни изучается реальная жизнь во всем многообразии ее проявления. Так, социология оперирует понятием «социальное время» наряду с философским «время», «социальное производство» наряду с «производством», «социальное пространство», социальная статистика и т.д. Но с точки зрения социологии жизни первостепенное значение имеют не категории, а такие понятия, как жизненный мир людей, их сознание и поведение как действительные социальные силы, олицетворяющие историческое развитие человечества, составляющих его народов в виде классов, социальных общностей и групп.

11.3. Социологическое и историческое (по)знание

Взаимодействие социологии и исторической науки основывается на том очевидном факте, что история стремится находить, реконструировать, расшифровывать и сохранять знания о минувшем, что в той или иной мере входит в намерение социологии. Принципиальная разница обеих наук сводится к тому, что социология лишена возможности непосредственного обращения к ушедшим людям, реалиям прошлого. С точки зрения социологии жизни для нее важно обращение к прошлому в смысле «значение» для суждения с позиций ныне существующей реальности, так как принципиальной установкой социологов является концентрация внимания на настоящем. Правда, собираемые ими данные о настоящем уже «на следующий день» становятся своего рода историей, именуемой историей новейшей. Близость обеих дисциплин предопределена тем, что история в своей преобладающей части занимается исследованием действий человека, групп, народов и масс, т.е. действием социальным, как и социология. Даже история материальной культуры имеет дело с творениями рук человеческих.

Взаимоотношения, взаимодействие с историческим знанием начались с первых шагов социологической науки. В структурных разделах социологического знания, как их сформулировал основатель этой науки *О. Конт* (1798—1857), а также в специально разработанной им

исследовательской методике историческое знание, исторические данные, понимание генезиса объекта изучения объектов заняли одно из ведущих мест. Он исходил из того, что исторический и сравнительно-исторический подходы являются общенаучными. Известно его высказывание о социологии как истории без имен и дат.

Понимание задач, объекта исторической науки, как и науки социологической, за время параллельного их существования претерпевали заметные перемены. Не секрет, что и термин «социальное», и внимание к человеку, и формирование знания о человеке и обществе стали складываться примерно в одну эпоху — эпоху Просвещения. В поле зрения истории этого времени на первом месте были далеко не социальные проблемы. Один из первых социологов Г. Спенсер, высмеивал современных ему (вторая половина XIX в.) историков за их увлечение исключительно войнами, великими властителями прошлого и еще — церковной историей. В этом плане возникновение социологии придало стимул развитию и истории, поскольку ей пришлось в конкуренции с новой наукой уточнять, менять свои подходы и акценты в изучении прошлого. В итоге обе науки получили серьезный импульс взаимообогащения.

Со второй половины XIX в. *историческая наука стремительно меняет свои исследовательские интересы*: возникает и растет внимание к проблемам, ранее не находившим места в трудах профессиональных историков. Складывается новое направление исторической мысли — *социальная история* [Миронов, 2004, 2009]. Эта историческая дисциплина исследует практически те же проблемы, которыми занимается социология: общественные классы и группы, социальная стратификация, социальная мобильность, факторы динамики общественного развития, ценности культуры и т.д. Показательно и то, что на протяжении XX в. историки эффективно осваивали исследовательские методы (контент-анализ, построение моделей и др.), выработанные социологией, а также терминологию, понятийный аппарат социологической науки [Романовский, 2009].

Процесс взаимодействия и взаимообогащения обеих наук наглядно иллюстрируют, *во-первых*, свидетельства из прошлого отечественной науки об обогащении истории социологией, а социологии историей. Один из самых известных историков нашей страны В.О. Ключевский (1841—1911) в 70-е гг. XIX в. начал активно применять социологические методы в изучении прошлого. В своей первой диссертации он сумел извлечь из житий древнерусских святых научно безупречные данные о современном для этих людей социальном (и природном)

окружении, а в следующей — докторской — диссертации (1882) представил фактически социологическое исследование дворянско-боярской элиты России XVII в. — персонального состава Боярской думы Древней Руси [цит. по: Александров, 1991].

В этот же период социология стала постепенно избавляться от глобальных — историко-эволюционных схем, которые представляли собой попытки выявить общие закономерности в развитии человечества. Творчество М. Вебера, Ф. Тённиса и других социологов стало демонстрацией того, как знание исторической конкретики может обогатить социологию [Вебер, 1990; Ионин, 1979]. Особо наглядное отражение это нашло в творчестве ряда российских социологов. Широко и эффективно использовал исторические данные М.М. Ковалевский (1851—1916); он выполнил ряд работ по сравнительно-историческому анализу государственного и частного права. Его работы о методе сравнительно-исторического исследования в начале XX века были весьма популярны среди студентов и молодых ученых России [М.М. Ковалевский, 1996]. П.А. Сорокин (1889—1968) оперировал в своих трудах энциклопедическими знаниями о прошлом, специально занимался теорией социально-исторического процесса. Его монументальная «Социальная и культурная динамика» (1937—1942) построена на обширном материале о прошлом всего человечества [Сорокин, 2000]. Н.И. Кареев (1850—1931), В.М. Хвостов (1868—1920) своим творчеством символизируют профессиональную близость истории и социологии, плодотворность их взаимодействия, неизменно обогащавшего обе науки. Кареев предпринял попытку создать собственную социологически обоснованную теорию исторического процесса под названием «историология» [Кареев, 1990]. Он, а также В.М. Хвостов, внимательно исследовали развитие самой социологической мысли [Хвостов, 1920].

Во-вторых, сочетание истории и социологии проявилось в рождении истории социологии как отрасли научного знания. История социологии генерирует анализ развития идей; их познание осуществляется историческими методами. Знание истории социологии позволяет выявлять все новые и новые характеристики творчества видных социологов, школ социологической науки, тенденции развития социологического знания на всех этапах его возникновения и функционирования. Современное социологическое знание органически включает в себя знание о социальной реальности прошлого. Соответствующие разделы социологического знания сегодня простираются от знания исторического жизненного пути индивидов до глобальных трендов [Мионов, 2009; Романовский, 2009].

В-третьих, взаимодействие и взаимообогащение социологии и истории проявилось в том, что стандартом социологического анализа, признанной его нормой стали определенные, четкие требования. Социологу нужно сформировать научные представления об истории исследуемой проблемы, знать, например, историю возникновения и становления общественного института, организации, знать — в наиболее значимых аспектах — жизненный путь интервьюируемого человека и т.д. Нет необходимости доказывать, насколько владение данными о прошлом обогащает исследовательские возможности социолога. Появляется возможность выявлять специфику и характерные особенности развития, процесса, становления исследуемого объекта, понимания неявных тенденций и вариантов развития, возрастает прогностная, предсказательная сторона изучения социальной реальности [Зверева, 1999].

В-четвертых, социологическое мастерство в значительной мере связано с еще одной гранью взаимодействия истории и социологии. Речь идет о знании истории изучения аналогичных исследовательских проблем (это — история возникновения идей и их осмысление). Без такого знания социологи обречены вновь и вновь изобретать порох (или велосипед). Можно сказать, что социологи всех поколений на протяжении уже двухсот лет были заняты изучением одного и того же объекта — общества и человека. Знать, *что* и *как* социологами (и представителями других наук) делалось ранее, значит идти проверенным путем, ставить и решать значимые для науки и общества вопросы. Не удивительно, что опыт прошлого отражен в научных практиках современной социологии. Так, стандартом научной работы является знание накопленного опыта, литературы, других видов информации по исследуемой тематике, выявление степени ее изученности. Это — история изучения конкретных процессов и явлений, в том числе и социологической наукой. Собственно, с этой задачи, с изучения генезиса идей должно начинаться всякое исследование. Только на этой основе открывается возможность поставить новые, ранее не нашедшие места в науке исследовательские вопросы, т.е. возможность получения подлинно нового знания. Следуя этому правилу, социолог также получает достоверные представления о применявшихся предшественниками теоретических положений и концепций, их эффективного сочетания, а также о методологических стратегиях поиска надежных результатов [см.: Историческая социология..., 2005].

И, наконец, в XX веке олицетворением и воплощением единства истории и социологии стала историческая социология. Об эффектив-

ности взаимодействия истории и социологии говорит *историзация социологии*, констатируемая с конца XX века (подробнее см.: [Иванов, 1998; Кудинов, 1995] Миронов, 2009; Романовский, 2009).

В современном понимании историческая социология — это часть социологического знания, обеспечивающая социологическими методами единство анализа прошлого, настоящего и будущего в применении к исследуемому объекту. Она предполагает получение и применение социологических данных, относящихся к историческому прошлому. Историческая социология — базовая часть социологического знания, связанная с временными практиками, фундаментом всех социальных фактов, действий, объектов социологии. Исторические составляющие социологического знания позволяют в оценках и интерпретациях выходить за пределы современности, устанавливать единство прошедшего и настоящего, более обоснованно прогнозировать будущее. Если социолог умеет органически включить в анализ изучаемого объекта его историческое прошлое, возникает цельная цепочка достоверных данных, а также теоретических и методологических аспектов его работы над решением стоящей задачи. В русле развития этой тенденции социология обогатилась в последние десятилетия такими методами и подходами как личная и устная история, история повседневности, биографический и автобиографический подходы. Они придают исследовательским данным динамику, повышают убедительность, эффективность аргументации.

Фундаментальный характер исторической социологии связан с обращением социологической науки к генезису, развитию, к пониманию смысла истории как процесса во времени. Применяется историческая социология на всех уровнях анализа, равно как и в специальных дисциплинарных разделах социологии — социологии экономической, политической и др. В трудах по исторической социологии анализируются материализованные итоги и факторы истории: институты, организации, структуры, акторы, процессы и т.д. Крайне осторожна историческая социология в конструировании законов истории. Сложилась методологические стратегии и специальные методики социологического исследования прошлого. В этом плодотворном поиске с точки зрения социологии жизни особое значение приобретает анализ таких документов, как личные письма [Козлова, 1996], семейные биографии (хроники) [Рождественская, 2012; Чуйкина, 2001; Яницкий, 2012], воспоминания участников исторических событий [Тростановский, 2014].

Но самое важное во взаимодействии социологии жизни и исторического (со)знания проявляется в том, что объектом исследования

становится историческое сознание и историческая память, а также отношение и использование знания истории в личной (частной) и общественной (публичной) жизни.

В отечественных социальных науках одним из первых понятие «историческое сознание» употребил А.И. Герцен [Герцен, 1945]. В дальнейшем эти идеи нашли отражение в трудах многих российских исследователей — Н.Г. Чернышевского [1950], В.О. Ключевского [1987], К.Д. Кавелина [1989], С.М. Соловьева [1988], В.С. Соловьева [1989], Н. А. Данилевского [1991], Н.А. Бердяева [1990], И.А. Ильина [1993] и др.

Формы отражения прошлого в историческом сознании на его теоретическом уровне выражаются в понятиях, фиксирующих знания о процессах и тенденциях развития человеческого общества в логической связи прошлого, настоящего и будущего. К формам отражения прошлого на обыденном уровне можно отнести восприятия, представления, связанные с фиксацией отношений преемственности, традиций, обычаев, материального и духовного опыта. С точки зрения социологии жизни *историческое сознание представляет собой совокупность знаний, идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присутствием и характером как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этнических групп*. Некоторые исследователи в структуру исторического сознания включают также верования, мифы, традиции, символы и художественные образы. Иногда подчеркивается способность исторического сознания воспроизводить свое развитие в пространстве и времени.

Что касается *исторической памяти*, то это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является *выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей*. Полное или частичное забвение исторического опыта, культуры своей страны и своего народа ведет к амнезии, что ставит под сомнение возможность существования данного народа в истории. Применительно к людям об этом прекрасно написал Чингиз Айтматов в легенде о манкуртах, которые, ничего не ведая о прошлом, заботились только о ежедневной пище, о своем желании выжить, спастись, не задаваясь более высокими целями [Тощенко, 2013].

Не в этой ли потере исторической памяти кроется ключ к объяснению причин исчезновения многих народов, не оставивших никакого следа в истории?

Таким образом, историческое сознание, историческая память являются важным объектом социологического и исторического познания, что позволяет раскрыть новые грани и обогатить наши представления о социальной жизни людей, народов, государств (подробнее см.: [Историческое знание..., 2005; Тощенко, 2009]).

11.4. Взаимосвязь социологического и экономического знания

В науке широко известна органически интегрированная взаимосвязь социологии и экономики, что нашло отражение в появлении такой обобщающей теории, как экономическая социология. Именно *экономическая социология* стала и продолжает осуществлять функцию этой взаимосвязи, выступая представителем, доверенным лицом социологии и социологов в экономике (Заславская, 1991; Радаев, 2009; Коробейников, 2003).

Необходимо подчеркнуть, что современная экономическая теория опирается на традиции, начало которым было положено более двух с половиной веков тому назад Адамом Смитом. Именно он может считаться основоположником учета социальных факторов в развитии экономики.

Обычно различие или сходство наук (научных дисциплин) устанавливаются по определению объекта и предмета, методологических основ и их методов их реализации.

Объект экономической теории и объект экономической социологии существенно пересекаются, хотя и не совпадают. Так, для экономической социологии важна социальная структура, т.е. наличие в нем элементов, связанных с социальным статусом, с объемом власти, с принадлежностью членов домохозяйства к демографическим или этническим группам и т.п. Особое место в ней занимают характеристики экономического сознания и экономического поведения, что для социологии жизни представляет центральный интерес.

Основой внимания традиционных экономических наук является деятельность хозяйствующих субъектов, опосредованная постулатами о рациональном выборе, взаимной независимости (индивидуальности), полезности как убывающей функции объема потребляемых ре-

сурсов, свободной конкуренции. Они — база идеального представления, идеальной модели рыночного хозяйствования [Shumpeter, 1991].

В последние примерно четверть века экономические науки существенно уточнили свой предмет, во-первых, частично ослабив прежнюю жесткость технико-экономических постулатов и, во-вторых, расширив поле исследований на те стороны и характеристики деятельности, которые ранее находились в пределах либо социологических, либо психологических наук. Хотя Адам Смит на первых же шагах построения экономической науки отчетливо указал на необходимость включения в анализ социальных и психологических характеристик, об этом быстро забыли и вернулись к первоначальным идеям сравнительно недавно [Caton, 1985]. Стоит отметить, что Нобелевские премии 2001 и 2002 гг. «благословили» отступление от прежнего ригоризма, признав важную роль информированности во взаимодействии на рынке и прекратив негативные оценки любого сколько-нибудь существенного вмешательства в свободное хозяйствование со стороны государства. Нобелевская премия по экономике была присуждена профессору психологии Д. Канеману и профессору экономики В.Л. Смиту, как было сказано в сообщении Шведской академии наук, «за применение психологической методик в экономической науке, в особенности — при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности».

Современное расширение интересов экономики свидетельствует также и об изменении характера собственно исследуемого объекта — процесса хозяйствования. Новые технологии в коммуникациях и управлении, резко усилившееся стремление наемных работников участвовать в управлении организациями и предприятиями, общий поворот рынка и производства в сторону покупателя, пользователя, приобретателя услуг, наконец, участие населения в политической жизни превратили хозяйствование в ряде стран из способа добычи выгоды для собственника капитала через социальные инструменты в инструмент создания гарантированных социальных условий [Абалкин, 1987; Гринберг, 2000]. Произошел своеобразный возврат к лозунгам докапиталистического времени «работать — чтобы жить» после долгого господства протестантской установки «жить — чтобы работать».

Экономическая социология с момента своего рождения имела дело именно с социальными проблемами рыночного хозяйствования. Отметим, что это направление развития экономической социологии, хотя и первородное, но не единственное. Многие ведут отсчет дней экономической социологии с работы М. Вебера о протестантской эти-

ке [Вебер, 1990; 2005]. Действительно, этическая сторона хозяйствования несколько не интересовала классиков экономической науки. Потребовалось время, чтобы вернуться к этим идеям [Granovetter, 1985].

В 1980-е гг. экономическая социология начала новую жизнь, существенно расширив пределы своих интересов, под названием «новая экономическая социология». Главное направление расширения сводилось к отказу от основных постулатов, на которых формировались традиционные теории — от рациональности выбора, возможности свободной конкуренции, индивидуальности и независимости хозяйствующих субъектов. Этот отказ позволяет решительно сблизить предметы современных наук о хозяйствовании с соответствующими интересами социологических наук. В соответствии с этим в экономической социологии преобладающим направлением стало исследование экономического поведения в условиях рыночного хозяйствования [Смелзер, 1972; Заславская, Рывкина, 1991].

Действительно, экономическая социология не ограничивает действия изучаемых ею объектов столь жесткими рамками. Ее отличием становится не только особенный подход к объяснению и предсказанию экономических (производственных, финансовых) событий и ситуаций, но и свой специфический сектор исследований. Всем этим обозначен переход, связанный с новой формой хозяйствования, в которой капитал теряет прежнюю господствующую роль. Однако после того, как почти все свойства и способности индивида и групп, многие отношения подверглись капитализации, т.е. превратились в ресурс, способный приносить выгоду в сравнении с затратами на них, с инвестициями в них, они стали предметом особого внимания экономической социологии [Радаев, 2009; Соколова, 2007].

В этих новых условиях, поскольку само понятие «эффективность хозяйствования» стала связываться с социальным благополучием, то его элементы, элементы всех сторон человеческого бытия (индивидуального и коллективного) превращаются либо непосредственно в ресурсы хозяйствования, либо в источники таких ресурсов. Рост социального комфорта во все большей степени обуславливается наличием его же самого. На деле это означает, что эффективно использовать новые технологии, ресурсы способны лишь достаточно грамотные люди, обладающие разнообразными интересами, располагающие возможностями их удовлетворения, активные в процессе производства и управления и т.д. [Бузгалин, Колганов, 2015; Вильховченко, 2010].

Поведение индивидов, групп, сообществ меняется до такой степени, что удовлетворительные прогнозы и объяснения ситуаций не мо-

гут быть достигнуты на основе прежнего постулирования рационального выбора решений, индивидуальной независимости, только достижительных ценностно-нормативных ориентаций. Набор этих новых постулатов был сформулирован А. Этциони [2002]. Объектом остается хозяйствование. Но оно теперь осуществляется в иных формах, и такому хозяйствованию надо дать новое название. Такое название появилось в странах, вышедших или выходящих в своем хозяйствовании за границы экономической формы — социэкономика (socioeconomy) (см.: Бородкин, 2005; Шабанова, 2006).

В настоящее время социальная значимость экономики проявляется в следующем. Первый комплекс связан с экономическим субъектом (актором) и его мотивацией. С позиций экономики мотивация экономического актора всегда определяется рациональным выбором и стремлением максимизировать полезность (utility) или выигрыш (benefit). Экономическая социология имеет дело с социальным актором, и потому рациональность и стремление максимизации выгоды не всегда определяют его действия и поведение. Она ищет ответы на вопросы о том, как и чем нарушается рациональность выбора, какие внешние по отношению к экономике факторы формируют критерии поведения социальных субъектов в пространстве хозяйствования и т.п. [Бусыгин и др., 2003]. Она и соответственно социология жизни, изучает не только причины и последствия нарушения рациональности выбора решений, но и учитывает негативные и позитивные последствия для непосредственно взаимодействующих субъектов, территориальных сообществ, различных социальных групп на фиксированных интервалах времени. С этих позиций определенные элементы экономической социологии превращаются в инструментальную часть социэкономии. Социэкономика как способ хозяйствования становится скорее даже не оболочкой экономики, а ее ведущим ядром.

Второй комплекс связан с социальной структурой хозяйства и хозяйствования. В него входят социоструктурные (статусные) аспекты производства продукции, ее распределения и потребления. С позиций социологии жизни мы имеем дело с экономическим сознанием и поведением на различных уровнях (микро-, мезо-, макро-), в процессе функционирования различных организаций при регулировании ими рынка и рыночных отношений, оценкой действий государства в регулировании хозяйственных процессов. При этом иные характеристики субъектов рынка, кроме их способности предложить товары или потребности в определенных товарах, для экономики роли не играют, но представляют большой интерес для социологии жизни. Ибо решаю-

щее значение для большинства людей имеет не обладание капиталом, возможность управления и распоряжения им, а право и возможность присвоения результатов своей профессиональной работы.

Вместе с тем имеются существенные различия в трактовке направленности экономической деятельности. Существует убежденность, что все элементы хозяйствования на любых уровнях могут быть объектами экономической социологии, как и хозяйствование в целом [Радаев, 2009]. На наш взгляд, это расширительная трактовка, которая делает мало различимыми экономическое и социальное знание. Ближе к точке зрения их взаимосвязи является ориентация экономической социологии (что сближает ее с социологией жизни) на исследование социальных структур, социальных действий и взаимодействий в связи с экономическими результатами и, наоборот, последствиями для социальных структур и действий экономической политики. Но в полной мере экономическая социология будет отвечать своему предназначению, когда будет интересоваться оценками, потребностями, мотивами, ценностными ориентациями и установками людей.

Современное и будущее хозяйствование отличается от экономического (рыночного) хозяйствования не исчезновением или деградацией рынка как механизма обмена и распределения, но отказом от такого рынка, который диктует как необходимые, так и достаточные условия только хозяйствования при игнорировании предпочтений, устремлений и отношения людей к предлагаемым условиям работы, обеспечению их прав и гарантий. Теперь за рынком остаются лишь необходимые условия. Достаточные условия заключаются в прогрессе в социальной сфере, в обеспечении социальной удовлетворенности работой и ее оценкой со стороны государства и работодателей [Бузгалин, 2003; Zafirovski, Levin, 1997].

Из истории хорошо известно, что рыночные отношения в той или иной мере были повседневной практикой во все времена и во всех регионах, где и когда был необходим обмен какими-нибудь товарами. Впоследствии рыночные отношения стали всеобщими и главными, но не везде одновременно в отдельной стране или в каком-то территориальном образовании. Кроме того, этот процесс проходил во времени и по видам товаров неравномерно. На первых этапах развития буржуазного общества (атавизмы такой политики ощущаются и поныне) забывалось, что решающим были не рыночные инструменты, такие как кредит, залог, долговые расписки и наличные деньги, а главная производительная сила — человек [Бузгалин, Колганов, 2003; Лаваль,

2010]. Именно игнорирование общественного сознания работников производства привело сначала к такой форме сопротивления капиталу, как луддиты, а затем к конфронтационным средствам — забастовкам, стачкам, различным видам неповиновения и даже к попыткам способствовать политическим революциям.

Поэтому основные идеи относительно целей и критериев социально-экономики в принципе общеизвестны — социальное благополучие, безопасность, удовлетворение нужд людей, но они весьма значимы для решения проблем по достижению справедливости в распределении тягот и результатов труда, природных ресурсов, заботе о тех, кто сам не по своей вине не способен позаботиться о себе и т.п. Хотя попытки по развитию и установлению таких отношений под этими знаменами предпринимались с глубокой древности, но только теперь пришли к выводу, что развитие социэкономки предполагает образующееся богатство обратить на достижение целей, отличных от максимизации выгоды и прибыли. Одновременно выяснилось, что и рост богатства возможен только при росте социального благополучия, включая и социальную справедливость. Остро встал вопрос о формировании экономики доверия, для которых характерны: ориентация на потребности и нужды людей и (или) целевых групп; коллективное принятие решений; распределенная ответственность; лидерское руководство; добровольность участия в делах предприятий и организаций; повышенная роль межличностных отношений; идентификация личных и организационных целей [Авраамова, 1998; Кацва, 2002]. Именно поэтому с позиций социологии жизни ориентированность социэкономки на экономическое сознание и поведение людей не только возможна, но и необходима — это единственный путь прогресса общественного благосостояния из всего, что предстоит решать на современном этапе развития человечества.

11.5. Социология жизни и политическое знание

Осмысление политики как некоей упорядоченной структуры идей ведет отчет от Платона и Аристотеля (хотя и до них были отдельные суждения о ее роли и назначении в жизни общества). Тщательно проанализировав политическую жизнь существовавших полисов-государств, в диалоге «Политик» Платон высказал соображения о типах политического устройства, дал им обоснование, характеризовал назначение и роль «правильных» форм политического господства

(монархия, аристократия, демократия) и искаженных (тирания, олигархия), считая при этом демократию наихудшей и отождествляя ее с охлократией (цит. по: [Бородай, 2001: 238—243]).

При анализе проблем политической жизни нередко вспоминают известного политического деятеля и политического мыслителя Средневековья Н. Макиавелли, чей труд «Государь» до сих пор привлекает оригинальностью и глубиной рекомендаций по рациональному использованию государственной власти [Макиавелли, 1990].

Особенно бурное развитие политические науки получили в Новое время. XVIII и XIX века стали *временем развития таких направлений, как политико-правовые исследования, международная политика, внутренняя политика* и ряд других. Практически каждый ученый-обществовед в это время, анализируя интересующие его проблемы, выходил на те или иные аспекты политической жизни.

Поэтому не удивительно, что развитие политических наук, расширяя свое влияние вширь и вглубь, привело к тому, что они встретились в своем анализе политической жизни с социологией. Исследование и понимание политики потребовало конкретики, анализа не только общих, но специфических, особенных ситуаций, характеризующих развитие и функционирование государства или его части, определенной социальной группы в ее политическом амплуа, более четкого представления о поведении людей на политическом поприще. Ответ на эти новые потребности могла дать успешно развивающаяся в этот время новая наука — социология. Именно эта потребность соединить общее и особенное привела к появлению таких мыслителей, которые могут быть представлены как политологи, так и социологи. Исследование политического класса и, в частности, политических элит осуществил *В. Парето* (1848—1923), господствующего класса — *Г. Моска* (1858—1941), политических партий — *Р. Михельс* (1876—1936), групп давления и лоббизма — *А. Бенгли* (1879—1957). Особое место в становлении политической социологии занимает немецкий социолог *М. Вебер* (1864—1920). Его заслуга состоит в том, что он одним из первых осуществил социальный анализ власти, властных отношений, ввел классификацию типов господства в обществе (подробнее см.: [Артемов, 2000; Виноградов, Головин, 1997; Вятр, 1979; Кола, 2001]).

В XX веке проблематика исследуемых политических процессов и явлений значительно расширилась. Предметом политологии и политической социологии постепенно становились конфликты, бюрократия, общественные организации и движения, пути вхождения граждан

в политическую жизнь, а также политическая культура и политическое лидерство. Заметный вклад в становление политической социологии и политических наук внесли *Р. Арон* (1905—1983), *А. Гулмер* (1920—1980), *Т. Парсонс* (1902—1979). Проблемам пропаганды и массовых коммуникаций посвятил свои работы *Г.Д. Лассуэлл* (1902—1978). *С. Липсет* (1922—2006) сосредоточил внимание на анализе социальных условий развития демократии. Значительное количество исследований (*Р. Мертон*, *Р. Блан* и др.) касалось проблем бюрократии. Немало трудов (*П. Лазарсфельд*, *Б. Берельсон*, *Р. Росси*) посвящено избирательным кампаниям, проблемам выборов. Большой интерес представляют работы *Р. Миллса*, *В. Ростоу*, *С. Рофвелла*, *Д. Лернера*, *Г. Алмонда*, *Р. Дарендорфа*, *Д. Истона*.

Что касается отечественной социологии, то ею накоплен значительный опыт исследований политических процессов. Работы отечественных социологов — представителей консервативной мысли — *К.Н. Леонтьева* (1831—1891), *Н.Я. Данилевского* (1822—1885), *П.Ф. Лилиенфельда* (1829—1903), *Н.Н. Страхова* (1828—1896), либеральной мысли — *М.М. Ковалевского* (1851—1916), *С.А. Муромцева* (1850—1910), *Н.И. Кареева* (1850—1931), *Е.В. де Роберти* (1843—1915), *Л.И. Петражицкого* (1867—1931), *Б.И. Кистяковского* (1868—1920), революционной (в том числе и марксистской) мысли — *М.А. Бакунина* (1814—1876), *П.А. Кропоткина* (1842—1921), *В.И. Ленина* (1870—1924), *Г.В. Плеханова* (1856—1918) — были посвящены многостороннему анализу властных отношений, проблем причастности людей к управлению государством и обществом. Особое место в исследовании политической жизни занимают труды *М.Я. Острогорского* (1854—1919), *Б.Н. Чичерина* (1828—1904), *П.И. Новгородцева* (1866—1924), изучавших деятельность субъектов политической власти, политических партий, взаимоотношений политики, нравственности и права. Среди современных российских ученых, успешно сочетающих в своей исследовательской деятельности политические и социологические аспекты, можно назвать *В.Э. Бойкова*, *Л.Г. Бызова* [2013], *А.В. Дмитриева*, *Ю.А. Леваду*, *В.Г. Ледяева* [2012], *В.К. Левашова*, *В.П. Макаренко* [2013], *О.В. Крыштановскую* [2005], *Э.В. Ожиганова*, *Ф.Э. Шереги* и др.

В течение длительного времени эти смежные науки — политология и политическая социология — не задавались вопросом о специфике подхода к исследованию феномена политики, что приводило к тому, что их исследования долгое время мало отличались друг от друга. Тем более, что многие понятия и концепции применялись как в со-

циологии, так и в политологии (политическая система, политическая культура, конфликт, мир-системная теория, теория рационального выбора и т.д.).

Среди существующих социологических концепций о политике особое место занимает *социология жизни*, которая сосредоточивает свое внимание на методологии и методах изучения сознания и поведения человека в политической среде, в то время как политология изучает механизмы формирования и развития политической сферы общества, сущностные связи и отношения в политике и т.д. И хотя эти оба подхода в познании политической реальности дополняют друг друга, они используют свои подходы и методы исследования. В связи с этим особенно сложным представляется разделение объекта и предмета у политологии и политической социологии.

Объект политической социологии с позиций социологии жизни не отличается от объекта политологии — гражданского общества, суть которого, по Гегелю, состоит в том, чтобы интересы государства и интересы личности признать равнозначными, однопорядковыми. Гражданское общество начало складываться при переходе человечества к буржуазно-демократическим формам государственности, когда люди получили возможность действовать как самостоятельная общественная сила, в том числе и как политическая, возможности которой в значительной степени зависят от уровня сознательности и творчества участников исторического процесса. Гражданское общество возникло как оппонент государству, породив многочисленные образования (партии, общественные организации, добровольные объединения, ситуативные или постоянные гражданские инициативы и т.д.), которые оспаривают, подвергают сомнению и выдвигают альтернативные способы решения государственных проблем. Все сказанное позволяет утверждать, что гражданское общество как контрпартнер государства — это *совокупность определенным образом организованных исторически сложившихся форм и ценностей совместной жизнедеятельности, которые созданы и функционируют на основе свободного волеизъявления и которыми люди руководствуются во всех сферах общественной жизни — экономической, социальной, политической и духовной* [Тощенко, 2012: 40]. Поэтому логично сделать вывод: *политический жизненный мир гражданского общества является объектом социологии жизни*. Она раскрывает отношение общества к государству и институтам распределения и формирования власти, которое проявляется, прежде всего, в направленности политического сознания и политического поведения людей. С этих позиций политическая со-

циология призвана ответить на вопрос, как осознаются индивидуумом, социальными группами и слоями, партиями и общественными организациями существующая политическая реальность, властные отношения, политические права и свободы. Это дает основание представить, как гражданское общество соотносится и взаимодействует с политическими институтами и структурами [Данилов, 1998; Макаренко, 2000].

Что касается предмета политической социологии с позиций социологии жизни, то им выступает политическое сознание и поведение личности. Являясь элементом (компонентом) группы, слоя или этнической общности, личность в то же время представляет собой самостоятельный феномен, который в зависимости от конкретных обстоятельств включается в политическую деятельность, олицетворяет ту или иную степень воплощения политической свободы данного общества. Необходимость такого подхода обусловлена тем, что *каждый человек в современном обществе — субъект политических отношений* [Луман, 2001] Любое отстранение людей от участия в политической жизни чревато серьезными последствиями. Попытки изолировать людей от политики, встречающиеся в Новой и Новейшей истории, ни к чему позитивному не приводили, хотя они предпринимаются и поныне.

Современная реальность такова, что *политика давно стала делом большинства*. Понимание и реализация политических прав и свобод создали основу для (со)участия людей в функционировании политических отношений. И как бы ни была значительна роль руководителя любого ранга или звена политической оргструктуры, сознание и поведение людей в сфере политики в конечном счете всегда остаются решающими. Процесс эмансипации человека К. Маркс справедливо связывал с осознанием каждым индивидом своей общественной силы как силы политической. И это осознание имеет постоянную тенденцию к возрастанию, что проявляется во все более широком участии людей в решении политических судеб своей страны, в международных политических событиях.

Стал реальным рост влияния личности в деятельности общественных добровольных и инициативных организаций и объединений, участвующих в решении текущих и перспективных проблем социального развития. На современном этапе развития человечества политическая жизнь во все большей мере характеризуется участием в ней массовых общественных движений. Люди различной политической ориентации протестуют против милитаризации, расовой и националь-

ной дискриминации, ущемления прав человека, ухудшения положения молодого поколения, коррупции, хищнического отношения к использованию природных ресурсов и окружающей среде. Политические лидеры уже не могут не считаться с позициями общественных движений, которые нередко, хотя не всегда в явном виде, выражают определенные политические требования (например, движение «зеленых») [Алексеева, 2001; Бурдьё, 1993; Горшков, 2000; Шутов, 1999].

Особо следует сказать о *влиянии людей на локальном уровне, в условиях функционирования местного самоуправления*. Именно на этом уровне возможно наиболее эффективное согласование интересов, установок и настроений людей и органов власти. Ведь большинству людей часто нет дела до того, что происходит на вершинах власти — на федеральном и региональном уровнях; они в лучшем случае могут иметь об этом некое отрывочное субъективное мнение. Вместе с тем люди вправе претендовать (и они претендуют) на участие в том, что происходит вокруг них там, где они работают и живут. Более того, можно утверждать, что до тех пор, пока на местном уровне не утвердятся реальное участие людей в решении актуальных вопросов жизни, их влияние на более высокие уровни власти останется пустым звуком [Артамонов, 2008; Головин, 2009; Ершов, 2007; Новокрещенов, 2009; Понеделков, 2010].

Важность именно такого подхода — при учете политического сознания и поведения людей — тем более значима, что *политическая социология вправе претендовать на одну из ролей в обратной связи при взаимодействии политических структур и населения*. В этом, кстати, состоит одно из принципиальных различий между политической социологией и политологией (политическими науками). Если говорить о том, что объединяет политическую социологию с этой наукой (этими науками), то общим объектом их исследований выступает политическая жизнь во всех ее многообразных проявлениях — от сущности и природы власти до конкретных форм ее существования и институционального воплощения [Шестопал, 2008; Щеглов, 2009].

Однако если *политические науки (политология) исследуют политические (властные) отношения как бы сверху*, — с позиций государственных и партийных программ, заявлений, деклараций политических деятелей о текущих и перспективных процессах, то *социология жизни, учитывая вышеперечисленное, подходит к этим процессам снизу*, — со стороны человека, социальных групп и слоев, которые имеют собственные суждения, оценивают ситуации, свое положение и перспективы не так, как это делают официальные структуры, и даже

более того, часто вопреки их установкам и рекомендациям, пропаганде и позиции.

Подход к политике через человека, социальные группы, их сознание и поведение придает социологии жизни качественную определенность: что бы ни говорили о себе различные структуры власти, как бы ни демонстрировали величие или преимущества своих программ и действий, есть один важный момент, который может утвердить или отвергнуть все эти попытки: а насколько глубоко, серьезно и основательно воспринимают люди политические процессы, как они «переваривают» их, насколько намерены содействовать или сопротивляться им? Кроме того, политические ориентации и взгляды людей могут выражаться опосредованно, через деятельность политических и общественных организаций, гражданские инициативы. И наконец, политическое сознание и поведение проявляются с особой наглядностью во время политических акций и кампаний (выборы, референдумы и другие формы волеизъявления) [Туманов, 2000].

Все сказанное позволяет сделать вывод, что содержание социологии жизни в сфере политики представляет исследование процессов реализации ориентаций и интересов людей, политических партий и объединений, классов, наций, социальных групп, добровольных организаций по сознательному использованию ими власти, удовлетворению их политических интересов. Политическая социология изучает властные отношения, которые всегда направлены на защиту определенных политических сил, закрепление и развитие достигнутых ими завоеваний, на создание новых предпосылок для дальнейшего упрочения их положения, достижения ими подчинения или консенсуса.

Именно при таком подходе социология жизни сосредоточивает свое внимание на изучении политической жизни различных структур, политических притязаний людей, классов, социальных групп, направляемых политическими партиями, а также политических отношений данной общественно-политической системы. Она анализирует процессы согласования и методы предотвращения коллизий, политических катастроф и конфронтаций (вплоть до революции как способа решения противоречий) [Лапин, 2000; Левашов, 2010; Шереги, 2003].

Положение о том, что в основе содержательных направлений социологии жизни лежит вопрос об отношении людей к власти, наиболее полно отражает нацеленность социологических исследований, посвященных политической жизни общества. *Именно проблема властных взаимоотношений, их осознание людьми как личностями, социальными группами, слоями, классами, общественными объедине-*

ниями и организациями и составляет основу социологии жизни при анализе политической реальности. Если сущность политической жизни составляет вопрос о власти и ее использовании, то с точки зрения социологии жизни представляет интерес место человека, во-первых, в деятельности государства, его учреждений и организаций, во-вторых, в жизни политических организаций и партий, в-третьих, в деятельности общественных и добровольных объединений и движений, частично выполняющих политические функции. Кроме того, социология жизни исследует деятельность и степень вовлеченности в политику национальных групп и этнических объединений. И наконец, в этой связи следует рассмотреть такие инструменты власти, как армия и силы поддержания общественного порядка и гражданского спокойствия. На наш взгляд, социология жизни предполагает анализ политических действий такой значимой общественной силы, как молодежь, влияние которой на политические процессы стало нередко решающим в структуре властных отношений [Чупров, Зубок, Ульямс, 2001; Головин, 2004; Шестопал, 2008].

Анализ социологических проблем власти немислим без представлений о роли и месте человека в мировой политике, о степени его влияния на глобальные процессы. Кстати, это один из малоисследованных вопросов политических наук, ибо международные отношения в большинстве случаев анализируются со всех всевозможных сторон, кроме одной — роли и места человека в решении злободневных проблем: войны и мира, сосуществования, борьбы с терроризмом. Анализ властных отношений был бы неполным без изучения и исследования оценок населением многообразных аспектов международной политики, а также внешнеполитических актов, осуществляемых в том или ином гражданском обществе [Каримова, 2014; Кокошин, 2015].

Важный раздел политической социологии жизни — механизм реализации властных полномочий. Здесь особый интерес вызывает рассмотрение роли и значения политической идеологии в жизни любого общества. Анализируя политическую жизнь через политическую идеологию и политическую культуру, следует обратить внимание на политическое сознание, представленное совокупностью теоретических положений, взглядов, мнений, настроений, ценностных ориентаций и т.п., которые реализуются в процессе осуществления функций политической власти. Поскольку постулаты политической идеологии реализуются при помощи определенного механизма — избирательных кампаний и общественного мнения, то их анализ, несомненно, является одним из важнейших направлений политической

социологии [Бойков, 2006; Волков, Малинкин, 2004]. Видное место в механизме функционирования властных отношений приобретают проблемы бюрократии, лоббизма, групп давления, политической элиты, парламентаризма, достижения гражданского согласия [Ашин, Охотский, 2000; Крыштановская, 2005; Любимов, 2001; Микульский, 1996]. Эти явления определяют лицо современного общества, провоцируют или предотвращают социальную напряженность и ее открытую форму проявления — конфликты. В структуру политической социологии включаются конкретные формы функционирования политических отношений в зависимости от характера власти. Речь идет о проблемах управления и самоуправления, о побуждении людей к творческой социально значимой деятельности.

Как никогда в современных условиях возрос спрос на политическое предвидение, прогнозы, от четкого формирования которых в значительной степени зависит возможность успешного решения стоящих перед обществом политических вопросов [Тоффлер, 2001].

Таким образом, социология жизни и политические науки изучают политическую сферу, сферу взаимодействия государства и общества. Но для *социологии жизни* исходным, базовым принципом является изучение сознания и поведения людей, социальных групп, общностей, классов и их влияния на государство, способы осуществления власти, воздействия разнообразных социальных структур и социальных феноменов на политическую жизнь. Политология же начинает с государства и исследует его влияние на общество, его формальные институты, влияние норм и институтов власти на общественные отношения. Другими словами, социология рассматривает поведенческие аспекты политики, роль социальных групп и социальных индивидов в политических процессах, а политология — институциональные.

Являясь частью социологической науки, социология жизни исследует и объясняет отношения между политикой и обществом, социальными и политическими институтами, социальным и политическим поведением. Здесь социология обращается к опыту политологии, сосредотачивающейся на причинах возникновения государства и особенностях его функционирования при разных политических и экономических системах. Несомненно, социологи опираются на выводы политологии и при анализе неполитических явлений. Такие феномены, как религия, право, мораль немислимы без освоения и изучения сопутствующих их развитию политических учений и концепций.

В свою очередь, в политологии активно и продуктивно используются социологические методы сбора эмпирических данных. Наи-

большим спросом со стороны политологов пользуются данные электоральной социологии. Помимо этого, социология позволяет выявить состав участников и поддерживающих (сочувствующих) политических партий и движений, рейтинг политических лидеров, состояние политического общественного мнения и его влияние на политическую жизнь и процесс принятия политических решений, мотивацию политического поведения, прогнозирует течение политического процесса [Федоров, 2010]. Особо следует подчеркнуть роль социологических исследований в процессе подготовки и выработки политических решений и оценки эффективности действий политической власти. И наконец, следует подчеркнуть, что многие современные — отрасли научного и прикладного социально-гуманитарного знания развиваются именно на стыке социологии и политологии — кратология, конфликтология др. [Дмитриев, 2000; Халипов, 2005].

11.6. Социологическое и правовое знание: истоки взаимовлияния и продолжение традиций

Взаимовлияние, взаимодействие и взаимопроникновение двух наук — права и социологии — наглядно проявляется при обращении к их особенностям. *Во-первых*, возникновению и становлению отечественной социологии во многом способствовали праведы, юристы. Они задолго до проведения социально-правовых эмпирических изысканий занимались осмыслением общественных отношений и накопили знания о праве как общественном явлении. Это предопределялось тем фундаментальным обстоятельством, что изучение права долгое время не было ориентировано на рассмотрение его сущности в структуре социальных связей, а исследовалось в рамках должностования, сформулированного политической властью и официальной идеологией.

До XX в. методы эмпирических исследований правовых отношений в их современном смысле не применялись. Однако в реальности стихийно, а потом отдельными юристами-теоретиками и практиками постепенно стали использоваться «включенные наблюдения», экспериментальные проверки принятых решений [Тадевосян, 1998].

В этой связи велика заслуга ученых-юристов — Ж. Карбонье, Р. Пэнто, М. Гравитца, О. Вайнбергера, Б.Н. Чичерина, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, П.И. Новгородцева и других, которые отошли от чисто нормативного подхода и приступили к анализу реальной ситуации. Они тем самым вышли на проблемное поле социального

развития общества, ориентированное на осмысление особенностей проявлений права. Анализируя проблемы права как регулятора общественных отношений, они раскрыли его социальную обусловленность и социальную роль, влияние социальных условий и знаний социальных последствий его действия.

В то же время спор о границах юридической науки между представителями различных школ шел постоянно. За очистку юридической науки от всех примесей, включая социологию, выступал Г. Кельзен. В наиболее концентрированном виде юридическая догматика представлена и развита им в неопозитивистском «чистом учении о праве». Он — в духе неокантианства — трактовал позитивное право как систему нормативных долженствований, не обусловленных социальной реальностью, вопреки тому, что в настоящее время наличие в рамках юриспруденции и социологии такой области знания, как социология права, признается большинством современных ученых [подробнее см.: Лапаева, 2008].

Во-вторых, особенность взаимодействия социологии и права проявляется в том, что социологи, исследуя общественные процессы, пришли к выводу, что проблемы их развития нельзя объяснить только экономическими, политическими или культурными причинами — необходимо изучение правовых факторов, действующих наряду с другими. Ибо, по сути, право — это такая же сфера отношений, участники которых выступают как носители конституционных прав и обязанностей при регулировании различных форм их поведения (деятельности). В этой связи необходимо обратить внимание на позицию французского правоведа *Л. Дюги* (1859—1928), который рассматривал право, как один из аспектов социальной солидарности. Он специализировался на публичном праве и прибегал к методам социологического позитивизма под влиянием Э. Дюркгейма и О. Конта [подробнее см.: Нерсесянц, 1999].

Развитие любого общества невозможно без правопорядка, без законов и норм, удовлетворяющих интересы и потребности населения в различных сферах жизнеобеспечения. Эффективность правового мировосприятия зависит от общественной потребности соблюдать законы во всех сферах жизни. Формирование правовой культуры, признание истинности и правомочности законов — дело сложное, поскольку достигается как разъяснением правовых норм, так и личным опытом и практикой, которые опираются не только на собственное, но и на общественное мнение о целесообразности и правильности применения законов. Безвластие в период застоя привело к деформации как право-

сознания, так и гражданской убежденности людей [Керимов, 2000; Крупеня, 2009; Тощенко, 2007; Усимова, 2008].

В начале XX в. австрийский правовед и социолог *Е. Эрлих* (1862—1922) считал, что право представляет собой определенный аспект общественного бытия. Чтобы понять сущность, истоки и развитие права, отмечал он, нужно, прежде всего, изучить порядок, существующий в человеческих союзах. Реально действующее право, полагал ученый, находится не в статьях закона, а в практических отношениях, что является предметом исследований социологии [Ehrlich, 2001].

В-третьих, специфика взаимодействия двух наук связана с тем, что реальная ситуация требует обращения внимания на то, что право регламентирует и тем самым ограничивает поведение людей, организаций, взаимоотношения личности и государства, положение граждан, а также предполагает меры борьбы с посягательством на государственный строй и существующие права и свободы. По этому поводу существует несколько точек зрения: 1) человек дифференцированно относится к праву: одни нормы права поддерживает, к другим относится нейтрально или пассивно, а третьим противостоит или сопротивляется; 2) чем ниже оценка правовых норм, тем пассивнее действуют люди на правовом пространстве. Принцип законности находит свое воплощение в отношениях, определяющих правопорядок в государстве. Отсутствие или деформированные правовые нормы приводят к экономическим кризисам, политическим конфликтам, противодействуют духовному здоровью народа [Крупеня, 2009; Кудрявцев, Казимирчук, 1995].

В-четвертых, особенность взаимодействия социологии и права обусловлена тем, что соотношение нравственности и права существует в любом обществе. Исходя из этого, важным показателем зрелости общества является его правовая культура, осознание нормативных требований не как навязанных извне, а как имманентных, объективно необходимых, в том числе и для личной жизни. Устойчивость и рациональность общественному устройству придает принятие каждым его членом нравственных норм и права как самых надежных, долговременных, не подверженных конъюнктурным обстоятельствам (Лапаева, 1999; Сырых, 2000).

Этот посыл воспринимался по-разному. Под целью права основатель гарвардской школы социологии права *Р. Паунд* (1870—1964) понимал гармонизацию социальных интересов на основе традиций и ценностей общества. Основываясь на философии прагматизма, он

рассматривал право как режим упорядочения человеческих отношений, ставя под сомнение реальную эффективность норм права. Т. Парсонс утверждал, что благодаря определенной связи между ценностями и нормами, с одной стороны, обеспечивается реальное осуществление ценностных ориентаций, с другой — стимулируется выполнение нормативных требований. Разработанная им концепция общества как ценностно-нормативной системы представляет значительный интерес для анализа места и роли права в процессе развития и функционирования общества [подробнее см.: Нерсесянц, 1999].

В-пятых, для современных исследований социально-правовых процессов характерным является то, что большинство из них в значительной мере направлены на изучение негативных процессов, связанных с такими антиобщественными явлениями, как преступность, коррупция, хищения государственной, акционерной, частной и личной собственности, различные формы девиантного поведения. Такое внимание к исследованиям отрицательных событий продиктовано разными причинами. На правовой ситуации пагубно сказывается выборочное действие закона: к людям, обладающим властью и материально обеспеченным, закон более снисходителен, чем к рядовым людям. Разрушительно на правовое сознание воздействует союз трех сил — воровского бизнеса, криминала и коррупционного чиновничества. Усугубляет ситуацию и многовековая практика правового нигилизма. Несмотря на правовую и административные реформы, в российском обществе продолжает царить правовая неразбериха, переходящая в произвол. И как результат происходит потеря всякого доверия к праву, к его субъектам и их деятельности [Гилинский, 2007; 2009; Яковлев, 1988]. Правовая информированность стала более низкой, что порождает правовую некомпетентность, правовую неграмотность и приводит к многочисленным сознательным и стихийным нарушениям законодательства (Шереги, 2002).

Если говорить об *общих закономерностях*, то, во-первых, социология и право социальны по своим генезису и природе, поскольку в центре их внимания в первую очередь находятся люди, общественные явления и процессы, и их правовое сознание является продуктом отражения общественного бытия; во-вторых, на содержание правового сознания непосредственное воздействие оказывают экономическая и политическая жизнь общества, экономические и политические отношения [Кульчар, 1981; Мехью, 1972]. Исходя из этого, для правового сознания характерна близость к политическому и экономическому сознанию. Наличие тесных связей между ними указывает не только на

их взаимодополняемость, но и до определенных пределов и на их взаимозаменяемость. Такое положение обусловлено и тем, что и правовое, и политическое, и экономическое сознания направлены на регулирование схожих по своей сути общественных интересов [Гречин, 2001; Подгорецкий, 1974].

Правовое сознание, как и другие формы общественного сознания, существует в форме знания. Результаты его социологического анализа указывают, что люди даже при стремлении к получению правовой информации неспособны ее осмыслить в нужном объеме. Более того, в условиях реформ, когда население сталкивается с правовым беспределом, желание признавать и исполнять законы исчезает. Его сменяет правовой нигилизм, так как правовые знания, правовая культура не помогают в решении проблем и не гарантируют положительного результата в делах [Масловская, 2008].

Взаимодействие социологии и правовых наук имеет *большое эвристическое значение*. Социологические материалы (итоги опросов общественного мнения, отдельных социальных групп, интервью экспертов и др.) расширяют возможности и вероятность выработки и принятия законов, отвечающих потребностям людей. Юристы в своей деятельности все чаще используют социологическую информацию при разработке, обсуждении и принятии законопроектов, при регулировании и контроле за реализацией правовых норм. Взаимодействие этих научных дисциплин имеет *теоретико-прикладное значение, так как связано с формированием в стране гражданского общества и правового государства* [Ксенофонтов, 2003].

Взаимодействие социологии и права имеет *политическое значение*, так как связано с проведением в России радикальных реформ, реализацией социальной политики, стремлением к демократизации общества, а также с трансформацией духовно-нравственной сферы [Касьянов, Нечипуренко, 2002].

Взаимодействие социологии и права имеет и *нравственное значение*, поскольку вносит определенный вклад в утверждение правовой и политической культуры общества и государства, повышает информированность, содействует укреплению правового сознания населения, и тем самым предотвращает социально-правовые противоречия и конфликты [Карташов, 2008].

Что касается перспектив соотношения социологии жизни с различными правовыми концепциями и теориями, то в современных исследованиях акценты научного интереса все в большей мере смещаются в сторону выявления природы права как специфического соци-

ального явления, изучения объективных процессов правотворчества и правоприменения, поиска правообразующих мотивов, лежащих в основе принятия правовых решений [Лукашева, 2009; 2011]. Ибо практика показала, что главным фактором неэффективности законодательных норм является не только отсутствие механизмов их реализации, но и упущения социального характера, неспособность к учету и согласованию интересов и потребностей людей, различных социальных групп и общностей.

Таким образом, объективная необходимость тесного взаимодействия социологии и права предопределила появление новой отрасли социологического знания — социологии права.

11.7. Социологическое и социально-психологическое знание: взаимодополнение

В теоретическом плане различие предметов двух наук — социологии и психологии, как правило, не вызывает затруднений. Упрощенно это различие выглядит следующим образом. *Социология* изучает «жизнь общества», его функционирование, как в целом, так и его отдельных институтов, а также их взаимодействие на основе анализа социальных процессов, выражающихся в сознании и поведении (деятельности) людей. Предметом *психологии* (от греч. *psyche* — душа) в самом общем виде являются закономерности развития и функционирования психики личности как особой формы жизнедеятельности [Ананьев, 2001; 2008; Парыгин, 2006]. Конституирование психологии в качестве самостоятельной научной дисциплины нередко относят к деятельности *Г.Тарда* (1843—1904). Именно с конца XIX века значительное внимание стало уделяться лабораторному исследованию отдельных психических процессов (памяти, мышления, ощущения, восприятия). В то же время интенсифицировались процессы дифференциации психологии как науки, выделения внутри нее отдельных, относительно самостоятельных отраслей (общей психологии, занятой поиском основных закономерностей развития и функционирования психики; зоопсихологии, изучающей психику животных; медицинской (патоклинической), ориентированной на исследование психических заболеваний и их коррекцию; возрастной психологии, занятой выявлением специфики психического развития на различных этапах онтогенеза человека и т.п.).

В этом ряду особое место заняла возникшая и постепенно оформившаяся в самостоятельное научное направление в середине первой

половины XX века социальная психология. Хотя ее первые зачатки связываются с именем *В. Вунда* (1832—1920), первым обратившим внимание на социальные проблемы психологической жизни, становление социальной психологии в России (как и психологии в целом) было непростым. Дискуссии о ее предмете в 1920—30-е годы достаточно подробно рассмотрены в литературе [см. Андреева, 1997; Парыгин, 2006; Поршнева, 1979, Юревич, Марцинковская, 2008].

Вслед за ними представляется уместным использовать междисциплинарный подход, подразумевающий не размещение социальной психологии внутри какой-либо одной из ее «материнских» дисциплин, будь то психология или социология, а поиск ее места путем определения пограничных, пересекающихся предметных полей. Таким полем, имеющим пограничный статус, применительно к социологии и социальной психологии, является изучение *больших социальных групп* [Андреева, 1997].

Однако такой подход следует признать лишь отчасти верным. Достаточного беглого взгляда на оглавления учебников, издающихся по социальной психологии и социологии, чтобы стало очевидным их тематическое совпадение не только применительно к большим социальным группам, но и к деятельности средств массовой информации, организациям и управлению, науке, искусству, политике, семье и, наконец, личности, не говоря уже о методических разделах в учебных пособиях обоих типов (см., например [Богомолова, 1991; Журавлев, 2005; Шепель, 1990; Шестопал, 2012]).

Следует отметить, что межличностные отношения (на которых акцентирует свое внимание социальная психология) существуют «внутри каждого вида общественных отношений... в объективной ткани общественных отношений...», присутствуют моменты, исходящие из сознательной воли и особых целей индивидов» [Андреева, 1997: 72—73; Журавлев, 2003].

В таком случае теоретически, в общем виде различие в предмете социальной психологии и социологии представляется связанным не только и не столько со спецификой их «проблемного поля», сколько с особенностями угла (точки) зрения на одни и те же социальные феномены [Парыгин, 2006; Хальбвакс, 2015].

В чем эти различия заключаются?

1. *Социологии жизни присущ своеобразный «восходящий» подход* (от конкретного к общему) — от частного (взаимодействия его членов, их непосредственных отношений, от отдельной личности как представителя социальных групп — этнических, профессиональных, политиче-

ских, классовых и т.п.) к общему (социуму, который является своеобразной «фигурой»), т.е. к некому фону, но обладающему значительным зашумляющим разнообразием. В конечном счете, в личности и ее межличностных отношениях социолога интересует, прежде всего, проявление макросоциальных, коллективных, [Хальбвакс, 2015, 9:114], надындивидуальных взаимодействий. Таким образом, социолог стремится к «объективации» субъективных, имеющих как рациональную, так и эмоциональную природу межличностных отношений.

2. Для психологии (прежде всего, социальной) характерен зеркально иной подход — индуктивный, внимание уделяется в основном отдельной личности, погруженной в непосредственные межличностные отношения (в рамках малой группы), имеющей индивидуализированную их картину (восприятие). Это в данном случае — фигура, т.е. то, на что, в первую очередь, нацелено социально-психологическое исследование — отыскание закономерностей в пределах межличностного общения. Фоном же становится социальный контекст — культуральная, социально-экономическая специфика общества, с одной стороны, способствующая прояснению выявленных закономерностей на уровне малой группы, но, с другой — сама подвергаемая «психологизации». Есть образное выражение: социология оперирует понятием «мы», социальная психология — понятием «я».

Проиллюстрируем это одним примером. Значительное количество социально-психологических исследований посвящено изучению закономерностей *каузальной атрибуции* (приписыванию причин происшедшим событиям). Выявлено, что результаты этого приписывания, помимо прочего, зависят от: а) позиции респондента (деятель — наблюдатель); б) успешности исследуемой деятельности (успех-неудача) [Горбунова, 2006: 75].

Можно предположить, что в различных культурно-исторических условиях, чем более выражены и культивируются нормы индивидуализма, индивидуального успеха (социальный контекст), тем более выражена будет эта закономерность. В то же время, чистые социально-психологические интерпретативные схемы остаются на уровне личности и малой группы (например, наблюдатель при неуспехе наблюдаемой деятельности склонен приписывать причины этого деятелю). Таким образом, в последнем случае происходит своеобразная психологизация общественных отношений.

Наконец, не исключено, что глобальный ответ на вопрос о специфике социологии и (социальной) психологии нуждается в конкретизации применительно к отраслям каждой из наук. Например, в исследо-

ваниях, касающихся интеллекта, исследуемого в основном психологами [Ушаков, 2011]. Что касается социологов, то, например, была предпринята попытка выявить специфику социально-психологической и социологической российских традиций в изучении семьи [Гурко, 2013; Солонников, 2007]. Было зафиксировано отсутствие специальной психологической теории семьи, а также специфическую (но далеко не всегда выраженную) озабоченность социологов репрезентативностью полученных эмпирических данных и их внимание к изучению взаимосвязей внутри социально-демографических характеристик респондентов.

В заключение следует отметить, что во взаимоотношениях социологии и социальной психологии существует несколько аспектов. Во-первых, есть общие понятия, в одинаковой степени используемые как в той, так и в другой науке. Это такие понятия, как сознание, человек (индивид), поведение (деятельность), мотив, потребности. Во-вторых, ряд понятий в социологию пришел из (социальной) психологии. Некоторые из них приобрели достаточно четкое социологическое звучание (например, стереотип), другие (установка, архетип, генотип) лишь частично и не всегда используются социологической наукой. В-третьих, социальной психологией в некоторых философских и социологических понятиях выделяются специфические формы их проявления (например, народ, население — в социологии, толпа — в социальной психологии.)

В социологии используются те выводы, которые были получены З. Фрейдом (1856—1939). Главная проблема, которую он пытался решить — проблема противоречий и противостояний человека и общества. В частности, он широко исследовал идею Эдипова комплекса, основанную на одном из концептуальных положений Фрейда — гиперсексуализме. Именно такой подход дал социологам основания для изучения специальных, особых, деформационных и негативных процессов, опирающихся на исследования психологов [Тард, 1999; Юревич, 2010].

И наконец, социальная психология обогатила социологию такими инструментами исследования, как тесты, социометрические методы, некоторые виды шкал (приемлемости и др.) [Майерс, 1997; Зинченко, 2003].

11.8. Социология культуры и культурология: точки соприкосновения

Социология как наука, изучающая состояние и тенденции развития и функционирования человеческого общежития, неразрывно свя-

зана с миром культуры — миром, созданным творческой инициативой. Самое понятие «культура» (от *лат.* *cultura* — возделывание, развитие, воспитание) *восходит к преобразующей деятельности людей*. И в этом смысле культура противопоставляется природе. Так, девственный лес — явление природы, а парк, будучи продуктом человеческой деятельности, — явление культуры. При этом *культура подразумевает и преобразование самого человека* в процессе «возделывания души». Данную трактовку культуры предложил *Марк Туллий Цицерон* (106—43 гг. до н.э.) в своем произведении «Об обязанностях», заложив традицию использования этого понятия.

В XIX—XX веках разрабатывались теории и концепции, ставшие предтечами культурологических учений. Труды Г. Спенсера, Ф. Энгельса, Л. Моргана, Дж. Фрезера, Э. Тайлора отражают эволюционную концепцию социокультурного развития, базирующуюся на принципе единообразия и линейности поэтапного развития культуры и общества. В рамках этого подхода стало возможным сравнение разных социокультурных общностей, находящихся на разных этапах эволюции по принципу более или менее развитых.

Неоэволюционисты Л. Уайт, Дж. Стюард, М. Харрис рассматривали развитие культуры как процесс, основывающийся на новациях технологического порядка и трактовали культуру как адаптационный механизм, при помощи которого происходит приспособление общества к изменениям окружающей среды. В рамках этой теории культура подвергается многолинейной эволюции, связанной с допущением возможности множества равноценных путей социокультурного развития. При этом отвергается возможность всеобщих законов эволюции.

Цивилизационные подходы к социокультурной динамике Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Л. Гумилева сводятся к двум основным направлениям: *стадиальному* (цивилизация — стадия единого для всего человечества процесса развития) и *локальному* (многообразии уникальных цивилизаций, демонстрирующих разнообразие исторического процесса).

Структурный функционализм Т. Парсонса, Б. Малиновского, А. Радклифф-Брауна, Р. Мертона рассматривает культуру как целостное образование, раскладывающееся на составные части, находящиеся в сложном взаимодействии друг с другом и обладающие определенными функциями.

Для структуралистского подхода К. Леви-Стросса, М. Фуко характерно стремление к раскрытию моделей, лежащих в основе социаль-

ных и культурных явлений, коль скоро под культурой понимается совокупность знаковых систем.

Такие исследователи, как З. Фрейд, К. Юнг, С. Московичи, А. Маслоу, при изучении социокультурных явлений сконцентрировали внимание на психологических механизмах культурно-исторического процесса.

Фрейдомарксисты (Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др.) стояли на позициях социального критицизма и элитарной концепции культуры.

Особняком стоит теория социокультурной динамики П. Сорокина, соединившая социологический и культурологический подходы к изучению закономерностей смены типа культуры и общественных отношений, а также свойственных им феноменов (подробнее см.: [Иконникова, 2001]).

Необходимо отметить, что социология, институционализировавшаяся еще в XIX веке, во многом предопределяет становление более молодой науки «культурологии», задавая тон исследовательским направлениям. Этим объясняется и тот факт, что заметная часть культурологических теорий разработана социологами. Спорный статус культурологии в мировой гуманитарной науке по сей день затрудняет ее институционализацию [Ионин, 2010; Коган, 2009; Шендрик, 2002].

Само понятие «культурология» ввел в научный лексикон американский исследователь Лесли Уайт в начале XX века. Однако ее разработка как самостоятельной науки с предметом и методом долгое время не осуществлялась. На сегодняшний день *существуют три основных взгляда* на культурологию. Первый предлагает трактовать ее как *лишь учебную дисциплину*, призванную сформировать у учащихся (студентов и старших школьников) представление о культуре как важной сферы человеческой деятельности [Маршак, 2007]. Второй подход отводит культурологии роль *синтетической научной области*, объединяющей направления разных наук, изучающих различные аспекты культуры. К таковым, в частности, относятся социология культуры, культурная антропология, этнология, история культуры, этнография и др. [Белик, 1999; Злобин и др., 1995; Козлова, 2004; Межуев, 1977]. *Сторонники третьего подхода считают культурологию становящейся самостоятельной наукой, предметная область которой включает такие проблемы, как типологизация культур, соотнесение понятий «культура» и «цивилизация», смысл культурно-исторического процесса, субъект культуры, диалог культуры и другие существенные вопросы, находящиеся за пределами внимания существующих наук о культуре* [Запесоцкий, 2014; Иконникова, 2001; Кондаков, 1997].

Согласно третьему подходу, культурология — *научная область, лежащая на стыке многих наук о культуре, человеке и обществе*. Объединяя различные отрасли научного знания, культурология пытается пролить свет на сложные феномены общественной жизни, выявляя закономерности развития культуры как самостоятельного феномена, влияние культурных особенностей на мировоззрение различных социальных общностей. Подобного рода знания позволяют находить общий язык людям, живущим в разных культурах, с разными ожиданиями, нормами и ценностями. В качестве метода культурологии рассматривают *реконструкцию* (моделирование культуры как целостной системы) и *интерпретацию* (аналитические операции со смыслами) [Александр, 2013; Зверева, 2002].

Одной из важнейших задач культурологи, как и социологи, видят для себя разработку универсальной *типологизации культур*. Данной проблематикой занимались специалисты, чьи научные интересы лежат в различных научных областях. На сегодняшний день предложено множество вариантов типологизаций, в основу которых кладутся различные основания:

- по *хронологии* (древняя, античная, средневековая, культура Возрождения, культура Просвещения, культура Нового времени и т.д.);
- по *мирам* (материальная и духовная культуры);
- по *видам деятельности* (трудовая, экономическая, эстетическая, правовая, организационная и т.п.);
- по *субъектам* (народная, групповая, общественная и т.д.);
- по *уровням* (мировая, региональная, местная);
- по *общественному значению* (культура, антикультура).

Данная типология культур в большей степени коррелирует с подходами, которые применяются в социологии жизни и в то же время присущи социальной философии, истории, социологии культуры [Манхейм, 2000]. В рамках культурологии на сегодняшний день наиболее популярен подход, выделяющий два аспекта: культура в масштабах человечества с акцентом на социокультурных суперсистемах с их внутренним многообразием (культура отдельного общества, города с акцентом на субкультурах) и культура отдельного общества. В ней выделяется высокая (элитарная), народная (фольклорная), по каналам и формам [Коломиец, 2014], по образовательному уровню ее носителей и массовая культура, к формированию которой привело активное развитие СМИ [Запесоцкий, 2011; Иконникова, 2001].

Культурологические разработки широко используются социологами, насыщающими типологические каркасы кровью и плотью пред-

ставлений о культуре. Прежде всего, это находит отражение в *социологии культуры* как специфической отрасли социологической науки, которая сосредоточивает внимание на социальных группах, институтах и процессах применительно к культурной сфере. Социология культуры объединяет более частные области социологического знания, к которым относятся, социология духовной жизни, социология религии, социология искусства, социология кино, социология чтения и др. [Адорно, 2008; Жабский, 1989; Лубышева, 2001; Фохт-Бабушкин, 2001; Хренов, 2009; Цукерман, 1972; Шульга, 1989].

Социология изначально концентрировала внимание на социальной природе культуры и ее детерминирующей роли применительно к социальному поведению. Именно в культуре вырабатываются нормы и ценности, принимаемые конкретной социальной общностью, а также ожидания, предпочтения — все то, что, в конечном счете обуславливает человеческое мировоззрение. Как для социологии, так и для культурологии указанные феномены являются важными составляющими проблемного поля. Близость объекта и метода делают две науки предельно родственными. В качестве отличий, пожалуй, нужно подчеркнуть разный угол зрения, который в случае с социологией концентрируется, прежде всего, на групповых ментальных характеристиках, а в случае с культурологией — на самой их природе [Моль, 1973; Уайт, 2004].

Культурология и социология являются смежными науками, сосуществующими на основе взаимодополнения. Культурология пользуется наработками социологии в области функционирования социокультурных институтов (образование, церковь, СМИ и пр.), социальных групп (интеллигенция, элиты, молодежь и пр.), социокультурных процессов (ассимиляция, маргинализация, глобализация и пр.) и отдельных феноменов (субкультуры, массовый человек, социальная коммуникация и пр.). В свою очередь социологами широко используются культурологические концепции, прежде всего в части теоретической разработки исследований сложных социокультурных явлений и процессов, а также для интерпретации соответствующих данных.

В рамках как культурологии, так и социологии культуры нередко рассматриваются проблемы эстетической деятельности, образования и воспитания. В этой связи следует отметить социологические исследования театра, кино, музыки, художественных музеев и выставок. Эти исследования дали впечатляющую картину как достижений на поле формирования эстетического вкуса, так и тех издержек и просчетов, которые связаны с отсутствием целенаправленной работы по воспита-

нию эстетического восприятия мира [см.: Букина, 2011; Дуков, 2001; Сохор, 1981; Фохт-Бабушкин, 2001; Шульга, 1979].

Особое место занимают попытки социологических исследований литературы. Причем это важно как при исследовании самого литературного процесса, так и для изучения предпочтений потребления и причастности людей к этой форме творчества. Познание специфики этого взаимодействия отражено в ряде работ, в частности в трудах И.А. Бутенко [1997], Л. Гудкова и др. [1998], С.И. Григорьева [2014], С.Я. Сушего [2015] и др.

В заключение следует отметить сравнительно новый подход, сближающий культурологическое и социологическое исследование культуры. Речь идет о так называемой *культуральной социологии*, представленной в мировой социологии Дж. Александером и частично разделяемой Л.Г. Иониным. Ее сущностные характеристики связаны с тем, что культура рассматривается не как часть, не как сегмент жизни общества, а как общая черта, присущая всем проявлениям общественной жизни, всем без исключения видам деятельности. При таком подходе культура пронизывает все без исключения общественные явления и процессы, выступает неким обобщающим индикатором цивилизационного развития общества [Александр, 2013; Ионин, 2000].

Анализ всех вариантов анализа феномена культуры показывает, что, несмотря на их разнообразие, они в той или иной мере опираются и (или) используют базовые показатели социологии жизни — изучают сознание и поведение людей в этой сфере в тесной увязке с состоянием и тенденциями развития общественной среды.

Итак, смысл вычленения социологии жизни из всей совокупности социального знания, в том числе и традиционной социологии, состоит в том, чтобы выйти на анализ жизненного мира, воплощенного в сознании и поведении людей в единстве с объективными условиями их существования и функционирования. А такой подход требует соблюдения принципов *междисциплинарности* А. Киященко (2016); А. Лубский (2015). На их основе возникли и развиваются не только взаимосвязи, которые проявляются во взаимодействии и взаимообогащении и появлении таких научных дисциплин, как социолингвистика, социопедагогика. Плодотворно было и взаимодействие социологии и этики, хотя проблемы нравственности с социологических позиций осуществлялись с трудом. Эти исследования сталкивались с серьезной методологической проблемой — рассматривать проблемы мора-

ли, нравственности как аспект всех без исключений видов человеческой деятельности или рассматривать их только с нравственных позиций как проблемы добра и зла, чести, достоинства, преданности и т.д. [Бакштановский, 2000] Но даже эти разноречивые исследования дали количественную и качественную оценку степени развитости норм и ценностей, регулирующих отношения между людьми, уровня зрелости нравственного мира, путей и форм удовлетворения духовных потребностей, а также нравственного климата семьи и производственной организации и т.п. [см.: Соколов, 1986].

Реальностью олицетворения междисциплинарных связей стали комплексные исследования проблем архитектуры, градостроительства, территориального размещения, пространственной структуры расселения, в которых потребовалось участие социологии, ибо игнорирование сложившегося уклада жизни людей, их традиций и склонностей привело к ряду серьезных ошибочных решений, таких, как создание «спальных районов», несбалансированность производственных и жилищных зон, ликвидация «бесперспективных» деревень, внедрение многоэтажного строительства в сельской местности, отказ от применения ландшафтной архитектуры и др. [Вильковский, 2010; Заборова, 2007 и др.].

Не менее значимо и участие социологии в исследовании проблем социальной экологии, социальной медицины. Проблемы здоровья, охраны природы, окружающей среды невозможно в полном объеме представить без анализа экологического сознания, физической культуры, различных аспектов милосердия (Мазур, Козлова, Глазгычев, 2001; Маркович, 2000.; Решетников, 2013; Рой, 1995; Сосунова, 1999; Яницкий, 2007; 2008).

Для всех этих новых направлений науки вклад социологии состоит, во-первых, в замыкании проблематики на структурных социально-групповых носителях особых интересов, а во-вторых, в широком использовании специфических методов и приемов исследования, дающих возможность расширить фактологическую базу всего гуманитарного знания.

Литература

О статусе социологического знания

Глезерман Р., Келле В., Пилипенко Н. Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия // Коммунист. 1971. № 4.

- Головин Н.А. Современные социологические теории. М., 2016.
- Зворыкин А.А. Исторический материализм как общесоциологическая теория и конкретные социальные исследования // Философские науки. 1963. № 1.
- Ельмеев В.Я. Социологический метод: теория, онтология, логика // Вестник ЛГУ. Сер.: Философия. 1986. № 2; Он же. Социол. исслед. 1991. № 5.
- Ковалев А.М., Козиков И.А. Научный коммунизм и конкретные-социологические исследования // Вестник МГУ. Сер.: Философия. 1967. № 2. С. 46—52.
- Константинов В.Ф., Келле В.Ж. Исторический материализм — марксистская социология // Коммунист. 1966. № 1.
- Левада Ю.А. Лекции по социологии. Ч.1. М., 1969.
- Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социол. исслед. 2015. № 10. С. 3—12.
- Осипов Г.В. Социология как наука // Социальные исследования. 1968. Вып. 2.
- О структуре марксистской социологической теории. М., 1970.
- Руткевич М.Н. Макросоциология. Методологические очерки. М., 1995.
- Слепенков И.М. Методологические принципы и методика конкретного социологического исследования. М., 1974.
- Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2013.
- Фетисов В.Я. Научный коммунизм как социологическая теория. Л., 1983.

Социология и философское знание

- Арефьева Г.С. Общество, познание, практика. М., 1988.
- Арефьева Г.С. Общество // Введение в философию. М., 1989.
- Барулин В.С. Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977.
- Грушин Б.А. Массовое сознание, М., 1967.
- Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1987.
- Делез, Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?: пер. с фр. Спб., 1998.
- Зомбарт В. Социология. Л., 1990.
- Качанов Ю.Л. Социология социологии: антитезы. М., 2001.
- Мамардашвили М. Введение в философию, М., 1996.
- Подвойский Д.Г. Социальная философия versus теоретическая социология: «братские республики мысли» или «интеллектуальные секты»? // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 24—31.

- Резник Ю.М.* Социальное измерение жизненного мира. М., 2001.
- Рожин В.П.* Введение в марксистскую социологию. Л., 1962.
- Степин В.С.* Философия //Новая философская энциклопедия. Т. IV. М., 2001.
- Уледов А.К.* Структура общественного сознания. М., 1968.
- Уледов А.К.* Социологические законы. М., 1975.
- Филиппов А.Р.* Социология пространства. М., 2008.
- Швырев В.С., Разин В.М., Огурцов А.П.* Методология //Социол. энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 629-633.

Социологическое и историческое (по)знание

- Александров В.А.* (сост., вступ. ст. и примеч.). Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991.
- Бердяев Н.А.* Судьбы России. М., 1990.
- Вебер М.* Избранные произведения // пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. М., 1990.
- Герцен А.И.* Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1945.
- Гусейнов А.А.* Философия — мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб., 2012.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
- Зверева Г.И.* «Новая философия истории» о художественном способе представления прошлого: интерпретация микроисторического подхода // Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999. С. 207-219.
- Иванов В.В.* Введение в историческую социологию. Казань, 1998.
- Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993.
- Ионин Л.Г.* Социологическая концепция Фердинанда Тённиса. Историческая социология: Опыт и перспективы (заочный круглый стол) // Социол. исслед. 2005. № 1.
- Историческое знание в современной России. Дискуссии и поиски новых подходов. Сборник статей / Отв. ред. И. Эрманн, Г. Зверева, И. Чечель. М., 2005.
- Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
- Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990.
- Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.

- Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1. //Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1987.
- Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голос из хора. М., 1996.
- Кудинов В.В.* Социология историческая // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 716-718.
- Миронов Б.Н.* Социология и историческая социология: взгляд историка // Социол. исслед. 2004. № 10.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. СПб., 1999 (2001).
- Миронов Б.Н.* Историческая социология в России: учеб. пособие. СПб., 2009.
- М.М.Ковалевский* в истории российской социологии и общественной мысли. СПб., 1996.
- Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М., 2012.
- Романовский Н.В.* Историческая социология. М., 2009.
- Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России: В 2 т. Т. 1: М., 1989.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. Кн. 1—4. М., 1988.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений. СПб., 2000.
- Тоценко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память: состояние и парадоксы // Парадоксальный человек. М., 2009.
- Тоценко Ж.Т.* Манкуртизм как форма исторического беспамятства // Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа) М., 2013.
- Тростановский Ж. (ред. и сост.)* Взывающие (воспоминания выживших в Холокосте). Дюссельдорф, 2014.
- Хвостов В.М.* Основы социологии. Учение о закономерности общественных процессов. М., 1920.
- Чернышевский Н.Г.* Избр. философские соч.: В 3 т. М., 1950.
- Чуйкина С.А.* Реконструкция социальных практик // Социол.исслед. 2000. № 1.
- Яницкий О.Н.* Семейная хроника. 1852-2002. М., 2012.

Взаимосвязь социологического и экономического знания

- Абалкин Л.И.* Новый тип экономического мышления. М., 1987.
- Абрамова Е.М.* Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 1998.

- Бородкин Ф.М.* Взаимодействие социологических и экономических наук. Что впереди? // *Социол.исслед.* 2005. № 12. С. 113—115.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал: В 2 т. М., 2015.
- Бузгалин А.В.* Справедливость как предпосылка свободы и эффективности // *Альтернативы.* 2008. № 3.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущего экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире. М., 2003.
- Бусыгин, В.П., Голобородько Е.В., Цыплаков А.А.* Экономика — третий уровень. Новосибирск, 2003.
- Вебер М.* Хозяйство и общество. Глава II: Основные социологические категории хозяйствования // *Экономическая социология.* 2005. Т. 6. № 2.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Избранные произведения.* М., 1990.
- Вильховченко Э.Д.* «Люди знания» — новая рабочая сила позднекапиталистических обществ и ее место в цивилизационных процессах. М., 2010.
- Гринберг Р.С.* Экономическая социодинамика. Россия: правила и реальность» (2000; в соавт.). New York, 2005.
- Заславская Т. И., Рывкина Р. В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск, 1991.
- Кацва А.М.* Социально-трудовые конфликты в современной России: истоки, проблемы и особенности. М. — СПб., 2002.
- Коробейников М.А.* Социология экономическая // *Социол. энциклопедия.* Т. 2. М., 2003. С. 566—568.
- Лаваль К.* Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма: пер. с фр. М., 2010.
- Радаев В.В.* Экономическая социология. М., 2009.
- Робинсон Дж. В.* Экономическая теория несовершенной конкуренции. М., 1986.
- Смелзер Н.* Социология экономической жизни // *Американская социология.* М., 1972.
- Соколова Г.Н.* Экономическая социология. Минск, 2007.
- Шабанова М.А.* Социэкономика: от парадигмы к новой науке // *Общ. науки и современность,* 2006. № 1.
- Шумпетер Й.А.* История экономического анализа. Т. 1—3. М., 2004.
- Этциони А.* Социэкономика: дальнейшие шаги // *Экономическая социология: электронный журнал.* 2002. Т. 3. № 1. С. 65—71. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-1/26593397.html>.
- Caton H.* The Preindustrial Economics of Adam Smith // *Journal of Economic History.* 1985. № 45.

Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. № 3. Nov. P. 481—510.

Shumpeter J.O. The Economics and Sociology of Capitalism. Princeton. NJ: Princeton University Press, 1991.

Zafirovski M., Levin B.B. Economic sociology reformulated: the interface between economics and sociology // *American Journal of Economics and Sociology*. 1997. July. URL: http://www.findarticles.com/p/articles/mi_m0254/is_n3_v56/ai_20243378.

Социология жизни и политологическое знание

Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

Артамонов А.Д. Методологические основы государственного и муниципального управления в России. СПб., 2008.

Артемов Г.П. Политическая социология. М., 2002.

Ашин Г.К., Охотский В.В. Элитология. М., 2000.

Бойков В.Э. Народ и власть: Результаты социологического мониторинга: 1999-2005. М., 2006.

Бородай Т.Ю. Платон // Новая философская энциклопедия. Т.3. М., 2001.

Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

Бызов Л.Г. Контуры новорусской трансформации (Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы. М., 2013.

Виноградов В.Д., Головин Н.А. Политическая социология. СПб., 1997.

Волков Ю.Г. Малицкий В.С. Идеология и гуманизм. М., 2004.

Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.

Головин В.А. Эволюция политического института местного самоуправления в России. Волгоград. 2009.

Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004.

Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: Социологический анализ. М., 2000.

Данилов А.Н. Власть и общество. Поиск новой гармонии. Минск, 1998.

Дмитриев А.В. Конфликтология: учебник. М., 2000.

Ершов А.Н. Управление и самоуправление в процессе социальных преобразований. Казань, 2007.

Каримова А.Б. Социология международных отношений. М., 2014.

Кокошин А.А. Война и военное искусство: политологическое и социологическое измерение // Социол. исслед. 2015. № 3. С. 97—106.

- Кола Д.* Политическая социология. М., 2001.
- Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М., 2005.
- Латин Н.И.* Пути России. М., 2000.
- Левашов В.К.* Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М., 2010.
- Ледеев В.Г.* Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М., 2012.
- Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2001.
- Любимов А.П.* Политическое право и практика лоббизма. М., 2001.
- Макаренко В.П.* Русская власть и бюрократическое государство. Ростов н/Д, 2015.
- Макиавелли Н.* Государь. М., 1990.
- Микульский К.И. (ред.).* Российская элита: опыт социологического анализа. М., 1996.
- Новокрещенов А.В.* Становление местного самоуправления в постсоветской России. Новосибирск. 2009.
- Понеделков А. В., Черкасова Т. П.* Итоги реформы и перспективы развития местного самоуправления в России в поле зрения научного сообщества // Власть. 2013. № 8. С. 170—172.
- Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2001.
- Тощенко Ж.Т. (ред.)* Политическая социология. М., 2015.
- Тощенко Ж.Т.* Социология. М., 2012.
- Туманов С.В.* Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение: Опыт интегративного анализа. М., 2000.
- Федоров В.В.* Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М., 2010.
- Халитов В.Ф.* Энциклопедия власти. М., 2005.
- Чурпов В.И.* Молодежь в обществе риска / В.Ц. Чурпов, Ю.А. Зубок, К. Ульямс. М., 2001.
- Шереги Ф.* Социология политики: Прикладные исследования. М., 2003.
- Шестопал Е.Б.* Политическая социализация российских граждан в период трансформации. М., 2008.
- Шутов А.Д.* Постсоветское пространство. М., 1999.
- Щеглов И.А.* Политическая социализация: человек политический. М., 2009.
- Социологическое и правовое знание**
- Гилинский Я.И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база. СПб., 2009.
- Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб., 2007.

- Гревцов Ю.И.* Социология права: Курс лекций. СПб., 2001.
- Гречин А.С.* Социология правового сознания. учеб. пособие. М., 2001.
- Карташов В.Н.* Правовая культура: понятие, структура, функции. Ярославль, 2008.
- Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н.* Социология права. Ростов н/Д, 2002.
- Керимов Д.А.* Проблемы общей теории права. Т.1. Социология права. М., 2000.
- Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1999.
- Кистяковский Б.А.* Право как социальное явление // Социол. исслед. 1990. № 3.
- Крупеня Е.М.* Политико-правовая активность личности. М., 2009.
- Ксенофонт В.Н.* Социология права // Социол. энциклопедия. Т.2 М., 2003.
- Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995.
- Кульчар К.* Основы социологии права: пер. с венг. М., 1981.
- Лапаева В.В.* Социология права. М., 2008.
- Лапаева В.В.* Социология права как юридическая дисциплина? // Социол. исслед. 1999. № 7. С. 47-57.
- Лукашева Е. А. (ред.).* Права человека. М., 2011.
- Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2009.
- Масловская Е.В.* Социология права: классические и современные теории. Н. Новгород. 2008.
- Мейхью Л.* Социология права // Американская социология. М., 1975.
- Нерсесянц В.С. (ред.).* История политических и правовых учений. М., 1999.
- Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991.
- Подгорецкий А.* Очерк по социологии права. М., 1974.
- Сырых В.М.* Социология права. М., 2004.
- Тадевосян Э. В.* Социология права и ее место в системе наук о праве // Государство и право. 1998. № 1.
- Тощенко Ж.Т.* Парадоксы правового сознания // Парадоксальный человек. М., 2007.
- Усимова И.П.* Правовая социализация личности. М., 2008.
- Шереги Ф.Э.* Социология права: Прикладные исследования. М., 2002.
- Яковлев А.М.* Социология экономической преступности. М., 1988.
- Ehrlich, E.* Fundamental Principles of the Sociology of Law. Transaction Publishers. New Brunswick, 1913; 2001.

**Социологическое и социально-психологическое знание:
взаимодополнение**

- Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. СПб., 2001.
- Ананьев Б.Г.* Личность, субъект деятельности, индивидуальность. М., 2008.

- Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1997.
- Богомолова И. Н.* Социальная психология печати, радио, телевидения. М., 1991.
- Горбунова М. Ю.* Социальная психология. Краткий курс лекций для вузов. М., 2006.
- Гурко Т. А.* (отв. ред.) Актуальные проблемы родительства в России. М., 2013.
- Журавлев А. Л.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М., 2003.
- Журавлев А. Г.* Психология совместной деятельности», М., 2005.
- Журавлев А. Г.* Социальная психология: учеб. пособие. М., 2006 (в соавт.).
- Зинченко Ю. П.* Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода. М., 2003.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1997.
- Парыгин Б. Г.* Общественное настроение, М., 1966.
- Парыгин Б. Г.* Социальная психология. 2006.
- Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.
- Солодников В. В.* Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб., 2007.
- Тард Г.* Мнение и толпа // Психология толп. М., 1999.
- Ушаков Д. В.* Психология интеллекта и одаренности. М, 2011.
- Ушаков. Д. В.* Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М., 2011.
- Хальбвакс М.* Индивидуальное сознание и коллективный разум // Философские науки. 2015. № 9.
- Шепель В. М.* Управленческая психология. М., 1990.
- Шестопал Е. Б.* Политическая психология. М., 2012.
- Юревич А. В., Марцинковская Т. Д.* История психологии. М., 2008.
- Юревич А. В.* Методология и социология психологии. М. 2010.

Социология жизни и культурология: точки соприкосновения

- Адорно Т.* Избранное: Социология музыки. М., 2008.
- Акулич Е. М.* Музей как социальный институт // Социол. исслед. 2004. № 10.
- Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М., 2013.
- Белик А. А.* Культурология. Антропологические теории культур. М., 1999.
- Букина Т. В.* Между наукой и идеологией: институционализация социологии музыки в советской культуре конца 1960 — начала 1980-х гг. // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. Вып. 4. Чита, 2011.

- Бутенко И.А.* Читатели и чтение на исходе XX в.: социологические аспекты. М., 1997.
- Григорьев С.И.* Социологический аспект творчества В.Шукшина. Барнаул, 2014.
- Гудков Л.* Литература и общество: Введение в социологию литературы. // *П. Гудков, Б. Дубин, В. Страда.* М., 1998.
- Дуков Е.В.* Введение в социологию искусства / Е.В. Дуков [и др.]. СПб., 2001.
- Дымникова А.И.* Управление культурой в рыночной экономике. СПб., 2000.
- Жабский М.И.* Социология кино: истоки, предмет, перспективы. М., 1989.
- Запесоцкий А.С.* Культура: взгляд из России. СПб., 2014.
- Запесоцкий А.С.* Философия и социология культуры. СПб., 2011.
- Зверева Г.И.* (отв.ред.) Глобализация и локальная культура: Сб. науч. статей. М., 2002.
- Злобин Н.С., Туровский М.Б.* Культура. Личность. История // *Постижение культуры.* М., 1995.
- Иконникова С.Н.* История культурологических теорий. Идеи и судьбы. СПб., 2001.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
- Коган Л.Н.* Личность. Культура. Общество. Работы 1988-1997 гг. / под ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2009.
- Козиев В. Н., Петрунина Л. Я.* Динамика посещаемости художественных музеев // *Социол. исслед.* 2008. № 10.
- Козлова О.Н.* Социология духовной жизни. М., 2004.
- Коломиец В.П.* Медиасоциология: теория и практика. М., 2014.
- Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997.
- Кондаков И.В.* Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме. М., 2011.
- Лубышева Л.И.* Социология физической культуры и спорта. М., 2001.
- Мангейм К.* Избранное. Социология культуры. М.; СПб., 2000.
- Маршак А.Л.* Социология культурно-духовной сферы. М., 2007.
- Межуев В.М.* Культура и история. М., 1977.
- Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973.
- Сохор А.Н.* Вопросы социологии и эстетики музыки. Статьи и исследования. Л., 1981.
- Суций С.Я.* Художественное сообщество: тенденции постсоветского периода // *Социол. исслед.* 2015. № 12.
- Тощенко Ж.Т.* Кентавризм культуры // *Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа).* М., 2011.

- Уайт Л.* Избранное: Наука о культуре. М., 2004.
- Фохт-Бабушкин Ю.У.* Искусство в жизни людей: Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и современность. СПб., 2001.
- Хренов Н.А.* (ред.) Театр как социологический феномен. СПб, 2009.
- Цукерман В.С.* Музыка и слушатель. М., 1972.
- Шендрик А.И.* Социология культуры. М., 2006.
- Шульга Р.П.* Искусство и ценностные ориентации личности. Киев, 1989.

- Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этнос среднего класса. Нормативная модель и отечественные реалии. Тюмень, 2000.
- Вильковский М.* Социология архитектуры. М., 2010.
- Заборова Е.Н.* Город на грани веков. Екатеринбург, 2007.
- Мазур И.И.* Путь к экологической культуре. / *И.И. Мазур, О.Н. Козлова, С.Н. Глазачев* М., 2001.
- Маркович Д.* Социальная экология. М., 1997.
- Решетников А.В.* Социология медицины. М., 2013.
- Рой О.М.* Социальная экология: опыт системно-аналитических исследований. Омск, 1995.
- Соколов В.М.* Социология морали. М., 1986.
- Сосунова И.А.* Методология и методика социально-экологических исследований. М., 1999.
- Яницкий О.Н.* Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. М., 2007.
- Яницкий О.Н.* Экологическое мышление эпохи «великого передела». М., 2008.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В заключение мы сочли необходимым сосредоточиться на особом приеме — кратко высказать предложения о теоретических, методологических и методических основах изучения ключевого понятия социологии жизни — жизненного мира.

Что касается *теоретических основ*, то социология жизни исходит из того, что она строится в рамках конструктивистской парадигмы. Ее предназначение — обосновать возможность такой теории, которая была бы построена не как оппозиция другим социологическим теориям и концепциям, а как попытка найти общие, присущие практически всем теоретическим и особенно эмпирическим исследованиям характеристики, независимо от их исходных теоретико-методологических позиций. Концепция социология жизни, на наш взгляд, преодолевает ограничения теорий и концепций социологического реализма, в которых превалируют объективистские характеристики, а также социологического номинализма, в котором в значительной степени происходит абсолютизация субъективного фактора. Социология жизни претендует на всесторонний анализ, объяснение и трактовку как объективных условий, так и субъективных факторов, что позволяет добиться целостного представления об изучаемом объекте — будь то общество, отдельный процесс или явление. Одновременно социология жизни претендует на органическое воплощение единства данных о макро-, мезо- и микромире, а также на одновременный учет достижений таких основных течений в социологии, как структурно-функциональный, так и конфликтологический подходы.

Обратим внимание на то, что рассмотрение этой теории предполагает использование в несколько модифицированном виде принципа структурирования полученного и прогнозируемого знания (Пономарев Л.Я. Психология творчества. М.: Наука, 1976). Наряду с анализом сути и содержания социологии жизни рассмотрены этапы (эволюция идей) ее возникновения и становления, ступени развития, уровни и

функционирования социологического знания в рамках конструктивистской парадигмы.

Говоря о *методологической основе* социологии жизни, обратим внимание на то, что во всех существующих концепциях в той или иной мере используются такие характеристики, индикаторы и показатели анализа социальной реальности, которые при всех их различиях использовались, применялись и трактовались как обязательные или возможные общие приемы познания как общества в целом, так и отдельных его сфер, а также различных происходящих в нем процессов и явлений. Согласно этой концепции *методологической основой социологии жизни является жизненный мир*, что позволяет выделить из социальной реальности достаточно определенный, имеющий предметные ограничения срез социальной действительности, который логично предполагает и четкую методическую базу — его эмпирический анализ посредством описания и объяснения: а) состояния общественного сознания (в том числе и группового и индивидуального) во всех проявлениях его структурных компонентов — знания, мнений, потребностей, мотивов, ценностных ориентаций, установок, интересов и других составляющих его элементов; б) поведения (деятельности) во всей сложности и многообразии его составляющих — актов, поступков, действий; в) социальной среды в виде ее макро-, мезо- и микрообличья. Конечно, пропорции этих представленных характеристик отражены по-разному, но тем не менее они присутствуют в большинстве известных или разрабатываемых теоретических построениях и эмпирических разработках.

Можно, конечно, изучать жизненный мир и по отдельным компонентам — различные виды общественного сознания (например, экономическое, политическое, историческое и т.д.), разные формы поведения (например, трудовое, нравственное и т.д.). Его можно изучать и по уровням социально-экономической организации общества (регион, город, деревня). Жизненный мир может предстать перед нами в этнонациональном, конфессиональном (религиозном), региональном и даже в мировом обличье. Немалый интерес представляет анализ жизненного мира в плане профессиональном — жизненный мир рабочих, учителей, крестьян, инженеров, ученых и т.д., с возможностью еще более дробного рассмотрения отдельных групп внутри этих профессий. Можно также исследовать жизненный мир и по социально-демографическим показателям — по полу, по возрасту, по семейному положению.

Но особое значение для социологии жизни приобретает поиск и обоснование *методов познания жизненного мира*. Его можно изучать по-разному. Можно продолжить использование уже известных в социологии методов, когда применяется апробированный инструментарий: наряду со статистическими данными анализируются результаты опросов, интервью, наблюдений, фокус-групп и т.д. Однако для познания жизненного мира во всем богатстве его проявления требуются новые методы исследования. Поэтому наиболее полно задачам его изучения соответствуют (и должны использоваться) другие методологические и методические принципы, которые или реанимируют несколько забытые, но приобретающие принципиальное значение для достижения максимального эффекта и получения достоверных данных, или продиктованы новыми потребностями общественного развития и новыми возможностями развивающегося научного знания. Иначе говоря, социология жизни отличается от других социологических теорий не столько по предмету, сколько по методам исследования.

Прежде всего, на наш взгляд, при исследовании жизненного мира обязательно использование *методов монографического исследования*. История социологии знает попытки такого всестороннего анализа, когда все компоненты жизни людей — исторические, экономические, социальные, политические и культурные — рассматривались в рамках одной концепции, что позволяло создать впечатляющие произведения. Ранее упоминалась монография А.Н. Большакова «Деревня (1917—1927 гг.)», в которой нашли отражение история возникновения сел одной из волостей Тверской губернии, их экономическое состояние в разрезе более чем двухсот лет, социальные проблемы революционных и постреволюционных лет, перестройка отношения к образованию и культуре, описание деятельности Советов крестьянских депутатов, большевистских и комсомольских ячеек, красочный рассказ о повседневных заботах крестьян. В результате мы имеем уникальный портрет деревни 1920-х годов во всем ее многообразии, социальном положении, поисках, надеждах, оценках, разочарованиях и тревогах. Напомним, что к таким трудам можно отнести и известное в социологии произведение Ф.В. Знанецкого (1882—1958) и У.И. Томаса (1863—1947) «Польский крестьянин в Европе и Америке».

В отечественной науке известны индивидуальные и коллективные работы в серии «История фабрик и заводов», инициированной М. Горьким. Отметим, что во многих из них содержится всесторонний анализ интересных документальных данных досоветской и советской эпохи во всем многообразии функционирования не только производ-

ства, но и трудовой, общественной и повседневной жизни работников этих производств.

В этой связи стоит напомнить об исторической школе Анналов, основатели которой (Ф. Бродель (1902—1985) и др.) отвергли идеографический метод, метод констатации исторических событий и вышли на необходимость изучения всех граней общественной жизни, и прежде всего экономического и географического факторов.

Для исследования жизненного мира особо важное и возможно первостепенное значение приобретает применение *методов триангуляции*. Напомним, что триангуляция — это последовательность аналитических процедур, выполняемых в целях повышения обоснованности интерпретации полученных эмпирических данных. Если это применить к исследованию жизненного мира, то эти процедуры предусматривают выполнение следующих операций.

Во-первых, использование сравнительного анализа данных, полученных из разных источников, имеющихся в распоряжении различных наук. Жизненный мир нельзя познать без обращения к историческим данным. Обязательно использование статистической информации, которую предоставляют нам экономические науки. Все возрастающую роль играет и социальная психология, а также информация, исходящая от политической, правовой науки, культурологии. Только при таком комплексном подходе возможно получение цельной и всеобъемлющей информации о жизненном мире. Правда, возникает вопрос — а какой науке отнести такой анализ? Думается именно такой подход реализует требования междисциплинарности — этого выразителя мейнстрима в науке, который в данном случае обязан соблности социолог.

Во-вторых, метод триангуляции воплощается в том, что при исследовании жизненного мира максимально всесторонне используется имеющаяся в социологии информация (статистические данные, данные опросов и интервью, результаты наблюдения и др.), а также широкий набор инструментов для осуществления социологического исследования (обоснование выборки, методов сбора и анализа информации). При этом особое значение *приобретает привлечение и учет результатов, полученных другими исследовательскими коллективами* (в рамках общей проблемной области), что дает возможность сопоставлять данные и тем самым существенно повысить обоснованность интерпретации полученной информации.

В-третьих, триангуляция особо важна при сравнении различных региональных жизненных миров (в рамках отдельных стран, его ре-

гионов), которые обладают различными, а нередко и значительными социально-экономическими и социально-культурными региональными особенностями, что при проведении исследования с помощью одной и той же методики в разных областях страны может дать разный результат. Этот момент следует непременно учитывать, предлагая общую интерпретацию результатов исследования.

И наконец, триангуляция при исследовании жизненного мира предполагает сопоставление информации, полученной во временном разрезе с помощью тех же или сходных исследовательских методов, что позволяет укрепить надежность полученных результатов.

Таким образом, *метод триангуляции предполагает использование разных приемов при изучении одной и той же ситуации, объекта, процесса и(или) явления*. Многообразие используемого инструментария позволяет социологу предложить более объемную, словно стереоскопическую, интерпретацию и тем самым добиться ее большей обоснованности, валидности. Все это позволяет сделать вывод, что триангуляционные процедуры направлены на интеграцию информации из многих источников, собранных разными исследователями с помощью разных методов. Триангуляция, как правило, носит многоуровневый характер, что обеспечивает научную строгость и надежность выводов социолога, которые могут служить основой принимаемых управленческих решений по регулированию процессов, происходящих в жизненном мире.

Но методы, при помощи которых создаются научные труды при исследовании жизненного мира, в современных условиях требуют дальнейшего развития и обновления. Среди последних новаций следует отметить «*большие данные*» («*Big Data*»), которые представляют собой совокупность методов работы с огромными объемами структурированной или неструктурированной информации. Заметим, что введение термина «большие данные» связывают с Клиффордом Линчем, редактором журнала *Nature*, подготовившем в сентябре 2008 г. специальный номер журнала с темой «Как могут повлиять на будущее науки технологии, открывающие возможности работы с большими объемами данных?», в котором были собраны материалы о феномене взрывного роста объемов и многообразия обрабатываемых данных и технологических перспективах в парадигме вероятного скачка «от количества к качеству».

В целом «большие данные» — это серия подходов, инструментов и методов обработки больших объёмов и значительного многообразия информации для получения воспринимаемых человеком результатов,

эффективных в условиях непрерывного прироста, распределения по многочисленным проблемным узлам теории и социальной практики, сформировавшихся в конце 2000-х гг. и альтернативных традиционным системам управления баз данных и решений класса Business Intelligence. Иногда этот метод сводят к процедурам, характеризующим обработку данных, имеющих отношение только к бизнесу, маркетингу и рекламе. Но все больше и больше появляется примеров, характеризующих сбор данных из социальных сетей. И поэтому «большие данные» — это термин, не только описывающий большой объем информации. «Большие данные» — скорее философия, которая позволяет эти массивы данных правильно использовать. Нужно признать, что это принципиально новый метод, который при исследовании жизненного мира становится очень важным элементом и требует кропотливого и всестороннего первичного сбора данных и последующего обогащения информации. Он может проявиться в ознакомлении с самой общей (или доступной, например, статистической или исторической) информацией, затем дополниться данными, полученными в результате специального социологического исследования, как самостоятельного, так и в соавторстве с коллегами. Это могут быть косвенные сведения по тому или иному вопросу, в том числе представленные в несистематизированном виде. После этого наступает ключевой момент — анализ данных. Фиксировать, как утверждают эксперты, нужно абсолютно все. По их мнению, нужно использовать любые доступные источники: открытые, публичные, условно открытые, в том числе и продающиеся за деньги. *Всегда нужно думать о том, каких сведений не хватает для объективного представления о жизненном мире.* Причем, если вам кажется, что какие-то еще данные обогатят имеющуюся информацию, следует предпринять меры для их получения. Накопленных данных в современном мире много. Организаций, у которых содержатся полезные данные, достаточно. Но здесь исследователи встречаются с очень большими затруднениями, так как соединить воедино разнородные данные очень сложно. По крайней мере, в настоящее время анализируется только 0,5% накопленных цифровых данных, несмотря на то, что объективно существуют задачи, которые можно было бы решить с помощью аналитических решений класса Big Data.

Очевидно, что без них дальнейшее обогащение представлений о жизненном мире исследователи рискуют остаться на уже завоеванных рубежах, без дальнейшего продвижения вперед, так как жизненный мир настолько многообразен, сложен, специфичен, что имеет тысячи

оттенков смыслов, уловить которые требует новых методов их измерения, анализа и трактовки.

При обращении к методу «большие данные» следует учесть, что они предназначены для реализации важного этапа — использования данных: именно он определяет эффективность бизнеса, маркетинга и других сфер социально-экономической деятельности. Что касается данных о жизненном мире, это может (и должно) стать способом для принятия решений на различных уровнях социальной организации общества — от элементарной социальной группы (общности) до страны в целом.

Так как жизненный мир в значительной степени связан с поведенческими практиками (такими, как покупательские привычки, использование Интернета и др.), то доступ к ним возможен в режиме реального времени. Таким образом, многое из того, что раньше можно было получить с помощью исследований, сегодня можно узнать с помощью источников «больших данных». И все эти информационные активы генерируются постоянно, независимо от каких бы то ни было исследовательских процессов. Эти изменения и заставляют нас задаться вопросом: смогут ли «большие данные» заменить собой классические социологические исследования? На наш взгляд, по ряду многих сфер общественной жизни это становится реальным, хотя многие аспекты внутреннего мира людей вряд ли возможно зафиксировать при помощи «больших данных». Но несомненно одно: их использование — необходимый перспективный метод получения более надежной, достоверной информации, в данном случае о состоянии, тенденциях и проблемах развития жизненного мира.

**ПУТИ К ТАЙНАМ БЫТИЯ:
СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ**
(размышления над монографией Ж. Т. Тощенко «Социология жизни»)

С. А. ШАВЕЛЬ

**WAYS TO MYSTERIES OF BEING:
FORMATION OF SCIENTIFIC DIRECTION**
(meditations over the monograph by Zh. T. Toshchenko «Sociology of life»)

S. A. SHAVEL

Новая книга известного российского социолога, член-корреспондента РАН, главного редактора ведущего на нашем (и не только) пространстве журнала «Социс» Жана Терентьевича Тощенко, как и все предыдущие его работы (особенно ставшая знаменитой и широко цитируемой трилогия о парадоксальности, кентавризме и фантомности в современном обществе), полна неожиданностей. Уже само обращение автора к теме жизненного мира, смысла жизни, поступков, (жизне)деятельности человека никак не назовешь традиционным, привычным, избитым и т. п. И здесь есть очередной парадокс. С одной стороны, отечественная и мировая социологическая наука обращается к этой проблематике спорадически, фрагментарно, аспектно. Данная монография – фактически первая попытка представить в воображении и презентировать для других жизненный мир системно, во всех его измерениях, оттенках и возможных деформациях, открывая тем самым дорогу новому научно-исследовательскому направлению – социологии жизни. Но с другой стороны,

если спросить у социологов, связана ли их работа с реальной жизнью (тематика, публикации, диссертации), наверняка все, даже те, кто занят узкой проблемой, скажем исследованием цитирования, критикой зарубежных теорий или анализом исторических текстов и персоналий, безусловно, ответят положительно. И не только потому, что актуальность данной тематики уже давно вошла в общепризнанный критерий научности, как и новизна, валидность методик, репрезентативность выборки и пр. Скорее всего, мы согласно каузальной атрибутике склонны приписывать себе такую ориентацию, избегая при этом употребления сложного и загадочного слова «жизнь».

Жизнь человека и общества отображают все виды искусств, художественной литературы, фольклора, ее изучением занимаются многие науки: от антропологии, этнографии, психологии, генетики до истории и социальной философии. В этом ряду есть (должно быть) свое место и у социологии. Действительно, если социолог проводит исследование на предприятии, он изучает жизнь трудового коллектива; в университете –

жизнь студентов и профессорско-преподавательского состава, в аграрном секторе – жизнь крестьян, в театре – жизнь актеров и т. п. «Всюду жизнь» – гласил известный девиз художников-передвижников, отказавшихся писать картины на религиозные и мифологические сюжеты. Определение жизни с психологической точки зрения предложил немецкий психолог Х. Хекхаузен. Он писал: «Жизнь любого человека представляет собой непрерывный поток активности. Этот поток включает в себя не только разного рода действия или сообщения, но и переживания – проявления психической активности, такие как восприятия, мысли, чувства и представления; эта активность недоступна для внешнего наблюдения и не производит каких-либо непосредственных изменений во внешнем мире. Формы активности варьируются от образов – представлений, проходящих перед нашим внутренним взором в снах и грезах, до действий, произвольно осуществляемых нами по заранее намеченному плану» [1, с. 25]. Данное определение примечательно тем, что, во-первых, исключает тенденцию психологизма, столь характерную в понимании жизни с конца XIX в. до наших дней не только для многих писателей и художников, но и для таких направлений в психологии, как бихевиоризм, психоанализ (особенно попытки З. Фрейда создать так называемую метапсихологию), в социологии – символический интеракционизм, этнометодология, теории обмена, в философии – феноменология, экзистенциализм и др. Во-вторых, автор соединяет в жизненном потоке активности реальные действия (поступки) и коммуникативные акты с субъективными: переживаниями-восприятиями, мыслями, чувствами и представлениями. Такой синтез позволяет выделить жизненное пространство (мир) людей в их общественной деятельности. Аналогичный подход развивает в своей монографии и Ж. Т. Тощенко. При этом он не уклоняется и от двух самых острых в истории общественной мысли дискуссионных вопросов:

1) как реализуется единство объективного и субъективного в основной форме человеческой жизнедеятельности – в труде?;

2) как соотносятся общество и индивид?

В поиске ответа на первый вопрос целесообразно обратиться к учению К. Маркса. Рассматривая труд как исключительное достояние человека, т. е. вне инстинктивных форм активности животных, он писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, а пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей – архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально. Работник отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единственный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, во все время труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил» [2, с. 85]. Как видим, здесь нет упоминаний ни о классовом подходе, ни об эксплуатации и т. п. Это глубокое общенаучное положение, рассматривающее трудовую деятельность с прагматической точки зрения. Вместе с тем оно имеет и большое креативное значение, ибо ясно, что, например, реальный дом, его внешний вид и интерьер, комфорт и гарантийный срок зависят от того, какую модель и каким образом построил архитектор в своем воображении, т. е. в идеальном представлении. Понятно, что под объективным, по К. Марксу, имеется в виду объект природы, который обрабатывает человек, а под субъективным – все те представления, антиципации, модели, алгоритмы, которые рождаются в голове и используются в процессе труда. В реальной трудовой деятельности они представляют собой единство.

Что касается вопроса о соотношении человека и общества, то здесь заслуживают внимания разработки П. Бергера. Он категорически не согласен с противопоставлением человека и общества как двух сущностей. Доказывая ошибочность представлений «о толпах взнузданных и управляемых властями людей», он пишет: «И обыденное знание об обществе, и социологический анализ убеждают нас в том, что это не так. Большинству из нас ярмо общества не слишком трет шею. Почему? Разумеется, не потому, что власть общества меньше, чем мы отмечали в предыдущей главе. Почему тогда мы не страдаем от этой власти? Отчасти потому, что в большинстве случаев мы сами желаем того, что общество ожидает от нас. Мы *хотим* подчиняться правилам.

Мы *хотим* той доли, которую определяют нам (курсив наш. – С. Ш.). А это, в свою очередь, возможно не потому, что власть общества меньше, а потому, что она даже больше, чем мы до сих пор утверждали. Общество детерминирует не только то, что мы делаем, но также и то, что мы есть. Другими словами, социальное положение затрагивает и наше бытие, и наше поведение в обществе» [3, с. 162]. Действительно, общество создает нормы, т. е. правила поведения, вменяет их своим членам, требует их соблюдения. Но они не произвольны, не выдуманы кем-то, хотя кое-кто именно так воспринимает нормативную систему общества. На самом деле нормы объективно необходимы прежде всего для успешного выполнения дела, т. е. тех ролевых функций, которые выбраны самим человеком или поручены ему обществом. Эти функции-роли постоянно пересматриваются и обновляются: одни уходят, другие появляются и ассимилируются. Новые роли, например космонавтов, ракетчиков, атомщиков или программистов и т. д., требуют своих норм поведения и деятельности. Кем бы они не проектировались, любая норма есть обобщение и кристаллизация человеческого опыта. «Общество, – по словам А. Бергера, – может существовать благодаря тому факту, что в большинстве случаев определения наиболее важных ситуаций, даваемые разными людьми, по крайней мере приблизительно совпадают» [3, с. 162]. А это значит, что и нормативы самых разных ролей можно представить так, как они могли бы быть сформулированными их исполнителями, живыми носителями ролевых функций.

Э. Дюркгейм не случайно называл общество «досадным фактом». Он имел в виду, что общество создается, в отличие от природных объектов, деятельностью людей предшествующих и нынешних поколений, что и придает ему импульсивный, динамический характер, основанный на понимании варианта «человек в обществе». Но прав и П. Бергер, раскрывающий вариант «общество в человеке»: «Человек не может быть человеком без других людей, как нельзя обладать самоидентичностью без общества. Это не значит, конечно, что у индивида нет никаких врожденных, переданных ему с генами характеристик, которым суждено раскрыться независимо от конкретного социального окружения. Наши знания о человеческой биологии пока не дают нам сколь-нибудь ясной картины в этом вопросе. Однако даже без окончательного разрешения этих биологических аспектов можно сказать, что быть человеком – значит быть признаваемым в качестве человека, также как и быть хорошим или плохим человеком – значит считаться таковым» [3, с. 166–167]. Эта мысль не вызывает сомнений в антропологическом смысле, с точки зрения эволюции вида *Homo sapiens* и становления «родовой сущности» человека (К. Маркс). Но в реальной жизни очевиден парадокс: ни одно общество (государство) не хотело бы иметь среди своих граждан тех, кого можно отнести к «плохим» – при всей относительности такого определения, а они тем не менее повсеместно присутствуют. Можно, конечно, сказать, что это общество делает их такими. «Но гораздо чаще, – замечает П. Бергер, – нас подводит собственная социальная природа. Стены заточения (т. е. общество. – С. Ш.) уже существуют до нашего появления на сцене, и мы сами их подновляем, сами потворствуем нашему пленению» [3, с. 180]. Это некоторые из размышлений, можно сказать, индуцированных чтением данной монографии.

Говоря об авторе, хочется прежде всего подчеркнуть его позитивное, знаниевое, сопереживающее отношение к Беларуси. Жан Терентьевич Тощенко – яркий пример и образец как искренних и душевных человеческих контактов, так и укрепляющихся с каждым годом союзнических отношений между Россией и Беларусью. У нас его ценят и уважают как выдающегося профессионала-исследователя, его книги изучают, часто цитируют, многие идеи из его первых книг, таких как «Социальная инфраструктура», «Социальные резервы труда», «Социальное настроение», «Социальное проектирование» и др., стали своеобразным трамплином для молодых белорусских социологов и успешно продолжают разрабатываться ими. О личности автора хорошо сказал член-корреспондент НАН Беларуси, главный редактор журнала «Социология» А. Н. Данилов: «Удивительно цельная натура. Человек убежденный. Совесть социологического сообщества. Лидер не по должности, лидер не формальный. Голос его слышен без трибуны, высоких званий и титулов» [4, с. 36]. Здесь же он назван человеком, сделавшим себя сам, т. е. без блата, непотизма (кумовства), синекуры, аскрипции и иной поддержки. Это статус, который высоко оценивается общественным мнением во всем мире. Почти за два года до появления монографии «Социология жизни» А. Н. Данилов подчеркивал: «Сама жизнь и есть предмет его уже полувекового научного интереса» [4, с. 36].

По собственным наблюдениям, хотелось бы добавить, что негласно в наших кругах о Ж. Т. Тощенко судят как о наиболее информированном и креативном социологе. Что

касается информированности, то она как будто положена по должности. Человек, более 20 лет возглавляющий ведущий социологический журнал, публикации которого используют Международная социологическая ассоциация, СМИ и т. д., обязан читать, отбирать, часто редактировать поступающие материалы, и уже поэтому он в курсе всего нового. Есть, конечно, и талант в том, чтобы находить «золотые крупички», поддерживать, развивать новые рубрики, стимулировать молодых новаторов. О высокой информированности автора можно судить не только по огромному списку цитируемой и рекомендуемой литературы. Мы видим, что он хорошо знает и современную белорусскую социологию, использует и цитирует работы таких авторов, как Е. М. Бабосов, Л. А. Гуцаленко, А. Н. Данилов, Г. П. Давидюк, А. Н. Елсуков, Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко, С. А. Шавель, И. Л. Зеленкова.

Относительно креативности можно, пожалуй, согласиться с теми, кто считает, что это вопрос, сложный для измерения по шкалам «больше – меньше» или «хуже – лучше». Но по крайней мере, перечитывая работы Ж. Т. Тощенко, нельзя не убедиться в том, что той изобретательности, о которой так ярко и глубоко писал русский философ-эмигрант И. И. Лапшин, у него более чем достаточно. Возьмем ту же трилогию автора: никому ведь в голову не пришло, что современную действительность можно рассматривать под таким углом зрения, выявляя и раскрывая сущность деформации жизненного мира в таких паранормальных феноменах, как парадоксальность, кентавризм или фантомность. В литературе если что-то и было, то только случайные упоминания этих терминов, а Ж. Т. Тощенко создал методологию их анализа, теорию раскрытия их онтологии, а главное, практические подходы и рекомендации по их предотвращению или хотя бы смягчению деструктивного влияния на синергию жизненного мира, тех же фантомных типов личности и др. Поэтому креативность публикаций автора не вызывает сомнения. Даже одна из первых книг «Социальное планирование» – хотя ее проблематику безрассудно затоптали и развеяли еще во время «застоя» – содержит много новых полезных идей, к которым, возможно, еще придется вернуться.

«Тайна бытия» – эти слова вынесены в название данных размышлений не случайно. Еще древние мыслители так обозначали смыслы событий, поступков, жизни людей. Автор понимает смыслы как ключевую, качественную и сущностную характеристику жизненного мира. Сокращенный вариант шестой главы монографии опубликован в белорусском журнале «Социология» [5]. Прежде всего хотелось бы привлечь внимание читателей к тому, как продуман и эвристично структурирован материал работы. Здесь, безусловно, чувствуется большой опыт автора в написании ряда учебников. Вполне справедлива следующая ремарка: «Эта монография, на взгляд автора, представит интерес для исследователей, в том числе и начинающих, для развития теоретико-методологического и методического мышления, позволяя в эффективном ключе соединить теорию и реальную жизнь» [6, с. 10]. Время, действительно, убедительно показало, что предыдущие книги Ж. Т. Тощенко учат и творческому подходу, и умению соединять теорию с реальной жизнью. Например, в последнее время нам (думаю, и не только нам) при изучении влияния неэкономических факторов на экономическое развитие весьма полезной оказалась книга автора «Социальные резервы труда», изданная еще в 1989 г. Уверен, такая же судьба ожидает и монографию «Социология жизни».

Благодаря разумному построению и логичному, системному изложению автору удалось успешно справиться с огромным массивом анализируемого научного материала и решить поставленные им во введении три основные задачи. Особенно примечательно, что в первой задаче утверждается, что социология жизни «акцентирует внимание *не на критике* положений других концепций, а наоборот, на том, что, несмотря на различие в подходах, *объединяет* различные трактовки социологии...» (курсив наш. – С. Ш.) [6, с. 10]. Вторую задачу автор видит в том, что социология жизни «выполняет функцию арочной концепции, объединяющей многочисленные теоретические поиски и позволяющей наиболее адекватно отразить состояние, тенденции и турбулентность современного мира» [6, с. 10]. Третья задача – обоснование показателей при исследовании социальной реальности – имеет первостепенное значение для эмпирико-социологического анализа жизненных явлений. Приводя большие списки литературы (в том числе и зарубежной) по каждой из рассматриваемых тем, добросовестно перечисляя авторов, в чьих работах затрагивались те или иные аспекты проблемы, Ж. Т. Тощенко, однако, не навязывает своего понимания, а скорее, предлагает понять и, возможно, принять логику его аргументации. Такой путь к консенсусу, к сожалению, далеко не всегда соблюдается в науке, не говоря уже о публичных дискуссиях политиков, тем более по бытовым вопросам.

Можно предположить, что кому-то покажется избыточным включение в книгу раз-делов о парадигмах, структуре социологического знания или эволюции функций в современной социологии как якобы не относящихся прямо к социологии жизни. С полной уверенностью, опираясь и на личный опыт, и на классические образцы социологической науки, можем утверждать, что подобное мнение (сомнение) будет ошибочным. В чем ошибочность?

Во-первых, такой подход игнорирует или даже элиминирует роль методологии исследования. Поскольку автор не раскрывает понятие «методология», полагая, по-видимому, что читателю это известно из его предыдущих работ, мы хотели бы несколько слов сказать о нашем понимании данной категории и ее роли в социологическом исследовании. Обратим внимание на то, что родоначальник научной методологии Рене Декарт имел в виду под ней учение о методе (это сокращенное название широко вошло в учебную литературу), не совокупность исследовательских процедур, техники и методов (В. А. Ядов), а *опережающее обеспечение истины*. Поэтому М. Хайдеггер и писал, что декартовский *methodus* есть «название обеспечивающего, завоевательного подхода к сущему. От человека как субъекта зависит теперь (т. е. на основе методологии. – С. Ш.) принципиальное решение о том, что вообще может быть установлено в качестве сущего» [7, с. 199–200]. Следовательно, методология – не «украшение» текста, а важнейшая предпосылочная часть «опережающего обеспечения», включающая следующие основания:

- а) онтологическое – о природе изучаемой реальности («сущем», по М. Хайдеггеру);
- б) знаниевые – информация о существующих парадигмах, прецедентах, презумпциях, эпистемах и т. п.;
- в) культурно-исторические – детерминирующие факторы, каузальная атрибуция, контекст и др.;
- г) аксиологические – основополагающие ценности социума, ценностные ориентации исследователя и изучаемых категорий населения.

Сюда же входят принципы познания: «отнесение к ценности», «свобода от оценок», «изучение социальных фактов как вещей», т. е. объективно, без утрирования в духе Ж.-П. Сартра и др., а также понятийный аппарат, проблематизация объекта и концептуализация предмета исследования, интерпретация и операционализация понятий [8, с. 84–85]. Нетрудно понять, что без основательно проработанного методологического опережающего обеспечения любое исследование рискует оказаться в зоне голого эмпиризма. Нет сомнений в том, что именно понимание такой опасности побудило автора уделить достойное внимание методологической стороне исследования.

Во-вторых, это важно и для читателей, особенно для молодых социологов, ибо представляет широкий контекст, открывает новые горизонты. Тот, кто вслед за автором войдет в предметное поле социологии жизни, может воспользоваться не только содержащимися в работе данными, пригодными для компаративного анализа, но и богатым понятийным аппаратом, логикой мышления, опытом проблематизации, концептуализации и операционализации многих сложных терминов.

Ж. Т. Тощенко начинает свою монографию с анализа парадигм как методологических стратегий в социологии. Он дает краткую характеристику с обоснованием своего мнения некоторым поискам классификации парадигм в социологии: Дж. Ритцера, выделившего три парадигмы (социальных факторов, социального определения и социального поведения), С. А. Кравченко, выделившего пять парадигм (позитивистскую, интерпретативную, интегральную, рефлексивную и постмодернистскую), и др. Но большее внимание уделяет анализу «трех основных социологических парадигм»: социологического реализма (объект – общество), социологического номинализма (объект – человек) и социологического конструктивизма (объект – социальная жизнь во всей полноте и многообразии) [6, с. 15]. Изложение здесь краткое, ясное и, как всегда, с определенностью авторских выводов, позиции исследователя. Читателю это важно – как в плане структурирования историко-социологического материала, так и для методологического обоснования новых поисковых разработок. Как справедливо отмечает автор, конструктивистская парадигма – это новое слово в социологической методологии, она начала оформляться только в конце прошлого века. Но именно она позволяет выделить, конституировать «новую теоретическую концепцию – *социологии жизни*, органически воплощающую в себе реально функционирующее сочетание общества и человека» [6, с. 36].

Что касается давнего противоборства в методологической дихотомии «реализм – номинализм», которое к настоящему времени не только не сгладилось, но даже обострилось, то об этом хотелось бы высказать некоторые собственные соображения.

Прежде всего заметим, что столь длительная непримиримость реалистов и номиналистов поддерживается и стимулируется, с одной стороны, теоретической и практической экспансией разных течений либералистского толка (классических либералов, либертарианцев и др.), с другой – мощным противодействием возникшего в Англии «нового, аналитического реализма» консервативного толка (Р. Бхаскар, У. Аутвейт, М. Арчер и др.). Главный социологический вопрос – о соотношении общества и человека – доводится до крайности: реалистов обвиняют в вульгарном социологизме, номиналистов – в индивидуализме, атомизме, эгоизме. Известный американский психолог А. Г. Маслоу писал: «В последнее время я все больше склоняюсь к мысли о том, что атомистический способ мышления следует рассматривать как мягкую форму психопатологии или, по крайней мере, как одну из составляющих синдрома когнитивной незрелости» [9, с. 13–14]. Французский эволюционист П. Т. де Шарден пытался снять крайности, чтобы сохранить сам вопрос. Его мысли представляются интересными и сегодня. «Эгоизм (т. е. номинализм. – С. Ш.), индивидуальный или расовый, прав, когда вдохновляется образом индивида, который поднимается вверх в соответствии с принципами жизни, развивая до предела собственное, уникальное и непередаваемое содержание. Значит, он чувствует верно. Единственная ошибка, которая с самого начала уводит его с правильного пути, состоит в *смешивании индивидуальности и личности* (курсив наш. – С. Ш.). Стремясь как можно больше отделиться от других элементов, он индивидуализируется, но, индивидуализируясь, он падает опять и стремится увлечь мир назад, к множеству, к материи. В действительности он уменьшается и теряется. Чтобы быть полностью самими собой, нам надо идти в обратном направлении – в направлении конвергенции со всем остальным, к другому. Вершина нас самих, венец нашей оригинальности – не наша индивидуальность, а наша личность (социальные качества в индивиде. – С. Ш.), а эту последнюю мы можем найти в соответствии с эволюционной структурой мира лишь объединяясь между собой. Нет духа без синтеза. Все тот же самый закон, сверху донизу. Настоящее Его возрастает обратно пропорционально эгоизму. По образу Омеги, который его привлекает, элемент обретает личность, лишь универсализируясь» [10, с. 207–208].

Эти мысли, однако не были восприняты номиналистами: уже более очевидным кажется, что без людей не может быть и общества. Целесообразно также плодотворнее использовать в социологической методологии категорию эмерджентности (англ. *emergent* – внезапно являющийся). Имеется в виду ситуация, когда нечто латентное вдруг выходит наружу, становится значимым социальным явлением. Так, например, случилось в конце 1990-х гг. с гласностью, дачным бумом, частным предпринимательством, фермерством, челночным бизнесом и т. д. Все это хорошо укладывается в конструктивистскую парадигму.

Главы монографии, посвященные анализу социологического знания и эволюции функции в современной социологии, привлекают широтой охвата материала, в том числе включением многих зарубежных авторов, которые, возможно, не всем известны и доступны, точностью выводов, корректностью и справедливостью оценок. Возьмем, к примеру, отзыв автора о постмодернизме, который в Беларуси получил несколько неожиданную популяризацию: издано несколько энциклопедий с привлечением высококвалифицированных отечественных специалистов, публикуются переводы оригинальных текстов, статьи, выступления на конференциях; диссертаций, правда, пока нет. Ж. Т. Тощенко отмечает, что у постмодернизма «обмен мнениями (информацией) не ограничен никакими принципами и требованиями достоверности научного знания. В этих условиях происходит релятивизация научных понятий, нормой становится непонимание друг друга, утрачивается возможность получения нового знания. Постмодернистский дискурс порой означает не просто свободу обмена мнениями без догм и идеологических установок, а свободу от элементарной логики научного мышления» [6, с. 194]. Думается, это суждение вполне обоснованно, более того, оно позволяет понять, почему в реальной исследовательской работе социологов – не только отечественных, но и большинства стран мира, в том числе и западных – так мало используются разработки постмодернизма.

Вместе с тем по тематике данных глав имеется огромный перечень литературы, можно сказать, настольной для студентов и преподавателей. Тем не менее текст автора читается с большим интересом. Этому, безусловно, способствует то, что излагаемый им материал и вдохновлен, и озарен действительно важной идеей, ставшей лейтмотивом работы автора, а именно социологией жизни. Хотелось бы, конечно, чтобы, говоря о роли статистики, автор остановился на законе больших чисел, имеющем

и определенное методологическое значение; рассматривая теории стратификации, не прошел мимо репутационной теории У. Л. Уорнера, столь популярной в свое время на Западе, но практически невостребованной у нас (даже ради верификации). Говоря о четырех подсистемах (AGIL) Т. Парсонса и их дополнениях телекоммуникацией и образом жизни, можно было бы пояснить, зачем Т. Парсонс вводил фидуциарную подсистему (на наш взгляд, во избежание марксистского термина «социальная сфера»). Выражение «экономический редукционизм» не самое удачное, хотя бы потому, что с XIX в. это направление называют «экономическим детерминизмом» в лапласовском смысле слова, что тоже некорректно. Понятно, что такого рода пожелания носят не содержательный, а стилистический характер, их можно учесть, поскольку они, скорее всего, вызвали бы положительную реакцию читателей.

Большая часть монографии направлена на исследование жизненного мира как предмета социологии, в том числе его возможных деформаций, на анализ смыслов жизненного мира и смыслов жизни человека в основных сферах общества (экономике, политике, социальной и духовно-культурной жизни). На наш взгляд, проведенный Ж. Т. Тощенко анализ далеко не простой проблематики в полной мере соответствует известным критериям научности: актуальности, новизне, оригинальности подхода, глубине и самостоятельности мысли, теоретическому и практическому значению результатов, можно также добавить, смелости, панорамности видения, изобретательности, которую так высоко ценил И. И. Лапшин [11]. В емкой и содержательной главе «Эволюция идей социологии жизни» автор проводит векторную линию от зарождения философии жизни, первых идей человековедения через феноменологическую социологию и анализ повседневности к отечественным предшественникам социологии жизни. Характерно, что, высоко оценивая вклад феноменологов в обоснование человеческого измерения жизни, автор не абсолютизирует его, как это делают отдельные психологи. Он отмечает: «Почему люди вообще нередко не понимают друг друга? Феноменология не дает ответа на этот вопрос, она лишь констатирует, что существуют некоторые параметры, лингвистические и психологические, которые способствуют или препятствуют успешной коммуникации» [6, с. 50–51]. Это верно, но полезно будет сказать о психологизме Э. Гуссерля и о его знаменитой эпохе, т. е. воздержании от эмпирических суждений о мире, что препятствует познанию и пониманию людьми друг друга. Автор весьма положительно оценивает опыт советских монографических исследований, таких как «Деревня» (1928) А. М. Большакова о десятилетнем наблюдении жизни села в одной из волостей Тверской губернии, «Копанка: 25 лет спустя» (1965) под ред. Г. В. Осипова о жизни молдавского села в 1935 и 1960-х гг. и др., выражая сожаление, что подобных работ не так уж много [6, с. 56]. Действительно, во многих наших учебниках по социологии превозносятся монографические исследования супругов Линдов «Средний город» или «Янки-Сити» У. Л. Уорнера, но не более ранняя работа А. М. Большакова или «Копанка». Тут, как говорится, есть над чем задуматься. Конечно, провести многолетнее исследование в отдельном агрогородке или райцентре сегодня крайне сложно, но для социологии жизни это был бы богатейший материал.

Мы согласимся с автором и в том, что социальное планирование было «уникальным, специфическим явлением нашей жизни» [6, с. 56], к сожалению, погубленным в катаклизмах застоя и перестройки, а восстановить его было бы полезно. Хотелось привлечь внимание читателей к двум ремаркам автора. Первая касается разговора П. Лапласа с Наполеоном. Она интересна тем, что многими историками рассматривается как первый манифест о разделении науки и религии. Вторая относится к гносеологии. Мы привыкли, что познавать – значит подводить под понятие все то, что изучается. Однако автор считает: «Сначала формулируется не термин (понятие. – С. Ш.), а выявляются обстоятельства, его породившие, *так как каждая наука возникает как ответ на потребности познания естественно-природного и общественного развития*» (курсив наш. – С. Ш.) [6, с. 43]. С этим нельзя не согласиться, иначе пришлось бы признать, что понятия рождаются не из опыта, а априорны по происхождению.

В главе «Гражданское общество как объект социологии жизни» может вызвать сомнения утверждение автора об истории политических партий: «Так, если политические партии во Франции стали реальностью практически в эпоху Просвещения, то в Германии они получили права гражданства лишь во второй половине XIX в., как и в Италии, чему способствовало (как и в ряде других европейских стран) формирование самостоятельных национальных государств» [6, с. 78]. Сомнения из-за того, что, например, из истории жизни Данте Алигьери известно, что он вначале был одним из лидеров

пропаганды партии гвельфов (белых), был обвинен в злоупотреблении властью, изгнан из Флоренции, заочно приговорен к смерти, перешел на сторону гибеллинов (черных – противников светской власти папы). Следовательно, уже в то время во Флоренции действовали политические партии, которые боролись между собой и захватывали власть в этом городе-государстве¹.

Жизненный мир в определении автора «олицетворяет единство объективного и субъективного, воплощая синтез реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии, деятельности, действительного поведения людей, условий, в которых они реализуются» (курсив наш. – С. Ш.) [6, с. 96].

Исходя из предложенной дефиниции, автор последовательно и детально раскрывает трехкомпонентную структуру жизненного мира (сознание, поведение (деятельность), среда (условия)), формирует понятийный аппарат социологии жизни, проводит операционализацию понятий, выделяет индикаторы, доступные количественному измерению в ходе социологических исследований, наконец, опираясь на опыт, в основном собственный, демонстрирует возможность, целесообразность и эффективность данного подхода. То есть можно утверждать, что социология жизни сконструирована как самостоятельное направление современной социологической науки. И не грешно признать, что этот результат является заметным, важным достижением отечественной социологии и что решающий вклад в этот успех внес Жан Терентьевич Тощенко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. Минск, 2003.
2. Маркс К. Капитал : в 3 т. Т. 1. М., 1949.
3. Бергер П. Л., Оберемко О. А. Общество в человеке // Социол. журн. 1995. № 2. С. 162–180 [Berger P. L., Oberemko O. A. Obshchestvo v cheloveke. *Sotsiol. zhurn.* 1995. No. 2. P. 162–180 (in Russ.)].
4. Данилов А. Н. Штрихи к портрету социолога Ж. Т. Тощенко // Социология. 2014. № 4. С. 36–37 [Danilov A. N. Strokes to a portrait of the sociologist Zh. T. Toshchenko. *Sociologiya.* 2014. No. 4. P. 36–37 (in Russ.)].
5. Тощенко Ж. Т. Смыслы как ключевая, качественная и сущностная характеристика жизненного мира // Социология. 2016. № 3. С. 52–64 [Toshchenko Zh. T. Sense as a key, qualitative and essential characteristic of the life-world. *Sociologiya.* 2016. No. 3. P. 52–64 (in Russ.)].
6. Тощенко Ж. Т. Социология жизни : монография. М., 2016.
7. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии : переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревич. М., 1988.
8. Шавель С. А. Общественная миссия социологии. Минск, 2010.
9. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб., 2001.
10. Шарден де Т. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского, М., 1987.
11. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. Введение в историю философии : в 2 т. М., 1999.

Статья поступила в редколлегию 11.12.2016.
Received by editorial board 11.12.2016.

¹Подробнее об этом см.: Можейко М. А. Данте Алигьери // Новейший филос. слов. / сост. А. А. Грицанов. Минск, 2001. С. 286–288.